

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

**Научный журнал
2015 – № 1**

*Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год*

Ярославль
2015

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. – № 1. – 183 с.
2015, № 1. – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, первый проректор ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Заслуженный деятель науки РФ (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций Института гуманитарных наук МГПУ; **Жеф Вершурен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности МГПУ; **Е. И. Горошко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Национального исследовательского Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **О. С. Егорова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. А. Ермолин**, кандидат искусствоведения, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **В. И. Жельвис**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных литератур и языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Заслуженный деятель науки РФ; **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры методики преподавания филологических дисциплин в начальной школе ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета; **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Т. Г. Кучина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных литератур и языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института в г. Иркутске – филиала Московского государственного лингвистического университета; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций МУБиНТ (Ярославль); **Т. Н. Федуленикова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108

Тел.: (4852) 30–55–96 (научная часть), 72–64–05, 32–98–69 (издательство)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № ФС 77–62331 от 3 июля 2015 г.

© ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2015
© Авторы статей, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

Ахапкина Я. Э. Страдательное причастие прошедшего времени, образованное от двувидового глагола: поведение исключений _____	7
Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Нестандартные употребления фразеологизмов (факторы и предпосылки) _____	13
Бешенкова Е. В. Теоретические вопросы нормирования орфографии: вариативность и стратегия нормирования _____	18
Богданова-Бегларян Н. В. Агрессивный узус – или эволюция языковой нормы? _____	25
Геккина Е. Н. Точное время в измерении компаратива <i>НЕ ПОЗДНЕЕ</i> _____	31
Голубева-Монаткина Н. И., Шестакова Л. И. Об изучении русской эмигрантской речи с помощью корпусных методов _____	37
Кустова Г. И. Падежные рамки интерпретационных предикатов и механизмы компрессии _____	41
Нечаева И. В. Прописная vs строчная в современном письме: источники нестабильности написаний _____	48
Петрова З. Ю. Образное поле «Растения» в «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» _____	54
Фролова О. Е. Об употреблении слова <i>факт</i> в русской речи _____	60

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Алпатов В. М. Нормализация языка в Японии _____	64
Дементьев В. В. Речежанровая компетенция модельной языковой личности и представление речежанровой картины современности _____	70
Жельвис В. И. Адаптация сакрального текста как вариант пропедевтического подхода _____	81
Северская О. И. Их слова «в граните отливаются»: особенности современной политической риторики _____	91
Селезнева Л. В. Дискурсивная формация корпоративной организации _____	98
Шаховский В. И. Эмоциональный тьюнинг в речевом общении _____	104

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Гаврилова Л. А. Взаимосвязь мировидения и художественных принципов Ф. М. Достоевского _____	107
Колышева Е. Ю. Характер правки Е. С. Булгаковой в контексте установления основного текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» _____	112

Лученецкая-Бурдина И. Ю. Трактаг Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?»: поэтика социологического дискурса _____	118
Старшова А. П., Степанов В. Н. Трансформация персонажа в современной драматургии _____	124
Федотова А. А. Исторический документ в художественно-публицистических очерках Н. С. Лескова _____	131

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Густякова Д. Ю. Взаимодействие классики и массовой культуры в ракурсе современных оперных постановок _____	137
Ермолин Е. А. Публицистика Джона Фаулза _____	143
Злотникова Т. С. Трансформации социума и самореализация личности: альтернатива или альянс? _____	148
Карасик В. И. Декалог: культурологический комментарий _____	153
Летин В. А., Молчанова А. А. Интерпретация народного костюма в предметном мире поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» _____	161
Летина Н. Н., Киселева Н. В., Горева А. А. Визуальные коды смерти в творчестве польского художника Яцека Мальчевского _____	166
Хренов Н. А. Утопический комплекс русского искусства первой половины XX века: от авангарда к византийской традиции _____	171
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ _____	178
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ _____	182

*«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»*

К. Д. Ушинский

THE CONTENT

RUSSIAN LANGUAGE

Akhapkina Ya. E. The past passive participle derived from a perfective-imperfective verb: irregular pattern _____	7
Baranov A. N., Dobrovolsky D. O. Idioms in non-standard use (factors and prerequisites) _____	13
Beshenkova E. V. Theoretical problems of orthographic norm: variability and standardization strategies _____	18
Bogdanova-Beglaryan N. V. Aggressive colloquial usage or language norm evolution? _____	25
Gekkina E. N. Exact time measurement by adverb in the comparative degree “no later” _____	31
Golubeva-Monatkina N. I., Shestakova L. L. Corpus-based approach to Russian emigrant language study _____	37
Kustova G. I. Case frames of interpretation predicates and compression mechanisms _____	41
Nechaeva I. V. Capital vs small letter in modern writing: sources of instability in writing _____	48
Petrova Z. Y. Metaphorical field “Plants” in the “Materials for the dictionary of metaphors and similes of the XIX–XX-centuries Russian literature” _____	54
Frolova O. E. On the use of the word <i>fact</i> in the Russian language _____	60

THEORY OF LANGUAGE

Alpatov V. M. Normalization of the language in Japan _____	64
Dementyev V. V. Model linguistic personality, its competence within the speech genre paradigm and representation of modern view of speech genre _____	70
Zhelvis V. I. Adaptation of a sacred text as a version of propedeutic approach _____	81
Severskaya O. I. They are «cast in granite» (distinctive features of modern political rhetoric) _____	91
Selezneva L. V. The discursive formation of the corporate organization _____	98
Shakhovsky V. I. Emotional tuning in speech communication _____	104

LITERARY CRITICISM

Gavrilova L. A. The relationship of worldview and artistic principles of F. M. Dostoevsky _____	107
--	-----

Kolysheva E. Yu. Specifics of E. S. Bulgakova's editing in determining the basic text of M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita» _____	112
Luchenetskaya-Burdina I. Yu. Treatise by Leo Tolstoy "So what should we do?": poetics of sociological discourse _____	118
Starshova V. N., Stepanov A. P. The Transformation of a Character in Modern Dramas _____	124
Fedotova A. A. Historical document in Nicolay Leskov's publicistic texts _____	131

CULTURAL SCIENCE

Gustyakova D. Yu. Interaction of classical and mass culture in contemporary opera productions _____	137
Ermolin E. A. Reading John Fowles _____	143
Zlotnikova T. S. Transformations of society and self-realization of personality: alternative or alliance? _____	148
Karasik V. I. Decalogue: a cultural commentary _____	153
Letin V. A., Molchanova A. A. Folk costume interpretation in the objective world of the poem N. A. Nekrasov Who Is Happy in Russia by _____	161
Letina N. N., Kiseleva N. V., Goreva A. A. Visual codes of death in the works of the Polish artist Yazek Malchevski _____	166
Khrenov N. A. Utopian complex of the Russian art in the first half of the XX century: from avant-garde to Byzantine tradition _____	171
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS _____	178
CONDITIONS FOR THE PUBLISHING ARTICLE IN THE SCIENTIFIC MAGAZINE "VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN" AND REQUIREMENTS TO TYPOGRAPHY OF MANUSCRIPTS _____	183

РУССКИЙ ЯЗЫК

С 2007 года отдел культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН проводит Международные научные конференции «Культура русской речи» («Тротовские чтения»).
В разделе публикуется часть материалов IV конференции, которая состоялась 6–8 ноября 2014 года

УДК 811.161.1

Я. Э. Ахапкина

Страдательное причастие прошедшего времени, образованное от двувидового глагола: поведение исключений

Исследование осуществлено в рамках
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году

В статье рассматриваются причины, побуждающие авторов писать с двумя «н» причастие «крещенный» без зависимых слов – вопреки сложившейся рекомендательной норме. Анализируются прагматические, семантические, грамматические факторы, влияющие на удвоение суффиксального «н»: реализуемые словом в конкретном лексическом окружении значения результативности и элементов широкого комплекса обусловленности, интенсификация индивидуализирующего объекта признака при номинации, наличие причастий и частиц в ближайшем контексте, в пределах предложения.

Ключевые слова: орфография, семантика, грамматика, рекомендательная норма, страдательное причастие прошедшего времени, отглагольное прилагательное.

RUSSIAN LANGUAGE

Ya. E. Akhapkina

The past passive participle derived from a perfective-imperfective verb: irregular pattern

The article focuses on the reasons inducing authors to write the non-expanded (single) participle *kreshonnyj* with double N against the conventional recommended norm fixed in dictionaries and reference books. Pragmatic, semantic and syntactic factors which influence the doubling of the suffix N are analysed: there can be meanings of Result and Cause realized by a word in the specific lexical context; intensification of attribute during nomination; occurrence of participles and particles in the proximate context (within the limits of the sentence).

Keywords: orthography, semantics, grammar, recommended norm, past participle passive, verbal adjective.

Двувидовые глаголы *ранить*, *крестить* (иногда, согласно некоторым источникам, – и *контузить*) нормативно образуют атрибутивную форму как прилагательные, по модели глаголов несовершенного вида, с одним «н» [6, с. 51]: *ране-*

ный, *крещеный*, *контуженный* (если считать глагол «контузить» двувидовым, что в последнее время не распространено: при теоретической возможности высказываний вида *многих людей <обычно> контузит на войне* в узусе они крайне

редки; так, согласно [2], в Национальном корпусе русского языка встретился один пример очевидного употребления глагола «контузить» как реализации несовершенного вида: *И его начина-ет месить и швырять, лупить волнами, душить пеной, контузить литыми водяными зарядами, хлестать струями* (Алексей Иванов. Географ глобус пропил. 2002). Названная грамматическая (как следствие – и орфографическая) особенность делает указанные глаголы исключениями из общего правила, регулирующего образование атрибутов от биаспективов по модели глаголов совершенного вида, то есть как причастий с двумя «нн» [2, с. 54].

Формы *раненный, крещенный, контуженный* появляются либо в контекстах с зависимыми словами [2; 3; 6; 7; 8; 10], по общему для глаголов несовершенного вида правилу, либо в особых случаях. К таким случаям относят конструкцию «будучи раненным», отмечая, что здесь на трактовку атрибута как причастия, требующего удвоенного «нн», влияет семантика: значение временного признака, а не постоянного свойства [3, с. 90; 10, с. 60]. В пособии [7, с. 57] описана, кроме того, следующая рекомендация: «Если отглагольная форма выступает в функции одиночного обособления, то она является причастием, а следовательно, пишется с *нн*. Например: *Ра-ненные, сломленные, мы шли, и никто нас не обгонял* (Герцен); *Леопард, видимо раненный, уполз в кусты* – здесь слово *раненный* – обособленное определение, выраженное причастием, и поэтому пишется с *нн*».

В отличие от глагола «ранить», тяготеющего к употреблению в совершенном виде [1], глагол «крестить» – сбалансированный биаспектив: корпус дает 1098 употреблений в несовершенном виде и 1046 в совершенном, хотя заметен дисбаланс в области деепричастий: на 90 имперфективных употреблений «крестя» встретилось только 7 перфективов «крестив(ши)».

При этом Национальный корпус русского языка фиксирует 27 случаев изолированного употребления причастия «крещенный», образованного по модели совершенного вида, – без зависимых слов, но в оформлении с двумя «нн» – при 84 вхождении в ответ на запрос «полное страдательное причастие прошедшего времени от глагола «крестить»?». Таким образом, каждое четвертое употребление причастия с двумя «нн» (в перфективном осмыслении) оказывается изолированным, нераспространенным, не включающим, вопреки правилу, зависимые слова. Примеры датируются XVIII–XXI вв., в выборку

входят и тщательно подготовленные редакторами издания, и авторские написания, не подвергавшиеся корректуре. Соответственно, можно говорить о семантических и грамматических тенденциях, регулирующих выбор двух «нн» авторами и редакторами как до возникновения четких формулировок правила, так и после его широкого внедрения в современной формулировке. Сфера выбора *н-нн* в отглагольных прилагательных и причастиях – одна из самых зыбких, в истории русского правописания фиксируются самые разные подходы к этой орфографической области (см. подробнее [1; 2; 6]).

Рассмотрим семантические, прагматические, сочетаемостные и грамматические – морфологические и синтаксические – факторы, влияющие на ненормативное оформление нераспространенного причастия «крещенный» с двумя «нн». К ним можно отнести следующие (см. [1] – факторы влияния выделены в ходе анализа оформления изолированного причастия «раненный»): 1) синтаксическую однородность прототипическому причастию в контексте (ср. *раненные, сломленные* в примере из [7]) или, как минимум, контекстуальную близость к действительному или страдательному причастию, в том числе при подчинении или в составе бипропозитивной синтаксической структуры, на что указано в [4; 5]; 2) наличие в окружении атрибута сходных (в восприятии пишущего) с зависимыми словами (преимущественно, с наречиями) частиц (а иногда и союзов, в первую очередь *тоже, также, причем, притом* – омофоничных наречию и частице или предлогу и местоимению; возможно – вводных слов, ср. *леопард, видимо раненный, уполз* в примере из [7]), модифицирующих семантику атрибута; 3) актуализацию результативной и причинной (условной, уступительной) семантики, а также значения следствия (ср. *уполз, <потому что> раненный*); 4) установку на подчеркивание индивидуализирующего объект или субъект признака (и, соответственно, предпочтении причастия прилагательному, фиксирующему постоянное свойство, не позволяющее выделить предмет описания из ряда подобных).

1. Однородность атрибуту (допускающая разные реализации сочинения: соединительный, противительный, разделительный, сопоставительный, градационный, присоединительный), причем однородность атрибуту, нормативно оформленному с двумя «нн» (причастию, образованному от глагола совершенного вида, или даже отыменному прилагательному с омонимичным суффиксом «-енн»), провоцирует оформле-

ние слова «крещенный» по аналогии (в чем можно усмотреть графическое явление, по своей природе аналогичное фонетической регрессивной ассимиляции): *Как правило, мы имеем дело с крещенными, но не просвещенными людьми, а это очень опасное и соблазнительное состояние души, когда человек всей жизнью и пристрастиями находится в объятиях мира, но при этом считает себя православным христианином* (Архиепископ Иоанн (Попов). Миссионерское служение русской православной церкви и вызовы современного мира (2002) // «Церковный вестник», 2002.11.10).

Аналогично индуцирует глагольность причастия (соответственно, написание двух «нн») наличие коррелята активного (действительного) залога в ближайшем контексте, в частности при неоднородном соподчинении атрибутов одному определяемому: *Граф Рауль все чаще жаловался на боли в сердце, и хотя врач шалонского епископа, крещенный еврей, по его словам учившийся в знаменитой Салернской академии, запрещал графу есть жареное мясо, сало и жирных гусей, а особенно не злоупотреблять вином, тем не менее он съедал за столом по несколько кусков говядины и выпивал кувшин крепкого вина...* (А. П. Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции. 1960). Пример допускает как трактовку атрибутов в качестве определений одного порядка (слово *врач* может быть истолковано как определяемое и к приложению «крещенный еврей», и к согласованному определению «учившийся в академии»), так и трактовку соподчинения собственно определений «крещенный» и «учившийся»: *крещенный еврей и еврей, учившийся в академии*. Ср. при очевидном сочинении: *Таким образом для правильного и полного взимания поборов необходимо было привести в известность количество жителей в государстве, и для того учреждены, в 1702 году, метрические книги для записки крещенных, умерших и сочетавшихся браком* (Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск шестой: XVIII столетие. 1862–1875).

Само включение неличных глагольных форм в контекст заставляет активировать глагольный компонент семантики атрибута, независимо от характера синтаксических отношений внутри высказывания: *«Не велю, – отвечивал патриарх, – если увижу крещенного Владислава в Москве и ляхов, выходящих из России; велю, если не будет того, и разрешаю всех от данной королевичу присяги»* (Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 12. 1824–1826).

В последнем случае причастия являются определениями второго порядка к однородным дополнениям, «параллельными» структурами.

Удвоению «нн» может способствовать ритмический рисунок фразы, ориентирующий на синтагматический повтор «нн» (в этой связи можно говорить об эффекте прайминга – влиянии последующего контекста на уподобление аналогично оформленного атрибута): *«Помяни, Господи, князей и бояр и братии наших единоверных, во Христа избвиенных за святых Божий церкви и за Русских князей и за православную веру, за кровь христианскую, от Татар, от Литвы и от Немец, и от иноплеменик, и от своей братии, от крещенных, за Доном и на Москве, и на Берге, и на Белеве, и на Калках, и на озере Галицком, и в Ростове, и под Казанью, и под Рязанью, и под Тихой Сосною»* (Ф. И. Буслаев. Русские духовные стихи. 1861).

2. Частицы и даже союзы в окружении атрибута могут восприниматься по аналогии с зависимыми наречиями как модификаторы аспектуального значения, вызывающие появление двойного «нн»: *«Естественно» не потому, что так надо или, тем более, хорошо, а потому что со времени пещеры, а не хотите пещеры, пусть с садов Семирамиды в солнечном Вавилоне, с любого, в общем, времени, когда люди жили вместе, сходиться нашему брату с ихней сестрой – естественно, хотя я и крещенный, и в церковь хожу, и в Бога, как могу, верю, и знаю и искренне исповедую, что так не надо и не хорошо.* (Анатолий Найман. Любовный интерес. 1998–1999). В данном случае, согласно [7], важно и обособление атрибута.

Роль компонента, претендующего в интерпретации пишущего на статус распространителя причастия, может играть вставная конструкция: *Удалось, например, установить: дед нашего героя ... прошел всю войну с германцем, получил за отражение атак неприятеля под местечком Гросс-Кошля полковника, имел семь боевых орденов, жил на Фуритатской улице и – сгинул в 1917 году, оставив после себя единственного потомка – сына Михаила, 1910 года рождения и крещенного, как указывала «Выпись из метрической книги» в Петровском Воскресенском всех учебных заведений соборе, более известном петербуржцам как Смольный собор* (Дмитрий Каралис. Роман с героиней // «Звезда», 2001).

3. Подчеркнутая результативность («быть крещеным» – претерпеть крещение, результат действия сохраняет важность до момента речи) стимулирует перфектную семантику у причас-

тия, особенно ярко это проявляется в составе конструкции с глаголом «быть»: ...от крестных не требуется знание молитв, я думаю, все, что вам будет нужно, – это крестик, ну, хорошо бы, чтобы вы сами **были крещенными** ... могу сказать точно, что желательнее, чтобы крестик покупали крестные. **Крещенными** они **должны быть** обязательно (Наши дети: Малыши до года (форум). 2004); Среди них – люди сознательного выбора и те, кем движет «мода» (**быть крещенным**, носить крест, венчаться в церкви и т. д.) (Мариэтта Степанянц. Этноконфессиональные процессы в современной России: ислам (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.03.04).

В сочетании с именами в составе комплексных терминологических наименований причастие тяготеет к фразеологизации, перфектно осмысляемая версия закрепляется вне распространителей (правда, за пределами множества биаспективов наблюдается обратная тенденция: при терминологизации производные от глаголов совершенного вида атрибуты тяготеют к одному «н»): *Прощеное воскресенье, посаженный отец, названный брат*; но есть и сходный случай, появление «нн» в производном атрибуте от глагола несовершенного вида в составе фразеологизованного сочетания: *недреманное око*): *Для уяснения фольклорных и бытовых черт в стиле этого списка показательна уже хотя бы такая фраза: «И не ясен сокол напуцаетца на гуси и на лебеди, напуцает [ца] Еруслан Лазаревич на мурзы и на татары: прибил, и присек, и конем приотпал мурз и татар 170000, а черных людей и младенцов в девять лет в **крещенную веру** привел и кресть целовати [велел] за царя Картоуса... а свою им татарскую [веру] велел проклинать... а князя Данила Белого поймав, сослал в монастырь и велел пострици»* (Н. К. Гудзий. История древней русской литературы (XVI–XVII вв.). 1938); *Веками держали и приучали трудовые низы к тому, что государственное дело не их дело: дело «низких подданных» и «**крещенной собственности**» исправно и покорно нести свое тягло, а об их нуждах и нуждах государства своевременно озаботятся специальные о том радители и Богом данные заступники, царь-батюшка и поставленные от него начальники* (М. В. Вишняк. Два Пути (Февраль и Октябрь). 1931).

Перфектная (значимо результативная) семантика атрибута в сочетании с названиями этнических групп опирается на имплицитированное представление о совершении таинства в прошлом, смене статуса – реконструируется подразумеваемый аспектуально-темпоральный маркер (<уже> **крещенные**, <давно, до нас> **крещен-**

ные), в частности – в противопоставлении современности: *Казанское епархиальное начальство сообщает Синоду, что на днях состоялся съезд священнослужителей всех чувашских приходов Казанской епархии, на котором главным образом обсуждался вопрос о **современном состоянии** христианства среди **крещенных** чувашей* (Неизвестный. Петербург (по телефону). Христиане-язычники (1910.07.13) // «Русское слово», 1910); ...около Кузнецка мы встретили **крещенных татар**, в войлочных пальто, с трубочками в зубах и в картузах, которые еще более напрашивались на сближение с чухнами (Н. М. Ядринцев. Алтай и его инородческое царство. (Очерки путешествия по Алтаю) // «Исторический вестник», 1885); *А понеже ныне тайный советник Неплюев писал ко мне, что он тех самарских намерен перевести в Оренбург, а по мнению моему, лучше оных самарских перевести суда, а в Оренбург отселя **крещенных** калмык, хотя и более того числа набрать нетрудно; и тако как тамо, так и здесь калмыки с русскими будут помешаны скоряе могут языка и поступков обучиться* (В. Н. Татищев. Доклад Елизавете Петровне об оказании помощи юртовским татарам, о высылке денег и припасов для строительства городков по Волге и по другим вопросам. 1743).

Сходным образом стимулирует удвоение «нн» констатация статуса выкреста, сменившего веру (принципиальная для обвинений известного толка: здесь имплицитируется и семантика уступки с реконструируемым маркером «несмотря на»): *Вчера на малолюдном собрании союзников д-р Дубровин произнес речь о положении в стране и, между прочим, заявил, что у власти стоят **крещенные евреи** Гурьев и Гурлянд* (Неизвестный. В России. Телеграммы наших корреспондентов (1909.04.28) // «Русское слово», 1909); – *Ты лжешь!* Ср. при ином идеологическом противопоставлении истинной и ложной веры: *Ты просто боишься меня, **крещенная** уруска! – завопила, точно озверев, прорицательница и замахала перед моим носом смуглыми руками* (Л. А. Чарская. Вторая Нина. 1909).

Идея образования причастия по модели глагола совершенного вида с двумя «нн» (ср. нормативное поведение биаспективных атрибутов *казненный, рожденный* и под. и производных от бесприставочных перфективных глаголов *бросить-брошенный, купить-купленный* и под.) усугубляется прочтением производящей базы как реализации совершенного вида: *Его крестили = окрестили (что сделали?)*: *Третья рать под на-*

чалством Феодора царевича, **крещенного** племянника Алегамова, также громила Литву (Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 7. 1813–1820).

Особый случай – сохранение перфектной семантики у субстантивированного атрибута (подробнее о видовых характеристиках девербативов см. [9], включая обзор литературы вопроса): *Кто-то узнал об этом и сказал **крещенному**: «Ведь это ужасно!»* (Митрополит Антоний (Блум). «Я хочу поделиться с вами всем, что накопилось...». 1998–1999); *Епископ вызвал крестившего его священника и спросил **крещенного**: этот ли человек тебя крестил?* (Митрополит Антоний (Блум). Дом Божий. Три беседы о Церкви. 1990–1991). В новом романе В. Золотухи «Свечка» (2015) появляется слово «некрещенность»: герой не может войти в храм «по причине собственной **некрещенности**». Ср. единственный пример этого новообразования в НКРЯ с одним «н»: *Рука священника, решившего перекрестить меня на дороге, вдруг застывает: игумен, вспомнив о моей **некрещенности**, вопросительно смотрит на меня* (Юлия Кантор. Рядом с памятью. 80 лет назад Пушкинские Горы стали музеем-заповедником (2002) // «Известия», 2002.03.22).

4. Семантика причинности, следствия, условия, упоминавшейся выше уступки – элементов семантического комплекса обусловленности, – актуализируемая в контексте при пояснении специфичности признака (имплицуруется семантика «потому что крещенный», «так что (точно) крещенный», «если (даже) крещенный», «вопреки тому, что крещенный» и под.) также способствует перфективации атрибута, осмыслению его как причастия от глагола совершенного вида: *Как же ты можешь называться **крещеным**, если не носишь креста?* (Митрополит Гурий (Егоров). Проповеди, сказанные в кафедральном соборе г. Днепропетровска (1957–1958) (1957–1958) // «Альфа и Омега», 2001); *По мнению испанских историков Адольфо де Кастро и Амадора де лос Риос, ... письма эти являются подделкой кардинала Хуана Мартинеса Гихарро, или Силисео, который был архиепископом в Толедо с 1546 до 1557 года и цель которого состояла в том, чтобы доказать закоренелую преступность **крещенных** евреев и тем доказать необходимость изданного им ордонанса, на основании которого на известные церковные посты могли быть назначены только лица, способные доказать чистоту своего испанского происхождения (стало быть не происходящие от какой-нибудь еврейской семьи, некогда принявшей католичество)* (В. Л. Бурцев.

Протоколы сионских мудрецов – доказанный подлог. 1938).

Противопоставление статуса и нестатусного поведения основано на импликации идеи «не смотря на»: *Из обмена мнений выяснилось, что почти во всех приходах Казанской епархии **крещенные** чуваша все еще продолжают совершать старые языческие обряды, – приносят жертвы своим старым богам* (Неизвестный. Петербург (по телефону). Христиане-язычники (1910.07.13) // «Русское слово», 1910); *В числе вопросов, подлежащих рассмотрению осенней сессии заседаний Синода, между прочим намечен вопрос о необходимости созыва особого противомогометанского съезда для выработки лучших способов борьбы с наблюдающимся **отпадением крещенных татар в магометанство*** (Неизвестный. Вести (1908.08.29) // «Новая Русь», 1908); *Каждый вновь приходящий проделывал всю церемонию, от которой не увернулся даже и мой **крещенный** спутник – старшина деревни Тыхенхэ* (Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае (1867–1869 гг.). 1870); *Сегодня я узнал от Пизонского, что она поселилась в малой пещерке, в горе, в Корольковом верху, и много **крещенного** народа идет к ней и **крестится снова*** (Н. С. Лесков. Божедомы. 1868).

Собственно причинная семантика (имплицуированное *поскольку, так как*) также провоцирует перфективацию и удвоение «нн»: *Я рожден **крещеными** родителями, и, если бы не пропил мой серебряный крестик, он доньне болтался бы на моей груди* (Н. С. Гумилев. Черный Дик. 1907). Именно причинная семантика актуализируется и в специально выделенной справочниками [3; 10] обороте с деепричастием «будучи». Впрочем, единственный пример с оборотом «будучи крещен/нным» в НКРЯ по запросу ‘деепричастие настоящего времени от глагола «быть»’ в одном шаге от полного страдательного причастия прошедшего времени глагола «крестить» отягощен зависимыми словами: *Таким поэтом была Марина Цветаева, обладавшая, вероятно, в глазах Пастернака в момент написания им «Магдалины» еще и преимуществом, так сказать, органического отношения к евангельской тематике, **будучи крещенной при рождении в православную веру*** (И. А. Бродский. Примечание к комментарию. 1992).

Разумеется, нормативные написания «крещенный» в отсутствие зависимых слов преобладают. В НКРЯ насчитывается 531 документ, включающий случаи употребления нераспространенного (и даже, вопреки правилу, распространенного!) при-

лагательного «крешеный» с одним «н». В этих контекстах, конечно, легко обнаружить семантику перфектности (возможность подстановки «уже») и результативности, причинности, уступительности, интенсификацию признака при номинации. Среди них фиксируются конструкции, в которых слово «крешеный» однородно причастию или причастие включено в ближайший контекст. Однако рассмотренные контрпримеры говорят о том, что авторская или редакторская интенция в ряде случаев побеждает прескриптивную норму и фиксирует глагольную природу нераспространенного причастия «крешенный».

Библиографический список

1. Ахапкина, Я. Э. «Раненый» и «раненный»: семантика вида неличной формы глагола [Текст] / Я. Э. Ахапкина // Русский язык в школе. – 2014. – № 10. – С. 55–61.
2. Бешенкова, Е. В., Иванова, О. Е. Русское письмо в правилах с комментариями [Текст] / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. – М.: Азбуковник, 2011. – 360 с.
3. Валгина, Н. С., Светлышева, В. Н. Орфография и пунктуация [Текст]: справочник / Н. С. Валгина, В. Н. Светлышева. – М.: Высшая школа, 1993. – 336 с.
4. Горобец, Е. А. Двувидовые глаголы в современном русском языке: проблемы статуса и классификации [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / Е. А. Горобец. – Казань, 2008.
5. Горобец, Е. А. Биаспективы в современном русском языке: диагностические контексты с причастиями и деепричастиями [Текст]: словарь / Е. А. Горобец // Современная филология: теория и практика: материалы XIV Международной научно-практической конференции. – М.: Спецкнига, 2013. – С. 97–104.
6. Еськова, Н. А. Написание nn-n в полных формах страдательных причастий и соотносительных с ними прилагательных [Текст] / Н. А. Еськова // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; под ред. В. В. Лопатина. – М.: Азбуковник, 2009. – С. 48–56.
7. Кайдалова, А. И., Калинина, И. К. Современная русская орфография [Текст]: Учебное пособие для вузов по специальности «Журналистика». – 4-е изд., испр., доп. / А. И. Кайдалова, И. К. Калинина. – М.: Высшая школа, 1983. – 240 с.
8. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник [Электронный ресурс] / Под ред. В. В. Лопатина. – М.: Эксмо, 2007. – Режим доступа:

<http://orthographia.ru/orfografia.php?sid=52>. – (Дата обращения: 21.06.2014).

9. Пчелинцева, Е. Э. Аспектуальность в структуре отглагольных имен действия в русском языке [Текст]: дис... канд. филол. наук / Е. Э. Пчелинцева. – Черкассы, 1998.

10. Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Под ред. И. Б. Голуб. – 3-е изд., испр. [Текст] / Д. Э. Розенталь. – М.: Рольф, 2001. – 368 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Akhapkina, Ya. E. «Ranenny» i «ranenny»: semantika vida nelichnoy formy glagola [Tekst] / Ya. E. Akhapkina // Russkiy yazyk v shkole. – 2014. – № 10. – S. 55–61.
2. Beshenkova, E. V., Ivanova, O. E. Russkoe pis'mo v pravilakh s kommentariyami [Tekst] / E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. – M.: Azbukovnik, 2011. – 360 s.
3. Valgina, N. S., Svetlysheva, V. N. Orfografiya i punktuatsiya [Tekst]: Spravochnik / N. S. Valgina, V. N. Svetlysheva. – M.: Vysshaya shkola, 1993. – 336 s.
4. Gorobets, E. A. Dvuidovye glagoly v sovremennom russkom yazyke: problemy statusa i klassifikatsii [Tekst]: Diss. ... kand. filol. nauk / E. A. Gorobets. – Kazan', 2008.
5. Gorobets, E. A. Slovar' «Biaspektivy v sovremennom russkom yazyke»: diagnosticheskie konteksty s prichastiyami i deeprichastiyami [Tekst] / E. A. Gorobets // Sovremennaya filologiya: teoriya i praktika: materialy XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – M.: Spetskniga, 2013. – S. 97–104.
6. Es'kova, N. A. Napisanie nn-n v polnykh formakh stradatel'nykh prichastiy i sootnositel'nykh s nimi prilagatel'nykh [Tekst] / N. A. Es'kova // Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoy orfografii: teoriya i praktika / Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova / Pod red. V. V. Lopatina. – M.: Azbukovnik, 2009. – S. 48–56.
7. Kaydalova, A. I., Kalinina, I. K. Sovremennaya russkaya orfografiya [Tekst]: Uchebnoe posobie dlya vuzov po spetsial'nosti «Zhurnalistika». – 4-e izd., ispr. i dop. / A. I. Kaydalova, I. K. Kalinina. – M.: Vysshaya shkola, 1983. – 240 s.
8. Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskyy spravochnik [Elektronnyy resurs] / Pod red. V. V. Lopatina. – M.: Eksmo, 2007. – Rezhim dostupa: <http://orthographia.ru/orfografia.php?sid=52>. – (Data obrashcheniya: 21.06.2014).
9. Pchelintseva, E. E. Aspektual'nost' v strukture otglagol'nykh imen deystviya v russkom yazyke [Tekst]: Dis... kand. filol. nauk / E. E. Pchelintseva. – Cherkassy, 1998.
10. Rozental', D. E. Spravochnik po pravopisaniiyu i literaturnoy pravke / Pod red. I. B. Golub. – 3-e izd., ispr. [Tekst] / D. E. Rozental'. – M.: Rol'f, 2001. – 368 s.

А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский

Нестандартные употребления фразеологизмов (факторы и предпосылки)

В статье рассматриваются факторы, способствующие нестандартным употреблениям идиом. К ним относятся следующие предпосылки: наличие у идиомы внутренней формы, мотивирующей актуальное значение; наличие игровой семантики во внутренней форме идиомы; детализированность образа, лежащего в основе внутренней формы; наличие легко нарушаемого семантического ограничения в актуальном значении идиомы. Эти предпосылки являются не правилами, а скорее отражают тенденции, условия, характеризующие потенциал семантического развития фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеология, идиома, употребление, образность, внутренняя форма, материализация метафоры.

A. N. Baranov, D. O. Dobrovolsky

Idioms in non-standard use (factors and prerequisites)

The article discusses factors contributing to the non-standard use of idioms. We distinguish the following prerequisites. First, the idiom has to be clearly motivated, i.e. its inner form has to correlate with its actual meaning. Second, the inner form of a given idiom has to contain a kind of word-play. Third, the imagery of the idiom should be detailed. Fourth, the actual meaning of a given idiom has to show clear combinatorial constraints. These prerequisites may not be considered strict rules. They rather reflect certain tendencies and preconditions of the potential semantic development of idioms.

Keywords: phraseology, idiom, use, imagery, inner form, materialization of metaphor.

1. Нестандартные употребления идиом во фразеологии

Великий русский лингвист Л. В. Щерба указывал на значимость для лингвистической теории отрицательного языкового материала [2]. Действительно, чтобы выявить правило, нужно иметь информацию о случаях, когда это правило нарушается. Фразеология в этом отношении уникальна, потому что характеризуется значительным количеством нестандартных употреблений из-за промежуточного положения фразеологизмов между грамматикой и словарем: словосочетания должны строиться по грамматическим правилам, но значение фразеологизмов соответствует единицам лексикона – словам. По нашим данным, на нестандартные употребления идиом приходится порядка трех процентов от общего количества примеров их использования – в «Базе данных по современной идиоматике», включающей порядка 50000 контекстов, зафиксировано около 1500 примеров использования идиом, отличающихся от стандарта (ср.: [1, с. 133]).

Интересно, что в отличие от нестандартных употреблений обычных слов наблюдаемые отклонения от стандартов употребления фразеологизмов, как правило, не воспринимаются как ошибочные. Чаще возникает эффект языковой игры. Так в примере из И. Бродского: И жизнь бушует с двух сторон стены, / лишенная лица и черт гранита. / Глядит вперед, поскольку нет спины... / Хотя теней – в кустах **битком набито** (Einem alten Architekten in Rom) идиома битком набитый использована по отношению к бесплотным сущностям – теням, а в качестве вместилища фигурируют кусты. В норме данная идиома используется только по отношению к чему-то материальному, полностью заполняющему некое вместилище: ср. Я плавал этим теплоходом. / Он переполнен, даже трюм / **Битком набит** курортным сбродом (С. Гандлевский. Светало поздно. Одеяло...).

Преобразования, порождающие нестандартные употребления, могут относиться как к форме, так и к содержанию идиом. Кроме того, отклонения от нормы в ряде случаев инициируются контекстом. Приведем для иллюстрации несколько типичных случаев, в которых реализуются разные виды нестандартных употреблений. Часто встречается нестандартная замена компонента идиомы. Так, в идиоме башня из

слоновой кости слово башня заменено на квази-антонимичную лексему подвал, что приводит к эффекту языковой игры: Преувеличенное представление о собственной роли – общая душевная болезнь. Новая богема, обитавшая в подвалах из слоновой кости, крутые рок-музыканты, «поколение оттепели», до последнего хранившее просветительские иллюзии, директора заводов и колхозов, демократы-депутаты и руководители компартии – этим же все одержимы! (Корпус Публ.). Действительно, «свержение» обитателей башни в «подвал» не придает их интеллектуальной деятельности возвышенных характеристик – скорее, наоборот. К этому же типу относится пример из В. Высоцкого: А кроме этих подневольных нот / Еще бывают ноты паразиты. / Кто их сыграет, кто их пропоет? / Но с нами бог, а с ними композитор (В. Высоцкий. Ноты). В последнем случае заменены оба компонента идиомы. Такая замена возможна только на фоне нормативного употребления.

Нередко носители языка обращают внимание на форму или значение используемых ими идиом. Это может иметь форму комментария, пояснения, ссылки на узус, источник и т. п. Такие употребления называются метатекстовыми. К их числу относится, в частности, пример из Вен. Ерофеева: Ну, если на то пошло, я его не пишу, а, выражаясь профессионально, кое-как моделирую спиральную композицию поэмы – на кого, что называется, тот же Бог пошлет, на того и моделирую. А уж что смоделируется... об этом пока молчок (Вен. Ерофеев. Москва – Петушки). Вводный оборот что называется и указательное местоимение с частицей тот же обращают внимание читателя на выбранную форму выражения смысла. В следующем примере обсуждается источник возникновения идиомы столыпинский галстук: Столыпинская программа «умиротворения страны», опубликованная 24 августа 1906 года, состояла из двух частей: репрессивной и реформаторской. Правительство провозгласило, что «не колеблясь противопоставит насилию силу». В местностях, объявленных на чрезвычайном положении, вводились военно-полевые суды, благодаря «скорорешительности» которых за виселицей вскоре утвердилось наименование «столыпинского галстука» (Итоги).

Еще один распространенный случай нестандартного употребления идиоматики – материализация метафоры, лежащей в основе актуального значения идиомы. Имеются в виду те случаи, когда в контексте обращается внимание адресата не только на актуальное значение, но и

на внутреннюю форму, образ, фиксированный во фразеологизме: Власть молчит, в полном соответствии с замыслом. Все гадают, благо гуща обильна (Д. Быков. Спертый воздух). В данном случае идиома гадать на кофейной гуще употреблена таким образом, что порождаются два смысловых плана. С одной стороны, реализуется актуальное значение: ‘недостовверное и необоснованное предположение в условиях недостатка информации, то есть попытка установить неизвестное по неопределенному’. А с другой – словосочетание гуща обильна отсылает к исходной ситуации гадания на кофейной гуще (Ср. известную практику гадалок узнавать неизвестное по случайным очертаниям остатков выпитого кофе). Близкий эффект возникает в контекстах, в которых эксплицируется следствие из метафоры, фиксированной в идиоме: Небо какое-то, Сема, такое, / словно бы в сердце зашили иглу, / как алкашу зашивают торпеду, / чтобы всегда она мучила нас, / чтоб в мешанине родимого бреда / видел гармонию глаз-ватерпас, / чтобы от этого бедного света / злился, слезился бы глаз наш алмаз!.. (Т. Кибиров. Художнику Семену Файбисовичу). Идиома глаз-алмаз указывает на ‘способность человека замечать даже незначительные визуальные различия в окружающем и пользоваться этим в практической деятельности’. Однако «слезиться» может только настоящий глаз. Тем самым, в приведенном примере актуализируется и второй смысловой план: «глаз» оказывается не только символом точности, но и органом зрения. Актуализация второго плана подчеркивается также притяжательным местоимением наш.

В ряде случаев игровой эффект порождается в результате сочетания различных – часто нетривиальных – факторов употребления. Так, изменение значения идиомы может сопровождаться намеком: Ленин мертв всерьез и надолго. Пусть до утра здесь возлежит. У меня ключей нет от морга (Юз Алешковский. Синенький скромный платочек). С одной стороны, смерть не бывает временной и «несерьезной». С другой стороны, идиома всерьез и надолго связывается в сознании носителя русского языка, знакомого с советским политическим дискурсом, со словами В. Ульянова (Ленина) о новой экономической политике: «Эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда» (В. Ленин. О внутренней и внешней политике республики). Игровой эффект возникает в данном случае не только из-за

модификации семантики идиомы, но и из-за отнесенности данного выражения к Ленину.

2. Факторы нестандартного употребления фразеологизмов

Казалось бы, возможность нестандартных употреблений не зависит от формы и семантики идиомы. Однако часто близкие по актуальному значению идиомы обнаруживают значительный разброс относительно нестандартных употреблений. Так, в группе идиом с семантикой «скорого наступления события» *без пяти минут, на носу, с минуты на минуту, со дня на день* лишь идиома *без пяти минут* характеризуется многочисленными нестандартными употреблениями, в то время как для других членов этого ряда нестандартных употреблений не обнаруживается. Для идиомы *без пяти минут* в нашей базе данных фиксируются четырнадцать употреблений, отклоняющихся от стандарта. Ср., например: *ты без пяти минут труп; без пяти минут рецидивист; без пяти минут старуха*.

Аналогично в идиомах с семантикой обмана *вешать лапшу на уши, сказка про белого бычка и художественный свист* игровые употребления в нашем материале демонстрирует только форма *вешать лапшу на уши* (8 игровых контекстов): *стараясь навесить нам на уши как можно больше лапши; чем больше «лапши», тем менее предсказуемы и ясны итоги голосования; вешал на уши злую лапшу; покачала лапшой на ухах*.

Интересно выявить те факторы (предпосылки) в семантике идиом, которые провоцируют нестандартные употребления.

Первая предпосылка нестандартного употребления – наличие у идиомы внутренней формы, мотивирующей актуальное значение. Под внутренней формой обычно понимают осознаваемую носителем языка образную мотивацию значения языкового выражения его составляющими – словами или морфемами. Хорошо ощущаемая внутренняя форма способствует переосмыслению семантики идиомы и созданию альтернативного смыслового плана – так называемого «буквального» понимания. Такие случаи называются **материализацией метафоры**, то есть совмещением в одном контексте употребления актуального значения идиомы и буквального значения ее компонентов. Так, часть нестандартных употреблений уже упоминавшейся идиомы *без пяти минут* связана с материализацией метафоры:

Пример 1. – Где ты шлялся столько времени? – «Шлялся»?! – передразнил ее д'Артаньян. – Между прочим, Мазарини мне се-

годня намекнул, что я уже *без пяти минут* капитан! – *Без пяти минут?* – обрадовалась Мадлен, засекая время по часам с кукушкой (О. Вовк. Четыре мушкетера, или Мочалкой по черепу).

Пример 2. Другой академик, Лысенко, почти подчинил природу своему щучьему велению, и она уже твердо обещала ему адекватно реагировать на все манипуляции кнута и пряника. Третий академик, всемирно известная женщина Лепешинская, *без пяти минут* как победила старость и *без десяти* – самое смерть (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Пример 3. На десятом повороте к нему пристроился вызванный по его приказу генерал Афиомский, пошел рядом. Молчали. На пятнадцатом повороте возник найденный по приказу *без пяти минут* адмирал (или *без четверти*?) Вертиго, пристроился, подвывая где-то на суше порванный галстук (В. Аксенов. Вольтерьянцы и вольтерьянки).

Пример 4. Потом приехала из Питера третья тетка. Питерская тетка заявила, что она *без пяти минут* большевичка. – А когда ты будешь ровно большевичка? – спросил Оська, живо вскинув голову к стенным часам. Но прошли часы, недели, месяцы, а тетка не делалась большевичкой (Л. Кассиль. Кондуит и Швамбрания).

В приведенных примерах в контексте присутствуют элементы, которые указывают на актуализацию семантики внутренней формы. Так, в **примере 1** участник беседы в ответ на использование идиомы *без пяти минут* «засекает время по часам с кукушкой», тем самым обращая внимание на прямое значение – временной отрезок в пять минут. В **примере 2** сопоставление идиомы *без пяти минут* с фразой *без десяти (минут)* фокусирует внимание на чисто временном аспекте сказанного (аналогичный эффект обнаруживается и в **примерах 3 и 4**).

Вторая предпосылка нестандартного употребления – наличие игровой семантики во внутренней форме. Некоторые идиомы содержат во внутренней форме какие-то маркеры игрового употребления. Очень часто для таких идиом в словарях используется помета *ирон.* («ироничное»). Так, в идиоме *чесать репу* игровое осмысление заложено в образе:

чесать репу = 'Напряженно думать, решая некоторую проблему и испытывая в связи с этим затруднения, что описывается как внешнее проявление типичного действия думающего человека в виде жеста-поскребывания кончиками пальцев своей головы (как бы приводящего мысли в движение), парадоксально осмысляемой как

овощ, похожий на голову по форме, но совершенно не способный к мышлению.’

Действительно, голова во внутренней форме поставляет с репой – что уже само по себе вызывает смеховой эффект. Дополнительно поскребывание репы пальцами усиливает игровое осмысление. Таким образом, в любом употреблении данной идиомы есть эффект языковой игры. Аналогичный эффект возникает в идиоме *под белы руки*:

под белы руки [взять/подхватить... (кого-л.)] = ‘(В ситуации привлечения кого-л. к ответственности за противоправные действия или недопустимое поведение) насильственно лишить кого-л. свободы передвижения, чаще всего силами нескольких уполномоченных лиц, с целью перемещения в специальное место, выход из которого затруднен, что осмысляется с помощью стандартного фольклорного оборота, используемого для описания почтительного обращения с положительными персонажами’.

Сопоставление актуального значения и внутренней формы и в данном случае показывает стилистическое несоответствие между фольклорным образом, относящимся к уважаемым людям, и содержанием описываемой ситуации: задержанием человека, совершившего что-то предосудительное:

Пример 5. – Клен ты мой опавший, кто ж для себя просит, для себя нынче никто не просит... Нынче только плюнь – набегут проверяльщики, *подхватят под белы рученьки*, – туда ли плюнул, да где слюну брал, да на каком таком основании, – а мы что, мы ничего, чистенькие... (Т. Толстая. Сомнамбула в тумане).

Пример 6. А у нас, знаешь, что произошло на нашем Центральном? Сенсация. И рассказал облетевшую Москву историю про завкадрами Московского телевидения, который, то ли спяну, то ли спятив, на каком-то собрании во всеуслышание заявил, что хватит, мол, врать, давайте народу иногда и правду-матку преподносить. Ничего себе кадровик? Ну, его сейчас же *под белы рученьки* и в дурдом... Видимо, и впрямь тронулся голубчик (В. Некрасов. Маленькая печальная повесть).

Третья предпосылка нестандартного употребления – детализированность образа. Сравнение идиом с близкой семантикой показывает, что потенциал нестандартного осмысления у них часто оказывается различным. Так, приводившийся выше ряд квазисинонимов *вешать лапшу на уши*, *сказка про белого бычка* и *художественный свист* неоднороден в отношении нестандартных употреблений. Форма *вешать лапшу на*

уши представлена восемью нестандартными употреблениями:

Пример 7. А) Претенденты сейчас судорожно сколачивают блоки, сочиняют программы, яростно торгуются за места в списках. А главное же, стараются *навесить* нам на *уши* как можно *больше лапши*. Только вот ведь в чем проблема: чем больше «*лапши*», тем менее предсказуемы и ясны итоги голосования (Корпус Публ.). **Б)** Справедливость требует отметить, что из этих многих у очень малых доставало умственных способностей вычленить суть витиевато-иронических фраз, которые с тонкой ухмылкой *накручивает* им на *уши* поимый собеседник (М. Веллер. Ножик Сережи Довлатова). **В)** Он говорит о географической социологии, о демонизме, о том, что Пылаев – современный последователь Зигмунда Фрейда и Федора Михайловича Достоевского, нагло и беззастенчиво он *вешает на уши* своего начальника *лапшу* и, когда видит, что тот сидит, весь млея от его похвал, *сидит весь в этой лапше по самые уши*, что она *свешивается у него с плеч*, *торчит из-за ворота рубашки*, *вермишель запуталась в бровях*, *а рожки и другие макаронные изделия, как конфетти, сияют на его прилизанных, расчесанных на прямой пробор волосах*, тут он, Веня, выливает на эту по-новогоднему сияющую голову ушат холодной воды (С. Есин. Гладиатор). **Г)** Конечно, мы тогда уже кое-что понимали, а все равно в «*лапшу*» про интернациональный долг верили (Корпус Публ.). **Д)** Единственное наше фирменное блюдо – это *лапша на уши* народу. Я бы даже предложил над каждым домом политпросвещения честно писать: «*Дом лапши*» (М. Задорнов. Возвращение). **Е)** И кремлевский мечтатель напрасно / *Вешал на уши злую лапшу* / Ходокам и английским фантастам, / И напрасно я это пишу! (Т. Кибиров. Сквозь прощальные слезы). **Ж)** В выходные дни Мойдодыр уезжал с семьей на дачу. У Мары появлялись паузы. В ближайшую из таких пауз она позвала меня к себе в гости, продемонстрировать новую мощь. Чтобы я походила по ее квартире, *покачала лапшой на ухах...* (В. Токарева. Первая попытка). **З)** – Ты мне на *мозги макарон* не *вешай* (А. Молчанов. Новый год в октябре). **И)** Они уже все попилили и все порешали, / И столько набрали *лапши*, чтоб делиться с *ушами*, / А мы, то есть все население, им так помешали (Д. Быков. Скандал! Скандал!).

Наблюдаемый эффект объясняется тем, что детализация ситуации, описываемой внутренней формой, позволяет коммуникативно высвечивать

разные элементы этой ситуации, ее участников и обсуждать их, актуализуя образ.

Четвертая предпосылка нестандартного употребления – наличие легко нарушаемого семантического ограничения в актуальном значении. Уже обсуждавшаяся идиома *без пяти минут* содержит в своей семантике два очевидных ограничения: она характеризует какой-то статус человека и может использоваться только в том случае, если этот статус желателен:

без пяти минут = 'человек, который уже практически соответствует своему новому и желанному для него профессиональному или социальному статусу, который он очень скоро получит, причем скорость наступления этого события осмысливается как короткий временной интервал, остающийся до некоторого фиксированного момента времени'.

Пример 8. А) Отыскав в записной книжке номер одного старого знакомого, специалиста по парапсихологии и аномальным явлениям, он взял трубку. Разговор был долгим. Знакомый парапсихолог Сергей Цветков случившемуся не удивился: «Можешь считать, что ты *без пяти минут* труп. Шансы на спасение минимальные» (Мегаполис-Экспресс). **Б)** – Я не рецидивист, я малолетка. – Дважды судимый, восемь лет сроку – *без пяти минут* рецидивист (Л. Габышев. Одлян, или Воздух свободы). **В)** Разумеется, ни в какую закономерность он не верил, однако, насчитав двадцать три случая своей *без пяти минут* гибели, двадцать три ситуации, каждая из которых грозила ему несомненной и зачастую страшной смертью, он, будучи математиком, не мог не почувствовать здесь Руки Судьбы... (С. Витицкий. Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики). **Г)** В двадцать первом, когда все кончилось, ему удалось убежать за границу, и он пропал. Оттуда уже не возвращаются ни люди, ни их имена. Да и зачем это ей сейчас, *без пяти*

минут старухе? (В. Аксенов. Московская сага. Поколение зимы). **Д)** – Вы, Николай-батенька, уж как-нибудь сдерживайте себя, не рычите, не орите при оргазме, а то уж по институту слух пополз, что мы вивисекцией здесь занимаемся. А времена знаете какие? Мы – генетики – *без пяти минут* враги народа. Да-с. Не друзья, а враги (Юз Алешковский. Николай Николаевич).

Выявленные факторы, способствующие нестандартным употреблениям, следует рассматривать не как правила, а как тенденции, условия, характеризующие потенциал семантического развития фразеологизмов. Кроме того, по-видимому, есть и другие факторы, способствующие появлению нестандартных употреблений. Эти факторы требуют дополнительного изучения.

Библиографический список

1. Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. Основы фразеологии (краткий курс) [Текст] : учебное пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Флинта, 2013. – 312 с.
2. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании [Текст] / Л. В. Щерба // Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. – Л. : Наука, 1974. – С. 24–39.

Bibliograficheskiy spisok

1. Baranov, A. N., Dobrovol'skiy, D. O. Osnovy frazeologii (kratkiy kurs) [Tekst] : uchebnoe posobie / A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skiy. – M. : Flinta, 2013. – 312 s.
2. Shcherba, L. V. O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii [Tekst] / L. V. Shcherba // Shcherba, L. V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' / Red. L. R. Zinder, M. I. Matusevich. – L. : Nauka, 1974. – S. 24–39.

Е. В. Бешенкова

Теоретические вопросы нормирования орфографии: вариативность и стратегия нормирования

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00444
«Теоретические и лексикографические проблемы написания слов с отрицанием "не"»

В статье система письма рассматривается как саморазвивающаяся система, а работа кодификатора – как один из факторов, влияющих на функционирование и развитие системы. Роль этого фактора зависит и от социальных условий, и от цели и стратегии, выбранных кодификатором. Целью кодификаторов сегодня является обеспечение успешной письменной коммуникации, сохранение системы, а стратегией – постепенная адаптация входящих единиц и уменьшение энтропии в некодифицированных областях. С этих позиций оцениваются два существующих типа вариативности. Закрепление нормативными словарями вариативности, возникающей при вхождении слова в язык, ведет к затруднению вхождения единицы в систему, к затруднению коммуникации. Вариативность, возникающая в процессе функционирования или эволюции системы, – явление объективно необходимое, требующее постепенного сокращения.

Ключевые слова: письмо как саморазвивающаяся система, цель и стратегия кодификации, типы вариативности, критерии нормативности.

E. V. Beshenkova

Theoretical problems of orthographic norm: variability and standardization strategies

The system of writing is considered as a self-developing system and the work of linguists – as one of the factors that affect the functioning and development of the system. The role of this factor depends on the social conditions and the goals and strategies selected by the codifier. The aim now is to ensure successful written communication and maintain the system; the strategy is gradual adaptation of incoming units and decrease in entropy in uncodified areas. Two existing types of variability are evaluated from these positions. Fixing variability of a new word in dictionaries of the Standard language makes it difficult for the unit to adapt to the system and hinders communication. Variability that occurs in the operation or evolution of the system is an objectively necessary phenomenon that requires a gradual reduction.

Keywords: writing as a self-developing system, objective and strategy of codification, types of variability, criteria of normativity.

Орфография отличается от остальных наук о языке наибольшим удельным весом своей практической ортологической составляющей. При этом в любой практической работе по орфографии проявляются теоретические позиции авторов, и часто непоследовательность принятых решений связана именно с нечеткостью теоретических установок. Актуальность теоретических вопросов письма как способа функционирования языка возрастает в пору активных социальных изменений. В эти периоды испытывается на прочность сама система письма, ее адаптационные возможности. А выбранная стратегия нормирования проверяется на фундаментальность основополагающих принципов и их адекватность в новых условиях.

О разработке стратегии нормирования как о деле будущего говорил Р. И. Аванесов в 1978 г.: «...любая попытка кодификации орфографии должна иметь свой стратегический план, на почве которого только и могут решаться частные тактические задачи. Стратегический план предполагает предварительную глубокую проработку теории русской орфографии на исчерпывающем лексическом материале, учет направлений развития устной речи и стихийных изменений, колебаний, наблюдающихся в орфографической практике на протяжении, скажем, последнего столетия» [1, с. 223].

Рассматривая систему русского письма как саморазвивающуюся систему [14; 12; 17; 18], мы соответственно оцениваем и роль кодификатора в управлении этой системой: вмешательство ко-

диффикатора является одним из факторов, компонентов процесса функционирования системы. Кодификатор не может превратить как саму непрерывно развивающуюся систему письма, так и ее устойчивую зону (то есть стихийную норму) в коллективный договор, который можно менять в любую сторону. Он не является ни простым описателем стихийно сложившейся нормы, ни диктатором. Он является лишь одним из факторов, определяющих вероятность сценария дальнейших изменений. Кодификатор актуализирует те или иные сценарии, «русла» развития системы и становится участником естественного процесса эволюции, одним из его компонентов. Реализация одного из возможных сценариев предстает и как искусственно созданная (результат сознательной деятельности авторитета), и как результат естественного развития. В состояниях неустойчивости система становится особо чувствительной к внешним воздействиям, в том числе к деятельности кодификатора, поэтому благодаря его деятельности могут реализовываться даже маловероятные сценарии развития. Однако состояние неустойчивости языковой системы обычно возникает в периоды активных социальных изменений, а именно в эти периоды падают любые авторитеты, в том числе авторитет кодификатора. Именно в такие периоды кодификатору необходимо сознательно формировать свою стратегию.

Такое понимание роли человека (кодификатора письма) позволяет по-другому оценить его практическую деятельность и по-другому формировать теоретические основы для этой деятельности. Такое понимание не уменьшает ответственности кодификатора, наоборот, его вмешательство должно быть осознанным, должно предполагать ясные цели и выработанную стратегию управления этой саморазвивающейся системой. При этом основополагающими критериями выбора стратегии является цель управления и характеристики протекания процесса. Эти критерии для орфографии до сих пор оставались неизменными: основная цель – обеспечение письменной коммуникации, второстепенная цель – сохранение системы письма, характер протекания процесса – плавный в эпохи социальной стабильности, возможный скачкообразный в эпоху реформ.

В нормировании орфографии при выборе стратегии влияния на письмо необходимо учитывать как внешние по отношению к конкретной системе письма факторы, так и внутренние факторы самой системы письма. Приведем некоторые из них.

Предназначение письма – обеспечить письменную коммуникацию современников и понимание текстов предшествующих поколений (некоторого их числа).

Вопрос о преимуществе при выборе нормы позиции пишущего или позиции читающего решается в пользу читающего. Конечно, имеется в виду читатель-современник.

Поскольку орфография-кодификация связана с обучением, то обычное противопоставление участников языковой деятельности «говорящий – слушающий» (вернее «пишущий – читающий») усложняется участниками обучающей деятельности «говорящий, диктующий – записывающий». С этих позиций оценивается коммуникативная значимость, целесообразность орфографических единиц.

Письменная форма является в большей мере средством различения «грамотный – неграмотный», чем «свой – чужой», «я – не я».

Сохранение традиции, поддержание исторической устойчивости письма.

Наличие внутрисистемных антиномий и условий их нейтрализации, неравновесность системы письма, наличие внутрисистемных вероятностных законов функционирования и развития.

Степень активности влияния других языковых и орфографических систем.

Наличие и степень устойчивости стихийной, узуальной нормы.

Эти факторы не выстраиваются в иерархию, их релевантность для разных конкретных вопросов может быть разной, они могут обуславливать одинаковые или противоположные результаты, указывая на разновекторность динамики системы, но при принятии конкретных решений все они должны учитываться кодификатором.

Принятая цель нормирования определяет и наше отношение к столь широко дискутируемому вопросу, как отношение к орфографическим вариантам.

Наличие вариантов в языке (как в узусе, так и в норме) – явление объективное. Варианты, с одной стороны, являются одним из способов функционирования и перестройки системы, а с другой – способом вхождения в систему. Варианты есть и в орфографическом узусе, и в орфографической норме, и в орфографической кодификации. С этим фактом не спорит ни один исследователь письма. Но если исследователь является еще и кодификатором, то он должен выбрать один из многих (четыре при наличии двух вариантов) возможных способов поведения, исходя из

того, к чему он стремится, какую стратегию в управлении системой он выбирает.

Рассмотрим возможные стратегии кодификатора при кодификации разных типов вариативности: вариативности при вхождении слова в язык и вариативности, возникающей в языке в процессе его функционирования, в частности, в точках нейтрализации системного противопоставления.

I. Вариативность при вхождении слова в язык и стратегия кодификатора

При кодификации вхождений вариативность возникает из-за наличия двух или нескольких системных возможностей графически оформить звуковой облик слова. В одних случаях этот вопрос решается однозначно, исходя из поставленных целей и способа протекания адаптации, в других – нет.

Например, при кодификации слов на *инг* кодификатор учитывает действие следующих факторов.

1) При вхождении слова явное узуальное предпочтение – написание с удвоенной согласной, если удвоение есть в языке-источнике, и с одной согласной, если в языке источнике удвоение не происходит. Даже слова, образованные по образу и подобию, пишутся с удвоенной согласной. 2) Анализ кодификации написания слов с той же орфограммой – слова кодифицированы по-разному. 3) Анализ соблюдения системного требования – единства написания морфемы (с учетом позиционных чередований). При активном заимствовании велика вероятность того, что появится однокоренное слово без удвоенной согласной в языке-источнике. 4) Ретроспективный анализ показывает, что слова легко преодолевают модное написание, если являются однокоренными с одной согласной.

У кодификатора есть четыре возможности.

1) Кодификатор, приняв во внимание только фактор частотности, кодифицирует слова с одной орфограммой по-разному в соответствии с этой частотностью (напр., *джоггинг*, *моббинг*, а также *зацептинг*, но *спаминг*). В таком случае он увеличивает число антисистемных элементов, поскольку есть вероятность того, что в язык придут извне или образуются на русской почве слова, образованные от того же иностранного корня, но без графически удвоенного согласного (*шоп*, *шопоголик*, *шопингомания*). Это увеличит число исключений из общего принципа единообразного графического выражения орфографически слабых позиций морфемы. Если его выбранная стратегия – управление через «катастрофу», то это правильное решение. Если его цель – сохранение сис-

темы, а стратегия – адаптация новобранцев, то это неправильное решение.

2) Кодификатор, приняв решение кодифицировать однотипные слова одинаково, имеет две возможности: а) рекомендовать вариант наиболее соответствующий системе (*шопинг* – с учетом уже имеющихся исторических изменений аналогичных написаний, ср. старые слова *слябинг*, *фитинг*) и б) рекомендовать новый вариант (*шоппинг*) как наиболее активный на данный момент, наиболее вероятный при появлении новых слов. В первом случае он может ошибиться и не угадать тот вариант, который победит в результате работы системы по адаптации новобранцев, но при этом не поможет разрушению системы, а вероятность того, что он все-таки угадает, достаточно велика. Во втором случае он увеличит вероятность вхождения в язык асистемного элемента. Наличие асистемных элементов – почти необходимое условие жизни системы, но от их количества зависит и степень устойчивости системы. Увеличивая это количество сознательно, он должен оценивать степень устойчивости системы.

3) Кодификатор решает закрепить оба (три, четыре) варианта (*шоппинг* и *шопинг*). Тем самым он закрепляет точку колебания. Наличие значительного количества точек колебания приводит к катастрофе в системе с большим успехом, чем накопление асистемных элементов. Наличие асистемных элементов, их взаимодействие с системой является неременным условием существования дихотомии, обеспечивающей эволюцию системы, а вот наличие закрепленных точек колебаний является условием для дестабилизации системы, для увеличения ее энтропии. Кроме того, с возрастанием количества закрепленной вариативности затрудняется понимание текста читающим субъектом – привилегированным участником письменной коммуникации. Вариативность экономит усилия пишущего: ему не надо думать и вспоминать принятый облик слова, но не экономит усилия читающего: это ему надо вспоминать, что образ у слова может быть и такой, как он привык, и еще какой-то иной, и это ему надо понимать, что нарушение привычного облика не несет какой-либо дополнительной информации.

4) Кодификатор не вмешивается или вмешивается «невнятно». Анализ таких «беспризорных» областей письма показал, что велика вероятность установления относительного равновесия с двумя аттракторами и областью колебаний (см. об этом подробнее [9; 10]). При наличии значительной

зоны устойчивых колебаний кодификатор теряет возможность эффективно управлять системой.

Таким образом, из всех возможных вариантов поведения кодификатора наиболее адекватным выбранным целям является закрепление системного варианта. Но помня, что в основе письма лежит дихотомия системного и асистемного, он понимает, что ему, возможно, придется менять это решение и признавать асистемный вариант как вошедший в стихийную норму. Закрепление колебания при входе в систему приводит к замедлению процесса адаптации, затрудняет коммуникацию.

Однако система может предоставлять не один вариант, как в приведенном примере, а несколько вариантов. Например, при кодификации слова *спорт(-)трасса* у системы есть две возможности: слово имеет двоякую трактовку – как сложное слово (или сочетание с приложением), состоящее из двух основ, совпадающих с самостоятельно употребляемыми словами, или как сложносокращенное. При первой трактовке полагается дефисное написание, при второй – слитное.

Рассмотрим действие актуальных факторов. 1) С позиции сегодняшнего читающего предпочтительно дефисное написание, при котором легче опознать состав непривычного слова и не появляется непривычное сочетание *рттр* (оно встречается только в одном слове, которое пишется через дефис *шорт-трек*). 2) Узуальное предпочтение явно на стороне дефисного написания. 3) Анализ фактора ближайшей аналогии – написание слов с той же первой частью – показывает, что почти все слова с первой частью *спорт* кодифицируются в слитном написании. 4) Анализ адаптации новых слов этой лексической группы (*спортбар, спортгородок, спорткар, спортклуб, спорткомитет, спортроллер, спортцентр, спортчас*) показывает, что слова преодолели удобное и модное дефисное написание и постепенно подчинились кодификации и стали преимущественно писаться слитно (только *спорткафе* и *спортклуб* до сих пор часто в узусе встречаются в дефисном написании). 5) Анализ категориальной аналогии – анализ всей группы слов с подобной двоякой категоризацией – показывает, что среди слов с подобной двоякой трактовкой абсолютное большинство слов пишется с дефисом и лишь небольшая группа слов (меньше 30 слов, в том числе слова с первой частью *спорт*) пишется слитно. Это касается и новых слов (ср. *пресс-порошок, компакт-диск, секс-бомба*), лишь несколько слов отошли к другой группе (*штрихкод, штрихпунктир*). 6) Исторические данные

показывают, что многие первоначально дефисные кодификации заменились на слитные (ср. первые кодификации *бор-машина* БСЭ, *борт-механик* Ушаков 1934).

Таким образом, у кодификатора есть три возможности: закрепить один или второй вариант или закрепить вариативность. Закрепление вариантов, как и в предыдущем случае, приведет к закреплению точки колебания, к задержке адаптации слова, к затруднению коммуникации. При выборе одного из вариантов и то и другое решение может быть оспорено. Мы в данном случае выбираем слитное написание, отдавая предпочтение фактору ближайшей аналогии, поскольку в правило [6] в качестве исключения введена вся эта группа и введение дефисного написания было бы исключением из исключения.

II. Вариативность, возникающая при функционировании языка, и стратегия кодификатора

В области нейтрализации системного противопоставления написание определяет норма [13]. Если же реальное письмо показывает, что в этой зоне не устанавливается однозначная норма, что сохраняются колебания, а при этом нет системно детерминированных оснований для выбора, то на первый план выходят факторы коммуникативные и исторические.

Так, например, выбор отдельного или слитного написания отрицания *не* определяется системным противопоставлением противопоставительной частицы *не... а*, общеотрицательной частицы *не* и общеотрицательной приставки *не-*. Существуют контексты, в которых противопоставление общеотрицательной частицы и общеотрицательной приставки могут быть выражены (контексты типа *отнюдь не...*, логического ударения, отрицания предполагаемого свойства и т. д.), а в остальных контекстах это противопоставление нейтрализуется [10]. Общая картина написания слов в этих контекстах, насколько это позволил выявить анализ текстов НКРЯ [7], характерна для неструктурной части любой саморазвивающейся системы. Существует два устойчивых полюса: с одной стороны, слова с однозначным слитным написанием в этих контекстах и слова с однозначно отдельным написанием в этих же контекстах, с другой – большая масса слов, которые пишутся вариативно. Современные кодификаторы не признают наличия чистой орфографической вариативности в этой области, считают написание смысловозначительным. Так, подытоживая пра-

вило, авторы академического справочника пишут: «Таким образом, пишущий должен отдавать себе отчет в том, что он хочет выразить: отрицание признака – и тогда писать *не* отдельно от следующего слова (напр.: *он не здоров, не важно, не редки случаи, не случайно, не удивительно, не демократическим путем*) или утверждение признака – и тогда писать *не* слитно (*он нездоров, неважно, нередко случаи, неслучайно, неудивительно, недемократическим путем*). От выбора написания будет зависеть и понимание написанного читающим» [15, с. 160]. О сложности выбора отражаемых на письме различий так писал В. В. Виноградов: «Различия в написаниях *не радостный и нерадостный* <...> полные тонких смысловых оттенков, далеко не всеми могут осознаваться и воспроизводиться» [11].

И действительно, наш анализ текстов НКРЯ показал, что пишущие употребляют и слитное и раздельное написание практически в одинаковых контекстах. Приведем контексты для слов, приведенных в правиле, ср.: *не важно / неважно* (*Мне не важно, придет он или нет. Дело сделано; что будет потом – уже не важно. – Мне неважно, что ты об этом думаешь. Дело сделано; как, почему, в чьих интересах – уже неважно*); *не удивительно / неудивительно* (*Неудивительно, что популярность GPS росла лавинообразно. Неудивительно, что в новом подходе многие специалисты усмотрели риск. – Так что совершенно не удивительно в этом свете, что более молодые респондентки в нашем проекте демонстрировали большее сосредоточение на интересах семьи. Не удивительно, что его конструктивный проект очень напоминает концепции анархистов; не случайно / неслучайно* (*Не случайно ключевую роль в формировании государственной идеологии начали играть политехнологи. Объекты были выбраны не случайно – к ним проявили интерес российские компании. Вторая игра не случайно считается ключевой в серии из пяти матчей. – Неслучайно во многих путеводителях монастырь величают «замком»! Неслучайно А. Т. Ф. ссылается в этой связи именно на мертвый (до его «воскрешения» в XIX в.) язык – иврит.*)

Данные НКРЯ показывают, что пишущий, в принципе имеющий возможность реализовать свое видение ситуации, реально на практике этого не делает. Читающий, видя слитное или раздельное написание, имеет возможность предположить, что пишущий что-то подразумевал, выбирая слитное (утверждая что-то) или раздельное написание (отрицая что-то), но может и оши-

биться. А вот записывающий не имеет никаких опор в устном тексте для этого выбора. Поэтому считаем, что кодификатор, опираясь на фактор приоритета читающего и записывающего, не может в данных контекстах требовать выбор того или иного варианта. Закрепление вариативности в данном случае неизбежно, но можно попытаться смягчить негативные стороны такого решения.

Анализ количественного соотношения сформировавшихся аттракторов и колеблющейся зоны показал, что у разных категорий слов соотношение аттракторов разное. Полные прилагательные в контекстах нейтрализации имеют два приблизительно равновеликих полюса: полюс устойчивого слитного написания (*неблагонадежный, неблагоприятный, неблагоприятный, небезынтересный, непоследовательный, неостребованный, необщительный* ...) и полюс устойчивого раздельного написания (*не бессмысленный, не больной, не вечный, не взрослый, не виноватый, не голодный, не холодный, не сытый* ...), а следовательно, меньшую зону вариативного написания. Например, среди полных форм прилагательных на букву *в* устойчивое раздельное написание имеют 50 прилагательных, устойчивое слитное – 51, а вариативное написание – 15. Аналогичная картина в написании наречий-предикативов. А вот среди кратких форм прилагательных всего несколько слов устойчиво пишутся слитно (*неохоч, недурен, незауряден*), остальные пишутся либо раздельно (*не голоден, не короток, не мал, не свят*), либо вариативно (*не верен / неверен, не властен / невластен*). Среди наречий образа действия, наоборот, преобладают лексемы с устойчивым слитным написанием.

Ретроспективный анализ, насколько позволяют судить исторические материалы НКРЯ, показал, что изменения на протяжении двух столетий идут в сторону увеличения слитного написания (ср. раздельное написание в XIX в. слов, которые сейчас пишутся слитно или вариативно: *Облака наплывали с океана, не видно за лесом. Сказанное ею и другим будет не бесполезно послушать. Ему не ведом страх. Голова его только-только превысила уровень первой полки, повешенной, в сущности, очень не высоко. Однако это очень не желательно для крестьян-охотников*) (см. подробнее [7]).

Учет этих данных позволяет дополнить закрепление вариантов указанием предпочтительности слитного варианта (если раздельный не преобладает) или указанием на частотное преобладание раздельного варианта без указания на его предпочтительность (если раздельный вариант силь-

но преобладает). Такая кодификация принята в создаваемом словаре «Отрицание *не*: слитно или раздельно».

Таким образом, проведенный теоретический и практический анализ показал, что при кодификации необходимо различать два типа вариативности: вариативность, возникающую при вхождении слова в язык, и вариативность, возникающую в процессе функционирования языка. Закрепление вариативности на этапе вхождения слова в язык замедляет процесс адаптации, создает условия для разрушения системы. Варианты второго типа обусловлены самим языком. Но и в этом случае нежелательность вариативности заставляет кодификатора искать пути сокращения неизбежного этапа вариативности.

Библиографический список

1. Аванесов, Р. И. Заметки по теории русской орфографии [Текст] / Р. И. Аванесов // Восточнославянское и общее языкознание. – М.: Наука, 1978. – С. 220–229.
2. Бешенкова, Е. В. Политика орфографистов и ее влияние на письмо [Текст] / Е. В. Бешенкова // Русский язык в научном освещении. – 2013. – № 2 (26). – С. 166–181.
3. Бешенкова, Е. В. Орфографическая вариативность в узусе, норме и кодификации [Текст] / Е. В. Бешенкова // Вопросы культуры речи XI / Под ред. А. Д. Шмелева. – М., 2012. – С. 77–88.
4. Бешенкова, Е. В., Иванова, О. Е. Проблема нормы и кодификации правописания сложных существительных [Текст] / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. I. – М., 2014. – С. 119–198.
5. Бешенкова, Е. В., Иванова, О. Е. Лексикографическое описание орфографического оформления сочетаний единиц на -о, -е с последующим прилагательным или частью сложного прилагательного (активно действующее вещество и сильнодействующее вещество) [Текст] / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. I. – М., 2014. – С. 329–357.
6. Бешенкова, Е. В., Иванова, О. Е. Русское письмо в правилах с комментариями [Текст] / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. – М.: Азбуковник, 2011. – 360 с.
7. Бешенкова, Е. В. Лексикографическое представления слов с отрицанием *не* (теоретический аспект) [Текст] / Е. В. Бешенкова // Русская речь. – 2015– № 3 (в печати).
8. Бешенкова, Е. В., Иванова, О. Е. О письме без правил в историческом аспекте (на примере написаний единиц, совпадающих по форме с наречиями, с последующими прилагательными) [Текст] / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова // Русский язык: исторические судьбы и современность. V Международный

конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18021 марта 2014 г.): Труды и материалы / Сост.: М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 532–533.

9. Бешенкова, Е. В., Иванова, О. Е. О написании «единиц на -о, -е» с прилагательными (сильнодействующее и активно действующее вещество) [Текст] / Е. В. Бешенкова // Тезисы докладов III Международной конференции «Культура русской речи. Русский язык в культурно-историческом измерении», посвященной 200-летию Я. К. Грота. – М., 2012. – С. 40–44.

10. Бешенкова, Е. В. Слитное / раздельное написание отрицания *не* (система, норма, кодификация, узус) [Текст] / Е. В. Бешенкова // Лингвистические основы русской орфографии: теория и практика. Коллективная монография / Под ред. В. В. Лопатина. – М., 2009. – С. 143–198.

11. Виноградов, В. В. Культура речи и орфография [Текст] / В. В. Виноградов // Литературная газ. – 1964. – 13 июня.

12. Некипелова, И. М. Организация, самоорганизация и дезорганизация языковой системы: механизмы оптимизации языка и речи (синергетический аспект) [Текст] : монография / И. М. Некипелова. – М., Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. – 376 с.

13. Панфилов, В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языка [Текст] / В. З. Панфилов. – М.: Наука, 1982. – 356 с.

14. Пиотровский, Р. Г. О лингвистической синергетике [Текст] / Р. Г. Пиотровский // Научно-техническая информация. Серия 2. – М., 1966. – № 12.

15. Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник [Электронный ресурс] / М.: Эксмо, 2007. – Режим доступа: <http://orthographia.ru/orfografia.php?sid=52>. – (Дата обращения: 28.05.2014).

16. Стёпин, В. С. Саморазвивающиеся системы и философия синергетики [Текст] / В. С. Стёпин // Материалы Международной конференции «Путь в будущее – наука, глобальные проблемы, мечты, надежды» / Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН. – М., 2007.

17. Köhler, R. Synergetic Linguistics [Text] / R. Köhler // Theoretical Linguistics. – 1987. – vol. 14. – № 2–3.

18. Wildgen, W. Basic Principles of Self-Organization in Language [Text] / W. Wildgen // Synergetics Cognition L/ P/. – Tokyo, 1990.

Bibliograficheskiy spisok

1. Avanesov, R. I. Zаметki po teorii russkoy orfografii [Текст] / R. I. Avanesov // Vostochnoslavjanskoe i

obshchee yazykoznanie. – M. : Nauka, 1978. – S. 220–229.

2. Beshenkova, E. V. Politika orfografistov i ee vliyaniye na pis'mo [Tekst] / E. V. Beshenkova // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. – 2013. – № 2 (26). – S. 166–181.

3. Beshenkova, E. V. Orfograficheskaya variativnost' v uzuse, norme i kodifikatsii [Tekst] / E. V. Beshenkova // Voprosy kul'tury rechi XI / Pod. red. A. D. Shmeleva. – M., 2012. – S. 77–88.

4. Beshenkova, E. V., Ivanova, O. E. Problema normy i kodifikatsii pravopisaniya slozhnykh sushchestvitel'nykh [Tekst] / E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. I. – M., 2014. – S. 119–198.

5. Beshenkova, E. V., Ivanova, O. E. Leksikograficheskoe opisanie orfograficheskogo oformleniya sochetaniy edinits na -o,-e s posleduyushchim prilagatel'nyim ili chast'yu slozhnogo prilagatel'nogo (aktivno deystvuyushchee veshchestvo i sil'nodeystvuyushchee veshchestvo) [Tekst] / E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. I. – M., 2014. – S. 329–357.

6. Beshenkova, E. V., Ivanova, O. E. Russkoe pis'mo v pravilakh s kommentariyami [Tekst] / E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. – M. : Azbukovnik, 2011. – 360 s.

7. Beshenkova, E. V. Leksikograficheskoe predstavleniya slov s otritsaniem ne (teoreticheskiy aspekt) [Tekst] / E. V. Beshenkova // Russkaya rech'. – 2015 – № 3 (v pechati).

8. Beshenkova, E. V., Ivanova, O. E. O pis'me bez pravil v istoricheskom aspekte (na primere napisaniy edinits, sovpadayushchikh po forme s narechiyami, s posleduyushchimi prilagatel'nyimi) [Tekst] / E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova // Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. V Mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka (Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, filologicheskii fakul'tet, 18O21 marta 2014 g.): Trudy i materialy / Sostaviteli M. L. Remneva, A. A. Polikarpov, O. V. Kukushkina. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2014. – C. 532–533.

9. Beshenkova, E. V., Ivanova, O. E. O napisanii «edinits na -o,-e» s prilagatel'nyimi

(sil'nodeystvuyushchee i aktivno deystvuyushchee veshchestvo) [Tekst] / E. V. Beshenkova // Tezisy dokladov III Mezhdunarodnoy konferentsii «Kul'tura russkoy rechi. Russkiy yazyk v kul'turno-istoricheskom izmerenii», posvyashchennaya 200-letiyu Ya.K. Grota. – M., 2012. – S. 40–44.

10. Beshenkova, E. V. Slitnoe / razdel'noe napisanie otritsaniya ne (sistema, norma, kodifikatsiya, uzus) [Tekst] / E. V. Beshenkova // Lingvisticheskie osnovy russkoy orfografii: teoriya i praktika. Kollektivnaya monografiya / Pod red. V. V. Lopatina. – M., 2009. – S. 143–198.

11. Vinogradov, V. V. Kul'tura rechi i orfografiya [Tekst] / V. V. Vinogradov // Literaturnaya gaz. – 1964. – 13 iyunya.

12. Nekipelova, I. M. Organizatsiya, samoorganizatsiya i dezorganizatsiya yazykovoy sistemy: mekhanizmy optimizatsii yazyka i rechi (sinergeticheskiy aspekt) [Tekst] : monografiya / I. M. Nekipelova. – M. – Izhevsk: Institut komp'yuternykh issledovaniy, 2014. – 376 s.

13. Panfilov, V. Z. Gnoseologicheskie aspekty filosofskikh problem yazyka [Tekst] / V. Z. Panfilov. – M. : Nauka, 1982. – 356 s.

14. Piotrovskiy, R. G. O lingvisticheskoy sinergetike [Tekst] / R. G. Piotrovskiy // Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2. – M., 1966. – № 12.

15. Pravila russkoy orfografii i punktuatsii: Polnyy akademicheskii spravochnik / M. : Eksmo, 2007. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://orthographia.ru/orfografia.php?sid=52>. – (Data obrashcheniya: 28.05.2014).

16. Stepin, V. S. Samorazvivayushchiesya sistemy i filosofiya sinergetiki [Tekst] / V. S. Stepin // Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Put' v budushchee – nauka, global'nye problemy, mechty, nadezhdy» / Institut prikladnoy matematiki im. M. V. Keldysha RAN. – M., 2007.

17. Köhler, R. Synergetic Linguistics [Text] / R. Köhler // Theoretical Linguistics. – 1987. – vol. 14. – № 2–3.

18. Wildgen, W. Basic Principles of Self-Organization in Language [Text] / W. Wildgen // Synergetics Cognition L/P/. – Tokyo, 1990.

Н. В. Богданова-Бегларян

Агрессивный узус – или эволюция языковой нормы?

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах»

В статье обсуждаются три речевых новации, которые являются довольно активными в современном узусе и в разной степени зафиксированы языковыми корпусами. Так, начальная позиция наречия также не противоречит словарным дефинициям, но расходится с устоявшейся практикой употребления в рамках высказывания. Замена союзной связи главного предложения с придаточным изъяснительным на местоименно-соотносительную (Я знаю то, что он придет) уже фиксируется корпусами, хотя полностью противоречит норме. Нарушение порядка компонентов конструкции уже (столько-то времени), как (что-то происходит) полностью ненормативно, хотя пока еще практически не попало в сферу корпусной фиксации.

Ключевые слова: система языка, языковая норма, речевой узус, языковая эволюция, культура речи, языковой корпус, речевой корпус.

N. V. Bogdanova-Beglaryan

Aggressive colloquial usage or language norm evolution?

The article considers three new speech items that are significantly active in usage and registered in speech corpora. For example, the opening position of the adverbial 'также' is not contrary to regular pattern formalized in dictionaries but is out of synch with a long-held speech practice. There is also a norm contradiction reflected in corpora that concerns a change in hypotaxis: pronouns start playing the role of conjunctions (Я знаю то, что он придет). Some facts are not reflected in corpora although they are definitely wide spread: in construction уже (столько-то времени), как (что-то происходит) a break of components' order occurs very often, which is completely non-normative.

Keywords: language system, language norm, usage, colloquial speech, language evolution, speech culture, language corpus, speech corpus.

Теоретической основой культуры речи являются такие основополагающие понятия, как *система* языка, *норма* во всей совокупности ее вариантов и *узус*, понимаемый традиционно как речевой (или языковой – *Sprachgebrauch, usus*) обычай, речевая привычка носителей языка, то, что наиболее распространено в речи говорящих¹.

Система при этом – почти неприкосновенная твердыня, полный набор языковых возможностей, «то, что объективно заложено в языковом материале» [20, с. 28] и никогда не может быть реализовано полностью, ср.: «Никогда, ни в какую эпоху не были и не могли быть использованы до конца все формальные возможности,

предоставляемые языком» [5, с. 130] (ср. также: [18, с. 9]).

Нормой называют общепринятую в данном языке реализацию возможностей системы, «совокупность устойчивых, традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [13, с. 17], или, по определению Л. А. Вербицкой, «совокупность явлений, разрешенных системой языка, отобранных и закрепленных в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени» [7, с. 56] (см. также: [6, с. 16; 8, с. 11]); «норма соответствует не тому, что “можно сказать”, а тому, что уже “сказано” и что по традиции “говорится” в рассматриваемом обществе» [11, с. 175], норма «соответствует фиксации языка в традиционных формах» [11, с. 185].

¹ В терминах древних авторов это «обиход» [17, с. 28] (см. также: Секст Эмпирик. Против грамматиков – см.: [1, с. 84-94; 2, с. 94; 3, с. 298]).

Узус, так же как и норма, реализует определенные возможности системы, однако может при этом не совпадать с нормой. Узус – это всего лишь то, что распространено в речи, а чрезвычайно распространенной может быть и речевая ошибка². Однако именно в узусе, в речи конкретного носителя языка, зарождаются будущие изменения нормы³, которые в отдаленной перспективе могут затронуть и систему языка. Узусальные явления практически ничем и никем не контролируются, и их соотношение с нормой носит различный характер и может оцениваться как положительно, так и отрицательно.

В настоящей статье ставится вопрос о статусе тех узусальных явлений, которые, что называется, режут слух грамотного человека и вызывают желание как-то сопротивляться этой очевидной речевой агрессии. Не случайно так много порой негативизма в восприятии научных докладов и публикаций, выполненных на материале далекой от литературных образцов повседневной речи (сопротивление специалистов-лингвистов), не случайно сайты (форумы, блоги) Интернета наполнены негодующими, возмущенными письмами рядовых носителей языка, уставших от давления этого агрессивного узуса (сопротивление самих говорящих, имеющих некоторое представление о норме и культуре речи). Агрессия это – или просто эволюция языка? Сопротивляться – или принять и смириться? Думается, что для лингвиста-исследователя самое правильное – это наблюдать и фиксировать, ничего не оценивая, но подмечая те моменты, которые вынуждают поставить вопрос о языковом «дрейфе».

Из собственного опыта замечу, что не оценивать и не сопротивляться – трудно, особенно ко-

² В подтверждение этого положения К. С. Горбачевич приводит такой факт: «Например, в словаре неправильностей, составленном К. П. Зеленецким еще в 1885 году, отмечались неправильные ударения докумѣнты вместо докумеѣнты, звоѣнит вместо звониѣт и др., которые наблюдаются и в наши дни» [9, с. 9].

³ Ср.: «В общем и целом норму все время определяет узус» [12, с. 475]; «Факту эволюции (языка. – Н. Б.-Б.) всегда предшествует факт, или, вернее, множество сходных фактов, в сфере речи» [16, с. 102]; «всякое языковое изменение – индивидуального происхождения; в своем начале – это свободное творчество человека» [4, с. 299]; «Язык изменяется при передаче его от поколения к поколению <...>. Самые же, однако, изменения происходят в индивидууме и обусловлены психологически и физиологически» [21, с. 142].

гда лингвист-исследователь одновременно и родитель, и преподаватель, и воспитатель. Внимание к узусу и лингвистический анализ помогают трезво взглянуть на многие речевые факты и порой изменить к ним собственное отношение.

Конкретным материалом для размышлений в настоящей статье стали три узусальных явления⁴: 1) употребление в устной и письменной речи наречия *также* в начальной позиции во фразе:

• *Также на нее может оказывать влияние отношение к нему сверстников, значимых взрослых, она может формироваться в процессе усвоения оценок окружающих* (Л. А. Захирина, Н. Ф. Бережная. Особенности развития старших дошкольников при перинатальной патологии ЦНС // Вопросы психологии, 2004);

• (Михаил, муж.) *Также наш проект приносит чисто символическую прибыль – примерно пять рублей в день мы получает с нашего проекта* (М. Орос. Интервью администратора сайта // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2011); 2) замена обычной связи изъяснительного придаточного с главным предложением (с помощью союза что: я знаю, **что** он придет) на местоименно-соотносительную конструкцию, требующую нормально не союза, а союзного слова (я знаю **то, что** он сейчас скажет) (в письменной речи найти не удалось!):

• *Ну я и говорю / то что (...) не... первый факультет они не подводники* (И7, воен., муж., 45 лет; ОРД); (№ 3, муж., 50) *Я считаю то / что ЮКОС собирались продавать американцам* (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2003);

• 3) незакономерная инверсия в рамках конструкции *уже (столько-то времени), как (что-то происходит)*:

• *И все проблемы, которые были там – столкновения, беспорядки, – полностью закончены. Уже, по большому счету, дня как четыре* (Е. Черных, К. Теренков: «Не верьте сказкам про

⁴ Материал для иллюстраций в статье – в основном из двух корпусов русского языка: Национального (НКРЯ) (основной, газетный и устный подкорпусы) и Звукового (ЗКРЯ) (сбалансированная аннотированная текстотека – САТ – и блок «Один речевой день» – ОРД; см. об этом подробнее [10]). В ряде случаев привлекались примеры из теле(кино)речи (ТВ), пока в корпусах не обнаруженные. О специальных обозначениях в расшифровках ОРД см. подробнее: [19].

ливийские ужасы. Идет информационная война!» // Комсомольская правда, 2011.03.04);

- **Уже как два года он здесь живет** (ТВ).

- Первая из рассматриваемых ситуаций представляется, пожалуй, наименее «агрессивной». Наречию *также* в качестве одного из значений толковые словари приписывают следующее: ‘равным образом, в равной мере; тоже || Вместе с тем, кроме того, одновременно’ [14, с. 334; 15, с. 53–54]. В свете такой семантики все выявленные примеры употребления данного наречия, казалось бы, не должны вызывать сопротивления и ощущения языкового дискомфорта. Однако и иллюстрации в словарях, и контексты в корпусах показывают, что нормальное место данной единицы – внутри фразы:

- *Панин был действительно очень ловок, – не хуже отца; но он был также очень даровит.* Тургенев. Дворянское гнездо [14, с. 334];

- *Думала она также о том, что рядом с ней, облокотившись о борт, стоит настоящий великий человек.* Чехов. Попрыгунья [15, с. 53];

- *Двухэтажная декорация к версии Содерберга также была построена в студии* (В. Корецкий, Ю. Идлис. 10 жилищ будущего в мировом кинематографе // «Русский репортер», № 45 (223), 17 ноября 2011, 2011);

- (Респондент, жен., 83) *И вторая также коренная ленинградка / и тоже вселили каких-то иногородних / и они так себя вели...* (Биография (беседа лингвиста с информантом), Санкт-Петербург // Архив Хельсинкского университета, 1997–1998);

- *и немецкий я также знаю* (И1, экскурсовод, жен., 33 года; ОРД);

- *если ты берешь автобус экскурсионный / он также тебя привозит / да // *П и(;) он тебя ждет // *П ты за это все время платишь // *П правильно? и здесь то же самое* (И11, преподаватель-филолог, жен., 28 лет; ОРД);

- *интересно вы также / будете с людьми работать* (И5, преподаватель-психолог, жен., 27 лет; ОРД).

- И лишь в самое последнее время (уже после 2000-го года) появились контексты, в которых *также* занимает начальную позицию во фразе:

- *Также наблюдается положительная корреляция между цветностью и ХПК ($r = 0, 54$)* (Экологическое состояние р. Москвы на территории Раменского района Московской области // «Геоинформатика», 2004);

- *Также поднятие лодки / но там начали и остановили / начали и остановили* (Беседа в Самаре // Фонд «Общественное мнение», 2001);

- *также* момент в том / что вот да действительно когда мужика / они (:) заставляли его вот что-то чем-то помочь / и вроде картошку / да ? попросил принести / ведь да ? (И45, режиссер, муж., 65 лет; ОРД);

- *также* можно по закату / лично знаю из своего опыта / если закат очень яркий то будет ветренная погода (И23, врач, жен., 43 года; САТ);

- э-э *также* можно еще определить погоду по росе если с вечера роса выпала обильная яркая то это также к хор... к ясной к хорошей погоде и чем обильней роса тем жарче будет / э-э день (И29, медсестра, жен., 41 год; САТ);

- *также* можно отдохнуть люблю отдыхать можно сказать / на балконе (И28, юрист, ср. спец. образование, жен., 29 лет; САТ);

- *также* я люблю / отдыхать за рулем автомашины то есть у меня [...] я очень люблю машину (И28, юрист, ср. спец. образование, жен., 29 лет; САТ);

- *также* мы еще видим / раз два три / три яхты / три правда с опущенными парусами (И4, студент-филолог, муж., 20 лет, САТ).

Именно такое перенесение места рассматриваемой единицы в начало фразы и вызывает ощущение агрессивного давления со стороны узуса, тем более что оно особенно активно, как показывает мой собственный преподавательский опыт, в речи студенческой молодежи. Сначала, до обращения к словарям и корпусам, с опорой только на языковое чувство, я упорно этому сопротивлялась и даже писала на доске, едва услышав в речи выступающего на семинаре студента *Также в работе...*: *Также* ⇒ *Кроме того*. И практически не было ни одного выступающего, кто не споткнулся бы на подобном употреблении и не был бы вынужден, оглянувшись на доску, внести поправку в свою речь. На четвертой или пятой такой поправке в течение одного семинара аудитория уже начинала веселиться, убеждаясь на собственном опыте, как прочно укоренилось данное употребление в их речи и как трудно от него избавиться, даже после многократного и «наглядного» предупреждения.

Однако изучение словарей, грамматик и корпусных материалов поумерило мой пыл: теперь я уже не пытаюсь переучивать студентов, но продолжаю отслеживать ситуацию с употреблением *также* в речи разного типа и вынужденно констатирую, что здесь мы, скорее, имеем дело уже

с движением нормы, истоки которого находятся, конечно, в повседневном узусе. Количественные данные в самом первом приближении оказались таковы: в письменной речи (основной подкорпус НКРЯ) начальное *также* составляет 12 % от всех употреблений данного наречия (комбинации этого наречия с союзами *а, и, но*, образующие сложные союзы с присоединительным значением *а также, и также, но также*, в данном случае не рассматривались), в устном подкорпусе – в два раза больше (24 %). В ОРД нашлось всего одно такое употребление (приведено выше) на 500 тыс. расшифрованных к настоящему времени словоформ, в САТ несколько больше. Так или иначе, но узус в данной ситуации, по видимому, постепенно меняет норму.

Вторая режущая слух речевая новация представляется значительно менее безобидной. В письменной речи ее пока обнаружить не удалось, тогда как в устных корпусах подобных примеров довольно много, ср.:

- (№ 10, жен., 55) *Я считаю то / что контроль / осуществляется контроль* (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003);

- *Ну я просто говорю то / что кто ездил за границу. Я могу привести пример – академик Вавилов. Тоже шпион / действительно никто не доказал. Может его / действительно / завербовали* (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2001);

- (№ 2, муж.) *Но я могу сказать то / что в рок-музыке / вот / все братья* (Беседа на радио с лидером рок-группы «Звери» // Из коллекции НКРЯ, 2005);

- как бы капитальные // ну () вот стекло у нас под какие-то легкие книжки либо / вот под кассеты @ ну я поэтому и испугалась / то что стекло мне не очень получится // @ угу (И23, продавец, жен., 23 года; ОРД);

- ну все равно / понедельник среда / (э-э) мы уже с... (...) в среду только **сказали** / *П **то что** (...) справка о льготах нужна (И7, воен., муж., 45 лет; ОРД);

- (э-э) мы (э-э) **договаривались то что** в пятницу(:) с мамой придем ... # договор будет готов / да ? @ *П да (И7, воен., муж., 45 лет; ОРД);

- кот ел целый час // э-э после этого он долго умывался / терся головой о пол / это **означало то**

что он был очень доволен // после этого / он никогда больше не воровал (И29, медсестра, жен., 41 год; САТ);

- но / когда мы попадаем за город / и уже находились там два три или четыре дня / невольно наши зрение обоняние слух / обостряются // и мы начинаем обращать внимание на всякие мелочи // в частности на то как горит / костер // как стелется туман или поднимается / к небу // какой он пушистый / или // вертикально поднимается вверх // есть роса или ее нету // и / также / как заходит солнце // уровень / закрывают ли его облака или не закрывают // к ненастью / **может** даже / нам / **подсказать то / что** будет ненастье нам **может подсказать то / что** / не ловится рыба / в реке (И2, врач, жен., 40 лет; САТ);

- ну // да // контакт у меня отнимает много времени я к этому все я с этого начал / отнимал / просто я сейчас **решил то что** я буду проверять допустим / один раз (И4, студент-филолог, муж., 20 лет; САТ);

- я позвонил сейчас своему работодателю и он **сказал то что** завтра мне надо передать все по работе потому что меня / грубо говоря увольняют (И4, студент-филолог, муж., 20 лет, САТ);

- но один мой одноклассник **сказал то что** / Стас ты знаешь я не наелся ну и конечно я естественно ему отдал (И4, студент-филолог, муж., 20 лет, САТ);

- я знал что есть команда СПбГУ // м-м н-ну вот и-и я **думал то что** // надо бы мне // поиграть за эту команду потренироваться (И4, студент-филолог, муж., 20 лет, САТ).

Видно, что глаголы речи-мысли, распространителем которых является изъяснительное придаточное предложение, весьма разнообразны: *считаю, говорю, испугалась, сказали, договаривались, означало, подсказать, решил, думал* и ряд др. В речевой практике, прежде всего в той же студенческой речи, это явление настолько частотно, что действительно вызывает ощущение речевой агрессии, с которой, несомненно, надо бороться. Нельзя не заметить, впрочем, что встречается эта особенность и в речи старшего поколения (см. примеры выше). Так или иначе, но узус в данном случае явно противоречит норме.

Наконец, третья новация, ставшая объектом внимания в настоящей статье, пока слабо отражена в языковых/речевых корпусах (единственный найденный пример из газетного подкорпуса НКРЯ приведен выше), но назойливо навязывается нам, в частности, телевизионным сериалом (не из самых плохих, кстати) «След» (5 канал), который я смотрю

рю достаточно регулярно. Нормативная конструкция (фиксацию ее в явном виде в словарях и грамматиках также обнаружить не удалось) выглядит таким образом: *уже (столько-то времени), как (что-то происходит) или (столько-то времени), как уже (что-то происходит)*:

- *Виталик уже три дня как был дома* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000);

- И даже сегодня, в канун западного рождества (все посольства **уже два дня как стихли**, не звонят), в их министерстве все равно будет ночное сиденье (А. Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1–25 (1968) // «Новый Мир», 1990);

- (Яна, жен., 21) *Зажигалка есть?* (Галя, жен., 21) *Три месяца уже / как курить бросила!* (Яна, жен., 21) *Ну / блин / даешь / герой!* (Разговор двух студенток // Из коллекции НКРЯ, 2006);

- (Костя, А. Дьяченко, муж., 35, 1965) *Митька мой к тому времени года два уже как в Киеве / в «Соколе» играл / когда его... на драфт взяли / в НХЛ* (А. Балабанов. Брат-2, к/ф, 2000);

- (Куликов, В. Грибков, муж., 41, 1902) *Ноты пятнадцать лет как уже не на сцене* (Г. Раппапорт, Е. Петров. Воздушный извозчик, к/ф, 1943);

- вот **полгода уже как открылись** / и мучаемся (И78, рабочий, муж., 52 года; ОРД).

С легкой руки авторов сценария данного сериала⁵, герои (неизменно!) говорят совсем иначе: *уже как (столько-то времени) (что-то происходит)*, что вызывает большое желание как-то сопротивляться этому узуальному натиску. Агрессия узуса, далекого от нормы, здесь налицо.

Думается, что в той или иной степени все эти речевые явления можно рассматривать как своеобразную *гиперкоррекцию*: человек хочет говорить (и/или писать) лучше, правильнее, «красивее», но, не владея языком в достаточной мере, «перегибает палку» и совершает «ошибку от усердия». Впрочем, об ошибке хочется говорить только на первый взгляд. Даже поверхностный анализ корпусного материала (Национальный и Звуковой корпусы русского языка), произведенный на фоне словарно-грамматических рекоменда-

ций, показал, что рассматриваемые явления – не одного порядка, хотя в равной степени заслуживают лингвистического внимания.

Библиографический список

1. Античные теории языка и стиля [Текст] / Ред. О. М. Фрейденберг. – М., Л. : ОГИЗ, Соцгиз, 1936. – 341 с.

2. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Язык и языки [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию, т. II. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 67–95.

3. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Очерк истории польского языка [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию, т. II. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 294–310.

4. Бонфанте, Дж. Позиция неолингвистики [Текст] / Дж. Бонфанте // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. – М. : Учпедгиз, 1960. – С. 298–319.

5. Булаховский, Л. А. Курс русского литературного языка. Т. 1 [Текст] / Л. А. Булаховский. – Киев : Радянська школа, 1952. – 448 с.

6. Вербицкая, Л. А. Русская орфоэпия (к проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы) [Текст] / Л. А. Вербицкая. – Л. : Изд. ЛГУ, 1976. – 124 с.

7. Вербицкая, Л. А. Вариантность современной произносительной нормы и культура речи [Текст] / Л. А. Вербицкая // Нормы реализации. Варьирование языковых средств. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред.: Р. Р. Каспранский. – Горький: Горьковский гос. пед. ин-т им. М. Горького, 1984. – С. 53–60.

8. Вербицкая, Л. А. Давайте говорить правильно [Текст] / Л. А. Вербицкая. – М. : Высшая школа, 1993. – 144 с.

9. Горбачевич, К. С. Изменение норм русского литературного языка [Текст] / К. С. Горбачевич. – Л. : Просвещение, 1971. – 270 с.

10. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание [Текст] / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 532 с.

11. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения) [Текст] / Э. Косериу // Новое в лингвистике. Вып. 3. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – С. 143–343.

12. Пауль, Г. Принципы истории языка [Текст] / Пер. с нем.; под ред. А. А. Холодовича / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностранной литературы. 1960. – 501 с.

13. Семенюк, Н. Н. Норма и разные типы дифференциации языка [Текст] / Н. Н. Семенюк // Общелингвистический язык и функциональные стили. – Вильнюс: Мокслас, 1986. – С. 15–24.

⁵ На разных сайтах Интернета в их числе указываются разные имена, вот, в частности, некоторые из них: Камиль Закиров, Вячеслав Кушнин, Павел Песков, Александр Шуравин, Раф Гуревич, Кирилл Плетнер, Анастасия Демидова, Алексей Демидов, Василий Корякин, Дарья Кокорина.

14. Словарь русского языка в четырех томах. Том IV. С–Я [Текст] / Ред. А. П. Евгеньева, Г. А. Разумникова. – М.: Русский язык, 1984. – 792 с.

15. Словарь современного русского литературного языка. Т. XV. Т [Текст] / Ред. Г. А. Качевская и Е. Н. Толикина. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 1286 с.

16. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] : Ред. Ш. Балли и А. Сеше / Перев. с франц. А. М. Сухотина ; Ф. де Соссюр. – М.: Соцэкгиз, 1933. – 272 с.

17. Троицкий, И. М. Проблемы языка в античной науке [Текст] / И. М. Троицкий // Античные теории языка и стиля / Ред. О. М. Фрейденберг. – М., Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1936. – С. 7–28.

18. Фонетика спонтанной речи [Текст] / Отв. ред. Н. Д. Светозарова. – Л.: ЛГУ, 1988. – 243 с.

19. Шерстинова, Т. Ю., Рыко, А. И., Степанова, С. Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» [Текст] / Т. Ю. Шерстинова, А. И. Рыко, С. Б. Степанова // Формальные методы анализа речи. Материалы XXXVIII Международной филологической конференции (16–20 марта 2009 г.). – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 66–75.

20. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании [Текст] // Л. В. Щерба Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 24–39.

21. Щерба, Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова [Текст] // Л. В. Щерба Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 141–146.

Bibliograficheskiy spisok

1. Antichnye teorii yazyka i stilya [Tekst] / Red. O. M. Freydenberg. – M. – L.: OGIZ, Sotsekgiz, 1936. – 341 s.

2. Boduen de Kurtene, I. A. Yazyk i yazyki [Tekst] / I. A. Boduen de Kurtene // Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu, t. II. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – S. 67–95.

3. Boduen de Kurtene, I. A. Ocherk istorii pol'skogo yazyka [Tekst] / I. A. Boduen de Kurtene // Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu, t. II. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – S. 294–310.

4. Bonfante, Dzh. Pozitsiya neolingvistiki [Tekst] / Dzh. Bonfante // Zvegintsev V. A. Istoriya yazykoznaniiya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Chast' I. – M.: Uchpedgiz, 1960. – S. 298–319.

5. Bulakhovskiy, L. A. Kurs russkogo literaturnogo yazyka. T. 1 [Tekst] / L. A. Bulakhovskiy. – Kiev: Radian'ska shkola, 1952. – 448 s.

6. Verbitskaya, L. A. Russkaya orfoepiya (k probleme eksperimental'no-foneticheskogo issledovaniya osobennostey sovremennoy proiznositel'noy normy) [Tekst] / L. A. Verbitskaya. – L.: Izd. LGU, 1976. – 124 s.

7. Verbitskaya, L. A. Variantnost' sovremennoy proiznositel'noy normy i kul'tura rechi [Tekst] / L. A. Verbitskaya // Normy realizatsii. Var'irovanie yazykovykh sredstv. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov / Otv. red.: R. R. Kaspranskiy. – Gor'kiy: Gor'kovskiy gos. ped. in-t im. M. Gor'kogo, 1984. – S. 53–60.

8. Verbitskaya, L. A. Davayte govorit' pravil'no [Tekst] / L. A. Verbitskaya. – M.: Vysshaya shkola, 1993. – 144 s.

9. Gorbachevich, K. S. Izmenenie norm russkogo literaturnogo yazyka [Tekst] / K. S. Gorbachevich. – L.: Prosveshchenie, 1971. – 270 s.

10. Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Tekst] / Otv. red. N. V. Bogdanova-Beglaryan. – SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2013. – 532 s.

11. Koseriu, E. Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya (Problema yazykovogo izmeneniya) [Tekst] / E. Koseriu // Novoe v lingvistike. Vyp. 3. – M.: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1963. – S. 143–343.

12. Paul', G. Printsipy istorii yazyka [Tekst]: Per. s nem. / Pod red. A. A. Kholodovicha / G. Paul'. – M.: Izd-vo inostrannoy literatury. 1960. – 501 s.

13. Semenyuk, N. N. Norma i raznye tipy differentsiatsii yazyka [Tekst] / N. N. Semenyuk // Obshcheliteraturnyy yazyk i funktsional'nye stili. – Vil'nyus: Mokslas, 1986. – S. 15–24.

14. Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh. Tom IV. S Ya [Tekst] / Red. A. P. Evgen'eva, G. A. Razumnikova. – M.: Russkiy yazyk, 1984. – 792 s.

15. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. XV. T [Tekst] / Red. G. A. Kachevskaya i E. N. Tolikina. – M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – 1286 s.

16. Sossyur, F. de. Kurs obshchey lingvistiki [Tekst]: Red. Sh. Balli i A. Sese / Perev. s frants. A. M. Sukhotina / F. de Sossyur. – M.: Sotsekgiz, 1933. – 272 s.

17. Trotskiy, I. M. Problemy yazyka v antichnoy nauke [Tekst] / I. M. Trotskiy // Antichnye teorii yazyka i stilya / Red. O. M. Freydenberg. – M., L.: OGIZ, Sotsekgiz, 1936. – S. 7–28.

18. Fonetika spontannoy rechi [Tekst] / Otv. red. N. D. Svetozarova. – L.: LGU, 1988. – 243 s.

19. Sherstinova, T. Yu., Ryko, A. I., Stepanova, S. B. Sistema annotirovaniya v zvukovom korpusе russkogo yazyka «Oдин rechevoy den'» [Tekst] / T. Yu. Sherstinova, A. I. Ryko, S. B. Stepanova // Formal'nye metody analiza rechi. Materialy XXXVIII Mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii (16 20 marta 2009 g.). – SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009. – S. 66–75.

20. Shcherba, L. V. O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii [Tekst] // L. V. Shcherba Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. – L.: Nauka, 1974. – S. 24–39.

21. Shcherba, L. V. O raznykh stilyakh proiznosheniya i ob ideal'nom foneticheskom sostave slova [Tekst] // L. V. Shcherba Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. – L.: Nauka, 1974. – S. 141–146.

Е. Н. Геккина

Точное время в измерении компаратива НЕ ПОЗДНЕЕ

В статье рассматривается структурно-семантическая типология конструкций с компаративным наречием НЕ ПОЗДНЕЕ, в основу которой положен критерий, связанный с особенностями темпорального сценария описываемых событий или ситуаций. Выделяются пять основных структурно-семантических разновидностей конструкций, представленных в вариантных грамматических реализациях. Обозначаемые конструкциями моменты и отрезки времени, различным образом соотношенные друг с другом на календарной оси, могут воспроизводить хронологические рамки события или ситуации с различной степенью точности. Степень точности обуславливают объективные показатели описаний, а также субъективные факторы, связанные с интерпретацией конструкций носителями языка.

Ключевые слова: языковая конструкция, официально-деловой язык, разговорная речь, номинации моментов и отрезков времени.

E. N. Gekkina

Exact time measurement by adverb in the comparative degree “no later”

The paper deals with structural and semantic typology of constructions that include the adverb in the comparative degree “no later” based on specificity of time of describing events and situations. The paper presents five types of constructions and their grammatical variants. The constructions denote a certain point of time and a certain period combined in different ways, and this points and periods reconstruct exactly the chronological frameworks of events and situations. But the degree of accuracy varies depending on objective and subjective factors.

Keywords: language construction, formal business and everyday speech, nominations of time moment and period.

На первый взгляд, конструкции с компаративом *не позднее*, если иметь в виду моменты, отмечаемые календарями и часами, мало приспособлены для сообщений о точном времени. Однако в официально-деловой и разговорной речи, которую, вслед за Р. Якобсоном, можно назвать речью практической, они употребляются повсеместно, представляя собой номинации, пригодные для описаний событий и ситуаций с четко очерченным временным стандартом. Следовательно, вопрос о параметрах обозначаемого времени в отношении конструкций с *не позднее* сохраняет свою суть, хотя это скорее вопрос не о точном времени, конкретных минутах, часах или датах, а о фрагментах или отрезках, но таких же определенных, как и моменты времени. Определенность этих фрагментов или отрезков задается разными составами разных измерений: количеством, композиционными (линейными) характеристиками, размерами. Рассмотрим основные структурные и смысловые признаки конструкций с компаративом *не позднее* в последующем обзоре.

Наши интерпретации опираются на материал, почерпнутый из Национального корпуса русского языка, корпуса текстов Sketch Engine и базы данных «Интегрум»: примеры преимущественно из официально-деловых текстов, публицистических и художественных произведений; избирательно из научных текстов. Статистические данные выборки позволяют делать заключения об относительной частотности конструкций; эти оценки также включены в обзор.

Конструкции с компаративом *не позднее* используются при описании событий и ситуаций, связанных с возможностью совершения тех или иных действий в определенные моменты или отрезки времени. Конструкции можно объединить в несколько структурно-семантических разновидностей с учетом того, какой тип события или ситуации отображается в описании; типы событий или ситуаций в свою очередь различаются в зависимости от их временного сценария (далее

события и ситуации обозначаются термином «ситуация»).

1. НЕ ПОЗДНЕЕ КАК В X; НЕ ПОЗДНЕЕ КАК X-а; НЕ ПОЗДНЕЕ ЧЕМ В X; НЕ ПОЗДНЕЕ ЧЕМ X-а: *не позднее как в сентябре этого года; не позднее чем в момент возникновения требования; не позднее чем 1 октября; не позднее как завтра утром.*

НЕ ПОЗДНЕЕ управляет предложно-именной группой (предлог В с винительным или предложным падежом) или именной группой (в форме родительного падежа), вводимой союзом КАК или ЧЕМ. Группа включает названия временных единиц (*час, день, месяц, год*) или лексемы со значением временной единицы (*воскресенье; первый рабочий день; намеченное время*). Союз может вводить наречную номинацию, обозначающую часть суток (*завтра*).

Ситуация, при описании которой используется конструкция, относится к типу «делать (сделать) в определенный момент времени». Под определенным моментом времени может подразумеваться момент дня, какой-либо конкретный или приблизительный день (дни) и иные фрагменты, воспринимаемые как момент времени.

- Начало объявляется в 4 часа, чтоб начать ровно в 5 и кончить **не позднее как в 8 часов**.

- **Не позднее как в пятницу** мы могли бы обсудить этот вопрос.

- Заявление подается **не позднее, чем в день голосования**.

- Уездная земская управа назначает представителей окружных избирательных комиссий и определяет место заседания каждой из означенных комиссий **не позднее, чем в день, назначенный** для вторичного предъявления избирательных списков для всеобщего обозрения (Наказ уездным земским учреждениям о применении временных правил о производстве выборов губернских и уездных земских гласных. 17.07.1917).

Из всех лексических вариантов более частотно соединение НЕ ПОЗДНЕЕ ЧЕМ В ДЕНЬ, включающее атрибутивный компонент для лексемы *день*. Остальные варианты конструкции малоупотребительны. Именно эта разновидность конструкции способна абсолютно точно обозначить время действия, сверяемое со временем на часах и секундомере; ср.: *не позднее чем в семь часов тридцать минут ноль секунд*.

2. НЕ ПОЗДНЕЕ X-а: *не позднее двадцати часов; не позднее 31 декабря; не позднее вечера.*

НЕ ПОЗДНЕЕ управляет именной группой в форме родительного падежа (родительного падежа), в состав которой входят названия временных единиц (*секунда, минута, час, день, сутки, месяц, год*) или дескрипция, указывающая на момент времени. К компаративу может примыкать наречная номинация со значением ‘часть суток’ (*завтра*).

Ситуация, при описании которой используется конструкция, относится к типу «делать (сделать) до определенного момента времени». Здесь релевантен отрезок времени, у которого точно обозначена конечная точка; эта точка соотнесена с моментом (частью) суток или календарной датой. Конструкция не содержит «стартовую» характеристику отрезка, и о его начальной точке сообщать что-либо с точностью или приблизительно могут другие компоненты высказывания или другие высказывания. Следовательно, при необходимости установить протяженность отрезка следует ориентироваться на то, что о начальной точке известно из контекста или реальных обстоятельств. В рамках этого отрезка выполняются те или иные нужные действия; в некоторых случаях существенно то, что по его истечении право или обязанность совершать эти действия теряют свою силу.

- Работа должна быть отправлена **не позднее 20 мая 2010 года**.

- Препарат следует принимать не позднее второго дня заболевания.

- Заявитель вправе отозвать заявку на изобретение **не позднее даты регистрации изобретения**.

- Он обещал все вернуть **не позднее завтра**.

- Конструкция частотна.

3. Общим свойством ситуаций, при описании которых используются следующие реализации конструкций, является то, что они относятся к типу «делать (сделать) в определенный отрезок времени, наступающий после определенного момента времени». Те или иные нужные действия выполняются в рамках этого отрезка, в любой из моментов. Для одних ситуаций существенно то, что по завершении этого периода право или обязанность выполнить нужные действия теряют свою силу; для других ситуаций существенно то, чтобы нужные действия субъекты успели осуществить полностью, до достижения искомого результата.

Ядерная часть конструкции, обозначающая тот или иной протяженный срок, имеет разные грамматические реализации. Выделяются по

крайней мере четыре грамматических варианта именной группы.

Конструкции включают дополнительный структурный компонент – предложно-именную часть, представляющую собой сочетание предлога С или ПОСЛЕ и номинативной группы в форме родительного падежа. Этот компонент обозначает «стартовый» момент, от которого исчисляется отрезок времени; обычно компонент представлен в виде дескрипции, сообщающей о времени какого-либо события; например: *с момента задержания, со дня рождения ребенка, с даты заключения договора или после принятия решения*. В конструкции конкретного высказывания он может отсутствовать, и тогда сведения о «стартовом» моменте извлекаются из более широкого контекста или определяются с опорой на то, что известно о реальных обстоятельствах, сопутствующих ситуации. Этот компонент далее приводится в инвариантном виде С (ПОСЛЕ) МОМЕНТА ВРЕМЕНИ.

3.1. НЕ ПОЗДНЕЕ X-а С (ПОСЛЕ) МОМЕНТА ВРЕМЕНИ: *не позднее 24 часов с момента задержания; не позднее трех дней со дня принятия решения; не позднее окончания срока приватизации.*

НЕ ПОЗДНЕЕ управляет именной группой в форме родительного падежа; как правило, это сочетание числительного и существительного-названия временной единицы, обозначающее некоторый протяженный срок; также используются дескрипции с этим временным значением.

- Больных в активной форме станут госпитализировать **не позднее трех дней**.
- Контракт должен быть заключен не позднее двадцати дней со дня проведения конкурса.
- Вакцину необходимо ввести не позднее 72 часов после родов.
- Конструкция частотна.

3.2. НЕ ПОЗДНЕЕ СРОКА X-го С (ПОСЛЕ) МОМЕНТА ВРЕМЕНИ: *не позднее месячного срока с момента обращения; не позднее двухнедельного срока после вступления в должность; не позднее срока, установленного законом.*

НЕ ПОЗДНЕЕ управляет родительным падежом именной группы, включающей лексему СРОК и лексемы, характеризующие срок (позиция X-й), например прилагательное со значением ‘имеющий протяженность, исчисляемую некоторым количеством дней (месяцев, лет и т. п.)’.

- Руководители предприятий обязаны предоставлять уволенным в запас военнослужащим работу **не позднее месячного срока со дня обращения**.

- Законы подлежат опубликованию не позднее семидневного срока после их принятия.

- Конструкция частотна.

3.3. НЕ ПОЗДНЕЕ КАК В СРОК X-й С (ПОСЛЕ) МОМЕНТА ВРЕМЕНИ; НЕ ПОЗДНЕЕ ЧЕМ В СРОК X-й С (ПОСЛЕ) МОМЕНТА ВРЕМЕНИ: *не позднее как в пятидневный срок; не позднее чем в 10-дневный срок со дня получения; не позднее чем в двухнедельный срок после выписки.*

НЕ ПОЗДНЕЕ управляет именной группой, вводимой союзом КАК или ЧЕМ (более частотен). Ядро группы образует словосочетание в форме винительного падежа, включающее предлог В и лексему СРОК со сложным прилагательным в значении ‘имеющий протяженность, исчисляемую некоторым количеством дней (месяцев, лет и т. п.)’, то есть словосочетание обозначает некий протяженный срок.

- *Протест подлежит обязательному рассмотрению не позднее чем в десятидневный срок с момента его поступления.*

- Государственная регистрация прав проводится не позднее чем в месячный срок со дня подачи заявления и документов, необходимых для государственной регистрации.

Из всех лексических вариантов конструкции чаще других представлено соединение НЕ ПОЗДНЕЕ ЧЕМ В СРОК X-й СО ДНЯ, включающее атрибутивный компонент для *день*.

3.4. НЕ ПОЗДНЕЕ КАК В ТЕЧЕНИЕ X-а С (ПОСЛЕ) МОМЕНТА ВРЕМЕНИ; НЕ ПОЗДНЕЕ ЧЕМ В ТЕЧЕНИЕ X-а С (ПОСЛЕ) МОМЕНТА ВРЕМЕНИ: *не позднее как в течение трех суток; не позднее чем в течение десяти дней со дня получения; не позднее чем в течение одного месяца после торгов.*

НЕ ПОЗДНЕЕ управляет предложно-именной группой, вводимой союзом КАК или ЧЕМ (более частотен). Ядро именной группы образует словосочетание с предлогом В ТЕЧЕНИЕ и лексемами, обозначающими определенный измеряемый отрезок времени: чаще всего это сочетание числительного и существительного – названия временной единицы.

- *Повторные выборы мы должны провести не позднее чем в течение года.*
- Копия решения суда высылается ответчику не позднее чем в течение трех дней со дня его принятия.

- Терапевт обязан принять и осмотреть пациента не позднее, чем в течение семи дней после первого его обращения.

Из всех лексических вариантов чаще других представлено соединение НЕ ПОЗДНЕЕ ЧЕМ В ТЕЧЕНИЕ X-а СО ДНЯ, включающее атрибутивный компонент для *день*.

4. НЕ ПОЗДНЕЕ КАК ЧЕРЕЗ X С (ПОСЛЕ) МОМЕНТА ВРЕМЕНИ; НЕ ПОЗДНЕЕ ЧЕМ ЧЕРЕЗ X С (ПОСЛЕ) МОМЕНТА ВРЕМЕНИ: *не позднее как через два года; не позднее чем через пятьдесят дней со дня подписания договора; не позднее чем через четыре месяца после окончания финансового года; не позднее как через сутки по окончании выборов.*

НЕ ПОЗДНЕЕ управляет предложно-именной группой в форме винительного падежа, вводимой союзом КАК или ЧЕМ (более частотен). Группу образует сочетание предлога ЧЕРЕЗ и лексем, обозначающих определенный измеряемый отрезок времени (позиция X): чаще всего это числительные и существительные – названия временных единиц. В состав конструкции также входит компонент С (ПОСЛЕ) МОМЕНТА ВРЕМЕНИ, называющий точку старта для обозначаемого отрезка времени (ср. также сочетание с временным предлогом ПО); компонент может быть опущен, соответственно, эта точка определяется при помощи контекста.

Конструкции являются самыми частотными в описаниях ситуаций типа «делать (сделать) после определенного момента времени, в определенный отрезок времени». Особенности описаний, в которых они появляются, еще предстоит анализировать детально. Пока же отметим, что ситуации могут различаться в зависимости от того, в рамках какого отрезка времени производятся действия: действия могут производиться в рамках определенного, исчисленного отрезка времени после момента-ориентира, но, кроме того, сразу по его истечении; другие же действия осуществляются уже по истечении этого определенного отрезка времени. Иными словами, временной сценарий ситуации может включать три последовательных, в том числе по отношению к календарной оси, фрагмента: первый фрагмент – момент времени, точка отсчета для наступающего периода; второй фрагмент – определенный, исчисленный отрезок времени после точки отсчета; третий фрагмент – период по истечении предшествующего отрезка. Это отличие обусловило отграничение данной разновидности конструкции от разновидностей, представленных выше.

- Вы должны быть на месте не позднее, чем через сорок минут.

- Заявление о рождении ребенка должно быть сделано не позднее чем через месяц со дня рождения ребенка.

- Протокол судебного заседания должен быть составлен и подписан не позднее чем через три дня после окончания судебного заседания.

5. Обсуждаемые далее разновидности конструкций участвуют в описании ситуаций типа «делать (сделать) до определенного момента времени, которому предшествует определенный отрезок времени». Временной сценарий ситуации имеет иной, «обратный» ход: заданный промежуток времени отсчитывается от момента-ориентира, располагающегося после него на линейной (календарной) оси. Период времени, в рамках которого выполняются нужные действия, предшествует этому заданному промежутку времени. Таким образом, для описываемой ситуации актуальны три последовательно располагающихся на календарной оси фрагмента: первый фрагмент – период, когда выполняются нужные действия; второй фрагмент – определенный, исчисленный «буферный» промежуток (в это время нужные действия не выполняются); третий фрагмент – определенный момент времени после промежуточного фрагмента, главный ориентир для всей схемы. Без сомнения, такой временной сценарий является самым сложным по структуре.

5.1. НЕ ПОЗДНЕЕ КАК ЗА X ДО МОМЕНТА ВРЕМЕНИ; НЕ ПОЗДНЕЕ ЧЕМ ЗА X ДО МОМЕНТА ВРЕМЕНИ: *не позднее как за три часа до погрузки; не позднее чем за восемь дней до дня голосования; не позднее чем за два месяца до устойчивого похолодания.*

НЕ ПОЗДНЕЕ управляет именной группой, вводимой союзом КАК или ЧЕМ (более частотен). Ядро группы образует сочетание предлога ЗА и лексем, обозначающих определенный, измеряемый промежуток времени (позиция X): чаще всего это числительные и существительные – названия временных единиц. В состав конструкции входит компонент ДО МОМЕНТА ВРЕМЕНИ, называющий конечную точку обозначаемого промежутка времени; обычно представлен в виде дескрипции, сообщающей о времени какого-либо события; если компонент опущен, то конечная точка определяется с помощью контекста.

- Экипажи кораблей выстраиваются на верхней палубе не позднее чем за 15 минут до назначенного времени начала парада.

- Ужинать рекомендуется не позднее, чем за два часа до сна.

- Состав судейской коллегии комплектуется и утверждается не позднее чем за месяц до начала соревнований.

- Конструкция частотна; до конца XX века была единственной конструкцией с компаративом НЕ ПОЗДНЕЕ, участвующей в описании ситуации типа «делать (сделать) до определенного момента времени, которому предшествует определенный отрезок времени».

5.2. НЕ ПОЗДНЕЕ X-а ДО МОМЕНТА ВРЕМЕНИ: *не позднее 15 рабочих дней до дня начала тура; не позднее двух недель до даты заезда.*

НЕ ПОЗДНЕЕ управляет именной группой в форме родительного падежа, в состав которой входят лексемы, обозначающие определенный, измеряемый отрезок времени: чаще всего это сочетание числительного и существительного – названия временной единицы. Конструкцию дополняет компонент ДО МОМЕНТА ВРЕМЕНИ, называющий конечную точку обозначаемого промежутка времени.

- *Не позднее 12 месяцев до истечения упомянутого срока Договаривающиеся Стороны согласуют меры, необходимые для обеспечения продолжения и дальнейшего расширения экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества* (Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ. 1990).

- Уведомление подается в органы исполнительной власти в срок не ранее 15 и не **позднее 10 дней до намечаемой даты** проведения мероприятия (Коммерсантъ-Daily; 26.05.1993.).

- Принявшими участие в общем собрании акционеров считаются акционеры, зарегистрировавшиеся для участия в нем, и акционеры, бюллетени которых получены **не позднее двух дней до даты** проведения общего собрания акционеров. (Федеральный закон «Об акционерных обществах». 1995).

Конструкция появилась сравнительно недавно: первая цитата в нашей выборке датирована 1990 годом (см. выше). Материалы СМИ, представленные в базе «Интегрум», свидетельствуют о том, что в начале 90-х годов XX века конструкция употреблялась в единичных случаях, затем стала встречаться все чаще, преимущественно в официально-деловых текстах, таких как тексты законов, соглашений, положений, распоря-

жений, договоров, приказов и т. п., комментарии к этим документам. Материалы первого десятилетия XXI века показывают, что конструкция прочно вошла в деловой обиход и активно используется в различных документах, в том числе предназначенных для широкого круга лиц, например в тексте устава города.

При этом следует указать на тот факт, что смысловой план высказываний, включающих конструкцию этой модели, может различным образом интерпретироваться носителями языка. В частности, утверждать это позволяют результаты проведенного нами лингвистического эксперимента на основе фрагмента из текста грантовой программы одного из фондов: *«Соискатель должен представить Фонду нотариально заверенную копию выписки из Единого государственного реестра юридических лиц, полученную не позднее 15 (пятнадцати) дней до дня ее отправления в адрес Фонда»*. Участники эксперимента (40 человек с высшим образованием разного профиля) отвечали на вопрос: «Когда должна быть получена копия, если документы следует отправить 15 мая?»

Большинство полученных ответов делятся на две группы, примерно равные по количеству, но противоположные по содержанию, если брать календарное исчисление. **Первую группу** составляют ответы «в апреле (30 апреля и ранее)». Отвечавшие рассуждали примерно так: до 15 мая должен пройти период времени, равный пятнадцати дням, а это промежуток с 1 мая по 15 мая. Следовательно, подразумевается «не позднее 1 мая», если ориентироваться по календарю, то есть справку нужно получить в апреле. **Вторую группу** составили ответы «в мае (в период с 1 мая по 15 мая)». Отвечавшие рассуждали иным образом: фраза *«не позднее пятнадцати дней»* подразумевает период времени, равный пятнадцати дням и не более, а значит, если отсчет вести от 15 мая, то «не больше, не дальше от 15 мая»; то есть неправильно получать справку в апреле, сделать это надо только в период с 1 мая по 15 мая; кроме того, по логике вещей понятно, что нужна «свежая» справка. Некоторые участники эксперимента заявили, что не могут дать однозначный ответ на вопрос и что текст требует редакторской правки.

Если высказывание, включающее фрагмент на основе модели НЕ ПОЗДНЕЕ X-а («отрезок времени») ДО МОМЕНТА ВРЕМЕНИ, «открыто» для вариативного толкования его содержательного плана, то есть основания полагать, что эта

модель менее приспособлена для точных «временных» измерений, в отличие от конструкций других разновидностей.

Подведем итоги. Выделяются по крайней мере пять основных разновидностей конструкций с компаративом *не позднее*, имеющих варианты грамматические реализации. Каждая из разновидностей используется в описании ситуаций какого-либо одного типа, предполагающего общий временной сценарий. Дальнейший анализ позволит уточнить структурно-семантические особенности моделей и их функциональный диа-

пазон. Пока же констатируем: временной сценарий ситуации может воплощаться в обсуждаемых конструкциях с необходимой степенью точности, в том числе такой, какую предусматривают календарь и часы. Но если временной сценарий сложен по структуре и отображается лаконичной моделью, то возникает вероятность, что носители языка могут воспользоваться не только теми ориентирами, какие задает конструкция, но и теми, какие сочтут правильными в конкретных реальных обстоятельствах.

Н. И. Голубева-Монаткина, Л. Л. Шестакова

Об изучении русской эмигрантской речи с помощью корпусных методов

В статье рассматриваются результаты применения корпусных методов в исследовании русской эмигрантской речи. В настоящее время так называемая «первая волна» русской эмиграции во Францию (и позже в Канаду) исчезла, но еще в 1991–1998 гг. были живы некоторые эмигранты как первого, так и второго поколений, ставшие последними представителями «Зарубежной России». Обработка с помощью автоматизированной системы «Диктум-1» корпуса текстов устной речи эмигрантов «первой волны» выявила значимость в ней ономастики, и особенно – топонимики. Как показано, при большом массиве иностранных топонимов позицию наиболее частотного, социально и культурно нагруженного в речи эмигрантов занял топоним *Россия*.

Ключевые слова: «Зарубежная Россия», эмигрантская русская речь, корпусное исследование, ономастика, топоним.

N. I. Golubeva-Monatkina, L. L. Shestakova

Corpus-based approach to Russian emigrant language study

The paper discusses the efficiency of applying the corpus-based approach to Russian emigrant language study. At present the so-called «first wave» of Russian migration to France (and later to Canada) has disappeared but in 1991–1998 some representatives of both the first and the second generations formed the remainder of a unique cultural phenomenon named «Russian Abroad». The use of the automated system Diktum-1 for processing the oral speech corpus of emigrants of «the first wave» revealed the importance of onomastics in it, and especially – of toponymics. As it was shown, among the large corpus of foreign toponyms in the speech of emigrants, the toponym *Russia* has the position of the most frequent one and of socially and culturally accentuated.

Keywords: «Russian Abroad», Russian emigrant language, corpus-based approach, onomastics, toponym.

Материал исследования – корпус текстов устной речи представителей первого и второго поколений русской эмиграции «первой волны», который складывался преимущественно в 1991–1992 гг. во Франции [1] и в 1995 и 1998 гг. в Канаде [2], где было опрошено 97 человек (количество интервью – 85). Текстовая база включает в себя 181 519 словоупотреблений.

Староэмигрантская русская речь, звучавшая в 1990-е гг. на Западе, – это тот язык, на котором говорили и писали образованные эмигранты первой, послереволюционной, «волны», жившие в разных странах русского «рассеяния». В указанное время во Франции и в Канаде носителями ее были те очень немногочисленные представители самого первого поколения русского зарубежья, которым на момент записи интервью было за 90 лет, а также их дети, большинство которых родились еще в России, были привезены в эмиграцию в возрасте от четырех месяцев до восьми лет и которым в период записи интервью было, в основном, за 70 лет. Эта речь несет на себе отпеча-

ток произносительных, грамматических и лексических норм русского литературного языка конца XIX – начала XX в., иногда словоупотребления 1930–40-х гг. В ней видны разрушительные для фонетической, грамматической и лексической систем следы многолетнего «погружения» носителей русского языка в иноязычную среду.

Как известно, изучение языкового материала с помощью корпусных методов открывает перед лингвистами новые возможности. Так, обработка корпуса староэмигрантских текстов с помощью автоматизированной системы «Диктум-1» (система «содержит в себе морфологический, лексико-семантический и морфемный анализаторы русского языка, поисковый и сортировочный аппарат, аппарат получения первичной статистики <...>, сортировки и просмотра отобранных единиц в конкордансе переменной длины и просмотра отобранных единиц в режиме “прозрачного текста”» [3]), полученные в результате этого словники и конкордансы позволяют выявить состав и структуру лексикона носителей старо-

эмигрантской речи, выделить в нем единицы разных классов, разной частоты употребления, системно изучить грамматические, стилистические и иные особенности этой речи. Те направления изучения лексики, которые были выявлены при обработке материала «ручным» способом, могут быть продолжены с опорой на корпус. Здесь же, используя наш опыт в изучении имен собственных [5; 6], остановимся на ономастической лексике, обилие которой бросается в глаза даже при беглом просмотре материалов.

Общий ономастический словник, выделенный с применением пометы SOBST., показывает, что объем имен собственных в корпусе составляет 1816 словоформ, включая иноязычные вкрапления (преимущественно французские, но также английские, немецкие, испанские – в латинице и реже в транслитерированном виде). В составе ономастикона выделяются совокупности географических названий – топонимов и примыкающих к ним гидронимов двух типов: иностранные и российские. Наличие большого числа топонимов объяснимо: в картине мира носителей эмигрантской речи понятие географического пространства с вынужденными в нем перемещениями – важнейший фактор существования. Начало частотного топонимического словника выглядит следующим образом:

1. Россия [388]
2. Франция [288]
3. Париж [244]
4. Москва [102]
5. Америка [92]
6. Петербург [86]
7. Германия [82]
8. Канада [76]
9. Польша [76]
10. Югославия [62]

Как видно, в этом списке преобладают иностранные топонимы. Однако обратим внимание на то, что первые две строчки занимают *Россия* и *Франция*, вторые две – *Париж* и *Москва*. При этом российские столицы Москва + Петербург + Петроград + Ленинград дают в совокупности 223 употребления (немногим меньше, чем Париж).

Рассмотрим массив иностранных географических названий.

Иностранные топонимы и гидронимы представлены 134 единицами с общей частотой употребления 2700. Это названия континентов, стран (включая регионы, провинции, города и т. п.), океанов, морей, рек (список дан в сокращенном виде):

ЕВРОПА 14: Дунай 6, Балканы 4; *Франция* 290: Нормандия 5, Турень 2 / Touraine 1, Бретань 1 / Bretagne 3, Иль-де-Франс 1, Лотарингия 1 / Lorraine 1, Эльзас 1, Сена 2, La-Manche 1, île Maurice 1; Париж 248, Ницца 47, Тур 13, Версаль 8 / Versailles 1, Медон 8, Кламар 5 / Clamart 2, Лион 5 / Lyon 1, Бордо 4 / Bordeaux 2, Мурмелон 4, Брест 3, Марсель 3, Тулон 3, Биарица 2, Гренобль 2, Фавьер 2 / (La) Favière 2, Аньер 1 / Asnières 1, Булонь 1 / Boulogne 2, Лилль 1, Намюр 1, Руан 1, Сен-Женевьев-де-Буа 1 / Sainte-Geneviève-des-Bois 2, Труа 1, Тулуза 1, Quincy 12, Fontainebleau 11, Richelieu 10, Saint-Cloud 4, Lonjumeau 3, Névers 3, Beauvais 2, Cannes 2, Gagny 2, Rambouillet 2, Bormes-les-Mimosas 1, Caen 1, Chantilly 1, Courbevoie 1, Drancy 1, Indre-et-Loire 2, Melun 2, Metz 1, Monmorency 1, Promainville 1, Reims 1, Saint-Lo 1, Saint-Quentin-les-Ivelines 1, Vichy 1, Ville-Paris 1; *Германия* 83: Берлин 24, Мюнхен 5, Франкфурт 3, Одер 3, Висбаден 3, Восточная Пруссия 2, Тироль 2, Гамбург 1, Рейн 1, Аушвиц 1, Нойнгам 1, Саксония 1; *Польша* 76: Варшава 7, Быдгощ 2, Люблин 2; *Югославия* 62: Сербия 19, Белград 12, Дубровник 3, Сремски Карловцы 2, Загреб 1; *Чехословакия* 25 и Чехия 13, Словакия 9: Прага 32 / Prague 1, Моравская Тржебова 3, Богемия 1, Братислава 8, Владомирово 1; *Болгария* 32: София 9; *Румыния* 30: Бухарест 4; *Англия* 24: Лондон 7; *Бельгия* 20: Брюссель 3; *Италия* 15: Триест 3, Milano 1; *Испания* 9; *Австрия* 7: Вена 18; *Греция* 6: Афины 1, Афон 1; Швейцария 6; *Турция* 3: Константинополь 48, Галлиполи 10.

АМЕРИКА 94 и *Соединенные Штаты (Штаты)* 1) 26: Нью-Йорк 30, Син-Клиф 6, Сан-Франциско 5, Флорида 4, Брайтон 2, Виргиния 2, Джорданвилл(ь) 2, Калифорния 1, Гарвард 1, Монпелье (Вермонт) 1, Санта-Барбара 1, Аляска 1, Бостон 1, Pearl Harbor (Гавайи) 2; *Канада* 76: Монреаль 21, Оттава 3, Квебек 3, Роуден 4, Торонто 3, Ладель 1.

АФРИКА 7: Марокко 25, Египет 8, Бизерта 5 / Biserte 1, Касабланка 1, Тунис / Тунизия 1, Раббат 1, Абиджан 1, Liotet 4.

АЗИЯ 1: Китай 24: Шанхай 11, Харбин 5, Пекин 2, Тяньцзинь 1; Персия 8: Тегеран 1; Индия 6, Памир 2; Святая земля 1; Индонезия 1: Ява 3; Вьетнам 1.

АВСТРАЛИЯ 5.

Адриатическое море 1, Аравийское море 1, Атлантический океан 2, Каспийское море 1, Индийский / Индусский океан 3.

Иностранная топонимика ясно отражает прошлое и «настоящее» (1990-е гг.) «рассеяния»

российских эмигрантов по странам и континентам: *Европа, Азия, Африка, Америка, Австралия*. Среди топонимов имеются не только, по определению А. В. Суперанской, «имена объектов со всемирной (всеобщей) известностью» (например, *Франция, Париж*), но и «именования, известные более или менее широкому кругу лиц» (таковы, в частности, *Медон* и *Кламар / Clamart*, тесно связанные с прошлым и настоящим русской эмиграции во Франции), а также «узколокальные именованья с малой известностью» [4] (*Quincy* под Парижем, *Син-Клиф* в США).

Особенно хорошо представлены *Франция* (288) и *Париж* (244), где с середины 1920-х гг. формируется центр русского «рассеяния», причем частотность французских топонимов может отражать и прошлое, и настоящее самих эмигрантов. Так, Б. Н. Лосский, сын философа Н. О. Лосского, был в 1947–1970 гг. хранителем музеев в нескольких городках Франции – Туре (*Тур* 13), Ришелье (*Richelieu* 10), а присутствие в списке таких французских топонимов, как *Нормандия* (5) и *Sarentan* (3) обусловлено местом работы и проживания (на момент записи интервью) одного из информантов.

Топонимы «рассказывают» о черноморском «исходе» армии Врангеля и ее пребывании в Константинополе (*Константинополь* 48), Галлиполи (*Галлиполи* 10) и на острове Лемнос (*Лемнос* 12), прибытии в декабре 1920 г. четырех тысяч моряков и двух тысяч членов их семей на 33 русских корабля Черноморского флота на французскую военно-морскую базу в Тунисе (*Бизерта* 5 / *Biserte* 1, *Тунис / Тунизия* 1). Позже русских эмигрантов принимают Болгария (*Болгария* 32), королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (*Югославия* 62, *Сербия* 19) и другие страны.

Что касается Канады (*Канада* 76), то небольшое количество ее топонимов в корпусе текстов объясняется тем, что основная часть эмигрантов «первой волны» и их потомков въехали в страну лишь после 1945 г., покинув по разным причинам Чехословакию, Болгарию, Югославию, Румынию, Францию, Бельгию, Китай. Именно поэтому в интервью с канадскими эмигрантами топонимы, связанные с перечисленными странами, присутствуют чаще, чем топонимы канадские.

При том, что иностранные топонимы занимают большую часть выделенного топонимического пространства, самым частотным географическим названием является имя собственное *Россия* (388). Прямое сопряжение России и Франции выражено в таком определении одного из информантов: «Две родины: Россия и Франция».

Особенности употребления топонимической лексики демонстрируют данные конкордансов. Конкорданс имен собственных показывает, что в эмигрантской речи оним *Россия* выступает в виде словоформ: *Россия* (38), *России* (258; род., дат., предл.), *Россию* (75), *Россией* (17). Этот топоним слабо «поддерживается» своими производными: *россиянин, россияне* (3), *российский* (3), то есть название страны, «родины отцов» оказывается самодостаточным (вопроса о соотношении в корпусе эмигрантской речи слов *Россия* и *русский* мы здесь не касаемся).

Анализ контекстов с топонимом *Россия* позволяет воссоздать представление о родине, характерное для эмигрантов «первой волны» (в особенности второго поколения), вычленив ассоциации, уловив эмоции, которые вызывает у эмигрантов «реалия», стоящая за этим именем собственным. Так, для них важно идентифицировать себя с Россией (прежней, «старой», другой, «которой нету»), акцентировать свою принадлежность к ней по рождению: «говорю / что Россия моя отчизна», «Россия / родина отцов» (встречается в речи разных информантов), «принадлежали к России», «родилась в России», а также подчеркнуть ее величие: «этой великой России», «Это великая / богатая / знатная [Россия]», «Россия была богатая». Не случайны поэтому многочисленные высказывания, в которых Россия является предметом мыслей, разговоров, интересов (в качестве опорных здесь выступают глаголы *думать, интересоваться* и др.): «думала о России», «говорить о России», «интересуюсь Россией», «молюсь о России». Ср. также конструкции с глаголом *жить* в значении «быть целиком занятым, поглощенным чем-л.»: «я живу Россией», «живем только Россией», «Мы-то живем Россией старой / все-таки». Для эмигрантов «первой волны» важно и прямо выразить свою любовь к родине. Свидетельство этого – повторяющиеся высказывания с глаголом *любить*: «Я люблю Россию», «всегда любила Россию», «очень любили Россию» и под. С этим непосредственно связаны и желание добра родине, и вера в ее будущее: «думаю / что Россия воскреснет», «и Россия восстановится», «/ чтобы Россия снова воскресла».

Эмигрантский образ России формируют и другие имена собственные, зафиксированные в ономастическом словнике: Агашкино 1, Александровск 1, Байкал 1, Беленькое 5, Владивосток 2, Владикавказ 2, Волга 4, Волокитино 1, Воронеж 6, Гатчина 1, Дон 7, Екатеринославская губерния 1, Новгород 3, Новороссийск 7, Кавказ 7 /

Caucase 1, Кисловодск 4, Кострома 4, Крым 23, Ленинград 19, Москва 102, Новочеркасск 3, Петербург 86 / Saint-Petersbourg 1, Петергоф 2, Петроград 16, Свистовка 1, Севастополь 8, Сергиевское 3, Сибирь 13, Симферополь 3, Сталинград 3, Тверская губерния 1, Феодосия 1, Финский залив 1, Черноморье 1, Чиченик(и) 2, Ялта 3. Эти имена образуют своего рода географическую карту, которая может быть детализирована, местами «дешифрована» (ср.: *Волокитино*, *Свистовка* и под.). Но, как видно, на ней представлены названия российских регионов, губерний, городов, деревень, а также водных пространств, среди которых выделяются *Волга* и *Байкал*.

Обработанный материал показал, что данные даже предварительного анализа корпуса староэмигрантской речи позволяют получить такую картину словоупотребления (в нашем случае – употребления ономастических единиц), которую с помощью традиционных методов обработки языкового материала выявить было бы весьма затруднительно.

Библиографический список

1. Голубева-Монаткина, Н. И. Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. Тексты и комментарии [Текст] / Н. И. Голубева-Монаткина. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 480 с.
2. Голубева-Монаткина, Н. И. Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. Тексты и комментарии [Текст] / Н. И. Голубева-Монаткина. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 384 с.
3. Поликарпов, А. А. Славянская компьютерная лексикография: задачи и проблемы [Электронный ресурс] / А. А. Поликарпов // МГУ им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет. Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии. – М., 2001. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~lex/articles/slav_lex.htm. – (Дата обращения: 14.11.2014).
4. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – 2-е изд., испр. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 368 с.

5. Шестакова, Л. Л. Личные имена в рифмах Марины Цветаевой (по материалам словаря «Собственное имя в русской поэзии XX века») [Текст] / Л. Л. Шестакова // Чужбина, Родина моя! Эмигрантский период в жизни и творчестве Марины Цветаевой: сб. науч. тр. / Отв. ред. И. Ю. Белякова. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004. – С. 441–453.

6. Шестакова, Л. Л. Мифоним Азраил в истории поэтического языка [Текст] / Л. Л. Шестакова // Корпусный анализ русского стиха: сб. науч. ст. / Отв. ред. В. А. Плунгян, Л. Л. Шестакова. – М.: Азбуковник, 2013. – С. 81–116.

Bibliograficheskiy spisok

1. Golubeva-Monatkina, N. I. Russkaya emigrantskaya rech' vo Frantsii kontsa KhKh veka. Teksty i kommentarii [Tekst] / N. I. Golubeva-Monatkina. – M.: Editorial URSS, 2004. – 480 s.
2. Golubeva-Monatkina, N. I. Russkaya emigrantskaya rech' v Kanade kontsa KhKh veka. Teksty i kommentarii [Tekst] / N. I. Golubeva-Monatkina. – M.: Editorial URSS, 2004. – 384 s.
3. Polikarpov, A. A. Slavyanskaya komp'yuternaya leksikografiya: zadachi i problemy / A. A. Polikarpov // MGU im. M. V. Lomonosova. Filologicheskiy fakul'tet. Laboratoriya obshchey i komp'yuternoy leksikologii i leksikografii. – M., 2001. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.philol.msu.ru/~lex/articles/slav_lex.htm. – (Data obrashcheniya: 14.11.2014).
4. Superanskaya, A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [Tekst] / A. V. Superanskaya. – 2-e izd., ispr. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. – 368 s.
5. Shestakova, L. L. Lichnye imena v rifmakh Mariny Tsvetaevoy (po materialam slovarya «Sobstvennoe imya v russkoy poezii XX veka») [Tekst] / L. L. Shestakova // Chuzhbina, Rodina moy! Emigrantskiy period v zhizni i tvorchestve Mariny Tsvetaevoy: sb. nauch. tr. / Otv. red. I. Yu. Belyakova. – M.: Dom-muzey Mariny Tsvetaevoy, 2004. – S. 441–453.
6. Shestakova, L. L. Mifonim Azrail v istorii poeticheskogo yazyka [Tekst] / L. L. Shestakova // Korpusnyy analiz russkogo stikha: sb. nauch. st. / Otv. red. V. A. Plungyan, L. L. Shestakova. – M.: Azbukovnik», 2013. – S. 81–116.

Г. И. Кустова

Падежные рамки интерпретационных предикатов и механизмы компрессии

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00507а

Предикаты интерпретации являются абстрактными предикатами и имеют валентность на ситуацию (пропозициональную валентность). Другие абстрактные предикаты (перцептивные, ментальные, речевые) выражают свою пропозициональную валентность придаточным предложением. Интерпретация и интерпретируемая ситуация могут быть выражены в отдельных предложениях. Но они могут также образовать единую конструкцию в результате компрессии. В этом случае пропозициональная валентность предикатов интерпретации выражается с помощью падежных форм и предложных групп. В данной статье рассматриваются формы «в + предложный падеж» и творительный падеж, ср.: *продвинуться в исследовании; выделяться эрудицией*.

Ключевые слова: предикаты интерпретации, падежная рамка, пропозициональная валентность, компрессия.

G. I. Kustova

Case frames of interpretation predicates and compression mechanisms

Predicates of interpretation are abstract predicates. They have a valency of the situation (propositional valency). Other classes of abstract predicates (perceptual, mental, speech) express their propositional valency by subordinate clause. Interpretation and interpreted situation can be expressed in separate sentences. But they can also form a unitary construction by compression. In this case propositional valency of interpretation predicates is expressed by case-form or by prepositional phrase. The article considers the forms «v + prepositional case» and instrumental case, cf.: *prodvinut'sya v rassledovanii* ('to move forward in the investigation'); *vydeliat'sya eruditsiey* ('stand out/excel in erudition').

Keywords: interpretation predicates, case frame, propositional valency, compression.

Понятие семантической роли изначально ориентировано на предикаты (и ситуации) с предметными актантами. Семантические роли у таких предикатов – это действительно роли, а именно, это те элементарные семантические предикаты, которые соответствуют способу участия актантов в данной ситуации: агенс – ‘воздействовать’, пациенс – ‘изменяться (изменять состояние)’ и т. д. Соответственно, падежные формы, которые обозначают актантов (Ч. Филлмор [10, с. 409–412] называл их падежной рамкой), коррелируют с их семантическими ролями: пациенс – винительный, инструмент – творительный, место – предложная группа с пространственным предлогом (хотя прямого соответствия ролей и падежей в русском языке, как известно, нет, ср. [4, с. 110–117]).

У абстрактных предикатов и актанты, и семантические роли имеют другую природу. Субъект восприятия, ментального процесса, эмоции, речи не сопоставим с агенсом физического действия, хотя в обоих случаях это лицо. Объект

соответствующих предикатов, как правило, пропозициональный, и его «роль» также несопоставима с ролями предметных актантов, не говоря уже о том, что этот объект, как правило, соотносится с ситуацией внешнего мира, а перцептивные, ментальные, речевые и под. предикаты, в широком смысле, информационные (относятся к информационной (экспериментальной) сфере, см. [6, с. 211–213]), то есть локализованы во внутреннем мире человека. Семантическую роль пропозиционального объекта, в широком смысле, можно считать содержанием (в [1, с. 125] валентность содержания выделяется, в частности, у ментальных предикатов; в [3, с. 376] – у ментальных и речевых). Наряду с придаточными абстрактные предикаты (ментальные и речевые) могут присоединять форму «о чем», выражающую валентность темы. Причем надо заметить, что эта форма «имманентно» присуща глаголам данных семантических классов, она является для них исходной.

Более сложная ситуация у интерпретационных и оценочных предикатов. Речь идет о высказываниях типа: *Мы продвинулись в расследовании инцидента; Есть определенный прогресс в расследовании инцидента*¹. Структура интерпретационных высказываний типа *продвинуться в расследовании* включает два главных компонента: предикат интерпретации (это может быть глагол или существительное, ср. *продвинуться, прогресс*) и его «денотативную привязку» (ср. *в расследовании*) – это обозначение той ситуации, к которой относится интерпретация. Будем называть ее денотативной ситуацией.

Таким образом, интерпретационные предикаты, как и другие абстрактные предикаты, тоже имеют валентность на ситуацию (пропозициональную валентность). Однако она выражается не придаточным, а событийным (ситуативным, предикатным) существительным.

Дело в том, что класс интерпретаций сформировался из других, исходно не интерпретационных глаголов в результате развития у них производных интерпретационных значений, ср. *продвинуться* (в каких-то случаях исходное значение утрачено и осталось только интерпретационное, например, *ошибиться*, но исторически ему предшествовало более физическое, ср. *ушибиться,шибануть* и т. п.). Кроме того, в классе интерпретаций встречается заимствованная лексика (ср. *прогресс, фиаско*). В результате у интерпретаций нет «имманентных», исходных форм для выражения денотативной ситуации, и они вынуждены приспосабливать какие-то падежные формы и предложные группы для ее обозначения.

Распространенные в русском языке способы выражения денотативной привязки – *чем, в чем, по чему, с чем*. В данной работе мы рассмотрим формы В ЧЕМ и ЧЕМ (форме *по чему* посвящена другая работа, см. [8]). В отличие от валентности темы (*о чем*) ментальных и речевых предикатов, *в чем* и *чем* не являются «имманентными» формами для предикатов интерпретации. Нас будет интересовать, каково происхождение и каков статус этих форм.

Внешне интерпретационная конструкция типа *продвинуться в расследовании* похожа на аналитический способ обозначения ситуации с помо-

щью вспомогательного глагола (так наз. лексической функции в смысле модели «Смысл ↔ Текст», см. [5]) и существительного, где название ситуации также «прикрепляется» к глаголу: *принял решение (решил), нанес вред (навредил)*. Однако это только внешнее сходство. *Принял* ничего не добавляет к ситуации «решил, решение», а *нанес* – к ситуации «навредил, вред». *Принял решение* и *нанес вред* – это просто синтаксическое переразложение *решил* и *навредил*. А предикаты типа *продвинуться* или *прогресс* прибавляют дополнительный смысл к исходной денотативной ситуации, т. к. являются ее интерпретацией, оценкой или характеристикой с определенной точки зрения. То есть интерпретация – это ментальная операция, применяемая к исходной денотативной ситуации. И существует некоторый – по-видимому, обозримый – список типов таких операций, то есть способов рассмотрения, возможных точек зрения, с которых оценивается ситуация. Каждой такой операции соответствует какой-то набор интерпретационных операторов, которые ее выражают. В результате образуется своего рода концептуальная рамка, концептуальный шаблон, например ___ В ЧЕМ или ___ ЧЕМ, – в который подставляются подходящие глаголы и интерпретируемые ситуации в качестве денотативной привязки.

Приведем несколько групп концептуальных операторов в качестве иллюстрации.

В первую группу входят операторы *опережать / отставать / преуспеть / продвинуться / прогресс / сдвиги В ЧЕМ* и под. Они выражают один из возможных способов рассмотрения ситуации – «как идут дела», успешно или не успешно развивается ситуация с точки зрения реализации цели, приближения к результату, например: *Мы продвинулись в изучении языка / в расследовании / в понимании этого явления / в развитии технологий* – имеет место ситуация, деятельность (*мы изучаем / расследуем / осмысляем / развиваем*), а интерпретирующий ее предикат выражает идею ‘ситуация развивается успешно, мы стали ближе к цели, к результату’ (или наоборот – в случае *отстаем*). Это обычная концептуальная метафора движения, распространенный концептуальный шаблон: деятельность концептуализуется как путь, движение в определенном направлении. К этой группе примыкает оценка результата: *неудача / провал / успех в чем*.

Другая интерпретационная операция предполагает сравнение двух или более ситуаций или признаков и установление меры сходства или

¹ В данной работе мы объединяем интерпретационные и оценочные предикаты в одну группу и далее будем называть их интерпретациями. В работе [2, с. 151–156] интерпретация понимается уже, так как от нее отделяется оценка (ср. *втереться в доверие*) и поведение (ср. *кривляться*).

несходства между ними – данный концептуальный шаблон использует форму В ЧЕМ: *X и Y близки / похожи / сходны / сближаются / совпадают / согласны / расходятся в чем*, – а также установление признака, отличающего объект (на фоне других объектов, часто не названных), специфичного для него, выделяющего его из ряда подобных, – здесь используется форма ЧЕМ: *X выделяется / отличается / характеризуется чем*. Сюда же примыкают: *X известен / знаменит / запомнился / вошел в историю / отличился / прославился чем*².

Еще одна важная группа интерпретационных конструкций – предикаты, характеризующие действие лица X (обозначаемое творительным падежом ЧЕМ) с точки зрения вреда или пользы лицу Y, занятому какой-л. деятельностью: *помогать / мешать / надоедать / отвлекать чем*, ср. *X помог Y-у кредитом* – дал кредит и тем самым помог; *помог* – это интерпретация, осмысление действия ‘дал кредит’ с точки зрения пользы для другого человека. Ср. также: *мешает постоянными проверками; надоедает просьбами; отвлекает бессмысленными поручениями*³.

Важная особенность интерпретационных конструкций типа *продвинуться в чем* – КОМПРЕССИЯ.

Вообще, сообщение о денотативной ситуации и ее интерпретация – это две совершенно разных операции, и они не обязательно должны быть «втиснуты» в одно предложение и в одну конструкцию. С точки зрения естественного хода событий, поскольку интерпретация обращена на какую-то денотативную ситуацию, сначала нужно узнать об этой ситуации, а потом уже ее интерпретировать.

В простейшем случае, если денотативная ситуация уже известна из контекста, ее не надо выражать, а можно сразу интерпретировать:

– *Это Клава?* – *Нет, вы ошиблись.*

– *Я написал «корова» с буквой «а».* – *Ты ошибся / это ошибка / ты сделал ошибку.*

Но бывает другой информационный фон, когда адресат не знает содержания интерпретируемой ситуации, и нужно сообщить ему все сразу (ср.: *За что ему поставили двойку?* – *У него ошибки в правописании*).

² ПРИМЕЧАНИЕ. Можно считать это разными операциями, но они сходны тем, что предполагают явное или скрытое сравнение.

³ ПРИМЕЧАНИЕ. *Помочь* и *помешать* могут использовать также шаблон ____ В ЧЕМ.

Денотативную ситуацию и ее интерпретацию можно выразить отдельно, в разных предложениях: *X эрудирован; Это (эрудиция) его выделяет (= X выделяется эрудицией)*.

Другой способ – включить денотативную ситуацию и ее интерпретацию в одно предложение, в одну конструкцию. Такую конструкцию можно рассматривать как результат компрессии двух сообщений, соединение двух предикатов – интерпретационного и денотативного. Есть разные способы такого соединения, например, есть конструкции, где название денотативной ситуации является подлежащим, а предикат интерпретации – сказуемым: ‘В ходе расследования мы обнаружили какие-то факты, и это продвижение’ → *(наше) Расследование продвинулось*; ‘Он дал кредит, и это помогло’ → *(его) Кредит помог*.

Еще один вариант выражения того же смысла – конструкции типа *Есть продвижение / прогресс в расследовании*, когда интерпретация является подлежащим, от которого зависит обозначение денотативной ситуации (такая конструкция есть не у всех интерпретаций, ср. *Он выделяется эрудицией* → ? (‘имеется выделенность в плане эрудиции’); с другой стороны, для некоторых интерпретаций (например, для существительного *прогресс*) возможна только такая конструкция.

Но в конструкциях с личным подлежащим (*Мы продвинулись в расследовании; Он помог кредитом*) происходит еще один синтаксический процесс, а именно: субъект денотативной ситуации выдвигается в позицию подлежащего, то есть становится субъектом всей этой конструкции, и ему приписывается интерпретационный предикат, который исходно относился не к нему, а к денотативной ситуации. Аналогичный процесс (продвижение актанта в рамках иерархии концептуального расстояния) имеет место в конструкциях с внешним посессором (см. [4, с. 309–314]), ср.: *Ваня испачкал Петин пиджак vs Ваня испачкал Пете пиджак* – обозначение посессора, исходно связанного с актантом (*Петин*), получает (в форме дательного падежа) связь с глаголом, которой раньше не было, и еще дополнительную семантику – бенефактива или малефактива (в данной ситуации Петя не только посессор, но и пострадавший).

Еще более близкий пример – эмоциональные реакции с событийным каузатором: *Петя получил двойку; Двойка огорчила маму* → *Петя огорчил маму двойкой*. Предикат *огорчить* исходно относился к ситуации-каузатору, то есть «двойке». Но поскольку у этой ситуации личный субъект

ект (Петя), то предикат *огорчить* переносится на лицо, хотя именно в этой ситуации («огорчить») лицо не участвовало, – оно участвовало в предшествовавшей ситуации («получил двойку»). При повышении синтаксического статуса лица до подлежащего ситуация представлена так, что это лицо отвечает не только за двойку, но и за огорчение. В базе данных «Лексикограф» (см. <http://lexicograph.ruslang.ru/>) эта роль называется «субъект ответственности» (ср. также [9]).

В модели «Смысл ↔ Текст» подобные конструкции называются расщеплением валентности (ср. [1, с. 153–155]). Мы бы предпочли называть это повышением, или подъемом (продвижением), актанта смежной ситуации (ср. [4, с. 309]).

Этот синтаксический процесс – повышения актанта – вовсе не противоречит интерпретационности. Наоборот: когда вы извлекаете субъекта из ситуации-каузатора, где он как бы неагентивен, пассивен, не отвечает за результат, и переносите его в более высокую позицию, особенно – в позицию подлежащего, тем самым повышая агентивность этого актанта, то он становится не только главным в синтаксической структуре предложения, но и ответственным за всю ситуацию. А это и есть одна из ключевых схем интерпретации. Когда интерпретатор говорит субъекту: *Ты испортил нам вечер / сорвал переговоры / провалил операцию* и т. п., он тем самым приписывает субъекту что-то, о чем тот, возможно, не подозревает и с чем тот, возможно, не согласен.

Таким образом, наши интерпретационные конструкции – это одна из многих вариаций очень распространенного в русском языке процесса повышения менее активного участника до подлежащего, ср.: *Листья тополя шумели – Тополь шумел листьями*. Этот участник менее активный, но в чем-то «более главный» (например, это целое по отношению к части; или это объемлющее пространство по отношению к локализованному в нем предмету, или какая-то другая смежность), поэтому к нему переходит (смещается) и главный предикат. В нашем случае интерпретационный предикат переходит от денотативной ситуации к ее субъекту.

Итак, независимо от того, является ли подлежащим интерпретация (*Есть прогресс в расследовании*) или «повышенный» субъект денотативной ситуации (*Мы продвинулись в расследовании*), денотативная ситуация вытесняется на синтаксическую периферию, и название денотативной ситуации должно быть присоединено к пре-

дикату интерпретации (глаголу или существительному). Каким образом?

Семантически предикат интерпретации включает идею наличия интерпретируемой ситуации, но специальных, так сказать, имманентных синтаксических средств для ее выражения, как уже отмечалось выше, не предусмотрено. Но если эту ситуацию все-таки нужно выразить, то для этого можно либо использовать управляемые формы, «оставшиеся» от исходных значений, либо уже на синтаксическом уровне подобрать какие-то типовые, стандартные средства, подходящие для выражения денотативной ситуации.

Что касается интерпретационных существительных типа *проблема (проблемы), трудности, сложности, неприятности, достижения, успех, провал, спад, подъем, улучшение, ухудшение, поражение, препятствия, неразбериха, хаос, бардак* и под. (ср. *спад в экономике; прорыв в технологиях; достижения в труде; трудности с оформлением бумаг; отставание с поставками*), то их исходное управление (если оно вообще было) – родительный падеж (ср. *трудности перехода, провал операции, ухудшение условий*), который, в принципе, может служить (не всегда!) формой выражения денотативной привязки, – однако у них не было исходного управления в чем (не считая редких случаев типа *победа в войне*) или с чем. У интерпретационных глаголов в исходных неинтерпретационных значениях вообще не было валентности на денотативную привязку – а значит, и специальной формы для ее выражения.

Рассмотрим в качестве примера глагол *продвинуться*. В значении физического движения у него были «нормальные» распространители с пространственным значением⁴:

ПО ЧЕМУ: *Войска продвинулись по шоссе; До 120 миллионов кубометров льда за четыре минуты продвинулись по ущелью на 17 километров* («Известия», 2002.10.08);

К ЧЕМУ: *Я продвинулся к краю нар* (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы. 1954–1961); *Деку подхватил мяч и продвинулся к штрафной* (Комментарий к футбольному матчу. 2004); *Войска продвинулись к лесу*;

ВО ЧТО: *Боевые группы продвинулись в «квадрат четыре»* («Солдат удачи», 2004.07.07).

⁴ Литературные примеры извлечены из Национального корпуса русского языка (www.ruscorgora.ru/); некоторые из них приводятся в сокращении.

Метафорические и интерпретационные значения, в принципе, тоже могут использовать такие формы – они их как бы наследуют: *Продвинуться по службе, по карьерной лестнице, по пути реформирования экономики* (контексты из НКРЯ); *Однако присутствие в пределах московского заведения настоящего лобби показывает, как далеко столичная жизнь продвинулась к совершенству* («Столица», 1997.04.01).

Но форма В ЧЕМ не наследуется, потому что у *продвинуться* не было такого управления.

Аналогично – с творительным падежом, ср., например, *помочь чем*.

У глагола *помочь* исходно нет валентности, выражаемой творительным падежом. В некоторых высказываниях – например, *Помоги мне* – вообще не требуется никакой «денотативной расшифровки». В других случаях используется инфинитив: *X помог Y-у сделать уроки / помыть посуду* = ‘X делал какую-то часть ситуации, реализуемой Y-ом, участвовал в этой ситуации’. *Помочь чем* – это другой уровень, здесь соединяются две разные ситуации (‘X сделал P, и это помогло Y-у в реализации Q’; X в реализации Q не участвовал), и, чтобы к интерпретационному предикату присоединить интерпретируемую ситуацию, выбирается творительный падеж. Ср. также: *Пол Пот вошел в историю своими зверствами* – у оборота *вошел в историю* не было исходной валентности *чем* (ср.: *Этот царь вошел в историю; Его зверства вошли в историю*).

В конструкции ___ЧЕМ, как и в конструкции ___В ЧЕМ, есть идея конкретизации, расшифровки, но есть еще одна важная в данном случае идея – причины. Творительный выражает способ (или инструмент), а способ – это часть каузатора, поэтому творительный хорошо подходит для выражения причины: *Он мне помог кредитом* ≈ ‘я чего-то достиг благодаря его кредиту’. Даже в тех случаях, когда причины как таковой нет, сохраняется идея обоснования, мотивировки: *X выделяется эрудицией* – ‘в силу, благодаря эрудиции’; *Петергоф знаменит фонтанами* – ‘Петергоф знаменит, известен благодаря фонтанам’.

Итак, у интерпретационных операторов рассматриваемого типа (*продвинуться / отстаивать / успех / провал* и под.) исходно не было валентности интерпретируемой ситуации, потому что сам этот класс не «исходный», а постепенно сформировавшийся. Это не класс глаголов типа движения или звучания, заданный определенным компонентом. Состав класса интерпретаций неопределенный и «неокончательный», он

постоянно пополняется. Здесь есть и оценки (*успех*), и метафоры (*продвинуться, провал*). Интерпретационное / оценочное значение – это фаза (иногда финальная) семантического развития многих предикатов. И самые разные предикаты могут «достигнуть» такой ступени, фазы развития, то есть стать интерпретациями.

Так, например, есть концептуальный шаблон ___ В ЧЕМ. Но заранее неизвестно, какие интерпретационные предикаты «впишутся» в этот шаблон. С другой стороны, заранее неизвестно, какие денотативные ситуации подходят для этого шаблона, подлечит ли данная конкретная ситуация такому типу осмысления – например, какие ситуации можно оценить с точки зрения прогресса (‘прогресс в чем’). Ведь у физических действий тоже есть движение к результату, то есть в каком-то смысле прогресс, но мы не говорим *‘Она продвинулась в шитье платья / в уборке квартиры* (впрочем, возможно, в каких-то ситуациях говорим; по крайней мере, в шутку так сказать можно).

Таким образом, интерпретация – это пространство свободы. Формы, которые используются в интерпретационных конструкциях (концептуальных шаблонах), «подбираются» из определенного набора.

Ближайший аналог такого подбора – пассивная конструкция (внешний посессор тоже, но, в первую очередь, пассив). При пассивном преобразовании агенс становится синтаксически, а часто и коммуникативно, не обязательным, хотя выразить его можно, – и для этого используется творительный падеж. Но такой творительный не входит в модель управления, он «конструктивный», «конструкционный» – в том смысле, что он обслуживает некоторое синтаксическое преобразование, грамматическую конструкцию. Однако выбирается он не случайно, потому что у других глаголов он входит в модель управления и несет определенную семантику (см. [7]).

Формы В ЧЕМ или ЧЕМ – чрезвычайно распространенные (хотя и не единственные) в русском языке средства выражения денотативной привязки. Они похожи на конструктивные падежи типа творительного агенса тем, что тоже подбираются для выражения денотативной ситуации благодаря своим свойствам. И понятно, почему именно эти формы оказались столь широко используемыми и многофункциональными.

В ЧЕМ – это СФЕРА (внутреннее пространство), один из основных пространственных концептов (в [3, с. 376] валентность сферы усматривается у предикатов типа *везет в картах; одер-*

жать победу в войне и под.); в чем широко используется для выражения содержания в самых разных конструкциях (ср.: *В чем дело?*; *В чем заключается ваша просьба?*). ЧЕМ – это и СПОСОБ, и инструмент, и аспект, и причина, – то есть тоже, в своем роде, универсальный падеж. Их семантическая нагруженность и востребованность в русском синтаксисе обусловлена их исходным значением.

И еще один важный момент, связанный с концептуальными шаблонами: при одном и том же предикате могут быть разные падежные формы. В принципе, они выражают несколько разные смыслы, но иногда взаимозаменяемы. Например, хотя для творительного важен смысл ‘причина’, но прежде всего – это уточнение, ограничение (способ – это уточнение описания ситуации). Поэтому часто с ним вступают в альтернативу В ЧЕМ и ПО ЧЕМУ, которые тоже выражают уточнение, ограничение: *в чем* – сфера, *по чему* – аспект (*сходство в методах – сходный по методам*). Кроме того, форма В ЧЕМ иногда коррелирует с формой С ЧЕМ. С ЧЕМ нередко связана с более конкретной деятельностью и более конкретным интервалом: *Помочь с установкой телефона / с уроками / с похоронами / с квартирой / с изготовлением оборудования / с пропиской / с оформлением / с кредитом*. Иногда возможны обе формы: *Помочь в делах – помочь с делами; помочь в изготовлении – помочь с изготовлением; помочь в издании – помочь с изданием*⁵.

Вот некоторые примеры вариативного управления интерпретационных предикатов (см. **Таблицу 1**).

Таким образом, валентность денотативной ситуации у интерпретаций может выражаться и как сфера, и как способ, и как аспект. Иногда эти формы оказываются более или менее синонимичными, ср.: *неприятности в бизнесе – неприятности с бизнесом – неприятности по бизнесу*. В других случаях (ср. *неразбериха в документах – с документами*) обнаруживаются явные семантические различия, ср.: *Но на Лакримозу, пользуясь полной неразберихой в документах, претендуют и представители Каменщика («Вслух о...», 2003.04.30) vs Они говорили о нарушении как раз этой нормы — не о дове-*

ренности самих по себе, а о путанице и неразберихе с доверенностями при голосовании именно данного закона («Советская Россия», 2003.06.15).

Таблица 1

Вариативное управление интерпретационных предикатов

отстал	в чем	по чему		с чем
опережает	в чем	по чему		с чем
первый	в чем	по чему		
(не) уступает	в чем	по чему		
преуспел	в чем	по чему		
превосходит	в чем	по чему	чем	
не имеет равных	в чем	по чему		
похожи	в чем	по чему	чем	
близки	в чем	по чему	чем	
сопоставимы	в чем	по чему	чем	
совпадают	в чем	по чему	чем	

Подведем итоги. Предикаты интерпретации – это широкий класс с нечеткими границами, который формируется и пополняется, в основном, за счет развития интерпретационно-оценочных значений у слов, исходно относившихся к другим классам. Некоторые предикаты в интерпретационном значении сохраняют исходное управление, ср. *сорвать цветок – сорвать голос – сорвать переговоры*. Нас в данной работе интересовал другой случай – когда предикат теряет исходное управление и должен найти новые формы для выражения денотативной привязки. Выяснилось, что есть набор средств, которые вполне регулярно используются для выражения интерпретируемой ситуации, и в этом смысле они являются относительно предсказуемыми (как винительный предсказуем для выражения пациенса, а творительный – для выражения инструмента). В то же время интерпретация – это особая сфера, где многое устроено по-другому: и актанты, и семантические роли, и падежные стратегии.

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 367 с.
2. Апресян, Ю. Д. Лексикографический тип: интерпретационные глаголы [Текст] / Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : ЯСК, 2006. – С. 145–160.
3. Апресян, Ю. Д. Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект [Текст] / Ю. Д. Апресян // Апресян Ю. Д. и др. Теоретические

⁵ ПРИМЕЧАНИЕ. У глагола *помочь* конструкции *помочь в чем* и *помочь чем* – не синонимические способы выражения денотативной привязки, а обозначение разных аспектов ситуации помощи. *X помог Y-у в чем: в чем* – ситуация, которую реализует Y; а *X помог Y-у чем: чем* – ситуация, которую реализовал X.

проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. – М. : ЯСК, 2010. – С. 281–377.

4. Кибрик, А. Е. Константы и переменные языка [Текст] / А. Е. Кибрик. – СПб. : Алетейя, 2003. – 719 с.

5. Мельчук, И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст» [Текст] / И. А. Мельчук. – М., 1974. – 314 с.

6. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г. И. Кустова. – М. : ЯСК, 2004. – 472 с.

7. Кустова, Г. И. Падеж [Электронный ресурс] / Г. И. Кустова // Русская корпусная грамматика. – Режим доступа: <http://rusgram.ru>. – (Дата обращения: 08.12.2014).

8. Кустова, Г. И. Валентности абстрактных существительных: редукция vs конкретизация [Текст] / Г. И. Кустова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2015». – М., 2015. – С. 522–529.

9. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : ЯСК, 2004. – 607 с.

10. Филлмор, Ч. Дело о падеже [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М. : Прогресс, 1981. – С. 369–495.

Bibliograficheskiy spisok

1 Apresyan, Yu. D. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka [Текст] / Yu. D. Apresyan. – М.: Nauka, 1974. – 367 с.

2 Apresyan, Yu. D. Leksikograficheskiy tip: interpretatsionnye glagoly [Текст] / Yu. D. Apresyan // Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya / Otv. red. Yu. D. Apresyan. – М. : YaSK, 2006. – С. 145–160.

3 Apresyan, Yu. D. Trekhurovnevaya teoriya upravleniya: leksikograficheskiy aspekt [Текст] / Yu. D. Apresyan // Apresyan Yu. D. i dr. Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeystvie grammatiki i slovarya. – М.: YaSK, 2010. – С. 281–377.

4 Kibrik, A. E. Konstanty i peremennye yazyka [Текст] / A. E. Kibrik. – СПб.: Aleteyya, 2003. – 719 с.

5 Mel'chuk, I. A. Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl ⇔ Tekst» [Текст] / I. A. Mel'chuk. – М., 1974. – 314 с.

6 Kustova, G. I. Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya [Текст] / G. I. Kustova. – М.: YaSK, 2004. – 472 с.

7 Kustova, G. I. Padezh [Elektronnyy resurs] / G. I. Kustova // Russkaya korpusnaya grammatika. – Режим доступа: <http://rusgram.ru>. – (Data obrashcheniya: 08.12.2014).

8 Kustova, G. I. Valentnosti abstraktnykh sushchestvitel'nykh: reduktsiya vs konkretizatsiya [Текст] / G. I. Kustova // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog-2015». – М., 2015. – С. 522–529.

9 Paducheva, E. V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Текст] / E. V. Paducheva. – М.: YaSK, 2004. – 607 с.

10 Fillmor, Ch. Delo o padezhe [Текст] / Ch. Fillmor // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. X. Lingvisticheskaya semantika. – М.: Progress, 1981. – С. 369–495.

И. В. Нечаева

Прописная vs строчная в современном письме: источники нестабильности написаний

В статье на современном языковом материале рассматриваются узуальные колебания в употреблении прописной графемы с точки зрения ее двух основных функций – семантической и синтаксической. Первая предполагает выделение собственных имен и наименований, вторая обозначает синтаксическое членение речи. Колебания связаны с процессом десемантизации апеллятивов, аксиологическим подходом к некоторым номинациям, появлением новых по структуре наименований, иноязычным влиянием, автоматизацией компьютерной обработки текстов и другими факторами.

Ключевые слова: орфография, прописная графема, узус, орфографическая нестабильность, оним, апеллятив, неоднословное наименование, орфографически значимые факторы.

I. V. Nechaeva

Capital vs small letter in modern writing: sources of instability in writing

Relying on the modern linguistic material, the paper discusses the usual variations in the use of capital graphemes from the standpoint of their two main functions: semantic and syntactical. The former implies highlighting proper names and appellations; the latter signifies syntactical division of speech into parts. The variations arise from desemantization of common names, an axiological approach to some nominations, the emergence of structurally new appellations, the influence of foreign languages, the automation of computerized text processing, and other factors.

Keywords: orthography, capital grapheme, customary usage, orthographic instability, proper name, common name, non-one-word name, orthographically significant factors.

1. Наблюдения за письменной практикой последних лет показывают, что тенденция к неустойчивости в орфографии затронула и тот сегмент письменного языка, который связан с изменением буквенного регистра. При этом в языке появились новые по семантике или структуре типы номинаций (в частности, неоднословные конструкции, не описанные в существующих кодифицирующих источниках). Последнее увеличивает узуальную нестабильность в употреблении прописной/строчной на письме и актуализирует проблему орфографического нормирования в данной области.

Употребление прописной графемы – особая статья правописания. Основное внимание в русской орфографии уделяется написанию гласных и согласных букв в различных фонетических позициях (русское письмо – фонографическое), а также антиномии контакт – дефис – пробел для разных лексических категорий. Нормы, связанные с графическим выделением собственных имен и наименований, – как бы нормы «второго порядка», что отражается и в отношении к ним пишущих: многие не придают им особого значе-

ния и порой даже не замечают различные способы графического оформления одних и тех же номинаций. Насколько нормы употребления прописной графемы обоснованы лингвистически, какова в них доля условности и какова роль традиции? Для разрешения этого вопроса было бы полезно проанализировать встретившиеся колебания в написаниях с точки зрения основных функций прописной графемы.

Известно, что прописная в русском письме осуществляет две основные функции: одна связана со строением речи – синтаксическая; другая относится к обозначению особого характера семантики слова независимо от строения текста – семантическая. Кроме них, прописная может также служить для стилистического выделения слова, для графического показа аббревиатурности и некоторых других целей.

2. Рассмотрим сначала случаи, относящиеся к семантической функции, действующей при обозначении собственных имен.

2.1. В теории для онимов характерна непосредственная связь с денотатом, они называют индивидуальный объект или группу родствен-

ных объектов и не отражают *понятие*, а являются лишь *меткой* для данного объекта [7, с. 56–57]. Однако существуют пограничные случаи, когда разграничение онимов и апеллятивов представляет проблему. Обычно при этом говорят о «неполном переходе» собственных в нарицательные или нарицательных в собственные, «условном употреблении» тех или иных наименований, «неокончательной утрате» связи с носителем названия и т. п. [3, с. 100]. В подобных случаях важно определение собственно лингвистических оснований при осуществлении орфографического выбора. Возьмем несколько примеров из современной письменной практики.

Слово *перестройка* как название определенного исторического периода в последнее время часто встречается написанным с прописной буквы: *Перестройка* (до сих пор в словарях оно фиксировалось как нарицательное). Источником колебаний написания здесь следует считать частичную (неполную) десемантизацию понятия при усилении номинативной функции. Слово еще сохраняет некоторую связь с семантикой соответствующего глагольного действия, но историко-политические ассоциации выходят на первый план. (Аналогом мог бы стать термин *перезагрузка*, но это слово с прописной пока не встречается: судя по всему, у него нет шансов стать названием исторического периода по экстралингвистическим причинам.)

Аналогичные колебания испытывает номинация *х/Холодная война* (см., напр., <http://www.coldwar.ru/>), а также написания *м/Мировая система социализма* и даже *ж/Железный занавес* (два последних менее частотны). Перечисленные названия обозначают разные понятия, но их объединяет клишированность, воспроизведение без отсылки к их прямому значению, что характерно именно для собственных имен.

Очередную орфографическую новацию представляют термины *б/Ближнее зарубежье* и *д/Дальнее зарубежье*, по норме являющиеся нарицательными (но которые часто воспринимаются почти как географические названия). В написании с прописной попадают также *восточное / западное / северное / южное побережье* и *восточный / западный* и др. *шельф*. Вероятно, здесь срабатывает ассоциация с такими названиями, как *Северное полушарие*, *Южный полюс*, *Северный тропик*. Отличает их наличие присловной подчинительной связи у первых (*восточное побережье Балтийского моря / Со-*

единенных штатов Америки / озера Байкал и др.) и информативная достаточность последних. Является ли данное различие орфографически существенным? Узус демонстрирует тенденцию к нивелированию этого различия.

2.2. «Основным и отличительным признаком имени собственного является то, что оно присваивается единичному предмету, обладающему, кроме того, названием, принадлежащим всей группе однородных с ним предметов» [9, с. 151]. Однако нельзя не признать, что *критерий единичности (уникальности)* для собственного имени в принципе относителен: есть нарицательные, обозначающие единичные понятия (*солнце, луна, земля* в неастрономических значениях) и есть собственные, относящиеся к целым категориям или множествам (*по гороскопу он Козерог, Максим – популярное имя*). В этом контексте существенной, на наш взгляд, ошибкой было принятое на основе данного критерия кодификаторское решение о написании слова *Интернет* с прописной буквы: ср. такие средства связи, как *радио, телеграф, телефон*, обладающие не меньшей уникальностью в своем роде, но являющиеся нарицательными. Неудивительно, что по прошествии десятилетия словарная кодификация слова *и/Интернет* была смягчена – пока лишь в сторону допущения вариативных написаний.

Критерий единичности, однако, действует, когда собственное имя начинает употребляться во множественном числе. Так, в номинации *Папа Римский Иоанн Павел Второй* вряд ли будет употреблена строчная буква, а в контексте *выборы римских пап подчиняются определенному регламенту* это вполне возможно. То же относится к *президенту* и другим высшим государственным должностям. *Князь Московский / Московский князь, князь Новгородский, Тверской* и др. чаще пишут с прописной, но в контекстах типа *тверские князья вели борьбу с московскими князьями* вполне естественна строчная буква. Проблема возникает, когда единичное и неединичное употребления встречаются в одном контексте. Напр.: *Тверские князья вели борьбу с московскими князьями, пока м/Московский князь Иван с помощью татар не победил соперника*. Фактор унификации написания весьма активен в русской орфографии, и наблюдение показывает, что если такая унификация происходит, то чаще – в пользу прописной буквы.

2.3. Нельзя также не заметить, что колебания в написаниях провоцирует *аксиологический (оце-*

ночный) критерий – лингвистически не признанный, но действующий: прописная буква соответствует высокому статусу обозначаемого объекта, строчная – низкому. См. об этом у Н. А. Есько-вой: «Мы сталкиваемся здесь с отражением очень давнего наивного представления, что прописная буква помогает выразить уважение к тому или иному лицу или идее. Оно давно высмеяно, в числе других – Белинским и Добролюбовым» [2, с. 151]. Нормативный прецедент был создан в «Правилах...» 1956 года путем введения критерия об употреблении индивидуальных названий людей в презрительном смысле, что влечет за собой понижение буквенного регистра [5, с. 54]. Данный критерий поддержал, судя по всему, действующую социальную тенденцию. Естественным представляется и его обратное действие. Поэтому «из уважения» все чаще с прописной буквы пишутся в узусе некоторые нарицательные наименования. Обычно это касается названий различных должностей и офисно-учрежденческих подразделений: *к/Кафедра английского языка, о/Отдел культуры речи, г/Генеральный (к/Коммерческий) директор фирмы* и просто *д/Директор, з/Зав. лабораторией*, не говоря уж о *п/Префекте* или *м/Мэре* (о последнем см. примеры в [1]). Вопросы у пишущих вызывают и такие наименования, как, например, *в/Врио* ('временно исполняющий обязанности'), причем не в контексте его аббревиатурности, а в связи с семантикой названия должности – по аналогии с другими подобными названиями.

2.4. Одна из самых орфографически проблемных областей – область товарных наименований. Л. К. Чельцова пишет о промежуточном (между собственными и нарицательными) положении торговых и фирменных названий» [8, с. 253]. Здесь на первый план выходит функция выделения поименованного предмета из ряда подобных, то есть *функция идентифицирующая*. Поскольку правило предписывает торговые названия товаров заключать в кавычки и писать с прописной, а те же названия в бытовом употреблении разрешает писать со строчной, но не объясняет, как отличить первое от второго [6, с. 165], орфографическое сомнение постоянно сопровождает данные словопотребления: *соус м/Мексиканский, соус б/Барбекю, колбаса б/Брауншвейгская, сыр р/Российский, яблоки а/Айдаред* – существует масса подобных вариантов.

2.5. Еще один возможный источник орфографических колебаний – иноязычное влияние,

примером чего служит номинация *Живой Журнал* (Live Journal). В Википедии он толкуется как «блог-платформа для ведения онлайн-дневников (блогов), а также отдельный персональный блог, размещенный на этой платформе». Поскольку ЖЖ эквивалентен блогу – а последнее является безусловно нарицательным и обозначает определенное *понятие* (поддающееся определению), – оснований для употребления прописных мы здесь не усматриваем. Однако ЖЖ на данный момент частотно пишется с двумя прописными, хотя иногда встречается и обратное.

2.6. Переходные явления от индивидуальных названий людей к нарицательным понятиям также относятся к нестабильным участкам правописания. Но надо сказать, что обобщение значения, приобретение словом соответствующих коннотаций, апелляция не всегда ведут к понижению буквенного регистра. В группе собственных имен, относящихся к человеку, не играет решающей роли даже употребление плюральных форм, например: «*новые Сноудены в США*», «*реальные Гарри Поттеры в борьбе со злом*», «*Жегловы и Шарановы нашего времени*» (примеры из интернета) и т. п. Роль выделителя семантической переносности здесь берут на себя кавычки. Но 100%-го единства в написаниях не существует и здесь. Противоречие между обобщенным, нарицательным значением слова и формальным графическим совпадением с личным именем – источник колебаний в данном случае.

Вообще онимы различных типов очевидно не равны между собой. Обычно при передаче личных имен и географических названий не понижается буквенный регистр, даже когда они утрачивают непосредственную связь с денотатом (если не вступает в действие критерий отрицательной оценки). Пример: *Париж – туристическая Мекка*. Название автомобиля «*Волга*» в написании со строчной никогда не встречается, притом что возможны написания «*мерседес*», «*вольво*», «*тойота*» и др.

В целом нельзя не заметить, что во многих пограничных случаях прописная графема в современном русском письме вытесняет строчную.

3. Другая значительная проблемная область в рамках темы «прописная vs строчная» – это составные (неоднословные) наименования, используемые в различных областях.

3.1. По общему правилу в составных неоднословных наименованиях с прописной пишется первое слово и входящие в это наименование

собственные имена. Это касается большинства таких наименований, кроме географических названий, названий высших государственных и международных организаций и некоторых других. Казалось бы, какие здесь могут быть затруднения? Однако, несмотря на кажущуюся очевидность данного случая, определение границ такого названия затрудняют родовые понятия, которые могут как включаться в наименование, так и оставаться за его пределами.

Сравним контексты: подписание Договора о запрещении испытаний ядерного оружия и подписание договора между СССР и США Об уничтожении ракет средней и меньшей дальности. В правилах такие случаи не оговорены. В итоге в одном и том же тексте границы составного наименования могут сдвигаться. (Речь не идет, разумеется, об официальном дискурсе, где употребление всех названий строго регламентировано; описываемая проблема касается публицистики, исторической, мемуарной, учебной литературы и т. п.) Как к этому относиться: может быть, расценивать как норму? Обычно, однако, наше стремление к унификации требует соблюдения единообразия. Другой пример: советско-германский **д/Договор** о ненападении – в этом контексте узуальное написание слова договор явно неустойчиво.

Есть попытки включать родовое обозначение в состав названий следующих типов: **с/Страны БРИК**, **э/Эпоха просвещенного абсолютизма**, **б/Битва на Калке**, **г/Год ребенка**, **п/План Маршалла** и др.

3.2. Новое явление, появившееся в области современной номинации, – двойные административные наименования, примета бюрократизма нашего времени, когда одно составное наименование включает в себя другое составное наименование, а иногда, кроме этого, еще и символическое название. Примеры:

- Государственное бюджетное образовательное учреждение с/Средняя общеобразовательная школа № ...;
- Муниципальное образовательное учреждение Заокская средняя общеобразовательная школа имени Героя России Сергея Бурнаева;
- Негосударственное образовательное учреждение «Школа "Семейный лад"»;
- Частное общеобразовательное учреждение ш/Школа «Ступени»;

- Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН и т. п.

Правил оформления таких названий на сегодняшний день не существует. В практике письма встречаются многочисленные варианты, вплоть до обозначения с помощью прописной каждого слова, входящего в номинацию.

3.3. Кроме административных наименований, подобные «нанизывания» структурных компонентов одного на другое вошли в язык и в отношении многих товарных номинаций. Еще окончательно не решен вопрос об орфографии общих автомобильных брендов типа *мерседес*, *ауди*, *рено*, *пежо*, *хонда*, *мицубиси*, *шевроле*, *вольво*, *форд* и др. (хотя и существует соответствующее правило, по которому названия технических изделий пишутся в кавычках и со строчной буквы, а названия марок – с прописной), как появились более сложные их разновидности: *х/Хендай с/Соната*, *р/Рено м/Меган*, *н/Ниссан к/Каишкэй*, *т/Тойота к/Камри*, *ф/Форд ф/Фокус* и др., в которых сочетаются наименование бренда и конкретной модели. Существуют и более многочастные конструкции, хотя они менее популярны. Равноправны ли части таких наименований – или, может быть, символический оним как бы отодвигает более общее, категориальное, брендовое наименование в сторону апеллиативации? От этого в конечном итоге зависит их орфография.

С учетом применения кавычек каждая из подобных номинаций дает двенадцать возможных вариантов написания (не считая дефисных): *форд фокус*, *Форд фокус*, *форд Фокус*, *Форд Фокус*, «*форд фокус*», «*Форд фокус*», «*форд Фокус*», «*Форд Фокус*», *форд «фокус»*, *Форд «фокус»*, *форд «Фокус»*, *Форд «Фокус»*. Необходимо специальное исследование способов графического оформления в сфере товарных номинаций.

4. В с и н т а к с и ч е с к о й функции прописная графема используется как показатель членения речи. По правилу она обозначает начало текста и начало нового самостоятельного предложения, *не находящегося в синтаксической связи с предшествующим предложением*. Это обязательное условие, по нашим наблюдениям за узусом, часто не соблюдается. Казалось бы, данный случай употребления прописной из разряда очевидных (поэтому он обычно и не рассматривается). Тем не менее в некоторых видах текстов орфографические колебания связаны именно с этой функцией. Вот примеры тестовых заданий для школьников по истории:

«Какие из отмеченных ниже событий относятся к участию России в третьей антифранцузской коалиции?»

- 1) Переход через Сен-Готард
- 2) Аустерлицкое сражение
- 3) Сражение под Кремсом
- 4) Фридландское сражение
- 5) Битва на р. Адда
- 6) Марш-маневр от Браунау к Оломоуцу
- 7) Сражение при Нови».

Каждый вариант ответа (не являющийся самостоятельным предложением) в авторской версии начинается с прописной буквы – независимо от того, собственное это или нарицательное. Или:

«Какие из представленных партий де-факто существовали до Первой русской революции 1905–1907 гг.?»

- 1) Большевики
- 2) Меньшевики
- 3) Кадеты
- 4) Октябристы
- 5) Эсеры
- 6) Трудовики» – все с прописной.

И даже после двоеточия:

«Расположите в хронологической последовательности события, связанные с историей Первой мировой войны:

- А) Нарушение нейтралитета Бельгии
- Б) Начало «Верденской мясорубки»
- В) Вступление в войну США
- Г) Первое применение химического оружия

на Западном фронте...» и т. д.

У автора тестовых заданий отсутствует представление о том, в каких случаях слово (или словосочетание) должно писаться так, как в тексте, а в каких – так, как в словаре. Кроме того, здесь нарушены правила оформления перечней, см. [4, с. 38–39]. Подобные неоправданные употребления встречаются и в текстах иных жанров, когда выделенные скобками или кавычками вставные предложения и даже словосочетания оформляются как самостоятельные синтаксические единицы, например: «Глагол царапаться (**К**ошка царапается) нельзя считать соответствующим словосочетанию ‘царапать себя’»; «По телевизору идет сериал “Наша Раша” (**Н**азвание говорит само за себя)» и т. д. В этих и подобных случаях с помощью прописной выделены фрагменты, синтаксически связанные с предшествующим и последующим контекстом, и это довольно распространенное явление. Появилась какая-то тенденция начинать с прописной любые мало-мальски самостоятельные отрезки текста. Воз-

можно, иногда это связано с автоматическим компьютерным форматированием, которое ведет к неоправданному упрощению правописания – нивелированию существенных синтаксических различий. На наш взгляд, не следует рассматривать подобные случаи как незначительные, поскольку графическая запись любого названия визуально способствует запоминанию, что немаловажно, особенно в учебных текстах.

Библиографический список

1. Валеева, Н. Т. Употребления прописных и строчных букв: академическая норма, корпоративная норма, узус [Текст] / Н. Т. Валеева // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 2. – М., 2014. – С. 274–281.

2. Еськова, Н. А. Об одном наивном орфографическом приеме (Прописные и строчные буквы в собственных именах, употребленных переносно) [Текст] / Н. А. Еськова // Вопросы культуры речи. Вып. 6. – М., 1965. – С. 147–152.

3. Иванова, В. Ф. Трудные вопросы орфографии [Текст]: Пособие для учителя / В. Ф. Иванова. – М., 1975. – 175 с.

4. Мильчин, А. Э., Чельцова, Л. К. Справочник издателя и автора. Редакционно-изд. оформление издания [Текст] / А. Э. Мильчин, Л. К. Чельцова. – 2-е изд., испр., доп. – М., 2003. – 800 с.

5. Правила русской орфографии и пунктуации [Текст] – М., Учпедгиз, 1956. – 176 с.

6. Правила русской орфографии и пунктуации [Текст] : полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 432 с.

7. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – М., 1973. – 367 с.

8. Чельцова, Л. К. О правилах употребления прописной буквы [Текст] / Л. К. Чельцова // Лингвистические основы кодификации русской орфографии. – М., 2009. – С. 247–271.

9. Шапино, А. Б. Русское правописание [Текст] / А. Б. Шапино. – М., 1951. – 200 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Valeeva, N. T. Upotrebleniya propisnykh i strochnykh bukv: akademicheskaya norma, korporativnaya norma, uzus [Tekst] / N. T. Valeeva // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 2. – M., 2014. – S. 274–281.

2. Es'kova, N. A. Ob odnom naivnom orfograficheskom prieme (Propisnye i strochnye bukvy v sobstvennykh imenakh, upotreblennykh perenosno) [Tekst] / N. A. Es'kova // Voprosy kul'tury rechì. vyp. 6. – M., 1965. – S. 147–152.

3. Ivanova, V. F. Trudnye voprosy orfografii [Tekst]: Posobie dlya uchitelya / V. F. Ivanova. – M., 1975. – 175 s.
4. Mil'chin, A. E., Chel'tsova, L. K. Spravochnik izdatelya i avtora. Redaktsionno-izd. oformlenie izdaniya [Tekst] / A. E. Mil'chin, L. K. Chel'tsova. – 2-e izd., ispr. i dop. – M., 2003. – 800 s.
5. Pravila russkoy orfografii i punktuatsii [Tekst] – M., Uchpedgiz, 1956. – 176 s.
6. Pravila russkoy orfografii i punktuatsii [Tekst]: Polnyy akademicheskyy spravochnik / Pod red. V. V. Lopatina. – M. : AST-PRESS KNIGA, 2009. – 432 s.
7. Superanskaya, A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [Tekst] / A. V. Superanskaya. – M., 1973. – 367 s.
8. Chel'tsova, L. K. O pravilakh upotrebleniya propisnoy bukvy [Tekst] / L. K. Chel'tsova // Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoy orfografii. – M., 2009. – S. 247–271.
9. Shapiro, A. B. Russkoe pravopisanie [Tekst] / A. B. Shapiro. – M., 1951. – 200 s.

З. Ю. Петрова

Образное поле «Растения» в «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.»

В статье кратко охарактеризованы принципы создания «Материалов к словарю метафор и сравнений» (авторы Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова) и описано семантическое поле, в которое группируются образы сравнения в третьем выпуске этого словаря – «Растения». Рассмотрены семантические отношения, структурирующие это поле: «Род – вид», «Целое – часть», «Растения – совокупности растений», «Растения – жизненный цикл растений», отношения синонимии, словообразовательной деривации и др. Делается попытка показать, как эти отношения структурируют фрагменты метафорической картины мира языка художественной литературы.

Ключевые слова: метафора, сравнение, лексикография, семантическое поле, язык художественной литературы.

Z. Yu. Petrova

Metaphorical field “Plants” in the “Materials for the dictionary of metaphors and similes of the XIX–XX-centuries Russian literature”

The article summarizes the principles of creating “Materials to the dictionary of metaphors and similes” (authors: N. A. Kozhevnikova, Z. Yu. Petrova) and describes the semantic field “Plants” in which the “vehicles”, or “sources” of metaphors and similes are grouped in the cognominal volume of the dictionary. The author studies semantic relations which structure the field: “Genus – species”, “Whole – part”, “Plant – collection of plants”, “Plants – life cycle of plants”, synonymy, word-formation derivation etc., and shows how these relations structure fragments of the metaphorical image of the world in the language of literature.

Keywords: metaphor, simile, lexicography, semantic field, language of literature.

Описанию компаративных тропов целыми классами, состав и структура одного из которых определяет состав и структуру другого, посвящена обширная научная литература. Эти классы могут называться образными полями [9], метафорическими концептами [6], метафорическими моделями [1], образными параллелями [2], образными парадигмами [7].

В основу группировки тропов в «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.», которые рассматриваются в данной статье, положен принцип семантического поля, или идеографический принцип, который состоит в следующем: и обозначения реалий, и их образные соответствия в языке художественной литературы группируются в семантические поля, которые образуют метафорическую картину мира. Используя теорию семантического поля, составители словаря исходят из конкретных опорных слов компаративных тропов, которые группируются во все более широкие рубрики, согласно идеографической классификации лексики.

Создаваемый словарь ставит своей целью показать систему метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. (теперь уже XIX–XXI вв.) и эволюцию этой системы, поэтому, помимо принципа семантического поля, материал в словаре располагается и по диахроническому принципу.

Теоретические основания и принципы создания словаря описаны во введении к его первому выпуску – «Птицы» [4]. На сегодняшний день издан также второй выпуск словаря «Звери, насекомые, рыбы, змеи» [5], подготовлен к изданию третий выпуск «Растения», которому и посвящена настоящая статья. В ней мы рассмотрим структуру семантического поля, в которое группируются эти слова (в своем прямом употреблении). Семантические отношения в этом поле позволяют подробно описать, как в «растительных» метафорах и сравнениях представлены те или иные реалии и группы реалий. (Общезыковые метафоры и сравнения, реализующие образ дерева/растения, рассматриваются в работе [8]. Краткая характеристика компаративных тропов с

опорными словами поля «Растения» дана в работе [3]).

Основное, заглавное слово этого поля – *растение*. Хотя оно и основное, но далеко не самое частотное и применяющееся ко многим семантическим классам реалий. С растением сравнивается *человек*: «Как *растение* скучную жизнь я стараюсь вести, мерно шепчутся листья» (Добролюбов), *жизнь*: «Вот жизни горькой и живой Истлевшее беру *растенье*» (Кузмин) и некоторые другие реалии. Поле структурируют семантические отношения. Рассмотрим основные из них.

1. **Отношение «Род – вид».** Видовое подразделение растений проводится в соответствии с наивной классификацией, примерно следующим образом: «*Цветы*», «*Травы*», «*Деревья, кусты*», «*Злаки*», «*Грибы*» и некоторые другие классы. Разные видовые обозначения характеризуются различной широтой охвата предметов сравнения и различной частотой употребления.

Например, в подполе «*Цветы*» наиболее распространены родовые наименования *цветок*, *цвет*, а также видовые *роза* и *лилия*. Они характеризуют весьма широкий круг реалий: человека, части тела, жизнь, душу, сердце, мысль, чувства, слова, стихи, свет, светила, огонь, атмосферные явления, птиц, насекомых, зверей, рыб, различные предметы (строения и др.), города, страны и т. д. Так, слова *цвет*, *цветок* употребляются в метафорах и сравнениях со следующими предметами сравнения: *человек*: «Дни проходят, дочь растет; Расцвела, как майский *цвет*» (Жуковский), *лицо*: «Его взгляд – торжество позора, а лицо – золотой *цветок*» (Черубина де Габриак), *ноздри*: «А ноздри? / У всех это дыры, у вас – как *цветы!*» (Сельвинский), *губы*: «Губы ночные, подобные бархатным красным *цветам...*» (Гумилев), *глаза*: «И как *цветы* волшебной сказки, Полны сердечного огня, Твои агатовые глазки С улыбкой радости и ласки Порою смотрят на меня» (Фет), *голова*: «В бутоне одеяльца и простынок / *цветком* сияет голова ребенка» (Р. Казакова), *кровь*: «*Цветами* цветет золотыми Каждая капля твоей нетленной розовой крови» (С. Соловьев), *жизнь*: «Я, синеокий, клянуся Высоко держать вашей жизни *цветок*» (Хлебников), *душа*: «А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как *цветок*, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца» (Лермонтов), *сердце*: «И сердце без борьбы, без жалоб умирает, Как холодом ночным обвеянный *цветок*» (Мережковский), *мечта*: «*Цветок* меч-

ты возвышенной взлелеяв, Опять твой образ предо мной горит За отдаленной гранью Пиренеев!» (Заболоцкий), *мысль*: «О мысль! тебе удел *цветка*» (Баратынский), *любовь*: «Любовь – *цветок*, лишенный аромата» (Белый), *слова*: «И за то, что учил впервые / словесам ненашей страны, / что как будто *цветы* ночные, / распускающиеся в порыве, / ночью пахнут, а днем – дурны» (Вознесенский), *стих*: «Я люблюсь, упиваюсь И признательным стихом За цветы вам поклоняюсь И хотел бы, чтоб *цветком* Хоть единым распустился Этот стих <...>» (Бенедиктов), *рифмы*: «На эти чудесные глазки Я рифмы сплетал, как *цветы*, И вышли – бессмертные песни...» (Майков), *лучи*: «Цвели весенние лучи – Небесные *цветки*» (Потемкин), *звезды*: «<...> во мраке по-прежнему распускаются ночные *цветы* неба – звезды...» (Марлинский), *луна*: «Луна – *цветок* цветов» (Волошин), *солнце*: «Солнце горит в небе, как огненный *цветок*, и сеет золотую пыль своих лучей на серые груды скал» (Горький), *огни*: «И огней нетленные *цветы* Я один увижу голубыми...» (Анненский), *снег*: «Пусть там, на взлетевших Карпатах, Качаются снега *цветы*» (Асеев), *мотылек*: «Посмотри, как хорош мотылек, / как он близок и странно далек, / упорхнувший из Рая *цветок!*» (Эллис), *снегири*: «Они [снегири] малиновой весною зоба, Как темно-красные *цветы*, На зимнем выросли лугу» (Хлебников), *медуза*: «Волна идет – как из стекла литые, Идут бугры волны, По ним скользит, колышется медуза, Живой морской *цветок*» (Бунин), *хвосты бобров*: «Бобры должны мочить хвосты. / Они темны и потаенны, / обмакнутые в водоемы, / как потаенные *цветы*» (Вознесенский), *собор*: «Здесь соборов каменные корни. Прахом в прах таинственно сойти, Здесь истлеть, как семя в темном дерне, И *цветком* собора расцвести» (Волошин), *город*: «И вдруг проступил закат, <...> И город мой просиял / последним бледным *цветком*» (Рейн), *страна*: «В полях озаренных, холодных и девственных, *цветком* голубым ты цвела [Россия]» (Набоков) и др.

Следующие по частотности наименования цветов в метафорах и сравнениях: *мак*, *маков цвет*, *одуванчик*, *подсолнечник*, *подсолнух*, *хризантема*, *ромашка*, *фиалка*. Далее в порядке убывания частоты в этот класс входят наименования: *василек*, *гвоздика*, *ландыш*, *незабудка*, *сирень*, *кувшинка*, *лотос*, *шиповник*, *астра*, *гиацинт*, *пион*, *тюльпан*. Наиболее редкие: *алоэ*, *анемон*, *белладонна*, *вьюн*, *вьюнок*, *гелиотроп*, *генциана*, *георгин*, *герань*, *гречиха*, *жасмин*,

желтофиоль, ирис, колокольчик, левкой, лютик, миндаль, настурция, олеандр, орхидея, подснежник, тубероза, виктория-регия.

2. Отношение «Целое – часть»:

растение – корень, корни, почки, плоды,
дерево – ствол, ветки, сучья, кора, листья,
хвоя,

цветок – лепесток, венчик, стебель, чашечка,
фрукт – кожура, кожица,
гриб – шляпка.

Группа «Плоды» в свою очередь объединяет целый ряд семантических классов. Само слово *плод* характеризует широкий круг реалий: *человека*: «Она была прекрасна в этот миг, Прекрасна вольной дикой простотою, Как южный *плод* румяный, золотой, Обрызганный душистою росой» (Лермонтов), *грудь*: «Она черна, и блещет скат Ее плечей, и блещут груди: Так два тугих *плода* лежат На крепко выкованном блюде» (Бунин), *душу*: «И тьмой и холодом объята Душа усталая моя; Как ранний *плод*, лишенный сока, Она увяла в бурях рока Под знойным солнцем бытия» (Лермонтов), *слово*: «А теперь даже нежное слово Горьким *плодом* срывается с уст» (Есенин), *солнце*: «И солнце, золотистый *плод*, В прозрачном воздухе плывет, Как ангел с песней воскресенья» (Гумилев), *луну*: [Луне] «Не для того ль тебя я рыщу и – ращу, / как непомерный *плод* тщеславный огородник?» (Ахмадулина), *снега*: «Лежат помятыми *плодами* Снега февральские у ног» (Ксения Некрасова), *вымя коровы*: «Там пастухи коров, мычащих И вымя, как пудовый *плод*, По травам и цветам влачащих, К загонам гонят через чащи» (Искандер). Эта группа далее подразделяется на подгруппы «Ягоды», «Фрукты», «Овощи», «Орехи» и некоторые другие.

В классе «Ягоды» наиболее распространено родовое обозначение *ягода*, *виноград*, *вишня*, *клюква*, *малина*, *маслина* и *оливка*, *слива*. Реже употребляются *барбарис*, *брусника*, *волчьи ягоды*, *земляника*, *земляничина*, *калина*, *клубника*, *костяника*, *крыжовник*, *куманика*, *рябина*, *смородина*.

В классе «Фрукты» самое широко распространенное наименование в тропях – *яблоко*. Затем идут *арбуз*, *персик*, *апельсин*, *лимон*, *дыня*, *груша*. Редки видовые обозначения *абрикос*, *гранат*, *манго*, *мандарин*, *померанец*.

В классе «Овощи» часто повторяются элементы *капуста*, *тыква*, несколько реже встречаются *помидор*, *редиска*, *редька*, *репа*, *свекла*, *картофель*, *клубень*, *морковь*, *огурец*, редки *артишок*,

корнеплоды, *болгарский перец*, *хреновый корень*.

3. Отношение «Растения – совокупности растений»: *цветок – цветник, букет, клумба; дерево – лес, дубрава, роща; злаки – сноп* и пр.

Следующие три группы состоят в основном из метафорических глаголов, которые могут употребляться и самостоятельно, и (чаще) как основа сравнения в сравнительных конструкциях.

4. Отношение «Растения» – жизненный цикл растений». В подполе «Жизненный цикл растений» входят глаголы *взойти*, *взрасти*, *зацвести*, *расцветать*, *распускаться*, *раскрываться*, *цвести*, *зреть*, *спеть*; *блекнуть*, *вянуть*, *увядать*, *отцветать*, *сохнуть*; а также слова *росток*, *побег*, *бутон*, *бутончик*, *нераспустившийся цветок* и др.

Эта группа метафор и сравнений характерна тем, что основные ее элементы практически универсальны, они могут характеризовать любые реалии, которые имеют, образно говоря, «жизненный цикл».

5. Отношение «Растения – действия человека с растениями»: *сеять*, *сев*, *посев*, *посадить*, *пересадить*, *прививать* – и, с другой стороны – *косить*, *рубить*, *сорвать*, *вырвать* и др.

6. Группа, элементы которой имеют семантику «Питание растения», то есть его взаимоотношения с солнцем, влагой и землей: *тянуться к солнцу*, *распускаться навстречу лучам*, *взрасти корнями в почву* и пр.

И, наконец, две последние группы состоят в основном из метафорических прилагательных, которые чаще встречаются в словосочетаниях с названиями растений.

7. Группа «Природное воздействие на растения». Например, о цветке: *сломанный ветром*, *сбитый грозой*, *измолотый потоком*.

8. Группа «Условия жизни растения» (в природе / в теплице). Сюда относятся следующие опорные слова тропов: *тепличное растение*, *экзотические цветы*, *ландыш за стеклом* – *полевой цветок*, *дикорастущий* и т. п.

Кроме отмеченных выше семантических отношений, в рассматриваемом поле выделяются отношения синонимии: *лилия – крин*, *свекла – буряк*, *помидор – томат*, *арбуз – кавун* – и отношения словообразовательной деривации: *цветок – цветочек*, *цветик*; *дерево – деревце*; *цвести – цветенье* и т. п.

Некоторые опорные слова тропов, входящие в указанные семантические классы, являются частотными, традиционными, например, *роза*, *лилия* и др., о которых говорилось выше, некото-

рые имеют истоки в библейском употреблении, в древнерусской литературе, например, *цвет, цветок*: в Библии: «Человек, яко трава дние его, яко *цвет* сельный, тако оцветет, яко дух пройде в нем, и не будет» (Псалом 102), в древнерусской литературе: «Когда же убили дитя, мое и твое, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, подобно *цветку*, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним <...>: «Увы мне, что я сделал! <...>» (Письмо Мономаха к Олегу Святославичу), *трава* в Библии: «Не ревнуй лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие. Зане яко *трава* скоро изсхнут, яко зелие злака скоро отпадут» (Псалом 36), «Внегда прозябоша грешницы яко трава» (Псалом 91), *дерево, пальма, кедр, лоза*.

Некоторые метафоры и сравнения относятся к общезыковым устойчивым сочетаниям: *цветы общества, как лист перед травой, как огурчик, нос картошкой* и пр., некоторые являются реализациями общезыковых моделей метафорического переноса: *цветсти, расцветать, корень, зерно, семя* и т. д., некоторые являются «поэтическими формулами»: *розы жизни, цветы жизни, розы юности, розы любви, цветы славы*. Другие элементы рассмотренных классов являются более или менее редкими (выше, при рассмотрении родо-видового отношения и отношения «целое – часть» основные опорные слова метафор и сравнений охарактеризованы с этой точки зрения). Среди опорных слов тропов встречаются неологизмы: *неврастение* (Бродский), *разбукетилось небо* (Кузмин), *астрить, белолилия* (Северянин).

Описанные семантические отношения лежат в основе представления метафор и сравнений в создаваемом выпуске словаря. Образы сравнения и основания сравнения сгруппированы по семантической близости. Это позволяет подробно описать каждую реалию (группу реалий), сравниваемую с растениями, увидеть, как в языке художественной литературы семантические отношения в поле «**Растения**» структурируют образное представление о различных фрагментах изображаемой писателями действительности.

Для разных реалий (предметов сравнения) набор семантических отношений различен. Наиболее широк он для класса предметов «**Человек**». Для образной характеристики человека используются и родовое слово *растение*, и различные видовые обозначения (см. выше).

Части тела человека уподобляются частям растений: голова – *цветочная чашечка*: «Голова – *цветочной чашечкой* Из серебряного выре-

за» (Цветаева), *шляпка подсолнуха*: «Стоявший под сосной молчал. Голова его, как *шляпка подсолнуха*, висела, склонившись набок» (Шолохов), шея – *стебель*: «Карандашами острыми ресниц Чертить не буду Овал Лица И узкой шеи *стебель*, И плеч углы» (Мариенгоф), руки – *сучья*: «И весь он был взъерошенный, встопыренный, и пальцы торчали врозь, и руки лезли, как *сучья*, – трудно было представить, как такой человек может лежать плоско на земле и спать» (Л. Андреев), *ветки*: «Руки тряслись, словно *ветки* на листопадном ветру» (Клычков), ноги – *корни*: «Перед прилавком закинула рыжую голову, прямая, как из земли зеленая былка, и не шербатый пол под ногами – земля и мох, а белые *корни* – босые ноги – крепко в земле» (Замятин), *стебли*: «Не видно лиц, и к *стеблям* ног Простерты снизу копыя теней» (Волошин), *плети*.

Жизненный цикл человека описывается в терминах жизненного цикла растения с помощью глаголов *расцветсти*: «Но царевна молодая, Тихомолком *расцветая*, Между тем росла, росла, Поднялась – и *расцвела*» (Пушкин), *отцветсти*: «Вот так же *отцветем* и мы И отшумим, как гости сада» (Есенин), *цветсти, вянуть, увянуть*: «Едва ли на заре сей жизни не *увяну*» (Батюшков), *взрасти* и т. д., существительных *росток*: «Дети – Как в темном подвале *ростки*» (Городецкий), *побег, бутон, бутончик*: «Выходит она, приседает, ну можете себе представить, еще в коротеньком платьице, неразвернувшийся *бутончик*, краснеет, вспыхивает, как заря» (Достоевский), прилагательного *нераспустившийся* (в сочетании с элементом *цветок*): «Тогда деревню он покинет И дочь введет в столичный свет; Так старый садовод ревниво В смиренный прячет уголок *Нераспустившийся цветок*...» (Огарев) и др.

Совокупности людей характеризуются как совокупности растений, например: *букет*: «Является Марья Ивановна под руку с именинницей; прочие цветки роскошного *букета* скромно следуют сзади» (Салтыков-Щедрин), *лес*: «А тут жизнь – как на якоре – качается пристанью, а люди – как крепкий строевой *лес*, глубоко корневищами ушедший в землю» (Замятин), *роща*: «Тогда людские *рощи* босы» (Хлебников), *сад*: «Сделаю что угодно, чтоб звенеть в человечьем *саду!*» (Есенин).

Семантическая группа «**Условия жизни растений**» (в природе / в теплице) позволяет провести соответствующее разграничение при характеристике людей (условно говоря, «дикорастущие» и «тепличные» растения). С одной сто-

роны, это такие контексты, как: «Три раза Жанна под сердцем носила Сладкое бремя в пустыне лесной. Бедные дети! Пригожий, румяный, Каждый взмошел, что *цветок полевой...*» (Мей), с другой – *редкостное растение* в теплице: «А я пою нежнейшим голосом Любезной девушки судьбу: О том, как *редкостным растением* Цвела в светлейшей из теплиц: В высокосветском заведении Для благороднейших девиц» (Цветаева), *экзотические цветы*: «Я знаю, иные беллетристы выдерживают такое ужасное напряжение целыми годами. Но Пашкевич был в этом отношении похож на те великолепные, но чересчур нежные *экзотические цветы*, которые вянут без оранжерейного ухода, тепла и света» (Куприн) и т. п.

Для образного описания жизненных ситуаций, в которые попадает человек, применяются предикаты, относящиеся в прямом употреблении к растениям.

Человека как субъекта действия характеризуют предикаты группы «**Питание растения, отношение растения к земле, воде, солнцу**», например, *тянуться к чему-л., как растение к свету*: «Проходя сквозь строй насмешливых взглядов, он естественно *тянулся* к ее влюбленному взгляду, *как растение к свету*» (Л. Толстой), *врасти корнями в почву*: «Мы *вросли*, / словно сосны, / своими *корнями* / в ту страну, на которой живем» (Окуджава) и т. д.

Как объекта действия человека характеризуют предикаты, обозначающие разного рода воздействие на растения. Это могут быть действия человека с растениями (посадка, пересадка, прививка, прополка, рубка, косьба и т. п.), а может быть природное воздействие на растения (удар молнии, воздействие бурного потока и т. п.). Например: *посадить* – в качестве основания сравнения: «Его как будто невидимая рука *посадила*, как драгоценное растение, в тень от жара, под кров от дождя и ухаживает за ним, лелеет» (Гончаров). Причастие *пересаженный* характеризует человека, переселившегося в новые условия: «Долго она [баба, переселившаяся из деревни в столицу], как дубок, *пересаженный* с одной почвы на другую, гнется во все стороны» (Левитов 1863). Уничтожение, смерть людей описывается предикатами *вырвать (с корнем), подрубить, срубить* (они чаще всего встречаются в виде причастий: *подрубленный, срубленный*, являющихся определениями к названиям деревьев): «И грохнулся он, как *подрубленный дуб*, на землю» (Гоголь), «Повалился он на холодный снег, На холодный снег, будто сосенка, Будто сосенка, во

сыром бору Под смолистый под корень *подрубленная*» (Лермонтов), «Лежит девица Как в церкви убранный, Ровно деревце В цветенье – *срубленное*» (Цветаева), *косить, скосить, сразить косою*: «певец <...> Погиб на утре лет, Как ранний на поляне цвет, *Косою* безвременно *сраженный*» (Пушкин), «– Моя любовь теперь сверкает на сабле и в винтовке, но не в бедном сердце! – объявил Копенкин и обнажил шашку. – Врагов Розы, бедняков и женщин я буду *косить*, как бурьян!» (Платонов). Предикаты, обозначающие негативные природные воздействия на растения, тоже образно описывают нанесение ущерба человеку: *цветы, сбитые грозой*: «Один он видел ясно, Что силы родины теряются напрасно, Что лучшие умы, как бедные *цветы*, Со стебля *сбитые грозой*, Кружат в пустыне» (Майков), *сломанный ветром цветок*: «Как *ветром сломанный цветок*, Поникнув грустно головой, Она стояла под венцом» (Ап. Григорьев), *цветок, измолотый потоком*: «Ты от всех ждала участия – жадно. Все обиды, как дитя простила, <...> И теперь ты брошена на камни, Как *цветок, измолотый потоком*» (Брюсов), *дуб, сраженный перунами*: «И пал ли Клюев бородастый, Как *дуб, перунами сраженный*, С дуплом, где Сирин огневейный Клад стережет – бериллы, яхонт?» (Клюев) и т. д.

Тщательное описание состава и структуры семантического поля прямых употреблений слов и словосочетаний, становящихся образами сравнения компаративных тропов, кладется в основу группировки языкового материала в каждом выпуске «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.». В сочетании с идеографической классификацией предметов сравнения и диахроническим принципом подачи материала оно позволяет описать множество этих метафор и сравнений как систему и показать пути ее эволюции. Кроме того, как мы попытались показать в данной работе, описание семантических отношений между элементами поля интересно и само по себе, как иллюстрация того, как эти отношения структурируют фрагменты метафорической картины мира языка художественной литературы.

Библиографический список

1. Баранов, А. Н., Караулов, Ю. Н. Словарь русских политических метафор [Текст] / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М., 1994.
2. Кожевникова, Н. А. Образная параллель строение – человек в русской литературе XIX–XX вв.

[Текст] / Н. А. Кожевникова // Художественный текст: единицы и уровни организации. Сб. науч. тр. – Омск, 1991. – С.69–85.

3. Кожевникова, Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений [Текст] / Н. А. Кожевникова // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции. Москва, 8–10 июня 2002 г. – С. 189–190.

4. Кожевникова, Н. А., Петрова, З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Выпуск 1 «Птицы» [Текст] / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова. – М.: Языки русской культуры, 2000.

5. Кожевникова, Н. А., Петрова, З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Выпуск 2 «Звери, насекомые, рыбы, змеи» [Текст] / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова. – М.: Языки славянских культур, 2010.

6. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.

7. Павлович, Н. В. Словарь поэтических образов. Т. 1,2. [Текст] / Н. В. Павлович. – М.: URSS, 1999.

8. Пак, И. Я. Языковое воплощение образа дерева/растения в русском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Я. Пак. – Томск, 2006.

9. Weinrich, H. Sprache in Texten [Text] / H. Weinrich. – Stuttgart: Klett, 1976.

Bibliograficheskiy spisok

1. Baranov, A. N., Karaulov, Ju. N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor [Tekst] / A. N. Baranov, Ju. N. Karaulov. – M., 1994.

2. Kozhevnikova, N. A. Obraznaja parallel' stroenie – chelovek v russkoj literature XIX–XX vv. [Tekst] / N. A. Kozhevnikova // Hudozhestvennyj tekst: edinicy i urovni organizacii. Sb. nauch. tr. – Omsk, 1991. – S.69–85.

3. Kozhevnikova, N. A. Materialy k slovarju metafor i sravnenij [Tekst] / N. A. Kozhevnikova // Rusistika na poroge XXI veka: problemy i perspektivy. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 8–10 ijunja 2002 g. – S. 189–190.

4. Kozhevnikova, N. A., Petrova, Z. Ju. Materialy k slovarju metafor i sravnenij russkoj literatury XIX–XX vv. Vypusk 1 «Pticy» [Tekst] / N. A. Kozhevnikova, Z. Ju. Petrova. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2000.

5. Kozhevnikova, N. A., Petrova, Z. Ju. Materialy k slovarju metafor i sravnenij russkoj literatury XIX–XX vv. Vypusk 2 «Zveri, nasekomye, ryby, zmei» [Tekst] / N. A. Kozhevnikova, Z. Ju. Petrova. – M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010.

6. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. Metafory, kotorymi my zhivem [Tekst] / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2008.

7. Pavlovich, N. V. Slovar' poeticheskikh obrazov. T. 1,2. [Tekst] / N. V. Pavlovich. – M.: URSS, 1999.

8. Pak, I. Ja. Jazykovoe voploshhenie obraza dereva/rastenija v russkom jazyke [Tekst]: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk / I. Ja. Pak. – Tomsk, 2006.

9. Weinrich, H. Sprache in Texten [Text] / H. Weinrich. – Stuttgart: Klett, 1976.

О. Е. Фролова

Об употреблении слова *факт* в русской речи

В статье рассматривается употребление слова *факт* в современной русской речи. Значение слова *факт* связано со знанием и истинностью сообщения. Конструкции *это факт* и *это не факт* отличаются не только наличием отрицания. Конструкция *это факт* употребляется в постпозиции по отношению к вводимой пропозиции. Мы встречаем ее в ситуациях, когда модус противопоставляется диктуму; когда говорящий подчеркивает истинность сообщения. Конструкция *это не факт* употребляется в начале предложения и выражает сомнение или предположение.

Ключевые слова: факт, конструкции *это факт*, *это не факт*, истинность, модальность предположения, сомнения.

О. Е. Frolova

On the use of the word *fact* in the Russian language

The article looks at the use of the word *fact* in the modern Russian speech. The meaning of the word *fact* is associated with knowledge and with the truth of the message. The construction *this is a fact* and *this is not a fact* differ not only by the presence of negation. The construction *this is a fact* is used in postposition in relation to a proposition. This construction is used in situations when the dictum is opposed to the modus; when the speaker emphasizes the truth of the message. The expression *this is not a fact* is used in the beginning of a phrase to express doubt.

Keywords: fact, the construction *this is a fact* and *this is not a fact*, the truth, modality of doubt.

Значение фактивности связывает семантику, грамматику, референцию высказывания и традиционно толкуется через существительное *факт*. Фактивны предикаты знания, в отличие от предикатов мнения, значением фактивности облагает союз *что*, водимая им пропозиция истинна (см. [1; 3; 5]).

Мы намереваемся прояснить, как связано с семантикой фактивности употребление в речи существительного *факт*. Будут рассмотрены устойчивые и воспроизводимые конструкции *это факт* и *это не факт*.

Словарь толкует значение интересующего нас существительного так: «1. Истинное событие, реальное происшествие или явление, пример, случай. Действительный, общеизвестный, исторический факт. <...> 2. в функц. сказ. Реальность, действительность» [2, с. 1414]. Исходя из лексикографического толкования мы можем заключить, что фактивность включена в семантику слова. Значение слова *факт* при актуализации предполагает реальную модальность, возможность верификации и истинностную оценку высказывания. Факты узнают, проверяют, они мо-

гут быть достоверными или недостоверными, будучи недостоверным, содержание сообщения перестает быть фактом.

Наша цель – описать употребление конструкций *это факт* и *это не факт* в речи. Первая конструкция должна тяготеть к диктуму, а не к модусу. Можно также предположить, что семантика конструкций *это факт* и *это не факт* будет различаться наличием и отсутствием отрицания. Мы намереваемся выделить прототипические употребления для интересующих нас конструкций и описать их семантику.

В качестве материала мы обратились к Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ) [4].

Обычно конструкция без отрицания помещена после описания ситуации или события и допускает распространение прилагательным.

(1) *Я приведу пример: в 1899 году мусульманские интеллигенты города Нахичевани, это провинциальный городок тогда был, собрались и отметили 100-летие со дня рождения великого русского поэта Пушкина и назвали главную улицу именем Пушкина. Это известный историче-*

ский факт. И до сих пор это Пушкинская улица, одна из главных улиц города (Камал Абдуллаев: «Мы русский язык не потеряем никогда» (2002) // «Известия», 2002.09.18).

В примере 1 сообщается о событии, которое имело место, предикат выражен формой глагола прошедшего времени совершенного вида со значением актуального результата, высказывание описывает истинное происшествие.

(2) *А историю пишут победители, это признанный факт...* (Коллективный. «Скифосарматские» наречия и «скифский» словарь В. И. Абаева. 2009–2010).

В примере 2 конструкция также осложнена прилагательным. Предикат выражен формой глагола настоящего времени в значении узуального повторяющегося действия, или же его темпоральную характеристику можно интерпретировать как гномическое время.

(3) *Сорок дней он простаивал на коленях, не ел, не пил, это — факт* (Марина Ахмедова, Петр Мамонов. Петеньке стыдно // «Русский репортер», № 22 (200), 9 июня 2011, 2011).

В тех случаях, когда целью говорящего является подчеркнуть истинность сообщения, такое употребление можно назвать прототипическим: описывается ситуация в прошлом или настоящем, конструкция *это факт* относится к диктуму и выступает как подтверждение истинности, при этом семантика существительного и содержание описываемой пропозиции «диктумно согласуются».

То, что оппозиции *правда / ложь, знание / мнение* важны для говорящего и осознаются им, подтверждают примеры с эксплицитированным противопоставлением (см. примеры 4, 5).

(4) *В этом фильме все изложено так, чтобы не только подростки задумались, но и родители. Смотрела с дрожью в сердце. Какая все же грязь, но это факт, не вымысел. Это тот период времени, в котором наступают на «грабли». Некоторые пытаются стереть этот момент жизни в будущем, как ненужный файл, а некоторые продолжают этим жить. Итог – решетка или панель* (Коллективный. Обсуждение фильма «Все умрут, а я останусь». 2010–2011).

(5) – *Это твоя личная точка зрения, – сказал Лева. – Это факт, а не точка зрения! Я надеялась, что ты станешь первым в мире великим кларнетистом!* (Анатолий Алексин. Мой брат играет на кларнете. 1967).

Между тем в НКРЯ обнаруживаются примеры, в которых диктумная семантика конструкции *это факт* затемнена.

(6) *С 2005 года в мире наступает чрезвычайный период падающей нефтедобычи. Америка уже запасла почти миллиард баррелей в своих государственных резервах. И нацелилась на захват мировой нефтяной ренты, начав с Ирака. Это факт* (Иван-дурак и миллиардер Шахновский (2003) // «Завтра», 2003.08.22).

Применительно к примеру 6 не вполне ясно, к какой ситуации относится интересующая нас конструкция: к формированию запасов или к намерениям США. Если в предложении о нефти употребление конструкции не вызывает возражений, то реконструкция намерений совсем не так очевидна. Двусмысленность примера 6 заключается в том, что выражение *это факт* «колеблется» между диктумной и модусной частью высказывания.

В следующем примере конструкция *это факт* еще больше «сдвигается» к модусному компоненту высказывания, относясь к отрицательно маркированному оценочному предикату *не годится*, представляющему собой субъективную позицию говорящего. Пример может быть интерпретирован таким образом, что адресант пытается представить свое мнение как реальное состояние дел, при этом конструкция *это факт* утрачивает свое диктумное значение и выступает только как усилительная частица, становясь инструментом в некорректной аргументации.

(7) *И зарубежное историческое кино достаточно часто ни к черту не годится. Это факт! Еще раз повторю — я не защищаю «Адмирала», я просто объективно оцениваю ситуацию* (Коллективный. Адмирал. 2011).

Сдвиг конструкции *это факт* в модусную сторону – довольно устойчивая тенденция и обнаруживается в ряде примеров НКРЯ (примеры 8, 9, 10, 11).

(8) *Зато летчик я смелый и опытный, это факт* (Виктор Пелевин. S. N. U. F. F. 2011).

(9) *Я никому не нужен, и это факт* (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010).

(10) (AtomInfo.Ru, nick) *У французов не все понятно, это факт* (Коллективный. Российский атом. Проект ПРОРЫВ. 2012).

(11) *Проце иметь дело с женщиной бесправной и зависимой – это факт, потому что ей физически не выжить без «мужика»* (Коллективный. Мир, в котором девушки не хотят замуж. Обсуждение статьи. 2012).

В первоначальном примере 8 адресант выступает с характеристикой, являясь и субъектом, и объ-

ектом оценки; в примере 9 адресант, выступающий от 1 лица единственного числа, судит об отношении к себе других людей, что не может быть ничем иным, кроме как предположением. В примере 10 речь идет о понимании, которое индивидуально, но представлено как генерализация, а в примере 11 – адресант делает обобщающий вывод о взаимоотношениях мужчин и женщин.

Если конструкция *это факт* употребляется в высказываниях, которые не описывают событий, имевших место в прошлом или в настоящем, предикаты в будущем времени являются не констатацией, а выражением модальности, поэтому и в этом случае диктумная природа конструкции ослаблена (примеры 12, 13, 14).

(12) *Дресс-код был, есть и будет – это факт и данность нашего мира!* (Коллективный. Школьная форма. За и против. 2007–2010).

Пример 12 интересен тем, что описываемая ситуация, выраженная бытийным предложением, представлена в трех временных планах: прошлом, настоящем и будущем, – однако интерпретация темпоральной характеристики предикатного выражения как громического времени, на наш взгляд, невозможна, поскольку этому противоречат наши знания о мире. Напротив, адресант выражает свою полную уверенность в том, что устройство мира, которое он знает и о каком говорит, абсолютно неизбежно. Сравните, в примере 2 нет плана будущего времени, речь идет о сложившейся тенденции.

(13) (Аленушка, nick) *Ни один хороший специалист не пойдет работать на государство, и это факт, заработанная плата низкая, пациентов много* (Коллективный. Хватит губить детей! 2011).

(14) – *Да ну, погодите, это ж факт, что абсолютное большинство народа с удовольствием эти меры поддержит!* (Анатолий Чубайс, Елена Трегубова. Власть должна быть жесткой // «Коммерсантъ-Власть», 2000).

Конструкция *это факт* в контексте может употребляться как в постпозиции (пример 13), так и в препозиции к описываемой ситуации (пример 14). Предикаты предложения, в котором описывается ситуация, которая будет иметь место в будущем, вне зависимости от наличия или отсутствия отрицания, касаются прогнозов адресанта, а конструкция *это факт* выражают высокую степень уверенности в собственном прогнозе.

Сдвигаясь к выражению модусных и модальных смыслов, конструкция *это факт* означает не подтверждение истинности описываемого положения дел, а модус уверенности.

Теперь обратимся к анализу конструкции *это не факт*. Пример 15 – один из немногих, обнаруженных нами в НКРЯ, в котором интерпретация отрицания играет важную роль, поскольку входит в коммуникативное намерение адресанта выстроить противопоставление *факт / не факт*: фраза представляет собой риторический вопрос, адресант подчеркивает увеличение численности пролетарских партий, то есть речь идет об истинности описываемой ситуации.

(15) *И разве это не факт, что, несмотря на эти обстоятельства, компартии на Западе растут, что их популярность в рабочих массах подымается, что одни из них уже стали, а другие становятся действительно массовыми партиями пролетариата?* (И. В. Сталин. Международное положение и оборона СССР. 1927).

В примере 16 конструкция с отрицанием находится в препозиции к описываемой ситуации, отнесенной к плану прошлого, однако значение интересующего нас выражения лишается фактивности, а скорее, интерпретируется как ‘не обязательно’.

(16) *Казалось бы, проще всего было зайти к ней и спросить, где Сонька... Ан нет, не проще. Поколебавшись секунду-другую, я этот вариант отбросил. Во-первых, совсем не факт, что Марфуша располагала нужной информацией – Сонька отнюдь не склонна была ни с кем делиться, а Марфушу держала в черном теле* (Вера Белоусова. Второй выстрел. 2000).

Довольно часто конструкция *не факт* употребляется в контексте будущего времени, которое означает не планируемое событие, а сомнение говорящего в его возможности (пример 17, 18).

(17) *Следовательно, не факт, что такая инициатива власти не вызовет серьезного, скрытого или явного сопротивления с их стороны* (Екатерина Григорьева, Елена Загородняя, Игорь Моисеев. Кремлевская мечта. Четыре президента сочинили новый экономический союз (2003) // «Известия», 2003.02.24).

(18) – *Однако многие эксперты скептически оценивают шансы на попадание СПС в Думу в 2003 году, говорят, что Яблоко точно попадет в Думу, а СПС – не факт* (Борис Немцов: Кремль и есть правительство (2003) // «Газета», 2003.06.20).

В примерах 18, 19 конструкция *не факт* находится в препозиции и постпозиции к описанию ситуации, в обоих случаях говорящий выражает неуверенность в развитии событий.

(20) *Это всем любителям ВЕЛИКОЙ РОССИИ. Просто на том этапе бурного развития*

шанс был. Только не нужно было ввязываться в войну. И еще **не факт**, что получилось бы. Мнение настоящего историка прилагаю (Коллективный. Программа модернизации судостроительного комплекса и флота 1911–1931 годов. 2010).

(21) – Тебе бы, конечно, пошла тога, – сказала она, – но не факт, что нам можно их носить (Виктор Пелевин. S. N. U. F. F. 2011).

Конструкция *не факт* употребляется в контексте сослагательного наклонения, выражающего нереализованную возможность (пример 20), и модального слова *можно* (пример 21).

Прототипическим употреблением для конструкции *не факт* можно считать препозицию к описываемой ситуации, которая перемещена в план будущего.

Подведем итоги. Конструкции *это факт* и *это не факт* не обнаруживают симметричности. Первая из них связана со знанием, относится к диктуму, если в предложении, описывающем ситуацию, предикат выражен глаголом в форме настоящего или прошедшего времени. Конструкция *это факт* употребляется в постпозиции по отношению к ситуации и обозначает истинность пропозиции. Если же ситуация перенесена в план будущего, если конструкция относится к оценочному предикату, устойчивое выражение *это факт* утрачивает значение фактивности и выступает как усилительная частица.

Конструкция *не факт*, если она не выражает контраста, часто не имеет значения фактивности и относится к модусному, субъективному компоненту высказывания. Конструкция употребляется в препозиции к описываемой ситуации, отнесенной к плану будущего или возможному миру. Значение конструкции *не факт* – выражение

предположения и уверенности говорящего в его прогнозе.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
2. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2002. – 1536 с.
3. Булыгина, Т. В., Шмелев, А. Д. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? [Текст] / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка: Знание и мнение. – М. : Наука, 1988. – С. 46–63.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. – (Дата обращения: 15.06.2014).
5. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики. [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : Языки русской культуры, 2004. – 608 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Arutyunova, N. D. Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytiye. Fakt [Tekst] / N. D. Arutyunova. – M. : Nauka, 1988. – 338 s.
2. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Tekst] / Gl. red. S. A. Kuznetsov. – SPb. : Norint, 2002. – 1536 s.
3. Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. Vopros o kosvennykh voprosakh: yavlyaetsya li ustanovlennym faktom ikh svyaz' s faktivnost'yu? [Tekst] / T. V. Bulygina, A. D. Shmelev // Logicheskiy analiz yazyka: Znanie i mnenie. – M. : Nauka, 1988. – S. 46–63.
4. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ruscorpora.ru>. – (Data obrashcheniya: 15.06.2014).
5. Paducheva, E. V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. [Tekst] / E. V. Paducheva / – M. : Yazyki russkoy kul'tury, 2004. – 608 s.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 811.521

В. М. Алпатов

Нормализация языка в Японии

Материал IV Международной научной конференции «Культура русской речи» («Гротовские чтения»), которая состоялась 6–8 ноября 2014 года в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Первые попытки нормализации орфографии японского языка начались в XIII в., японские ученые XVII–XVIII вв. установили орфографические нормы на основе строгих принципов. Нормы современного языка были определены в начале XX в., первоначально орфографические нормы основывались на нормах письменного языка. В 1946–1952 гг. во время американской оккупации были реализованы значительные реформы: отмена использования старописьменного языка, упрощение написания иероглифов, сокращение числа используемых иероглифов, приближение орфографии к произношению. Сейчас нормы языка поддерживаются и частично изменяются двумя ведомствами: Министерством образования и телевизионной компанией NHK. Установленные NHK нормы учитываются и другими телекомпаниями. Институт при NHK изучает язык телевидения и радио и дает компании рекомендации. Основные методы этих исследований: анализ значительного числа программ и массовое изучение отношения аудитории к программам; если реальное употребление и мнение зрителей не соответствуют норме, норма меняется.

Ключевые слова: нормализация языка, орфография, произношение, иероглифы, Министерство образования, компания NHK, массовые исследования.

THEORY OF LANGUAGE

V. M. Alpatov

Normalization of the language in Japan

The first attempts to normalize the orthography of the Japanese language started in the XIII century. The Japanese scholars of the XVII–XVIII centuries established the orthographic norms based on strict principles. The norms of Modern Japanese were determined at the beginning of the XX century. Originally the orthographic norms based on the norms of the Written Japanese. In 1946–1952, at the time of the American occupation the significant linguistic reforms were realized: elimination of the Old Written Japanese, simplification of writing characters, reduction of the number of characters, correlation between the orthography and the pronunciation. Nowadays the norms of the language are maintained and partly changed by two organizations: the Ministry of Education and the radio and television company NHK. The norms established by NHK are also taken into account by the other companies. The special institute attached to NHK researches the language of television and radio and offers its recommendations to the company. The principal methods of these researches are the analysis of the significant number of programs and the investigation of the attitude of the mass audience to the programs. If the real usage and the mass opinions do not coincide with the established norms these norms are changed.

Keywords: normalization of language, orthography, pronunciation, characters, Ministry of Education, company NHK, mass investigation.

Япония принадлежит к числу стран, о которых русисты. Однако, на мой взгляд, многое из того, что имеет там место, может представлять интерес, очень мало знают наши лингвисты, в том числе

включая и меры, которые предпринимались и предпринимаются для нормализации языка.

Впечатляют и временные рамки нормализаторской деятельности в Японии: в области орфографии она продолжается уже восемь столетий. Как известно, японское письмо (в отличие от чисто иероглифического письма в Китае) одновременно использует иероглифы и фонетическое письмо – кану. Нормализация иероглифики началась лишь в XX в., однако нормы орфографии каны появились еще с начала XIII в. К этому времени произношение уже отличалось от того, которое было во время создания каны (IX–X вв.), причем в разных диалектах по-разному, что приводило к разнобою в написании. Первая получившая распространение норма орфографии (*Teika-kanazukai*) была установлена придворным Фудзивара Тэйка¹ в первой половине XIII в., после некоторых изменений она стала наиболее употребительной в течение более чем четырех веков. Она еще не была основана на строгих принципах, единственным критерием была частотность. Обычно в ней закреплялись наиболее распространенные написания.

Новый этап орфографической нормализации связан с периодом «закрытой Японии» (начало XVII в. – середина XIX в.), в который окончательно сложилась японская лингвистическая традиция. Была поставлена задача реконструкции орфографии древних, наиболее престижных памятников и формирования строгой нормы на ее основе. Основоположником научного изучения орфографии каны стал буддийский монах Кэйтю (1640–1701 гг.). Он исходил из строгого принципа: правильное написание надо искать в наиболее старых памятниках (не позднее середины X в.); особенно были важны поэтические антологии «Манъесю» (VIII в.) и «Кокинсю» (начало X в.). Кэйтю отметил, что в них еще не было разнобая в орфографии. Он исправил написание многих слов. Всего у него было заново установлено написание 1986 слов, в основном соответствовавшее истории языка, отдельные ошибки были исправлены еще в эпоху «закрытой Японии». Установленная Кэйтю для старописьменного языка (бунго) орфография вытеснила то,

что было раньше, и для текстов на нем с некоторыми коррективами используется до сих пор; позже она была перенесена и на современный литературный язык, для которого применялась до 40-х гг. XX в.

Вставал вопрос: в чем причина стабильности орфографии до X в. и значительные ее колебания после этого. Современная наука исходит из того, что первоначально орфография отражала произношение, а потом от него оторвалась, что породило путаницу. Насколько понимал это Кэйтю, сказать трудно. Но в следующем столетии этот вопрос стал обсуждаться. Разные точки зрения высказали два крупнейших ученых той эпохи – Уэда Акинари и Мотоори Норинага. Первый из них полагал, что произношение не может меняться со временем, возможны лишь индивидуальные отклонения, поэтому старая орфография Тэйка и новая орфография Кэйтю равно пригодны к употреблению. Однако Мотоори Норинага эксплицировал идею о том, что написание древних текстов отражает произношение того времени, потом изменившееся. Таким образом, он занимался уже не только орфографией, но и фонетикой. Однако и он исходил из идеи, господствовавшей во всех лингвистических традициях на ранних этапах [3, с. 20–21]: язык – божественный дар (японцы, что отражено в мифологическом памятнике VIII в. «Кодзики», получили язык от богини Аматэрасу), поэтому он не может изменяться и развиваться, но может только забываться и портиться. Самостоятельно преодолела такие представления лишь европейская традиция на пороге Нового времени (раньше, чем писал Мотоори Норинага, но он еще не был с ней знаком, поэтому ученому не могла прийти в голову мысль о закономерности изменений в произношении. Он считал, что древнейшие памятники отражают язык, наиболее близкий к языку, дарованному богиней, и потому наиболее правильный. Наиболее правильным он считал и их произношение, однако до нормализации устного языка было еще далеко).

Следующий этап – эпоха интенсивной европеизации (вторая половина XIX в. и начало XX в.). В это время произошло формирование нового литературного языка на разговорной основе, которое окончательно завершилось в 10-е гг. XX вв. Этот язык с самого начала строго нормировался, основой его распространения была сложившаяся в это время система всеобщего школьного образования. Впервые появились орфоэпические нормы. Однако нормы орфографии были архаическими и в основном копировали нормы бунго.

¹ Для японских персоналий принято указывать сначала фамилию, потом имя. Для деятелей науки и культуры, работавших до начала XX в., обычно вместо имени указывается псевдоним, под которым они выступали (Тэйка, Норингага). Буддийских монахов называют лишь по монашескому имени (Кэйтю).

Последним периодом значительных изменений в норме японского языка стали годы после окончания Второй мировой войны, период американской оккупации (1946–1952 гг.). Реформы того времени по значению сходны с реформой 1918 г. в России, они также произошли в период коренной ломки всех общественных отношений и институтов. Лишь в Японии они охватили не только орфографию.

Среди ряда осуществленных в это время реформ было выведение из активного употребления бунго, японского аналога церковнославянского языка (только имевшего в основном светские функции). До войны бунго «долго и нераздельно властвовал в официальной и деловой сфере, где все писалось по его нормам, начиная с текста закона и кончая квитанцией о приеме белья в прачечную» [4, с. 26]. Эта сфера жизни в Японии (в отличие от России и ряда других стран) много столетий считалась наиболее престижной. Теперь и сюда распространились нормы современного языка. Значительно реформировалась (в целом в сторону упрощения) и система так называемых форм вежливости (точнее, форм этикета).

Впервые изменениям подверглась иероглифическая норма. Во-первых, написание ряда иероглифов было упрощено. Во-вторых, был введен так называемый иероглифический минимум, то есть список знаков, которыми рекомендуется пользоваться (первоначально 1850 знаков, позже, начиная с 1981 г., их число несколько увеличилось).

Наконец, снова прошла реформа орфографии каны, приблизившая ее к произношению. Она сходна с тем, что было проведено в России несколькими десятилетиями раньше (изменений было больше, поскольку историческая японская орфография сильнее отличалась от произношения, чем русская), однако в Японии оставили традиционное написание трех частотных грамматических элементов. Например, из трех «ятей» старой орфографии каны два перестали употребляться, но третий остался для написания показателя винительного падежа, превратившись фактически в иероглиф.

Почти все перечисленные реформы оказались полностью успешными, и лишь введение иероглифического минимума имело частичный успех: реально используется большее число иероглифов (в связи с чем минимум иногда увеличивается). Однако массовое обследование языка 70 японских журналов за 1994 год [9] показало, что среди 200 самых частых знаков все входят в минимум 1981 г., в третьей сотне есть два знака, им не

предусмотренных, в четвертой сотне – один, в пятой – ни одного. Таким образом, 497 из 500 самых частых иероглифов включены в минимум, что как раз показывает его действенность.

В последние десятилетия столь масштабные изменения нормы уже не происходили, но частные мероприятия происходят постоянно. Их осуществление связано с принятыми в стране представлениями о языке. В Японии принятому у нас термину *литературный язык* соответствуют два не синонимичных термина – *хе:дзюngo* (стандартный язык, калька с английского) и *ке:цу:го* (общий язык). Стандартный язык зафиксирован в нормативных грамматиках и словарях, его нормы едины для всей Японии, но реально это – скорее идеал, чем языковая практика. Общий язык – то, на чем говорят, он может отклоняться до определенных пределов от норм стандартного языка и допускает варьирование, в том числе региональное. Уровень владения общим языком очень велик, сейчас даже в старшем поколении трудно найти человека, совсем им не владеющего; менее всего унифицирована акцентуация. Основными средствами распространения языковых норм в Японии являются, как и в других странах, школа (через которую уже более столетия проходят все японцы) и средства массовой информации, особенно телевидение. Строгая норма стандартного языка касается и орфографии, и орфоэпии; при этом устный эталон – не столько какой-то конкретный набор текстов, сколько, прежде всего, общие параметры речи дикторов телевидения и радио (эта профессия в Японии сохраняется).

Распространение литературных норм в течение последнего столетия не привело в Японии в отличие от России к исчезновению диалектных и, шире, региональных различий. Для японского общества, в котором очень существенно различие «свой – чужой», оказалось удобным иметь «язык для своих» и «язык для чужих» (ср. отчасти сходную ситуацию в Германии). Понятный для всех «общий язык» является «языком для чужих»; он используется в общении с незнакомыми и малознакомыми людьми, в официальных ситуациях и на письме. Роль используемого в семье и в общении с близкими людьми «языка для своих» играет тот или иной территориально ограниченный вариант языка (подробнее см. [2; 5]). Однако традиционные диалекты уже не существуют в чистом виде, постепенно сближаясь с «общим языком». Самая устойчивая черта традиционных диалектов – акцентуация: часто даже человек, хорошо владеющий во всем ос-

тальном стандартными нормами, сохраняет акцентуацию того района, откуда он родом. Система фонем, наоборот, сильно унифицируется под влиянием стандартного языка.

В настоящее время такие местные разновидности японского языка уже не считаются, как это было раньше, «испорченным» языком; в школе даже специально обучают правилам их использования. Реально, таким образом, формируются региональные разновидности японского языка, противопоставленные «общему языку».

Ведущую роль в нормализации литературного языка в Японии играют два органа – Министерство просвещения и ведущая полугосударственная телевизионная компания NHK. Министерство устанавливает эталоны для школ (начальное и среднее образование в Японии остается в руках государства). Решения, принятые NHK, не могут быть обязательными для частных каналов, но на практике они подстраиваются под них, поэтому нормализация телевизионной речи осуществляется весьма строго (по этому параметру японское телевидение больше напоминает советское, чем современное российское). Однако это не означает, что телевизионная речь выглядит очень официальной: при подготовке текстов передач в них специально вводятся свойственные разговорной речи шероховатости, а длина предложений сокращается [7].

Высшим органом компании NHK является Совет по языку передач (Hoosoo-yoogo-iinkai). Этот орган наделен в пределах NHK законодательными функциями. Состоит он из деятелей компании и авторитетных лингвистов. В 80-е гг. он собирался ежемесячно. Материалы заседаний публикуются в издаваемом компанией журнале. Там просматриваются видеоматериалы не только центрального телевидения, но и местного вещания NHK.

Вот один из примеров, относящийся к 1984 году. На заседании рассматривалась передача местного вещания города Ниигата, посвященная ожидаемому снижению налогов на вино. Были высказаны такие претензии: передача перегружена информацией, не всегда достаточно слов для понятности текста, иногда в одном предложении повторяются обороты, встречаются не понятные на слух слова² [б. № 9, с. 66–67].

² Особенность японского языка – большое количество книжных слов, составленных из корней китайского происхождения, которые легко понимаются в иероглифической записи, но из-за сильной омонимии

Решения совета могут быть не только чисто лингвистическими, но и связанными с политической. В сентябре 1984 года в Японию приезжал тогдашний президент Южной Кореи, и перед визитом совет постановил изменить нормы произношения и написания корейских собственных имен в сторону приближения к звучанию в языке-источнике. В том же году прекратилось использование для обозначения Японии словосочетания *waga kuni* ‘наша страна’, поскольку совет решил, что оно, во-первых, имеет ораторский оттенок и не соответствует желательному для дикторов доверительному тону, во-вторых, слишком официально и может заставить зрителей отождествить точки зрения полугосударственной компании NHK и правительства.

Помимо ограничения использования в речи дикторов малопонятных китаизмов, политика компании всегда, особенно до 2000-х годов, была направлена на ограничения в употреблении заимствований из американского варианта английского языка, поскольку злоупотребления ими вызывают протесты зрителей [б. № 8, с. 20]. Ограничения не касаются лишь собственных имен. Многим зрителям не нравится как непонятность многих заимствований, так и их чужеродность. Но этому противостоит престижность и «элитность» многих американизмов, даже не очень понятных по значению, но ассоциирующихся с высокими стандартами потребления. Поэтому, несмотря на все ограничения, число американизмов на японском телевидении (как и в языке вообще) постоянно растет.

При NHK с 1946 года существует научно-исследовательский институт, занимающийся систематическим изучением языка телевидения и радио. С 1972 года все когда-либо прозвучавшие в эфире слова идут в машинную память. Теперь всегда может быть установлено, когда и в какой передаче произнесено данное слово. Кроме того, исследуется реакция зрителей и слушателей на передачи. Она может изучаться непосредственно (особенно в отношении детей), но много внимания уделяется разного рода анкетам и опросам. Они либо охватывают большое число информантов, либо включают в рассмотрение сравнительно небольшое их количество, однако они специально отбираются так, чтобы их можно было считать «типичными представителями». Например, еще в

с трудом понятны на слух. Поэтому тексты книжного характера в письменном и устном варианте часто значительно различаются лексикой.

60-е гг. опросили 1300 специально отобранных «хороших» информантов – деревенских жителей, которые должны были ответить на вопросы о степени понятности тех или иных иероглифов и слов. В результате были внесены коррективы в лексику и иероглифику³, используемые в передачах NHK [8, с. 8]. (Подробнее о деятельности по нормализации языка японских средств массовой информации см. [1; 2, с. 131–138]).

Эта нормализация основана на принципах, которые можно показать на материале составления нормативных словарей ударения, выпускаемых раз в 5–10 лет вышеупомянутым институтом. Такие принципы можно сравнить с соответствующими принципами при составлении аналогичного русского словаря, о которых говорилось в докладе М. Л. Каленчук на данной конференции. Это частотность, соответствие тенденциям развития языка, соответствие традиции, мнение носителей языка.

Из этих принципов сложнее всего говорить о соответствии тенденциям развития языка. Есть, по-видимому, лишь одна четкая тенденция, но касающаяся меньшинства лексики: заимствования из английского языка в рамках допустимого строем языка приближаются к произношению в языке-источнике (ударения в двух языках настолько различны по характеру, что их сложно передать непосредственно; бывает, что английское ударение отражается как долгота соответствующего слога). То же касается и гораздо менее многочисленных заимствований нашего или близкого к нам времени из других языков (см. выше о корейских заимствованиях). Однако, как показывает тот же пример с корейскими названиями, здесь играет роль и мнение носителей языка.

Три других принципа четко осознаются нормализаторами языка, что проявляется в практике составления таких словарей. Используются, прежде всего, два исследовательских метода. Один из них – фиксация всех контекстов употребления данного слова на телевидении и радио за время, прошедшее после издания предыдущего словаря. В случае вариативности ударения выявляется соотношение случаев использования каждого из них. Таким образом, учитывается частотность. Другой метод – вышеупомянутое анкетиро-

вание, выявляющее в спорных случаях преобладающее мнение носителей языка. Если оказывается, что в обоих случаях преобладает вариант, отличный от того, который предлагался в предыдущем издании словаря, норма меняется. То есть частотность употребления и мнение носителей языка решительно предпочитают традиции.

В целом деятельность японских организаций по установлению и совершенствованию нормы языка является активной и постоянной, эффективность ее достаточно высока.

Библиографический список

1. Алпатов, В. М. О деятельности Объединенного института культуры радио- и телепередач при компании NHK [Текст] / В. М. Алпатов // Вестник МГУ. – 1987. – № 1. – С.80–84. – (Журналистики).
2. Алпатов, В. М. Япония: язык и общество [Текст] / В. М. Алпатов. – 2-е изд. – М.: Муравей, 2003. – 196 с.
3. Алпатов, В. М. История лингвистических учений [Текст] / В. М. Алпатов. – М.: Языки славянских культур. – 2005. – 368 с.
4. Конрад, Н. И. О литературном языке в Китае и Японии [Текст] / Н. И. Конрад // Вопросы языкознания. – 1954. – № 3. – С.25–40.
5. Grootaers, W. Dialectology and Sociolinguistic: a General Survey [Text] / W. Grootaers // *Lingua*. V.57. – No 2–4. – 1982. – С.327–355.
6. Hoosoo-kenkyuu no choosa (журнал). – Tokyo, 1984.
7. Inagaki, Fumio. Tooku ni okeru joojutsu no gihoo [Text] / Fumio Inagaki // NHK-nempoo. – Tokyo, 1984. – С.139–162.
8. NHK soogoo hoosoo bunka kenkyuujo. – Tokyo, 1972. – 16 с.
9. Ogura, Hideki, Aizawa, Masao. Gendai zasshi 70 shi ni okeru kanji no shiyoo jittai to jooyoo kanji hyoo kokugo shisaku e no koopasu katsuyoo ni muketa kisoo choosa [Text]: (Kanji Use in Seventy Contemporary Magazines and Jooyoo Kanji: a Preliminary Study for the Application of Text Corpora to Japanese Language Policy) / Hideki Ogura, Masao Aizawa // *Nihongo-kagaku*. – 2007. – С.125–146.

Bibliograficheskiy spisok

1. Alpatov, V. M. O dejatel'nosti Ob#edinennogo instituta kul'tury radio- i teleperedach pri kompanii NHK [Tekst] / V. M. Alpatov // Vestnik MGU. – 1987. – № 1. – S.80–84. – (Zhurnalistiki).
2. Alpatov, V. M. Japonija: jazyk i obshhestvo [Tekst] / V. M. Alpatov. – 2-e izd. – M.: Muravej, 2003. – 196 s.
3. Alpatov, V. M. Istorija lingvisticheskikh uchenij [Tekst] / V. M. Alpatov. – M.: Jazyki slavjanskih kul'tur. – 2005. – 368 s.

³ Ввиду упомянутой в предыдущей сноске непонятности на слух многих слов, которые не всегда легко заменить, на японском телевидении весьма велика роль письменно передаваемой информации.

4. Konrad, N. I. O literaturnom jazyke v Kitae i Japonii [Tekst] / N. I. Konrad // Voprosy jazykoznanija. – 1954. – № 3. – S.25–40.
5. Grootaers, W. Dialectology and Sociolinguistic: a General Survey [Text] / W. Grootaers // Lingua. V.57. – No 2–4. – 1982. – S.327–355.
6. Hoosoo-kenkyuu no choosa (zhurnal). – Tokyo, 1984.
7. Inagaki, Fumio. Tooku ni okeru joojutsu no gihoo [Text] / Fumio Inagaki // NHK-nempoo. – Tokyo, 1984. – S.139–162.
8. NHK soogoo hoosoo bunka kenkyuujo. – Tokyo, 1972. – 16 s.
9. Ogura, Hideki, Aizawa, Masao. Gendai zasshi 70 shi ni okeru kanji no shiyoo jittai to jooyoo kanji hyoo kokugo shisaku e no koopasu katsuyoo ni muketa kiso choosa [Text]: (Kanji Use in Seventy Contemporary Magazines and Jooyoo Kanji: a Preliminary Study for the Application of Text Corpora to Japanese Language Policy) / Hideki Ogura, Masao Aizawa // Nihongo-kagaku. – 2007. – S.125–146.

В. В. Дементьев

Речевая компетенция модельной языковой личности и представление речевой картины современности

В статье развивается идея, что для представления речевой картины современности может быть эффективно использовано одно из направлений теории речевых жанров – персонологическая генристика, которое складывается на пересечении данной теории с теорией языковой личности. При этом одной из наиболее значимых оказывается проблема речевой компетенции модельной языковой личности, которая также обсуждается в статье.

Ключевые слова: теория речевых жанров, современность, персонологическая генристика, модельная языковая личность

V. V. Dementyev

Model linguistic personality, its competence within the speech genre paradigm and representation of modern view of speech genre

The article develops the idea that to understand the modern view of speech genre it may prove effective to use one of the areas of speech genres theory – personological genristics – which is connected with the theory of linguistic personality. One of the most significant problems discussed in the article is that of speech – genre competence of a model linguistic personality.

Keywords: the theory of speech genres, the present, speech genres theory, personological genristics, model linguistic personality.

1. Постановка проблемы

В статье получает дальнейшее развитие идея, изложенная в цикле наших работ [11; 13; 15], о том, что актуальные процессы современной речи и современности в целом отражаются в системе речевых жанров (далее РЖ). Эта идея восходит к положению М. М. Бахтина о РЖ как «приводных ремнях от истории общества к истории языка» [6, с. 165].

Для решения данной задачи предлагается использовать методику, которая разрабатывалась в конце XX – начале XXI вв. в рамках отечественной, отчасти – зарубежной теории речевых жанров для изучения различных аспектов РЖ.

Предлагаемая **модель**, по которой могут быть описаны наиболее критические события речевой картины современности, включает следующие параметры:

- предмет речи, в том числе прагматические диалогизированные аспекты его: что именно, с какой целью, в каком контексте, с какой оценкой сообщают друг другу собеседники в рамках того или иного речевого жанра («тема РЖ» по Бахтину);

- стиль (шире – коммуникативная тональность, где особенно важна степень серьезности) («стиль РЖ» по Бахтину);

- лексика: наименования жанров и их компонентов, семантическая структура данных номинаций (включая их этимологию, а также метафоры);

- целеполагание: идентификация и характеристика РЖ, социально-ролевой структуры и контекста на иллюкативно-целевой основе;

- отношения речевой первичности-вторичности, включая отношения традиционных и новых, «техногенно обусловленных» жанров;

- основные коммуникативные сферы, где роль речевых жанров для данного периода является особенно критической или где происходят значимые трансформации речевых жанров, – сферы устной и письменной речи, публицистики / СМИ, политической коммуникации; новая идиоматика и речевые стереотипы и т. п.;

- социальный фактор, с которым часто связан фактор аксиологический: владение / невладение определенными жанрами, как и само использование того или иного жанра, может выступать в качестве оценочной характеристики как

в национально-культурном, так и более частном, внутрикультурном или групповом плане, «есть жанры, существование которых в рамках одного языкового сознания взаимоисключает друг друга» [37, с. 31]. В качестве примера можно привести русский *разговор по душам* (гармоничное общение, принадлежащее неофициальной сфере непосредственной устной спонтанной коммуникации, основная коммуникативная цель которого состоит в установлении или укреплении межличностной близости, моральной поддержке, обмене важной личностной информацией), невладение которым, неспособность «открыть душу» в традиционной русской культуре является отрицательной нравственной характеристикой (ср. чеховских *обывателей* или польский *kawał*: «Жанр *kawał*, представляющий собой тип “конспиративной шутки”, ценят не за искусность или утонченность, а за чувство корпоративного единения, которое он дает, подразумевается: я могу рассказать это тебе, но есть люди, которым я не могу этого рассказать» [7, с. 150]).

Настоящая статья посвящена этому последнему параметру. В целом названные вопросы относятся к ведению *персонологической генристики* – направления теории речевых жанров, которое естественным образом складывается на пересечении данной теории с теорией языковой личности / лингвоперсонологией (подобно тому, как внутри общей теории дискурса естественным образом выделяется персонологическое направление). При этом, с точки зрения речежанровой картины современности, одной из наиболее значимых оказывается проблема речежанровой компетенции модельной языковой личности, которая также будет обсуждена.

Когда М. М. Бахтин в своей широко известной статье «Проблема речевых жанров» дал определение речевого жанра и тем самым заложил основы будущей теории речевых жанров, в этой будущей теории им уже был намечен личностный аспект речевого жанра:

«Речевая воля говорящего осуществляется прежде всего в выборе определенного речевого жанра. Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т. п. И дальше речевой замысел говорящего со всей его индивидуальностью и субъективностью применяется и приспособляется к избранному жан-

ру, складывается и развивается в определенной жанровой форме» [6, с. 180–181].

Как представляется, главные жанроперсонологические идеи Бахтина, содержащиеся в цитированной статье и в более ранних работах («Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле...», в вышедшей под именем В. Н. Волошинова книге «Марксизм и философия языка»), могут быть сведены к следующим: личность говорящего проявляет свою (относительную) свободу с формальной стороны – в варьировании формы высказываний в пределах, заданных жанром (Бахтин отмечал, что у разных жанров эти пределы разные, например у военной команды и непринужденной беседы); личность слушающего – с содержательной стороны: его свобода – это свобода интерпретации сказанного говорящим, и тоже в пределах, заданных жанром. Слушающий решает, когда говорящий уже раскрыл тему («тему речевого жанра», по Бахтину), а значит, «можно» отвечать (в этом смысле роль адресата в ситуации общения видится более важной, чем адресанта; отметим, что из этого исходят некоторые направления современной коммуникативной лингвистики, в частности «интеракционная модель коммуникации» [50; 51]).

Подобно языку [16], жанр выступает для личности в двоякой роли: с одной стороны, дает чрезвычайно богатые возможности для общения и самовыражения, с другой – неизбежно ограничивает индивидуальность, заставляет «говорить как все».

К сожалению, несмотря на то, что данный аспект периодически затрагивается в работах общеперсонологического характера [4; 5; 30; 35; 37] либо общеперсонологического [2; 20; 21; 22; 23; 31; 32; 25; 33; 45; 47; 48; 49], задачи персонологической генристики как самостоятельного направления теории речевых жанров еще никем не были четко сформулированы.

По нашему мнению, к важнейшим следует отнести **теоретическую** задачу дискурсивного моделирования (персонологическая генристика вводит в обиход общей дискурсивной теории два основания дискурсивной типологии, соответствующие двум основным аспектам проблемы «жанр и языковая личность», – речевой жанр через призму языковой личности и языковая личность через призму речевого жанра) и **практическую** задачу описания речевого материала. (По всей видимости, сюда было бы правильно включить все случаи использования данной языковой личностью речежанрово оформленных высказы-

ваний – то есть фактически р е ч и во всей полноте, поскольку и фактор адресата, и конкретное речевое оформление, безусловно, релевантны для любого типа речи.)

2. Теоретические проблемы персонологической генристики: два основания дискурсивной типологии

В классификации, построенной на основании «речевой жанр через призму языковой личности», выделяются типы РЖ на основе того, что они, так сказать, дают языковой личности. С этой точки зрения важнейшими признаками РЖ будут, с одной стороны, степень предоставляемой данным жанром свободы / самовыражения, с другой стороны, наоборот, степень ограничения самовыражения, а также ограничения восприятия мира / ситуации общения / собеседника: «речевые картины мира», стоящие за разными жанрами, обуславливают разную аспектуацию, или число воспринимаемых аспектов мира [38, с. 182–184].

Данное основание классификации РЖ – разграничение стандартизированных жанров типа приветствия и поздравления, где говорящий очень мало что может привнести от себя, и более «свободных» жанров (предложено М. М. Бахтиным [6, с. 181–182]), но осталось почти незамеченным широкой лингвистической общественностью. (Во всяком случае, даже один из наиболее тонких исследователей речевых идей Бахтина В. М. Алпатов назвал данную идею «скорее относительной, чем абсолютной» [3, с. 322]). Возможно, это связано с тем, что данная идея высказывается Бахтиным непосредственно после идеи о первичных и вторичных РЖ, как бы вскользь, и больше Бахтин к ней никогда не возвращался, тогда как проблема вторичных РЖ частично затрагивается в статье «Проблема речевых жанров» и в архивных записях к ней.

Следует отметить, что жанрово-дискурсивная классификация, основанная на общей степени жесткости жанровой модели, очевидным образом пересекается с другими классификациями РЖ – например, такими широко известными, детально разработанными в современном жанроведении классификациями, как деление речевых жанров на *первичные* и *вторичные* (в разных пониманиях «вторичности»), *прямые* и *косвенные* (о них можно сказать то же самое) либо деление коммуникативно-речевых единиц по степени абстракции на *речевые жанры*, *стратегии*, *тактики*

и т. п. Конечно, через посредство коммуникативно-речевых стратегий и тактик тоже выражается языковая личность, более того – (внутрижанровые) стратегии и тактики, как единицы меньшего уровня абстракции, чем жанры, более непосредственно связаны с состояниями и интенциями языковой личности. Наконец, целый ряд стратегий, выделяемых исследователями (например, [18; 29]), непосредственно соотносится с коммуникативными целями самопрезентации и самовыражения языковой личности (*стратегии самопрезентации*).

В классификации, построенной на основании «языковая личность через призму речевого жанра», выделяются типы языковых личностей в зависимости от умений / способностей / предпочтений / репертуара используемых РЖ. На первый план выходят объем и более детальные характеристики речевых коммуникативной компетенции языковой личности:

«Отличия в целях и задачах коммуникации, с одной стороны, в индивидуальном речевом опыте и речевой компетенции – с другой, требуют от говорящего изменений в стратегиях речевого поведения и речевой деятельности. Порождение и смысловое восприятие речевых произведений (дискурсов) в разных коммуникативных условиях опирается на неодинаковые речемыслительные механизмы» [37, с. 186]. «Такие жанровые предпочтения в речевом поведении мотивируются чувством речевых идентичности, то есть определением своего / чужого по жанровому признаку. Степень владения / невладения личностью нормами речевого поведения, тяготение к тем или иным жанрам могут стать основой для типологии проявлений коммуникативной компетенции» [37, с. 187].

Безусловно, Константину Федоровичу Седову принадлежит пальма первенства в комплексном изучении речевых коммуникативной компетенции языковой личности лингвистическими, психолингвистическими и онтолингвистическими методами. Жанроведы хорошо знакомы с его трудами, начиная от первых опытов психолингвистического анализа жанров речи [35; 36] до развернутой типологии коммуникативной компетенции в рамках разрабатываемого им дискурсивного подхода к языковой личности, «лингвистики индивидуальных различий» [37].

Является значимой связью данной классификации с существующими горизонтальными / вертикальными классификациями языковых личностей.

Горизонтальная модель в лингвоперсонологии предполагает фиксацию набора используемых, известных и предпочитаемых данной языковой личностью жанров, реконструкцию данного набора в виде поля с центром и периферией, соотнесение с другими лингвоперсонологически значимыми полями. На этом основании языковая личность относится к определенному типу – социальной группе (возраст, профессия), собственно лингвистической группе (идиолект, лексикон, грамматикон). Следует отметить, что такая фиксация – обязательная составляющая речевого портретирования.

Говоря о данном направлении, нельзя не отметить еще одну группу исследований в отечественной лингвистике, пока не очень многочисленную, но, думается, перспективную, – изучение диалектологами феномена «диалектной языковой личности». Этой проблемой активно занимаются сибирские ученые (Томск, Хабаровск, Кемерово), например, ей посвящены докторская диссертация Е. В. Иванцовой [17], кандидатская диссертация О. А. Казаковой [19].

Вертикальная модель в лингвоперсонологии предполагает не «простую» фиксацию, а определение уровня культуры, владения языком / речью (объем языковой и коммуникативно-речевой компетенции), а также нравственного развития данной языковой личности. Это в большей степени аксиологическая / оценочная, стадийная или онтологическая классификация, где за выделением разных типов языковых личностей стоит идея «роста», совершенствования – ср. такие типы, как элитарная – среднелитературная языковая личность; кооперативная – конфликтная; эгоцентрик – конформист – актуализатор; наконец, типов, выделяемых на основе склонности данной языковой личности к креативности / кооперации / инициативности (здесь оценочность видна уже из названий типов личностей). Многие классификации и выделяемые в них типы личностей естественным образом имеют речежанровое выражение: *креативные личности* владеют «творческими жанрами», такими как жанры художественной речи, занимательный рассказ, изощренный тост, и способны к творческому переосмыслению жанров, *кооперативные* – используют жанры кооперативного, гармоничного взаимодействия, *инициативные* – ис-

пользуют большое число жанров и способны быстро переходить от жанра к жанру и т. п.¹

Сам факт владения / невладения теми или иными жанрами иногда может свидетельствовать об уровне развития языковой личности. В отличие от классификаций горизонтального типа, речь идет о неповседневных, выучиваемых жанрах (жанры научного, официально-делового, художественного общения, *тост, светская беседа*).

Вертикальная модель в целом тоже представляется полезной для задач речевого портретирования, хотя, конечно, характеристики такого рода следует давать очень осторожно.

В некоторых случаях оценочность, присущая той или иной классификации, выступает как вполне объективный критерий. Так, «элитарная языковая личность» выделяется на основе объективной полнофункциональности, то есть степени владения типами и стилями речи в разных функциях и сферах [8]. Следует признать объективными критерии, используемые в онтолингвистике для выявления уровня овладения родным язы-

¹В этом отношении показательна история терминов в широко известной классификации типов речевых культур В. Е. Гольдина и О. Б. Сиротининой. Напомним, первоначально исследователями выделялись пять типов: элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный, фамильярно-разговорный и народно-диалектный [8]. Впоследствии, по причине оценочности слова элитарный, эта терминосистема была заменена на новую: полнофункциональный, неполнофункциональный, среднелитературный и обиходный типы как «естественно сформировавшиеся» и литературно-жаргонизирующий как искусственно созданный журналистами [8]. По нашему мнению, введение в классификацию литературно-жаргонизирующего типа полезно, поскольку отражает некоторые новые тенденции в речевой практике, однако в целом новая терминосистема является гораздо менее удачной: во-первых, термином неполнофункциональная следовало бы обозначать все типы, кроме элитарного, то есть единственного полнофункционального, во-вторых, термин с «не-» (неполнофункциональный) вряд ли может обозначать более высокий уровень культуры, чем термин со «средне-» (среднелитературный). (Так, противоестественно звучит формулировка в докторской диссертации Т. А. Милехиной: «Уверенно констатируется неполнофункциональный тип речевой культуры у Ф., который вырос в семье вузовских преподавателей» [27, с. 333] – как похвала типу заведомо ущербному.) В-третьих, думается, оценочность (оценочность слова элитарный) – вполне естественное явление в классификации вертикального типа.

ком [10; 44]. Столь же, по-видимому, объективный критерий лежит в основе анализа текстов, порождаемых языковой личностью на чужом языке, – выделяются типы языковых личностей по уровню овладения иностранным языком [39]. В то же время довольно трудно согласиться, например, с общим и однозначным определением русского коммуникативного поведения как *менее правдивого* и *менее толерантного* по сравнению с американским [41, с. 98–99].

В некоторых исследованиях рассматриваются речевые жанры в аспекте авторской индивидуальности, например, в кандидатской диссертации И. В. Самойловой – речевые жанры научного дискурса [34].

Наконец, говоря о проблеме «языковая личность через призму речевого жанра», нельзя не сказать об особом типе жанров речи, суть которых состоит в **характеристике человека**, – таких как стремящиеся к объективности *портретирование*, *характеристика* (официальная и неофициальная) и выраженно оценочные *комплимент*, *лесть*, *сплетня*, *насмешка* [28].

3. Жанр и модельная языковая личность

Оба аспекта проблемы «жанр и языковая личность» – речевой жанр через призму языковой личности и языковая личность через призму речевого жанра – наиболее наглядно проявляются в представлениях об **образцах, эталонах**.

Это показывают, например, исследования коммуникативных / коммуникативно-речевых *концептов* (особенно – образного и понятийного компонентов данных концептов), которые чаще всего представляют собой когнитивные проекции тех или иных речевых жанров или близких им коммуникативных феноменов. Исследования конкретных коммуникативных концептов выявляют наличие двух базовых ориентаций: **жанр** **ли** **бо** **на** **лич** **но** **с** **т** **ь**.

Так, при изучении понятийного компонента коммуникативного концепта *спор* выявляются и систематизируются доминанты соответствующего речевого жанра, а при изучении образного компонента – личность «*спорищика*», которая может быть реконструирована, например, на основе ассоциативного эксперимента [9]. Подобная картина наблюдается при изучении коммуникативного концепта *светский*: с одной стороны, в русском языковом сознании *светский* (человек) – это тот, кто владеет речевым жанром *светской беседы*; с другой – при выявлении доминант жанра *светской беседы* (тоже при помощи

ассоциативного эксперимента) естественным образом возникают ассоциации с конкретными людьми, которых информанты считают *светскими* (Н. Михалков, В. Познер, А. Друзь) [12; 42].

Именно на идее образца, эталона основывается **теория лингвокультурных типажей** – пожалуй, наиболее разработанный в лингвистике подход к изучению языковой личности через призму используемых коммуникативно-речевых единиц. Трудно однозначно отнести данную модель к числу «горизонтальных» или «вертикальных» – типаж, как и портрет, совмещает оба аспекта, при этом акцент делается не на иерархии и не на полевых структурах, а, так сказать, именно на типичности, «модельности».

Базовым для данной теории является понятие *модельной языковой личности* как наиболее репрезентативной в своем коммуникативно-речевом (в частности – речежанровом) выражении. Описанием отдельных лингвокультурных типажей, или типов модельных языковых личностей, и разработкой соответствующей теории активно занимаются в Волгоградском педагогическом университете: к настоящему времени, например, описаны национальные типажии *американский адвокат*, *американский гангстер*, *американский ковбой*, *американский супермен*, *английский аристократ*, *английский бизнесмен*, *английский дворецкий*, *английский колониальный служащий*, *английский рыцарь*, *английский сноб*, *звезда Голливуда*, *калмыцкий кочевник*, *российский предприниматель*, *русский дворянин*, *русский интеллигент*, *французский буржуа*, а также «типаж как характер» (*коллекционер*), «типаж как протест» (*штана*), «типаж как диагноз» (*разгильдяй*) и т. п. [2; 24; 21; 22; 23].

В сущности, коммуникативный аспект «типаж» (как его понимают, например, в Волгограде) есть не что иное, как особенности типичной (для данного типажии) речежанровой компетенции, то есть владения набором жанров и использования их:

«Лингвокультурный типаж проявляется через коммуникативное поведение <...> а именно: через специфическое индивидуальное преломление произносительных норм, выбор определенной лексики и сознательный отказ от ряда слов и выражений, употребление определенных синтаксических оборотов, владение разными жанрами речи, индивидуальное паравербальное поведение (жесты, мимика, избираемые дистанции в общении и др.)» [22, с. 21–22].

Конечно, особенности коммуникативной / речежанровой компетенции того или иного типажии

становятся особенно заметны в случаях коммуникативных / речежанровых **неудач**, когда, например, обнаруживается невладение тем или иным жанром, происходит речежанровая интерференция или подмена, – все это очень наглядно обнаруживает границы чьей-либо коммуникативной / речежанровой компетенции. О таких неудачах, проистекающих из несовместимости коммуникативной / речежанровой компетенции с требованиями текущей ситуации, в которой от человека ожидаются иные формы поведения и жанры речи, писал еще Бахтин:

«Многие люди, великолепно владеющие языком, часто чувствуют себя совершенно беспомощными в некоторых сферах общения именно потому, что не владеют практически жанровыми формами данных сфер. Часто человек, великолепно владеющий речью в различных сферах культурного общения, умеющий прочитать доклад, вести научный спор, великолепно выступающий по общественным вопросам, молчит или очень неуклюже выступает в светской беседе. Дело здесь не в бедности словаря и не в стиле, отвлеченно взятом; все дело в неумении владеть репертуаром жанров светской беседы, в отсутствии достаточного запаса тех представлений о целом высказывания, которые помогают быстро и непринужденно отлить свою речь в определенные композиционно-стилистические формы, в неумении вовремя взять слово, правильно начать и правильно кончить (в этих жанрах композиция очень несложная)» [6, с. 183].

Из художественных текстов мы знаем, как русский интеллигент оказывается неспособен вести светские беседы, еще со времен Чацкого и Пьера Безухова.

Русская классика богато представляет и другие речежанровые умения / неумения. Например, Татьяна пишет любимому письмо в тех стиле / жанре, которые почерпнула из сентиментальных романов: вполне естественно, что этот ее поступок не понимает пресыщенный, избалованный любовными успехами светский волокита – девушка же не может понять его отеческих наставлений... Конечно, Онегин понял письмо Татьяны гораздо лучше, чем поняли бы большинство представителей золотой молодежи той эпохи, – и гораздо лучше, чем... вообще возможно понять т а к о й текст, отталкиваясь только от его «поверхностной структуры» (как справедливо отмечает Ю. М. Лотман [26], письмо Татьяны по форме есть не более чем набор модных штампов того времени): в интерпретации письма Татьяны

Онегин обнаруживает такие фоновые знания (а также психологические способности, ораторский талант и... *душу*), благодаря которым он и интересен читателю... и тем не менее в конечном счете Онегин н е п о н я л Татьяну.

Можно вспомнить также геолога из советского фильма «Подкидыш», который говорит с маленькой девочкой про серный колчедан.

Стереотипное представление о речежанровой компетенции отдельных типажей – прежде всего, как и следовало ожидать, тоже об их коммуникативных / речежанровых неудачах – отражено во множестве **юмористических** текстов.

Чаще всего обыгрывается подмена жанра / стиля, например, бюрократ, чиновник, а также ученый и др. узкие специалисты оказываются неспособны говорить «по-человечески» – с «простым» собеседником, любимой девушкой, старушкой, ребенком:

(1) Едут в машине папа за рулем и трехлетний сын сзади. Сын ест большое яблоко, спрашивает у папы: – Папа, а почему яблоко коричневое? Папа: – Понимаешь, когда ты откусываешь яблоко, у него выделяется сок. Так как в яблоке содержится железо, то, взаимодействуя с кислородом, оно окисляется и таким образом приобретает коричневый цвет. После небольшой паузы сын спрашивает: – Папа, а ты с кем сейчас разговаривал?

(2) Молодожены. Она закончила консерваторию. Первая брачная ночь. Муж голый лежит на кровати. Жена встает на табуретку и голосом конференсье говорит: «Супружеская обязанность – исполняется впервые!»

Противоположный случай речежанровой подмены – когда подчеркнуто «простой», но остроумный либо смешной персонаж, не являющийся носителем вторичных жанров различных «высоких» сфер общения, общается с бюрократом, чиновником и т. п. (см. предыдущий список). В этом отношении целую серию блестящих примеров дает, например, цикл анекдотов про поручика Ржевского (герой, которого можно назвать озорником, развратником, грубияном, циником, постоянно комически профанирует «светские», «цивилизованные» претензии своих собеседников); ср также анекдоты про блондинок (например, беседа блондинки с инспектором ГИБДД):

(3) Едут две блондинки в машине со скоростью 120 км/ч. Останавливает машину гаишник:

– Девушки! Висит знак 60! Вы едете 120!

– Так нас же двое!

Интересно, что объектом комического обыгрывания в таких текстах достаточно редко ста-

новятся лексические особенности текста (например, специальная терминология, как это можно было бы ожидать в свете всего сказанного): обычно это общий стиль и построение фраз, то есть именно речевые аспекты речи.

Наряду с вполне реальными носителями того или иного типа речевых компетенций, которых адресат легко может представить, а во многих случаях – идентифицировать с собой, персонажами таких текстов часто выступают мифические и полумифические персонажи, такие как старик Хоттабыч, в простейших бытовых ситуациях озадачивающий собеседников «восточной» цветистостью речи, или принцесса в советской детской литературе, фильмах, мультфильмах – неумением *просить*, а не *приказывать*. Конечно, элементы фантастики в таких случаях только подчеркивают реальность, даже если она не всегда очевидна.

Подобную же природу имеют, например, русские «этнические» анекдоты, в которых обыгрываются коммуникативные / речевые неудачи, проистекающие из национальных особенностей речевых компетенций (точнее, стереотипного представления о них, какое свойственно анекдотам): эстонская *ссора*, английское «джентльменское» *знакомство / представление*, чукотский *спор*, еврейское *аргументирование*, грузинский *флирт*, русская *пьянка, драка* и т. п.

К этому же типу можно отнести, например, с недоумением или улыбкой воспринимаемый русскими зрителями американский фильм «Красная жара», где «советский милиционер», герой А. Шварценеггера, озадачивает своего напарника – очень крутого чикагского копа – неспособностью вести простейший дружеский разговор о семье, близких.

Сходную картину дает изучение **коммуникативного идеала** в пределах той или иной национальной культуры: с одной стороны, выявляются *жанры*, владеть которыми (точнее – *хорошо владеть*) считается обязательным в рамках данной культуры; с другой – выявляются конкретные *личности*, в том или ином отношении близкие к представлению о коммуникативном идеале; это могут быть как вполне реальные личности, знакомые информанту, так и вымышленные, например персонажи художественных произведений (так, для русской культуры это, вероятно, будут реально живший академик Дмитрий Сергеевич Лихачев и вымышленные Василий Теркин из одноименной поэмы А. Т. Твардовского или князь Лев Николаевич Мышкин из «Идиота»

Ф. М. Достоевского, для французской – актер Жерар Депардьё и Сирано де Бержерак из пьесы Эдмона Ростана и т. п.).

Описанием литературных персонажей, чье коммуникативное поведение, использование тех или иных речевых жанров ближе всего к «образцовому» представлению о них в данной культуре, занимается одно из новых направлений теории речевых жанров, выделившееся в силу особенностей своего материала и методики (но не теории), – **изучение жанрово-ролевых сцен**.

В этой связи следует назвать еще один естественный и в каком-то смысле традиционный аспект проблемы «жанр и языковая личность», непосредственно пересекающийся с проблемой жанрово-ролевых сцен, – речевой жанр через призму языковой личности **писателя**.

Традиционно широко изучен литературоведческий аспект данной проблемы [1; 43]; ср. также проблему «новаторства» писателя, создающего вместе с новым произведением новый литературный жанр, например реалистическую общественную комедию (А. С. Грибоедов), психологический роман с разорванной композицией (М. Ю. Лермонтов), «Опавшие листья» (В. В. Розанов) или «Крохотки» (А. И. Солженицын).

С точки зрения лингвистики, лингвоперсонологии и персонологической генетики, исследование речевых жанров через призму языковой личности писателя возможно в следующих аспектах: (1) анализ речевых жанров в произведениях данного писателя – как часть общего изучения «языка писателя», идиостиля или словаря (например, *светская беседа* у Толстого, *исповедь* и *скандал* у Достоевского, жанры фатического общения у Шукшина); (2) выделение среди персонажей, изображенных данным писателем, наиболее интересных – ярко и подробно изображенных или наиболее типичных для некоторого изучаемого социума, вплоть до выделения среди них модельных личностей и типажей (ср. описание коммуникативного поведения персонажа А. П. Чехова [40]). В результате становится возможным изучение еще одного аспекта, непосредственно пересекающегося с проблемой «жанр и личность», – (3) корреляции жанрового своеобразия художественного произведения с изображаемыми в нем персонажами, а также образом автора и адресата.

Эта группа исследований исходит из того, что отображенные в художественной литературе (например, русской) коммуникативные факторы,

включая типичные и нетипичные ситуации общения, типы языковых личностей, жанры общения и жанрово-ролевые сценки, представляют собой полноценный и доброкачественный материал для изучения целого ряда аспектов коммуникации (большое количество вербальных и невербальных компонентов ситуации общения, необходимых для адекватного понимания интенциональной структуры и текстопорождения в рамках данного речевого жанра: лексический состав и синтаксическая форма реплик участников общения и их последовательность, которые можно считать типичными для данного жанра, значимые невербальные компоненты коммуникации, а также психологические состояния участников общения, которые невозможно учитывать при работе с записями устной речи, и типичное развитие жанра по стадиям).

Начальная попытка реконструкции речеванровой компетенции русских писателей: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова – представлена в [14].

В целом одной из важных проблем персонологической генристики (отчасти пересекающейся с названной литературоведческой проблемой «новых жанров» у писателя) является участие языковой личности в **создании** речевого жанра. Имеется в виду появление в речевом и коммуникативном поведении конкретных языковых личностей новых речевых жанров, которые затем входят в речевую систему в рамках данной национальной речевой культуры (ср. так наз. творческих личностей, к числу которых относятся и писатели). Естественно, данный диахронический аспект наименее поддается непосредственному наблюдению и только с большим трудом и предположительно может быть оценен; чаще всего речь идет о лишь намечающихся тенденциях – ср. рассуждения В. Я. Парсамоной, ученицы Ю. М. Лотмана, о коммуникативном поведении ученого в устной и письменной форме (например, творческое использование норм письменной и устной речи и речевых масок, игра с жанровыми канонами вплоть до создания новых речеванровых правил) [31; 32].

Конечно, необходимо рассмотреть также общий онтогенез языковой личности (формирование речеванровой компетенции у ребенка, появление в ней жанров, актуальных для той или иной картины современности). Это – задачи на будущее.

Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. Историческая подвижность категорий жанра: опыт периодизации [Текст] / С. С. Аверинцев // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М. : Наука, 1986. – С. 104–116.
2. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы [Текст] : сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 310 с.
3. Алпатов, В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика [Текст] / В. М. Алпатов. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 432 с.
4. Балашова, Л. В. Образ автора и образ адресата в торжественной оде и любовной лирике XVIII века [Текст] / Л. В. Балашова // Жанры речи. – Саратов : Колледж, 1999. – Вып. 2. – С. 236–244.
5. Балашова, Л. В. Отец или Владыка, чадо или раб? (Концепты адресата и автора в жанре утренней и вечерней молитвы) [Текст] / Л. В. Балашова // Жанры речи. Саратов: Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 186–200.
6. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров [Текст] / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. – М. : Русские словари, 1996. – С. 159–206.
7. Вежбицкая, А., Годдард, К. Дискурс и культура [Текст] / А. Вежбицкая, К. Годдард // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 152–164.
8. Гольдин, В. Е., Сиротинина, О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие [Текст] / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Вопросы стилистики. – Саратов : Изд-во Саратовского госуниверситета, 1993. – Вып. 25. – С. 9–19.
9. Горбачева, Е. Н. Спор как лингвокультурный концепт [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Горбачева. – Волгоград, 2006. – 21 с.
10. Гуц, Е. Н. К проблеме типичных речевых жанров языковой личности подростка [Текст] / Е. Н. Гуц // Жанры речи. – Саратов : Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 31–137.
11. Дементьев, В. В. «Текстоцентрическое» и «жанроцентрическое» изучение речи (к выходу первого выпуска сборника «Жанры речи») [Текст] / В. В. Дементьев // Вопросы стилистики. – Саратов : Изд-во Саратовского госуниверситета, 1998. – Вып. 27. – С. 21–33.
12. Дементьев, В. В. Светская беседа: жанровые доминанты и современность [Текст] / В. В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов : Колледж, 1999. – Вып. 2. – С. 157–177.
13. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров [Текст] / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.
14. Дементьев, В. В. О речеванровой компетенции русских писателей: А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов [Текст] / В. В. Дементьев // Дискурс, социум, креативность: коллективная монография. Вып. 4. – Нижний Тагил: Ниж-

- нетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2012. – С. 287–298. – (Язык и дискурс).
15. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи [Текст] / В. В. Дементьев. – В печати.
16. Жанры речи: Жанр и язык [Текст]. – Саратов : Наука, 2009. – Вып. 6. – 321 с.
17. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Е. В. Иванцова. – Томск, 2002. – 41 с.
18. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. – Омск : Изд-во Омского госуниверситета, 1999. – 362 с.
19. Казакова, О. А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Казакова. – Томск, 2005. – 21 с.
20. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] : монография / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
21. Карасик, В. И. Коммуникативный типаж: аспекты изучения [Текст] : сб. науч. тр. / В. И. Карасик // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. – Волгоград: Перемена, 2004. – С. 48–72.
22. Карасик, В. И., Дмитриева, О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия [Текст] : сб. науч. тр. / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева ; под ред. В. И. Карасика // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажии. – Волгоград : Перемена, 2005. – С. 5–25.
23. Карасик, В. И., Ярмахова, Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак» [Текст] : монография / В. И. Карасик, Е. А. Ярмахова. – М. : Гнозис, 2006. – 240 с.
24. Лингвокультурные типажии: признаки, характеристики, ценности [Текст]. – Волгоград : Перемена, 2010. – 420 с.
25. Личностные аспекты языкового общения [Текст]. – Калинин, 1989. – 161 с.
26. Лотман, Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий [Текст] : пособие для учителя / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. – СПб. : Питер, 1995. – 213 с.
27. Милехина, Т. А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур) [Текст] : дис. ... докт. филол. наук / Т. А. Милехина. – Саратов, 2006. – 46 с.
28. Никитина, Л. Б. Образ-концепт «homo sapiens» через призму жанров русской речи сентенция, портретирование, одобрение, порицание: Жанр и концепт [Текст] / Л. Б. Никитина // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2005. – Вып. 4. – С. 43–54.
29. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук / А. В. Олянич. – Волгоград, 2004. – 48 с.
30. Орлова, Н. В. Коммуникативная ситуация – речевой жанр – языковая личность (на материале «Книги отзывов и предложений») [Текст] / Н. В. Орлова // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. – Вып. 2. – С. 63–72.
31. Парсамова, В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю. М. Лотмана [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук / В. Я. Парсамова. – Саратов, 2004. – 41 с.
32. Парсамова, В. Я. «Жанр... еще не родился» (к вопросу о жанровом самосознании Ю. М. Лотмана): Жанр и концепт [Текст] / В. Я. Парсамова // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2005. – Вып. 4. – С. 41–50.
33. Роль человеческого фактора в языке [Текст]: Язык и картина мира / Под ред. Б. А. Серебrenникова, Е. С. Кубряковой, В. И. Поставаловой и др. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
34. Самойлова, И. В. Периферийные речевые жанры научного текста в аспекте авторской индивидуальности [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Самойлова. – Пермь, 2009. – 21 с.
35. Седов, К. Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности [Текст] : дис. ... докт. филол. наук / К. Ф. Седов. – Саратов, 1999. – 42 с.
36. Седов, К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров [Текст] / К. Ф. Седов // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 75–87.
37. Седов, К. Ф. Речевая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности [Текст]: Жанр и языковая личность / К. Ф. Седов // Жанры речи. – Саратов, 2011. – Вып. 7. – 73–83.
38. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 46 с.
39. Смирнова, Н. Ю. Становление речевых жанров мышления при овладении вторым языком в условиях учебного двуязычия [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Смирнова. – Саратов, 2010. – 21 с.
40. Степанов, А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова [Текст] / А. Д. Смирнов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
41. Стернин, И. А., Стернина, М. А. Американское коммуникативное поведение [Текст] / И. А. Стернин, М. А. Стернина. – Воронеж : ВГУ-МИОН, 2001. – 224 с.
42. Фенина, В. В. Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / В. В. Фенина. – Саратов, 2005. – 40 с.
43. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра [Текст]: период античной литературы / О. М. Фрейденберг. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.
44. Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи [Текст] / С. Н. Цейтлин. – М. : Языки славянской культуры, 2009. – 592 с.
45. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи [Текст] / Под ред. Е. С. Кубряковой,

А. М. Шахнаровича, Л. В. Сахарного. – М.: Наука, 1991. – 240 с.

46. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис [Текст] / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1992. – 286 с.

47. Языковая личность: культурные концепты [Текст] : сб. науч. трудов. – Волгоград, Архангельск : Перемена, 1996. – 260 с.

48. Языковая личность: жанровая речевая деятельность [Текст] : сб. науч. трудов. – Волгоград : Перемена, 1998. – 196 с.

49. Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации [Текст] : сб. науч. трудов. – Волгоград : Перемена, 2001. – 254 с.

50. Schiffrin, D. Conversation Analysis [Text] / D. Schiffrin // Linguistics: The Cambridge survey. – Cambridge etc., 1988. – P. 35–40.

51. Sperber, D., Wilson D. Relevance [Text]: Communication and Cognition / D. Sperber. – Oxford; Cambridge, 1995. – P. 54–63.

Библиографический список

1. Averincev, S. S. Istoricheskaja podvizhnost' kategorij zhanra: opyt periodizacii [Tekst] / S. S. Averincev // Istoricheskaja poetika. Itogi i perspektivy izuchenija. – М.: Nauka, 1986. – S. 104–116.

2. Aksiologicheskaja lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi [Tekst] : sb. nauch. tr. / Pod red. V. I. Karasika. – Volgograd: Paradigma, 2005. – 310 s.

3. Alpatov, V. M. Voloshinov, Bahtin i lingvistika [Tekst] / V. M. Alpatov. – М.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. – 432 s.

4. Balashova, L. V. Obraz avtora i obraz adresata v torzhestvennoj ode i ljubovnoj lirike HVIII veka [Tekst] / L. V. Balashova // Zhanry rechi. – Saratov : Kolledzh, 1999. – Vyp.2. S. 236–244.

5. Balashova, L. V. Otec ili Vladyka, chado ili rab? (Koncepty adresata i avtora v zhanre utrennej i vechernej molitvy) [Tekst] / L. V. Balashova // Zhanry rechi. Saratov: Kolledzh, 2002. – Vyp.3. – S. 186–200.

6. Bahtin, M. M. Problema rechevyh zhanrov [Tekst] / M. M. Bahtin // Bahtin M. M. Sobr. soch. T.5: Raboty 1940–1960 gg. – М.: Russkie slovari, 1996. – S. 159–206.

7. Vezhbickaja, A., Goddard, K. Diskurs i kul'tura [Tekst] / A. Vezhbickaja, K. Goddard // Zhanry rechi. – Saratov : Kolledzh, 2002. – Vyp.3. – S. 152–164.

8. Gol'din, V. E., Sirotinina, O. B. Vnutrinacional'nye rechevyje kul'tury i ih vzaimodejstvie [Tekst] / V. E. Gol'din, O. B. Sirotinina // Voprosy stilistiki. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo gosuniversiteta, 1993. – Vyp. 25. – S. 9–19.

9. Gorbacheva, E. N. Spor kak lingvokul'turnyj koncept [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / E. N. Gorbacheva. – Volgograd, 2006. – 21 s.

10. Guc, E. N. K probleme tipichnyh rechevyh zhanrov jazykovoj lichnosti podrostka [Tekst] / E. N.

Guc // Zhanry rechi. – Saratov : Kolledzh, 1997. – Vyp. 1. – S. 31–137.

11. Dement'ev, V. V. «Tekstocentricheskoe» i «zhanrocentricheskoe» izuchenie rechi (k vyhodu pervogo vypuska sbornika «Zhanry rechi») [Tekst] / V. V. Dement'ev // Voprosy stilistiki. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo gosuniversiteta, 1998. – Vyp. 27. – S. 21–33.

12. Dement'ev, V. V. Svetskaja beseda: zhanrovyje dominanty i sovremennost' [Tekst] / V. V. Dement'ev // Zhanry rechi. – Saratov : Kolledzh, 1999. – Vyp. 2. – S. 157–177.

13. Dement'ev, V. V. Teorija rechevyh zhanrov [Tekst] / V. V. Dement'ev. – М.: Znack, 2010. – 600 s.

14. Dement'ev, V. V. O rechezhanrovoj kompetencii russkix pisatelej: A. S. Pushkin, L. N. Tolstoj, F. M. Dostoevskij, A. P. Chehov [Tekst] / V. V. Dement'ev // Diskurs, socium, kreativnost': kollektivnaja monografija. Vyp. 4. – Nizhnij Tagil: Nizhnetagil'skaja gosudarstvennaja social'no-pedagogicheskaja akademija, 2012. – S. 287–298. – (Jazyk i diskurs)

15. Dement'ev, V. V. Teorija rechevyh zhanrov i aktual'nye processy sovremennoj rechi [Tekst] / V. V. Dement'ev. – v pechati.

16. Zhanry rechi: Zhanr i jazyk [Tekst]. – Saratov : Nauka, 2009. – Vyp. 6. – 321 s.

17. Ivancova, E. V. Fenomen dialektnoj jazykovoj lichnosti [Tekst] : avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk / E. V. Ivancova. – Tomsk, 2002. – 41 s.

18. Issers, O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Tekst] / O. S. Issers. – Omsk : Izd-vo Omskogo gosuniversiteta, 1999. – 362 s.

19. Kazakova, O. A. Jazykovaja lichnost' dialektonositelja v zhanrovom aspekte [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / O. A. Kazakova. – Tomsk, 2005. – 21 s.

20. Karasik, V. I. Jazykovoje krug: lichnost', koncepty, diskurs [Tekst] : monografija / V. I. Karasik. – Volgograd : Peremena, 2002. – 477 s.

21. Karasik, V. I. Kommunikativnyj tipazh: aspekty izuchenija [Tekst] : sb. nauch. tr. / Pod red. V. I. Karasika / V. I. Karasik // Aksiologicheskaja lingvistika: problemy i perspektivy. – Volgograd : Peremena, 2004. – S. 48–72.

22. Karasik, V. I., Dmitrieva, O. A. Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniju ponjatija [Tekst] : sb. nauch. tr. / pod red. V. I. Karasika / V. I. Karasik, O. A. Dmitrieva // Aksiologicheskaja lingvistika: Lingvokul'turnye tipazhi. – Volgograd: Peremena, 2005. – S. 5–25.

23. Karasik, V. I., Jarmahova, E. A. Lingvokul'turnyj tipazh «anglijskij chudak» [Tekst] : monografija / V. I. Karasik, E. A. Jarmahova. – М.: Gnozis, 2006. – 240 s.

24. Lingvokul'turnye tipazhi: priznaki, harakteristiki, cennosti [Tekst]. – Volgograd : Peremena, 2010. – 420 s.

25. Lichnostnye aspekty jazykovogo obshhenija [Tekst]. – Kalinin, 1989. – 161 s.

26. Lotman, Ju. M. Roman A. S. Pushkina «Evgenij

- Onegin»: Kommentarij [Tekst] : posobie dlja uchitelja / Ju. M. Lotman // Lotman Ju. M. Pushkin: Biografija pisatelja; Stat'i i zametki, 1960–1990; «Evgenij Onegin»: Kommentarij. – SPb. : Piter, 1995. – 213 s.
27. Milehina, T. A. Rossijskie predprinimateli i ih rech' (obraz, koncepty, tipy rechevyh kul'tur) [Tekst] : dis. ... dokt. filol. nauk / T. A. Milehina. – Saratov, 2006. – 46 s.
28. Nikitina, L. B. Obraz-koncept «homo sapiens» cherez prizmu zhanrov russkoj rechi sentencija, portretirovanie, odobrenie, poricanie [Tekst] : Zhanr i koncept / L. B. Nikitina // Zhanry rechi. – Saratov : Kolledzh, 2005. – Vyp. 4. – S. 43–54.
29. Oljanich, A. V. Prezentacionnaja teorija diskursa [Tekst] : avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk / A. V. Oljanich. – Volgograd, 2004. – 48 s.
30. Orlova, N. V. Kommunikativnaja situacija – rechevoj zhanr – jazykovaja lichnost' (na materiale «Knigi otzyvov i predlozhenij») [Tekst] / N. V. Orlova // Zhanry rechi. Saratov: Kolledzh, 1999. – Vyp. 2. – S. 63–72.
31. Parsamova, V. Ja. Jazykovaja lichnost' učenogo v jepistoljarnyh tekstah (na materiale pisem Ju. M. Lotmana [Tekst] : avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk / V. Ja. Parsamova. – Saratov, 2004. – 41 s.
32. Parsamova, V. Ja. «Zhanr... eshhe ne rodilsja» (k voprosu o zhanrovom samosoznanii Ju. M. Lotmana) [Tekst]: Zhanr i koncept / V. Ja. Parsamova // Zhanry rechi. – Saratov : Kolledzh, 2005. – Vyp. 4. – S. 41–50.
33. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira [Tekst] / Pod red. B. A. Serebrennikova, E. S. Kubrjakovoj, V. I. Postovalovoj i dr. – M. : Nauka, 1988. – 216 s.
34. Samojlova, I. V. Periferijnye rechevyje zhanry nauchnogo teksta v aspekte avtorskoj individual'nosti [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / I. V. Samojlova. – Perm', 2009. – 21 s.
35. Sedov, K. F. Stanovlenie struktury ustnogo diskursa kak vyrazhenie jevoljucii jazykovoj lichnosti [Tekst] : dis. ... dokt. filol. nauk / K. F. Sedov. – Saratov, 1999. – 42 s.
36. Sedov, K. F. Psiholingvisticheskie aspekty izuchenija rechevyh zhanrov [Tekst] / K. F. Sedov // Zhanry rechi. – Saratov: Kolledzh, 2002. – Vyp. 3. – S. 75–87.
37. Sedov, K. F. Rechezhanrovaja identichnost' kak komponent kommunikativnoj kompetencii lichnosti [Tekst] : Zhanr i jazykovaja lichnost' / K. F. Sedov // Zhanry rechi. – Saratov, 2011. – Vyp. 7. – 73–83.
38. Slyshkin, G. G. Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty [Tekst] : avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk / G. G. Slyshkin. – Volgograd, 2004. – 46 s.
39. Smirnova, N. Ju. Stanovlenie rechezhanrovogo myshlenija pri ovladenii vtorym jazykom v uslovijah uchebnogo dvujazychija [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / N. Ju. Smirnova. – Saratov, 2010. – 21 s.
40. Stepanov, A. D. Problemy kommunikacii u Chehova [Tekst] / A. D. Smirnov. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 400 s.
41. Sternin, I. A., Sternina, M. A. Amerikanskoe kommunikativnoe povedenie [Tekst] Nauchnoe izdanie / I. A. Sternin, M. A. Sternina. – Voronezh : VGU–MION, 2001. – 224 s.
42. Fenina, V. V. Rechevyje zhanry small talk i svetskaja beseda v anglo-amerikanskoj i russkoj kul'turah [Tekst] : dis. ... kand. filol. nauk / V. V. Fenina. – Saratov, 2005. – 40 s.
43. Frejdenberg, O. M. Pojetika sjuzheta i zhanra [Tekst] : period antichnoj literatury / O. M. Frejdenberg. – M. : Labirint, 1997. – 448 s.
44. Cejtlin, S. N. Očerki po slovoobrazovaniju i formoobrazovaniju v detskoj rechi [Tekst] / S. N. Cejtlin. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2009. – 592 s.
45. Chelovecheskij faktor v jazyke Jazyk i porozhdenie rechi [Tekst] / Pod red. E. S. Kubrjakovoj, A. M. Shahnarovicha, L. V. Saharnogo. – M. : Nauka, 1991. – 240 s.
46. Chelovecheskij faktor v jazyke [Tekst]: Kommunikacija, modal'nost', dejksis / otv. red. N. D. Arutjunova. – M. : Nauka, 1992. – 286 s.
47. Jazykovaja lichnost': kul'turnye koncepty [Tekst]: sb. nauch. trudov. – Volgograd, Arhangel'sk: Peremena, 1996. – 260 s.
48. Jazykovaja lichnost': zhanrovaja rechevaja dejatel'nost' [Tekst]: sb. nauch. trudov. – Volgograd: Peremena, 1998. – 196 s.
49. Jazykovaja lichnost': problemy kognicii i kommunikacii [Tekst]: sb. nauch. trudov. – Volgograd: Peremena, 2001. – 254 s.
50. Schiffrin, D. Conversation Analysis [Text] / D. Schiffrin // Linguistics: The Cambridge survey. – Cambridge etc., 1988. – P. 35–40.
51. Sperber, D., Wilson D. Relevance [Text]: Communication and Cognition / D. Sperber. – Oxford; Cambridge, 1995. – P. 54–63.

В. И. Жельвис

Адаптация сакрального текста как вариант пропедевтического подхода

Трудности восприятия современным читателем текста, написанного несколько сот лет назад, самоочевидны. Перевод такого текста на другой язык обязательно носит следы личности переводчика и не может считаться безупречной передачей содержания и особенно стиля автора подлинника. В связи с этим обращает на себя внимание практика передачи древнего текста на тот же язык в его современном состоянии. На примере анализа сцены из трагедии Шекспира «Гамлет» рассматриваются проблемы адаптации текста, написанного на ранненовоанглийском языке, на современный английский язык. Выявляется существование своеобразного жанра адаптации, отличающегося от обычного комментирования и преследующего цели облегчить читателю восприятие трудного текста. Текст адаптации – связное изложение содержания источника, замена синонимами устаревших и сравнительно редких слов, приведение грамматики в современное состояние, «демократизация» синтаксиса. Некоторые адаптации могут представлять собой более или менее сокращенный пересказ оригинального текста. В этом случае они приближаются к жанру дайджестов. Передача художественного впечатления стоит на втором плане или отсутствует. Однако разница между такими адаптациями и дайджестами в том, что последние носят самостоятельный характер и преследуют цели экономии времени читателя, заинтересованного, главным образом, в знакомстве с сюжетом произведения, в то время как адаптация подразумевает непрерывное сопоставление с подлинником и возможность постоянного обращения к последнему. Разные адаптации рассчитаны на читателей разного уровня подготовки и, таким образом, носят вспомогательный характер. Для русской практики перевода подобные адаптации не характерны.

Ключевые слова: адаптация, перевод, тексты прежних эпох, жанр, дайджест.

V. I. Zhelvis

Adaptation of a Sacred Text as a Version of Propedevtic Approach

It is common knowledge that comprehension of a text written a few centuries ago offers a number of problems for a modern reader, while translation of the text into a different language inevitably bears the traces of the translator's personal tastes and views and, presumably, cannot be looked upon as an adequate rendering of contents and, especially, style of the original. Taking that into consideration, attention should be drawn to what might be called adaptation, a peculiar sort of translation of the old text into its own language but in its present state. In the present article, adaptations of Scene 1 Act 1 from Shakespeare's *Hamlet* are analyzed and compared. The author assumes that adaptation is another genre different from traditional commentaries whose aim is to make comprehension of the Early Modern English text by the modern reader easier. Adapted texts substitute obsolete or rare words by their modern synonyms, bring grammar constructions closer to their modern equivalents, make the syntax more 'democratic'. Some adaptations may be somewhat akin to digests, but the difference is nevertheless significant, as the goal of the adapted text, unlike that of a digest, is only a thorough juxtaposition of itself and the original, detrimental to the artistic value of the latter. In their turn, digests pursue the idea of offering the reader a shortened version of the text, so that he might get the gist of the plot. Adaptations may be of different sorts, depending on the educational degree of the reader. In Russian translation tradition adaptations are not very popular.

Keywords: adaptation, translation, old texts, genre, digest.

Неоспоримая истина о том, что Шекспир принадлежит всему человечеству, сегодня нуждается в серьезном уточнении. Через четыре века после смерти великого Барда читать его произведения в подлиннике (в любых его вариантах) трудно даже носителям английского языка. Уже давно большая часть англоязычных изданий Шекспира снабжается поистине впечатляющим количеством комментариев, пояснений, переводов,

объем коих на странице может существенно превышать собственно шекспировский текст.

Переводчикам Шекспира на другие языки заметно легче: в процессе перевода они умело (или неумело) приспособливают текст многовековой давности к современному языку. В результате вполне может создаться ситуация, когда за пределами англоязычных стран Шекспира будут знать больше и лучше, чем у него на родине. Другое дело, что самый хороший перевод – со-

творчество автора и переводчика, и уже по одному этому, читая его, трудно отделаться от мысли, что перед тобой – не совсем Шекспир. Это не говоря уже о том, что невероятно сложный язык Барда местами просто непереводим.

Никак нельзя сказать, что в англоязычных странах проблему не понимают. Напротив, для «продвижения Шекспира в массы» делается очень много. При этом осознается очевидное: восприятие шекспировского текста при чтении книги, при прослушивании аудиотекста, при восприятии театрального действия или кинофильма не может не отличаться. Чтение подлинника без обращения к комментариям доступно только специалистам-филологам. С комментариями же разной степени сложности и разного количества Шекспир постигаем читателями разного уровня подготовленности.

При восприятии текста на слух сложность усиливается многократно. Аудиокнигу или фильм на диске можно остановить и «прокрутить» непонятное место еще раз. В театре или кинозале это невозможно. Не говоря уже о необходимости существенного сокращения текста: сам текст должен отвечать возможностям восприятия среднего зрителя/слушателя. Другими словами, текст, воспринимаемый на слух, должен соответствовать определенным требованиям.

На рубеже XVI–XVII веков язык пьес Шекспира этим требованиям отвечал. Во всяком случае, нет сведений, что его пьесы оставались непонятыми зрителями, среди которых были представители всех классов общества. Сегодня степень непонимания можно, вероятно, сравнить с непониманием современным русским читателем, скажем, переписки Ивана Грозного с князем Курбским.

В настоящее время существует большое количество шекспировских текстов, опубликованных параллельно с их адаптацией на современный английский язык. Как правило, авторы адаптаций подчеркивают, что эти произведения ни в коем случае не призваны заменить подлинный текст, это всего лишь развернутые комментарии. Предполагается, что читатель знакомится с подлинником на левой странице и обращается (в случае необходимости) к адаптированному тексту на правой. Это, конечно же, не исключает варианта, когда какой-нибудь ленивый школяр, которому задано прочесть подлинник, предпочтет адаптацию, благо она размещена тут же и представляет собой связный текст.

Впрочем, столь же очевидно, что любой современный читатель Шекспира (за исключением, повторяем, небольшого числа «яйцеголовых» специалистов) тоже время от времени вынужден обращаться к комментариям или адаптированному тексту.

Представляет интерес выяснить, что потеряет читатель, пренебрегающий великим подлинником. Разумеется, такие потери абсолютно неизбежны в любом случае хотя бы уже потому, что мышление человека елизаветинской эпохи чуждо современному читателю по определению, не говоря уже о различиях в синтаксисе или морфологии, исчезновении множества слов и идиом, а также особенно коварной трудности – в изменениях значения сохранившихся слов и словосочетаний.

Целью настоящей статьи является попытка выявления и классификации всех возможных потерь адаптированного текста Шекспира по сравнению с подлинником. Кроме того, ставится и задача культурологического плана: крайне интересно увидеть, что авторы адаптированного текста решили разъяснить читателю, то есть что в языке Шекспира может не понять современный носитель английского языка, вероятнее всего, молодой. Недаром одна из серий шекспировских адаптаций называется *No Fear Shakespeare*, то есть начинающим знакомиться с Шекспиром предлагается пройти через такой вариант, где их страхи не понять текст будут услужливо сняты.

Для этой цели были выбраны две адаптации одного и того же текста – первой сцены из первого акта «Гамлета» – и предпринят анализ причин, вызвавших адаптацию в том или ином случае. Анализу были подвергнуты следующие адаптации:

1. *Hamlet*. Edited by John Richetti, Rutgers University. The Shakespear Parallel Text Series. Logan, Iowa, The Perfection Form Company, 1983. (SPT)

2. *Hamlet*. *No Fear Shakespeare*. Код доступа nfs.sparknotes.com/hamlet/p-z.html (NFS)

Подлинный текст: *The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark*. The Works of Shakespeare Edited for the Syndics of the Cambridge University Press by J. D. Wilson. Cambridge – London – New York – Melbourne. First printed 1934. (TH)

Каждая реплика, таким образом, повторена трижды в следующем порядке: TH, SPT, NFS. Крупные реплики произвольно разбиты на несколько частей. Объем данной статьи не позволяет опубликовать весь проанализированный текст в трех вариантах. Ниже предлагаются отдельные отрывки, по мнению автора, наи-

более наглядно демонстрирующие работу адаптаторов.

1. **ТН.** Francisco. Nay, answer me. Stand and unfold yourself.

SPT. No, you answer me. Stand still and tell me who you are.

NFS. No, who are *you*? Stop and identify yourself.

В обеих адаптациях устаревшая форма отрицания *ne* заменена на *no*.

SPT: реплика Франциско выражена более резко с помощью бесцеремонного *you*. Требование остановиться уточнено: *stand still. Unfold yourself*: адаптатору показалось, что не слишком распространенное *unfold* (букв. «раскройся») может оказаться непонятным современному читателю, и он предпочел развернутый нейтральный оборот.

NFS: Адаптатор выражает тот же смысл, полностью перестроив фразу, означающую «Нет, это ты мне сперва ответь». Он предпочел выделить шрифтом *you*, таким образом поставив на нем ударение. Вместо *stand* употреблено более современное и уместное *stop*, но вместо шекспировского *unfold* употреблено столь же нечасто встречающееся *identify*. В современном употреблении *identify* выглядит как официальный, канцелярский термин.

2. **ТН.** Francisco: You come most carefully upon your hour.

SPT. You've come exactly on time.

NFS. You've come right on time.

Текст упрощен, слегка изменен смысл, что видно при буквальном переводе.

Грамматическое изменение: современная грамматика требует форму Present Perfect.

3. **ТН.** Barnardo. 'Tis now struck twelve, get thee to bed, Francisco.

SPT. The clock has just struck twelve. Go to bed, Francisco.

NFS. The clock's just striking twelve. Go home to bed, Francisco.

Фраза полностью перестроена. Интересно, что SPT понял *struck* как *has struck*, а NFS как *is striking*. Очевидно, что в современном английском сознании возможны обе интерпретации, хотя первая кажется более убедительной. Форма *thee* исключается из современного употребления.

ТН. Francisco. For this relief much thanks, 'tis bitter cold, and I am sick at heart.

SPT. Thanks a lot for coming to relieve me. It's bitter cold, and I've been scared stiff.

NFS. Thanks for letting me go. It's bitterly cold out, and I'm depressed.

Much thanks невозможно по нынешним правилам, но оба адаптатора предпочли вместо *many thanks* обойтись разговорным *thanks*.

Более сложным является расхождение в конце фразы. *I'm sick at heart* в данном контексте не вполне понятно, *depressed* выглядит убедительнее: у Франциско нет оснований чего-то бояться (*scared stiff*). Фразу Франциско можно понять как «Очень холодно, и я себя плохо чувствую».

4. **ТН.** Francisco: Not a mouse stirring.

SPT. Not a mouse stirring.

NFS. I haven't even heard a mouse squeak.

SPT оставил фразу неизменной, NFS почему-то предпочел, чтобы мышь не пробежала мимо, а пропищала. Вполне возможно, NFS счел, что в такой темноте пробегающую мышь заметить в принципе невозможно, но Франциско употребил именно глагол *stir*, а не *squeak*. Замена здесь не обоснована, она не облегчает понимание текста.

5. **ТН.** Barnardo. Well, good night: if you meet Horatio and Marcellus, The rivals of my watch, bid them make haste.

SPT. Well, good night. If you happen to meet Horatio and Marcellus, my partners on guard duty, tell them to hurry.

NFS. Well, good night. If you happen to see Horatio and Marcellus, who are supposed to stand guard with me tonight, tell them to hurry.

Упрощение вполне оправдано: *The rivals of my watch* современному читателю непонятно и требует расшифровки. *Bid them make haste* оба адаптатора предпочли заменить современным нейтральным *tell them to hurry*.

6. **ТН.** Marcellus. And liegemen to the Dane.

SPT. And loyal subjects to the King of Denmark.

NFS. And servants of the Danish king.

Оба адаптатора разумно отказались от явно непонятного *liegemen* в пользу более близкого подлиннику *subjects* (SPT) и *servants* (NFS). Точно так же они сочли, что лексема *the Dane* («датчанин») может быть не понята и обратились к исчерпывающему обозначению короля.

7. **ТН.** Francisco. Give you good night.

SPT. God give you a good night's watch.

NFS. Good night to you both.

Здесь SPT, без сомнения, лучше понял смысл фразы: Франциско употребляет *give* в значении сослагательного наклонения, пожелания («Пусть Господь даст вам (благополучное дежурство)», «Да пройдет ваше дежурство благополучно»). Равным образом SP правильно понял и слова

good night, означающие здесь благополучное / удачное дежурство (смену). У NFS говорящий просто желает собеседникам доброй ночи.

8. **TH.** Marcellus. O, farewell honest soldier, Who hath relieved you?

SPT. Goodnight to you, worthy soldier. Who has taken your watch?

NFS. Good-bye. Who's taken over the watch for you?

Оба адаптатора отказались от *farewell*, которое в настоящее время в устах солдат звучит слишком поэтично. *Honest* сегодня – это «честный» (ср. устаревшее русское значение «честной»), которое здесь, вероятно, подошло бы больше), поэтому тоже было отброшено. SPT предпочел заменить его на более приемлемое *worthy*, а NFS вовсе опустил. Естественно, глагол *hath* приобрел современную форму, а *relieve* (первое значение «облегчать») оба адаптатора заменили на современный нейтральный оборот *to have taken (the watch)*.

9. **TH.** Marcellus. Holla, Barnardo!

SPT. Hey there, Barnardo!

NFS. Hello, Barnardo.

Здесь и во всех остальных случаях адаптаторы справедливо отказываются от устаревших междометий.

10. **TH.** Barnardo. Say, What, is Horatio there?

SPT. What, is that Horatio there?

NFS. Hello. Is Horatio here too?

В данном случае отношение к междометиям несколько иное: от *say* оба адаптатора отказались, но *what* сохранилось у SPT.

11. **TH.** Horatio. A piece of him.

SPT. You see a part of him (The rest is frozen stiff)

NFS. More or less.

Спорное место. Очевидно, Горацио шутит, и оба адаптатора это понимают. Но NFS оставляет читателю догадываться, что имеет в виду говорящий, в то время как SPT полагает, что Горацио просто смертельно замерз, и от него осталась только часть.

12. **TH.** Barnardo. Welcome, Horatio, welcome good Marcellus.

SPT. Welcome, Horatio. Welcome, good old Marcellus.

NFS. Welcome, Horatio. Welcome, Marcellus.

Интересный случай, где NFS решил обучить манерам Бернардо, который в оригинале приветствует сослуживцев с разной степенью учтивости.

13. **TH.** Horatio. What, hath this thing appeared again to-night?

SPT. Don't tell me, has this thing appeared again tonight?

NFS. So, tell us, did you see that thing again to-night?

Оба адаптатора обратились к разговорному стилю, отказавшись от устаревшего междометия *what*.

14. **TH.** Marcellus. Horatio says 'tis but our fantasy, And will not let belief take hold of him Touching this dreaded sight twice seen of us, Therefore I have entreated him along With us to watch the minutes of this night, that if again this apparition come, he may approve our eyes and speak to it.

SPT. Horatio says that it's only our imagination, and he refuses to allow himself to believe that this terrifying sight we have seen twice is real. So I have asked him to come along with us and stand guard through this night; so that if this ghost comes again, Horatio can confirm what we have seen and speak to it.

NFS. Horatio says we're imagining it, and won't let himself believe anything about this horrible thing that we've seen twice now. That's why I've begged him to come on our shift tonight, so that if the ghost appears he can see what we see and speak to it. He may approve our eyes and speak to it.

Оба адаптатора заменили устаревшие обороты, значительно затруднявшие понимание текста. Устранено сослагательное наклонение *if again this apparition come*.

15. **TH.** Barnardo. Sit down awhile, And let us once again assail your ears, that are so fortified against our story, What we have two nights seen.

SPT. Sit down for a bit, and let us try once again to convince you, since you're so set against believing our story, of what we've seen these two nights.

NFS. Sit down for a while, and we'll tell you again the story you don't want to believe, about what we've seen two nights now.

Дословно Бернардо говорит: «*Давайте атакуем твои уши, которые столь прочно защищены от нашего рассказа*». Вариант SPT упрощает текст лексически, но использует сложную грамматическую конструкцию, мешающую восприятию. Вариант NFS заметно проще.

16. **TH.** Barnardo. Last night of all, When you same star that's westward from the pole Had made his course t'illuminate that part of heaven Where it now burns, Marcellus and myself, The bell then beating one –

SPT. Last night, what all that star over there to the west of the north star had arrived to light up that part of the sky where it now shines, Marcellus and myself, the bell then striking one o'clock –

NFS. Last night, when that star to the west of the North Star had traveled across the night sky to that point where it's shining now, at one o'clock, Marcellus and I –

В подлиннике содержится невероятно сложная для восприятия неоконченная фраза, которую адаптаторам удалось упростить только отчасти.

17. **TH.** Marcellus. Peace, break thee off, look where it comes again!

SPT. Quiet, stop talking. Look where it comes again.

NFS. Quiet, shut up! It's come again.

Peace оба адаптатора заменили на *quiet*, а *break thee off* SPT заменил на нейтральное *stop talking*. NFS обратился к более резкому *shut up*.

18. **TH.** Barnardo. In the same figure like the king that's dead.

SPT. It looks exactly like the dead king, Hamlet.

NFS. Looking just like the dead king.

В данном случае NFS структурно ближе к подлиннику. Трудно объяснить, зачем SPT понадобилось уточнять имя покойного короля.

19. **TH.** Marcellus. Thou art a scholar, speak to it, Horatio.

SPT. You are an educated man, speak to it, Horatio.

NFS. You're well-educated, Horatio. Say something to it.

Оба адаптатора отказались от устаревшего оборота, хотя, надо полагать, он знаком любому англичанину по первой строке «*Отче наш*». Слово *scholar* несколько изменило свое значение и было обоснованно заменено.

20. **TH.** Barnardo. Looks a' not like the king? Mark it, Horatio.

SPT. Doesn't it look like the king? Look closely, Horatio.

NFS. Doesn't he look like the king, Horatio?

Оба адаптатора заменили вопросительную конструкцию на современную. В подлиннике Барнардо просит Горацио обратить на это внимание, что NFS опускает, по-видимому, как мало существенное.

TH. Horatio. Most like, it harrows me with fear and wonder.

SPT. Just like him. It rips through me with fear and amazement.

NFS. Very much so. It's terrifying.

Harrow означает процесс боронования и метафорически – мучительную боль от разрыва тела. SPT постарался передать это значение современными методами. NFS очень сильно упростил образ.

21. **TH.** Horatio. What art thou that usurp'st this time of night, Together with that fair and warlike form In which the majesty of buried Denmark Did sometimes march? By heaven I charge thee speak.

SPT. What are you? Why do you take over this time of night and appropriate that handsome and military appearance in which the buried king of Denmark used to march? In heaven's name, I order you, speak.

NFS. What are you, that you walk out so late at night, looking like the dead king of Denmark when he dressed for battle? By God, I order you to speak.

Адаптация SPT точнее передает смысл подлинника, хотя лексические и грамматические упрощения снижают торжественность стиля Горацио.

22. **TH.** Horatio. Before my God, I might not this believe Without the sensible and true avouch Of mine own eyes.

SPT. I swear to God, I wouldn't believe this unless I could vouch for it by the report of my own eyes.

NFS. I swear to God, if I hadn't seen this with my own eyes I'd never believe it.

Вычурный оборот «*Я не смог бы поверить в это, если бы не здравое и правдивое свидетельство моих глаз*» значительно упрощено до нейтрального «*Не поверил бы, если бы не увидел своими глазами*». Восклицание *Before God* заменено на обычное *I swear to God*.

23. **TH.** Horatio. As thou art to thyself. Such was the very armour he had on, When the ambitious Norway combated, So frowned he once, when in an angry parle He smote the sledded Polacks on the ice. 'Tis strange.

SPT. As you are like yourself. That was the same armor he wore when he fought the ambitious king of Norway. He frowned that way once during an angry discussion of truce terms when he defeated the Poles in their fields on the ice.

NFS. Yes, as much as you look like yourself. The king was wearing exactly the armor when he fought the king of Norway. And the ghost frowned just like the king did once when he attacked the Poles, traveling on the ice in sleds. It's weird.

Несколько странных замен и опущений. Возможно, адаптаторы пользовались другим изданием подлинника. SPT добавил, что король вел мирные переговоры, и опустил деталь, что поляки передвигались на санях. Опущена фраза *'Tis strange*. В свою очередь, NFS опустил часть фразы насчет переговоров с поляками. Устаревшее слово *parle* опущено обоими адаптаторами.

24. **ТН.** Marcellus. Thus twice before, and jump at this dead hour, With martial stalk hath he gone by our watch.

SPT. Just that same way twice before and exactly at this still time of night, he's marched by us as we stood watch.

NFS. It's happened like this twice before, always at this exact time. He stalks by us at our post like a warrior.

Очень сложно построенная фраза пересказана обоими адаптаторами в соответствии с новыми нормами грамматики. Заменен целый ряд слов. *Jump* изменило значение и поэтому было заменено, торжественное *martial stalk* сменилось нейтральными сочетаниями.

25. **ТН.** Horatio. In what particular thought to work I know not, But in the gross and scope of mine opinion, This bodes some strange eruption to our state.

SPT. I don't know what particular meaning I can come up with for this, but my general view is that this is a sign of some strange outbreak of violence about to take place in our country.

NFS. I don't know exactly how to explain this, but I have a general feeling this means bad news for our country.

Оба адаптатора изменили *I know not* на *I don't know*, сложный оборот *in the gross and scope of mine opinion* на *my general view* (SPT) и *I have a general feeling* (NFS). Но самое трудное для понимания последнее предложение они интерпретировали совершенно по-разному. В буквальном переводе оно означает «*Это предвещает какое-то странное извержение (= взрыв) в нашем государстве*». SPT попытался приблизиться к подлиннику: *this is a sign of some strange outbreak of violence in our country*, в то время как NFS обошелся генерализацией: *this means bad news for our country*.

26. **ТН.** Marcellus. Good now we sit down, and tell me he that knows, Why this same strict and most observant watch So nightly toils the subject of the land, And why such daily cast of brazen cannon And foreign mart for implements of war, Why such impress of shipwrights, whose sore task Does not divide the Sunday from the week, What might be toward that this sweaty haste Doth make the night joint-labourer with the day, Who is't that can inform me?

SPT. All right now, let's sit down, and I want whoever knows to tell me why such a strict and very careful guard forces the Danish people to work day and night. Why are bronze cast every day? Why is there such trade with foreign nations for military

supplies? Why are so many ship builders forced into service and made to work every day of the week, including Sunday? What are we preparing for in such a sweaty hurry that the night is turned into a fellow worker with the day? Which of you can tell me why?

NFS. All right, let's sit down and discuss that question. Somebody tell me why this strict schedule of guards has been imposed, and why so many bronze cannons are being manufactured in Denmark, and so many weapons bought from abroad, and why the shipbuilders are so busy they don't even rest on Sunday. Is something about to happen that warrants working this night and day? Who can explain this to me?

С позиций современного языка адаптация этого отрывка больше удалась NFS. Устаревших слов в отрывке мало: *impress of shipwrights*, очевидно, надо понимать как давление на кораблестроителей, чтобы они работали всю неделю. *Sore task* – это задание, вызывающее болезненное напряжение. Однако наибольшую трудность для понимания являют сложные метафорические обороты, которые довольно успешно упрощены адаптаторами.

27. **ТН.** Horatio. That can I, At least the whisper goes so; our last king, Whose image even but now appeared to us, Was as you know by Fortinbras of Norway, Thereto pricked on by a most emulate pride, dared to the combat; in which our valiant Hamlet (For so this side of our known world esteemed him) Did slay this Fortinbras, who by a sealed compact, Well ratified by law and heraldry, Did forfeit (with his life) all those his lands Which he stood seized of, to the conqueror, against the which a moiety competent Was gaged by our king, which had returned To the inheritance of Fortinbras, Had he been vanquisher; as by the same co-mart, And carriage of the article designed, His fell to Hamlet;

SPT. I can do that. This at least is the rumor. Our last king, whose likeness has just this minute appeared to us, was as you know challenged to battle by Fortinbras of Norway, who was provoked by jealous pride. And in that battle our brave Hamlet (for that's how everyone here in our part of the world thought of him) killed this Fortinbras. By the terms of their sealed agreement and according to the law and the custom of heraldry, Fortinbras gave up to his conqueror not only his life but also the lands he possessed. Matching those, an equal portion of land had been staked by our king, and that land would have been ceded to Fortinbras and his heirs if

he had been the winner, that by the same terms of the agreement and according to the meaning of the contract passed to Hamlet.

NFS. I can. Or at least I can describe the rumors. As you know, our late king, whom we just now saw as a ghost, was the great rival of Fortinbras, king of Norway. Fortinbras dared him to battle. In that fight, our courageous Hamlet (or at least that's how we thought of him) killed old king Fortinbras, who – on the basis of a valid legal document – surrendered all his territories, along with his life, to the conqueror. If our king had lost, he would have had to do the same.

Громоздкое и синтаксически очень сложно построенное предложение справедливо разбито обоими адаптаторами. SPT передал содержание более или менее полно, NFS ограничился пересказом, опустив ряд деталей.

28. **TH.** Now sir, young Fortinbras, Of unimproved mettle hot and full, Hath in the skirts of Norway here and there Sharked up a list of lawless resolute For food and diet to some enterprise That hath a stomach in't, which is no other, As it doth well appear unto our state, But to recover of us by strong hand And terms compulsory, those foresaid lands So by his father lost;

SPT. Now, sir, young Fortinbras, eager and full of untested courage, here and there along the borders of Norway has recklessly picked up an army of lawless and desperate men. He offered them their keep if they would take part in an enterprise that requires courage, which is no other (as our leaders can plainly see) than to take back from us by force those lands I mentioned before that his father lost.

NFS. But now old Fortinbras's young son, also called Fortinbras – he is bold, but unproven – has gathered a bunch of thugs from the lawless outskirts of the country. For some food, they're eager to take on the tough enterprise of securing the lands the elder Fortinbras lost.

Приблизительно та же стратегия, что и в (47): длинное предложение разбито, порядок слов выравнен. SPT передает текст полностью, NFS в пересказе.

29. **TH.** And even the like precurse of fierce events, As harbingers preceding still the fates And prologue to the omen coming on, Have heaven and earth together demonstrated Unto our climatures and countrymen, As stars with trains of fire and dews of blood, Disasters in the sun; and the moist star, Upon whose influence Neptune's empire stands, Was sick almost to doomsday with eclipse.

SPT. Stars were seen with fiery tails like comets, there were blood-red dews and threatening signs in

the sun. And the moon, whose force controls the oceans, was almost eclipsed, as it will be at the end of the world. And similar predictions of events we fear, forerunners which always precede what is fated to happen, announcements of the disaster which is coming, have been evident here in heaven and on earth and clearly shown to Denmark and our fellow Danes.

NFS. There were shooting stars, and blood mixed in with the morning dew, and threatening signs on the face of the sun. The moon, which controls the tides of the sea, was so eclipsed it almost went completely out. And we've had similar omens of terrible things to come, as if heaven and earth have joined together to warn us what's going to happen.

Наиболее апокалиптический отрывок практически недоступен для буквального пересказа из-за повторов и крайне сложного синтаксиса. Оба адаптатора сократили и перестроили текст. Трудные, редкие и устаревшие слова *precurse*, *harbingers*, *omen*, *climatures*, а также *Neptune's empire* заменены или вовсе опущены.

30. **TH.** If thou hast any sound or use of voice, Speak to me. If there be any good thing to be done That may to thee do ease, and grace to me, Speak to me.

SPT. If I can do any good deed which will help you and earn grace for me, speak to me.

NFS. If you have a voice or can make sounds, speak to me. If there's any good deed I can do that will bring you peace and me honor, speak to me. Or if you've got some buried treasure somewhere, which they say often makes ghosts restless, then tell us about it. Stay and speak!

В обоих случаях текст адаптирован более или менее адекватно.

31. **TH.** If thou art privy to thy country's fate Which happily foreknowing may avoid, O, speak!

SPT. If you know the secret of your country's fate, which if we know we may avoid, O, speak!

NFS. If you have some secret knowledge of your country's sad fate – which might be avoided if we knew about it – then, please, speak.

Оба адаптатора «осовременили» грамматику. Из контекста следует, что речь идет о возможности несчастий для Дании, из чего следует, что NFS, в отличие от SPT, поступил правильно, добавив к слову *fate* эпитет *sad*, хотя в подлиннике он отсутствует. Вероятно, SPT следовало заметить *foreknowing*.

TH. Or if thou hast uphoarded in thy life Extorted treasure in the womb of earth, For which they say you spirits oft walk in death, Speak of it – stay and speak – stop it, Marcellus!

SPT. Or, if during your lifetime, you have hoarded up ill-gotten treasure in an underground hiding place, for which it is said you ghosts are often forced to wander after death, speak of it. Stay here.

NFS. Or if you've got some buried treasure somewhere, which they say often makes ghosts restless, then tell us about it. Stay and speak! Keep it from leaving, Marcellus.

Как и в ряде случаев, отмеченных выше, NFS сократил текст. Особенно странно, что сокращению подверглось *extorted (treasure)*, которое SPT правильно перевел как *ill-gotten (treasure)*. Отсутствие слова, означающего, что сокровище имеет преступное происхождение, искажает смысл легенды. Устаревшее *uphoarded* и редкое *extorted* заменены современными синонимами. Не менее странно, что вполне понятное подлинное *Stop it!* NFS передает как *Keep it from leaving*.

32. **ТН.** Horatio. And then it started like a guilty thing, Upon a fearful summons; I have heard The cock that is the trumpet to the morn Doth with his lofty and shrill-sounding throat Awake the god of day, and at his warning Whether in sea or fire, in earth or air, Th'extravagant and erring spirit hies To his confine, and of this truth herein This present object made probation.

SPT. And then it was startled, like a guilty thing which was summoned by a call it fears. I have heard that the cock, which is the trumpet that announces morning, with his exalted and high pitched voice awakens the god of day. And when he gives that warning, whether it is in the sea or in fire, in the earth or in the air, the wandering ghost which is far from the proper place hurries back to its prison. This display we have just seen proves the truth of that.

NFS. And then it acted startled, like a guilty person caught by the law. I've heard that the rooster awakens the god of day with its trumpetlike crowing, and makes all wandering ghosts, wherever they are, hurry back to their hiding places. We've just seen proof of that.

Поэтическая речь снова пересказана нейтральным языком.

33. **ТН.** But look, the morn in russet mantle clad Walks o'er the dew of you high eastward hill.

SPT. But look, dressed in a reddish cloak, the morning walks on the dew that covers that high hill over there to the east.

NFS. But look, morning is breaking beyond that hill in the east, turning the sky red.

SPT в своем стремлении упростить поэтический язык все же стремится сохранить информа-

цию в максимальном объеме. NFS ограничивается самым кратким изложением.

Подведем итоги выполненному анализу. Представляется, что перед нами пример особого жанра, который не следует путать с простым пересказом и тем более художественным переводом. В связи с этим целесообразно сравнить шекспировские адаптации с переводом «Слова о полку Игореве» [2, с. 57], выполненном Л. А. Дмитриевой, Д. С. Лихачевым и О. В. Твороговой. Первые строки «Слова...» (буква «ять» заменена на «е» по техническим причинам):

Не лепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повести о пълку Игореве, Игоря Святъславича? Начати же ся тьи песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!

Боянь бо вещи, аще кому хотяше песнь творити, то растекащется мыслию по древу, серым вълком по земли, шизымь орломъ подь облакы. Помняшетъ бо, рече, първых времянь усобице.

Перевод:

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича? Пусть начнется же эта песнь по былям нашего времени, а не по замышлению Бояна!

Ведь Боян вещей, если хотел кому песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, говорят, прежних времен усобицы.

Перед нами высокохудожественный перевод, очень точно передающий смысл высказывания, бережно сохраняющий каждое слово подлинника. На филологических факультетах древнерусские тексты обычно читаются в подлиннике, точный перевод используется редко, широкому читателю этот тип литературы практически неизвестен, откуда малая потребность в жанре адаптации.

Совсем другая ситуация в англоязычных странах с текстами типа шекспировских. Шекспир включен в школьную программу, степень знакомства с его произведениями сравнима с произведениями Л. Толстого в России. Необходимость сделать Шекспира понятным рядовому читателю очевидна. Эта мысль хорошо согласуется с мнением Гегеля, который, одобрительно отзываясь о стремлении англичан приспособить художественные тексты к своему времени, писал: «Художественное произведение имеет в себе также и временную, преходящую сторону и нуждается в изменениях. Ибо прекрасное явля-

ется для других, и те, для которых оно является, должны чувствовать себя как дома в этой внешней стороне явленного прекрасного» [1, с. 286].

Между тем, сравнивая подлинник и адаптации «Гамлета», легко видеть, что эти последние могут служить только как вспомогательные средства: слишком велики художественные потери. Можно рассматривать английские адаптации «Гамлета» как развернутые комментарии к произведению Шекспира, подразумевающие, что читатель обратится к чтению оригинала и только в случае необходимости заглянет в адаптированный текст.

Однако это не вся правда, так как в таком случае достаточно было бы комментирования только действительно трудных мест, подборки синонимов для устаревших или изменивших значение слов и т. п. Так, собственно, всегда и поступали редакторы с шекспировскими оригиналами до сих пор. Очевидно, что создание адаптаций в виде самостоятельного текста преследовало и некоторые иные цели, причем цели каждой из двух адаптаций совпадают не полностью. Можно предположить, что эти адаптации предназначаются каждая для своей аудитории.

Адаптация, обозначенная в статье SPT, очевидно, стремилась по возможности не отходить от оригинала настолько, насколько это возможно при условии, что текст должен быть понят максимально точно. При этом автор адаптации особенно старался убрать наиболее сложные грамматические конструкции, обороты и ряд слов. Читатель здесь предполагается относительно подготовленный.

Адапатор NFS пошел по пути пересказа текста, нередко опуская детали, не существенные для понимания происходящего. По-видимому, его задача – прежде всего, объяснить, «про что это все». Адаптация нацелена на неподготовленного читателя или такого, которому достаточно получить общее представление о тексте.

Ни тот, ни другой адаптатор не стремились сохранить художественную сторону текста. Для них важна известная «демократизация» Шекспира, приближение его творчества к широким массам. Задача достойная, хотя и не бесспорная, поскольку полученные образцы в известной мере напоминают дайджесты, помогающие занятому современнику «по-быстрому» получить представление о произведении.

Особенный интерес представляет отношение авторов адаптаций к шекспировскому вокабуляру. Список слов, которые сохранились в современном

языке, но, по-видимому, представляются адаптаторам неизвестными большинству современных англоязычных читателей, впечатляет. Можно подумать, что словарный запас сегодняшнего среднего англо-сакса весьма и весьма беден.

Шекспировские междометия и подобные им восклицания заменяются современными соответствиями, что, конечно же, совершенно оправдано.

Наиболее оправданными представляются изменения в грамматике: современный средний читатель имеет право не знать давно исчезнувшие грамматические особенности языка рубежа XVI–XVII веков. Для языка Шекспира характерны очень длинные и синтаксически запутанные фразы, которые даже при чтении, не говоря о восприятии на слух, трудны для понимания. Адапторы делят длинные фразы и пересказывают их содержание.

Таким образом, перед нами фактически особый жанр пересказа-перевода, который наряду с дайджестами играет служебную, обучающую роль. С одной стороны, это вполне допустимое явление, с другой – показатель явного снижения культурного уровня современного читателя.

Представляло бы интерес изучение шекспировского текста в таком виде, в каком он в настоящее время звучит со сцены. Очевидно, что и в таком случае неизбежны сокращения, но главное – существует необходимость адаптации текста, воспринимаемого только на слух, а это накладывает на адаптатора дополнительные непростые задачи, ибо здесь жертвовать художественностью текста уже нельзя.

Библиографический список

1. Гегель, Г. Эстетика [Текст]: в 4-х т. Т. 1 / Г. Гегель. – М.: Издательство «Искусство», 1971. – 312 с.
2. Слово о полку Игореве [Текст] – Л.: Советский писатель, 1967. – 540 с.
3. Hamlet. Edited by John Richetti, Rutgers University. The Shakespear Parallel Text Series. Logan, Iowa, The Perfection Form Company, 1983. (SPT).
4. Hamlet. No Fear Shakespeare [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nfs.sparknotes.com/hamlet/p-z.html> (NFS).
5. The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark. The Works of Shakespeare Edited for the Syndics of the Cambridge University Press by J. D. Wilson. Cambridge – London – New York – Melbourne. First printed 1934. (TH).

Bibliograficheski spisek

1. Gegel', G. Jestetika [Tekst]: v 4-h tt. T .1 / G. Gegel'. – M.: Izdatel'stvo «Iskusstvo», 1971. – 312 s.

2. Slovo o polku Igoreve [Tekst] – L. : Sovetskij pisatel', 1967. – 540 s.

3. Hamlet. Edited by John Richetti, Rutgers University. The Shakespear Parallel Text Series. Logan, Iowa, The Perfection Form Company, 1983. (SPT).

4. Hamlet. No Fear Shakespeare [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://nfs.sparknotes.com/hamlet/p-z.html> (NFS).

5. The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark. The Works of Shakespeare Edited for the Syndics of the Cambridge University Press by J. D. Wilson. Cambridge – London – New York – Melbourne. First printed 1934. (TH).

О. И. Северская

Их слова «в граните отливаются»: особенности современной политической риторики

В статье рассматриваются особенности современной политической риторики. Анализ речей президента, премьер-министра страны, региональных правителей, депутатов, лидеров оппозиции позволяет выявить используемые сегодня речевые имиджи Сильной руки, Патриота, Народного избранника, Простого человека, Человека военного. Особое внимание уделяется имплицитному содержанию.

Ключевые слова: политическая лингвистика, риторика, манипуляции, речевой портрет, имидж политика.

O. I. Severskaya

They are «cast in granite»: distinctive features of modern political rhetoric

The article considers features of modern political rhetoric. The analysis of speeches of the President, Prime Minister, regional governors, deputies, leaders of the opposition enables to identify speech images used today, the images of Powerful Hand (Strong Man), Patriot, People's choice, a Simple Man, a Military Man. Special attention is paid to the implicit content.

Keywords: political linguistics, rhetoric, manipulation, speech portrait, the image of a politician.

Общепринятое понимание политического дискурса как осуществляемого с целью завоевания и сохранения власти при его изучении диктует необходимость анализа как языковых средств и риторических приемов, с помощью которых политики влияют на массовое сознание, так и тех дискурсивных компонентов, которые могут помочь реципиентам отделить реальную языковую личность того или иного участника политического процесса от сознательно формируемого им речевого имиджа. Ретранслируемые СМИ речи первых лиц государства и других облеченных законодательной или исполнительной властью лиц дают для подобного анализа интересный материал, поскольку не только содержат политические послания адресатам, но и (будучи продуктом речевого поведения, то есть автоматизированного воспроизведения определенных языковых единиц и моделей в типичных речевых ситуациях) позволяют реконструировать речевой портрет говорящего, включающий и те черты, который он как адресант дискурса, возможно, хотел бы и скрыть от адресата.

Среди работ последних лет, в которых так или иначе представлены речевые портреты политических лидеров, отметим диссертационные исследования Ю. С. Алышевой [2], сосредоточив-

шей свое внимание на анализе речей В. В. Путина и Д. А. Медведева, и О. И. Асташовой [3], рассматривающей динамику портретных черт на примере идиодискурса Н. Ю. Белых, в прошлом оппозиционера, ныне – губернатора. Интересные наблюдения в отношении особенностей речи политиков эпатажного типа сделаны О. В. Богуславской [5]. Отчасти речевое портретирование субъектов политического дискурса присутствует и в новейшей учебно-методической литературе [1; 4], а также в работах, касающихся дискурсивных манипуляций [9]. В этой статье¹ речь пойдет о некоторых особенностях риторики таких заметных политиков,

¹ Составляющее основное содержание статьи исследование было выполнено по заказу отдела политики газеты «Московский Комсомолец», где и был сформирован корпус подвергшихся анализу текстов. Интервью, подготовленное журналистом Т. Меликян, света не увидело, однако его материалы с любезного разрешения редакции было решено использовать в научной публикации, сохранившей предложенный «МК» заголовок. Пользуясь случаем, автор выражает благодарность Т. Меликян за исследовательскую идею и творческую поддержку на всех этапах ее реализации.

как Е. Мизулина, И. Яровая, К. Собянин, Р. Кадыров, А. Навальный, а также о значимых для формирования имиджа риторических приемах, используемых первыми лицами Российской Федерации.

Для речи В. В. Путина и Д. А. Медведева характерны логичность, выразительность, забота об адресате, которые, как отмечают некоторые исследователи [2], относятся к общим коммуникативным характеристикам современного политического дискурса. При общности большинства установок, о чем будет сказано дальше, самоподача, которую О. С. Иссерс считает основой имиджа [6, с. 71–72], в их речах существенно различается.

Так, В. В. Путин предпочитает называть себя *главой государства*: эта номинация в равной степени может быть отнесена к обеим его политическим ипостасям – президента (2000–2008 гг. и с 2012 г. по настоящее время) и премьера (1999–2000 гг. и 2008–2012 гг.). Но, возможно, это дань имиджу «крепкого государственника». Не случайно В. В. Путин в последних речах использует риторику Петровской эпохи и самого царя-реформатора – например, когда предлагает назвать во всеуслышание имена министров, не исполняющих президентские поручения: *Пусть дурь каждого видна будет перед всем миром* (Пресс-конференция 19.12.2013), отсылая тем самым к Указу Петра I от 7 октября 1707 г., в котором дается указание князю-кесарю Ф. Ромодановскому: *«Изволь объявить при съезде в Полате всем министром, которые в конзилью съезжающа, чтоб они всякие дела, о которых советуют, записывали и каждой бы министр своею рукою подписывали, что зело нужно, надобно и без того отнюдь никакого дела не определяли, ибо сим всякого дурость явлена будет»* (сохранена орфография источника – О. С.), а точнее, к его интернет-вариации: *«Указую боярам в Думе говорить по ненаписанному, дабы дурь каждого видна была»*.

В своих выступлениях В. В. Путин довольно часто прибегает к манипуляциям, в которых используются лексические средства, в частности, к языковой игре, задействующей символы и архетипы, созвучные массовому сознанию.

По наблюдению В. А. Масловой [7, с. 46], чаще всего политики играют такими словами, как *государство, страна, народ* и т. п.; это справедливо и в отношении идиодискурса действующего президента. Например, в своей так называемой «Крымской речи» [8] В. В. Путин об-

ращается не к главам государств, а к народам: *Мы признательны народу Китая, высоко ценим сдержанность и объективность Индии; Сегодня я хочу обратиться и к народу Соединённых Штатов Америки; Верю, что меня поймут и европейцы, и прежде всего немцы* и т. п. В речи президента корень *-народ-* звучит так часто, что и термин *международное право* обретает поистине «народное» звучание. Как замечает О. Е. Фролова, в подобных случаях происходит манипулятивная подмена денотата: «Выбор номинаций является средством характеристики адресанта и позволяет судить об общей оценке внеязыковой ситуации и ее участников. Дискурсивный уровень, в частности, выстраивание цепочек тождеств, позволяет говорящему выгодным для себя образом выстроить аргументацию и причинно-следственные отношения» [9, с. 288]. Кроме того, президент говорит без дипломатических «экивоков», часто повторяя: *нужно прямо об этом сказать, скажу прямо*, упоминает о *прямом* ущемлении прав национальных меньшинств, *прямолинейном* цинизме политики двойных стандартов. Свое отношение к нынешнему руководству Украины он подчеркивает интонационно, что в стенограмме обозначается как вычками, передающими иронию: *«власти», «политики»*. Отказывается В. В. Путин и от политкорректных грамматических форм, которые раньше употреблял последовательно, и говорит уже только о том, что происходит не *в*, а *на* Украине.

В. В. Путин часто использует в своих речах общеязыковую фразеологию, которая не только способствует их яркости и выразительности, но и вводит в речь так называемое «общее знание». Иногда В. В. Путин даже сопровождает фразеологизмы ремарками, указывая на их «народность»: *знаете, у нас в народе говорят: курочка по зернышку клюет, тук-тук; как у нас в деревне говорят, без порток можно остаться; не нужно наводить, как у нас говорят, тень на плетень*. Используя идиомы, он играет с подтекстом, например, когда на традиционной большой пресс-конференции в декабре 2013 года отвечает на вопрос о Сноудене: *Древнейших профессий много. Одна из них – шпионаж* (намекая тем самым на его продажность) и использует тот же прием, характеризуя прослушивание США телефонных разговоров европейских лидеров и одновременно пытаясь «уколоть» журналистов: *Шпионаж – одна из древнейших профессий, наряду с некоторыми другими... Не будем их*

перечислять. Их не так много, древнейших профессий.

Впрочем, иногда президент и «народ» в отношении фразеологии демонстрируют недостаток языковой компетенции. В частности, в 2003 году, выступая на Конгрессе муниципальных образований, глава государства сказал, что если *«люди будут доводить до цугундера свой город или поселок, то иногда лучше сверху отстранить, чем ждать, когда снизу на вилы поднимут»*, обнаружив незнание истинного значения фразеологизма *довести до цугундера* – ‘подвести под наказание’ и спутав его, по-видимому, с выражением *довести до ручки* – ‘привести в крайне тяжелое, безвыходное положение’. Журналистское же сообщество, не заметив этого несоответствия, приписало авторство фразеологизма президенту, исключение составили те журналисты, которые возвели оборот к фильму С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя»; те же мнения о происхождении выражения высказывались на многочисленных интернет-форумах. Возможно, на такое восприятие повлияла приверженность В. В. Путина к образным выражениям, постоянно пополняющим фонд «крылатых слов», например: *Утащить с хозяйской кухни вкусенький кусочек технологий, а потом под одеялом, стараясь не чавкать, тихо его съесть. Нет! Мы так дела не делаем* (речь на открытии Международного форума «Технологии в машиностроении» в Жуковском, 30.06.2010). Частота цитации подобных высказываний позволяет говорить об их фразеологизации и популярности у целевой аудитории.

В речи В. В. Путина много народно-разговорных форм, в том числе просторечных выражений типа *ни фига, никто никого не душил, сперли, с какого рожна, вдолбить, гнусный* (например, в интервью 2000-го г. еженедельнику «Paris Match»: *Когда человек беден, ему очень легко вдолбить идею о всеобщем равенстве, чем и пользуются религиозные экстремисты*; или на большой пресс-конференции 2013 г.: *Самая гнусная работа, которая у нас есть, – это работа председателя правительства*). Он использует и жаргонные слова, утверждая, к примеру: *мы самые крутые*. Довольно часто президент переводит с официального языка на неофициальный: *А какой фактический объем помощи был предоставлен Украине по нашим договоренностям? Сколько, короче, денег мы им дали?* (Совещание в Ново-Огарево, 29.01.2014 г.). Это позволяет создать образ «простого челове-

ка», общающегося со своими собеседниками наравне.

Солидаризация с «рядовым гражданином» упоминается Ю. С. Алышевой в числе общих черт современной политической коммуникации наряду с риторической грамотностью и компетентностью, которые в речи В. В. Путина сочетаются с твердостью, уверенностью в собственной позиции [2, с. 6]. В частности, В. В. Путин использует множество личных форм: *считаю, уверен, по-моему* и т. п., которые, по наблюдению Ю. С. Алышевой, к тому же выделяются интонационно в отдельную минимальную синтагму [2, с. 19]. Если «я»-формы отражают личностную позицию политика, то преобладающие в речи политика, по некоторым данным, «мы»-формы [2, с. 11] в сочетании с употреблением местоимения «вы» указывают на стремление к диалогу. Речь его хорошо структурирована логическими выделениями, чему способствует увеличение протяженности и контрастности пауз между синтагмами [2, с. 15–16], переходы от одной мысли к другой маркированы либо союзами, выражающими логические связи, либо риторическими вопросами, позволяющими аудитории войти в мысленный диалог с оратором.

У российского президента всегда сохранялось различие речи для чужих и для своих. С западными собеседниками он придерживается скорее официального стиля. Раньше вкрапления вроде *«мочить в сортире»: Мы будем преследовать террористов везде, в аэропорту – в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймем, мы и в сортире их замочим, в конце концов* (пресс-конференция 24.09.1999) и *«мы устроим вам обрезание»: Если вы уж совсем хотите стать исламским радикалом и готовы пойти на то, чтобы сделать себе обрезание... то я вас приглашаю в Москву. У нас многоконфессиональная страна, у нас есть специалисты и по этому вопросу, и я порекомендую им сделать эту операцию таким образом, чтобы у вас уже больше ничего не выросло!* (пресс-конференция после саммита ЕС, 11.11.2002) – напоминали о риторике Хрущева, обещавшего в ООН (23.09.1960) показать всем кузькину мать. Они были достаточно редкими. Сейчас таких вольностей стало больше. Например, еще в 2005 году на латвийские территориальные претензии он ответил: *Не Пыталовский район они получают, а от мертвого осла уши. А об американцах в уже упомянутой «Крымской речи»* (18.03.2014) сказал: *Сами написали, раструбили на весь мир, на-*

гнули всех, а теперь возмущаются. Почему? Чувствует сейчас себя увереннее? Ему «все можно»? Это может быть стратегией человека, который хочет утвердить свое превосходство, поскольку в такой речи нарушаются все принятые в других странах нормы.

Речь Д. А. Медведева, второго человека во властном тандеме, часто сравнивают с путинской, но цитируют его реже. Хотя некоторые его фразы и становятся «крылатыми»: *Реплики у вас, а все, что я говорю, в граните отливаются* (заседание Комиссии по модернизации, 25.12.2009). Это, как представляется, не только контаминационный «ляп» (слова можно *отлить в бронзе* или *высечь в граните*), но и подсознательная языковая игра, имплицитированная распространенной журналистской практикой. Он тоже активно использует общеязыковую фразеологию: *правительство нельзя трясти, как грушу* (интервью руководителям крупнейших телеканалов, 30.09.2011); *ВТО – это не морковка, а набор сложных обязанностей* (встреча с представителями бизнес-сообщества, 15.09.2008). Интересны его (возможно, подсознательные) аллюзии к коммунистическим лозунгам. Например, тезис: *Наша главная политическая сила – «Единая Россия» – должна не просто царствовать, а должна проявлять ум, такт и силу* (интервью российским телеканалам, 24.12.2010) напоминает советизм: *Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи* (В. И. Ленин. «Политический шантаж», 1917).

Д. А. Медведев говорит, по его собственному признанию, «цивилизованно», но «без жеманства». Он не стесняется резко-оценочных слов: *разгильдяйство, раздолбайство*, разговорных и жаргонных выражений: *укусить, скулить* и т. п. Жаргоном пользуется, по данным Ю. С. Алышевой [2, с. 10], почти в два раза реже В. В. Путина, но его жаргонизмы запоминаются: *Надо, чтобы правоохранительные органы и органы власти перестали кошмарить бизнес* (сообщение по проблемам малого бизнеса, Гагарин, 31.07.2008). Любит использовать и модные слова: *партия <...> должна выдвигать правильных людей* (интервью российским телеканалам, 24.12.2010), *я не считаю, что это тренд* (интервью российским телеканалам, 07.12.2012). Изюминка Медведева – демонстрация владения языком интернета. Его речь ориентирована, таким образом, на продвинутых пользователей интернета и соцсетей, образованный средний класс и молодежь.

Кстати, именно отношение к интернету отличает главу правительства и мэра Москвы. Фраза С. С. Собянина «*я хоть много и не читаю интернет*» явно намекает на «продвинутого» интернет-пользователя Д. А. Медведева.

С. С. Собянин, по определению В. В. Путина, «не Робеспьер», публично говорит мало и не ярко. В целом, С. С. Собянина отличают взвешенная, без излишних красот, речь и четкие формулировки. Он избегает канцеляризмов, но «чиновничьи штампы» (скорее, даже язык милицейских протоколов) у него проскальзывают: *незаконные мигранты, притоны, преступления на «серых» квартирах*. Жаргоном московский градоначальник владеет, но не злоупотребляет. Например, использует словечко «*бестолковицина*» – «партийное», в духе речей большевиков.

С. С. Собянин не боится неудобных вопросов, например о том, что смена асфальта на плитку играет на руку его жене: *Я <...> знаю, что <...> есть информация о том, что у меня жена активно занимается бизнесом или там тротуары ремонтирует. Да слава Богу, если бы отремонтировала! Из нее бизнесмен, как из меня балерина* (21.04.2011). Его ответ – это эмоциональное, яркое высказывание задетого за живое человека, иронически-сниженное. Вспомним еще одно образное выражение С. С. Собянина – про новые прирастающие к Москве территории: *Это золотая курица, которая будет нести золотые яйца еще десятилетия и столетия* (19.08.2011). Это прозвучало на встрече с журналистами «без галстуков». В официальной обстановке он себе такого не позволяет.

То есть, с одной стороны, у С. С. Собянина есть чувство стиля. Он переходит на разговорный стиль именно в рамках свободной, неофициальной беседы. С другой – московский градоначальник ярко, эмоционально, «по-народному» защищает свои сомнительные инициативы, предлагая собеседникам свою, но близкую им «языковую картину» реальности.

На общем фоне ярко выделяется речь президента Чечни Р. Кадырова. Ему нравится мыслить в терминах войны. Не случайно он представляет В. В. Путина – полководцем, себя – рядовым: *Я пехотинец Путина и защитник России* (20.02.2007). При этом *пехотинец* в этой конструкции появляется закономерно: именно *пехота* – движущая сила военных действий. В. В. Путин для него – могущественный полководец, поскольку *остановил войну* в Чечне (05.10.2005). Об экс-главе Грузии он тоже думает

как о главнокомандующем, а не президенте: *Вчера я смотрел фрагмент по телевизору, как главнокомандующий Грузии* (М. Саакашвили – О. С.), *услышав звук самолета, убежал, оставил всех – его трудно было догнать: его надо было на Олимпиаду отправить, чтобы он участвовал в бегах, он очень хороший спринтер.*

При этом, с точки зрения Р. Кадырова, другие государства – личная боль России, от которой она вечно страдает: *Грузия, Южная Осетия, Украина, все это будет продолжаться дальше и дальше. Это личная боль России. Почему мы должны вечно страдать, хотя можем искоренить это раз и навсегда? Мы великая держава; У нас сила, у нас есть все – армия, технологии. Нам надо атаковать* (24.12.2009).

Очевидно, что для него соответствие нормам шариата отождествляется с патриотизмом. Это слышно во фразе: *Непорядочно – показывать свои отношения. Притом целоваться прямо в общественных местах – крайняя невоспитанность... Если они будут целоваться на улице и рожать без брака, <...> не будет у нас патриотизма, не будет ничего в России* (30.01.2011). Еще одно его высказывание указывает на важность нравственности: *Если на работе женщины будут ходить полуголыми, то у мужчин не получится там работать. Я на них буду смотреть и днем, и ночью, буду думать, как бы их «салам алейкум», и для меня забота, работа будут на десятом плане* (30.01.2011). В выделенном эвфемизме скрыта языковая игра: с одной стороны, это намек на эротику, с другой – речь опять же о соблюдении законов шариата.

Р. Кадыров лихо использует жаргон, в том числе бранную лексику, например, комментируя футбольный матч: *Судья продажная. Козел, блин!* (17.03.2013). Еще один яркий пример: *Путин – красавчик* (05.10.2005). На Кавказе это самое распространенное положительно-оценочное определение (*красавец, красавчик, красавка*) чаще всего употребляется сейчас комментаторами при оценке чьих-то успешных действий или побед на спортивных площадках. А Р. Кадыров – человек спортивный: достаточно вспомнить его совет отправить М. Саакашвили на Олимпиаду.

Все это говорит о том, что Р. Кадыров выбирает речевой имидж политика эпатажного типа.

Среди депутатов Государственной думы чаще других в минувшем году выступали Е. Б. Мизулина и И. А. Яровая. Хотя в список слов 2014 года были внесены мизулинка и мизу-

линг, это характеристика, скорее, не языка народного депутата, а определенного образа мыслей. Речь самой Е. Б. Мизулиной уснащена терминологическими штампами, оборотами профессиональной юридической речи, она такая вся «депутат-депутат». Вместе с тем, встречаются и канцеляризм, например, когда депутат призывает *не допустить втягивания детей в различные преступления* (15.04.2009). Интересный момент: Е. Б. Мизулина как бы различает *толерантность* и *терпимость*, при этом для нее *толерантный/терпимый* – это *не кровожадный*. И. А. Яровая тоже объединяет в одном ряду *толерантность* и *терпимость*, как бы различая эти два понятия. Возможно, это – следствие общей тенденции к «переводу» стершегося значения заимствования (ср.: *прейскурант цен, саммит на высшем уровне, перспективы на будущее*). Или же это указание на следование как западным, так и исконно русским ценностям, но все же сомнительное. Речь И. А. Яровой изобилует штампами: *угроза безопасности жизни и здоровью граждан России, их действиям должна быть дана правовая оценка, звучат угрозы в адрес, падение продолжается, взывать к совести, проверка на прочность, заблудили овецки*. Но иногда она пытается каламбурить, используя корневой повтор: *Что поразительно, за г-ном Гудковым никогда не замечалось, что он человек совестливый, – ни в истории с его авто со спецсигналом, ни когда он открыто высказывал угрозы в адрес сотрудников полиции. Сейчас он недобросовестно взывает к совести* (02.09.2012). В ее речи встречаются оценочные слова: *девицы* в отношении Pussy Riot, *трусоват* – опять же про Дмитрия Гудкова.

Один из ярких представителей оппозиции А. А. Навальный риторически более искусен. Речь Навального обладает очень сильным коммуникативным воздействием. Он использует множество слов с оценочными компонентами в значении, ярко эмоционально окрашенных, в том числе вульгаризмы, «народно-разговорные» выражения: *на один спи...ный рубль приходится пять прое...ных* (18.07.2013). А. А. Навальный лингвистически креативен: *«партия жуликов и воров»* (02.02.2011) – один из мемов, держащихся в языковом сознании уже несколько лет.

Оппозиционер умно использует конструкции повтора: *Я стараюсь смотреть новости Первого канала. На всех каналах врут примерно одинаково. Но меня гораздо больше задает, как врут на НТВ, потому что они врут хитрее...*

Когда **врут** те, кто похож на живых людей, это раздражает гораздо больше (14.02.2012). С помощью лексического и композиционно-синтаксического повтора он нередко имплицитно в сознании адресата и ложно построенные силлогизмы, например, когда, говоря о «партии жуликов и воров», апеллирует к цикличности исторических судеб России: *Царь... самозванец... – Дмитрий Самозванец – вор! Емелька Пугачев – вор!* (митинг 06.05.2012).

Кроме того, А. А. Навальный эксплуатирует прием отождествления себя и других с помощью соотнесения местоименных форм: *Мне есть что терять. И вам тоже. Но я никогда не сдамся и не уйду – точно так же, как и вы* (митинг на Болотной площади, 06.05.2013). Иногда говорит *мы*. После чего возвеличивает другую сторону: *Вы и есть сопротивление*, как бы передавая ей мандат на действие. Преобладание «*вы*»-форм позволяет политику солидаризироваться с народом и поляризовать себя и действующую власть. Ее он называет *эти люди* (ср.: *эта страна* – используется конструкция поляризации с говорящим), противопоставляя их *народу* (*народ они не любят*), а себя позиционируя в «народном» поле: *у меня нет другой страны* (опять же: *это моя*, а не *эта страна*, и *Россия – это наша страна*, «*мы*»-форма притяжательного местоименного прилагательного говорит о солидарности с народом).

А. А. Навальный старается соблюдать принципы политкорректности и использует ее языковые маркеры, в частности, говоря о *родовой травме в Украине* в проекции на современные события. Вместе с тем, вне политического контекста он употребляет корректно-языковую форму предлога, органичную для него как носителя русского языка, когда упоминает о том, как в детстве *гостил на Украине*, и замечает: *Каждый раз, когда я приезжаю на Украину, мы с родственниками спорим о том, что важнее: российский газ или украинское сало...* (ток-шоу «Большая политика» с Е. Киселевым, 10.02.2012).

Принимая во внимание определение О. С. Иссерс выбора политиком определенной речевой «маски» как коммуникативной стратегии [6, с. 72], попробуем определить доминанты имиджей для всех упомянутых политических лидеров.

Ядро имиджа В. В. Путина и Д. А. Медведева составляют выделенные О. С. Иссерс [6, с. 72–75] образы Державника и Патриота (маркеры – частые упоминания *державы, служения России,*

национальной идеи и т. п.), Народного избранника (маркер – апелляции к *народу*), Простого человека. Эти образы формируют речевую доминанту властного тандема, с той разницей, что В. В. Путин, ассоциируя себя с народом, чаще, по сравнению с Д. А. Медведевым, использует «*я*»-формы (30 % употреблений против 24%) и реже «*мы*»-формы (59 % и 69 % соответственно) [2, с. 12], что позволяет Ю. С. Альшевой назвать доминантными чертами речевого портрета В. В. Путина «твердость, уверенность в собственной позиции, яркое личностное начало, откровенность и искренность», а у Д. А. Медведева диагностировать «сдержанность, официальность, закрытость» [2, с. 6]. Обращает на себя внимание относительно редкое употребление «*вы*»-форм обоими главами исполнительной власти (11 % и 7 % соответственно), что может говорить о не слишком большом их внимании к партнерам по диалогу, как дружески, так и оппозиционно настроенным.

Можно предположить, что на периферии имиджа Народного избранника у В. В. Путина и Д. А. Медведева оказываются разные микророли: первый народом «управляет», тем самым делая заявку на роль Сильной руки, второй ему «служит». Распределение речевых ролей в имидже С. С. Собянина и депутатов Е. Б. Мизулиной и И. А. Яровой не отличается детализацией: они строго придерживаются ролей Державников и Патриотов и Народных избранников. Что касается Р. Кадырова, то он, скорее, ориентируется на доминантные имиджевые проявления главы государства, смещая акцент в сторону микроролей Сильная рука и Простой человек в их эпатажном варианте, – в структуре его имиджа ядро ассоциируется именно с этими ролями, но в ядро входит еще и образ Человек Военный.

Наконец, одному из лидеров оппозиции А. А. Навальному свойственны, на наш взгляд, коммуникативные стратегии и тактики, которые формируют имидж Патриота (без «державной» составляющей), Народного избранника, Простого человека, а также Разоблачителя, Возмутителя спокойствия, Провидца, которые, возникая на периферии образа, постепенно переходят в его ядро, ассоциируясь с имиджевыми характеристиками Сильной руки, способной выиграть политический «армрестлинг» у власти.

Библиографический список

1. Алтунян, А. Г. Анализ политических текстов [Текст] : учебное пособие / А. Г. Алтунян. – М. : Университетская книга; Логос, 2006. – 384 с.
2. Альшева, Ю. С. Речевой портрет современного политического лидера [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. С. Альшева. – Волгоград, 2012. – 21 с.
3. Асташова, О. И. Речевой портрет политика как динамический феномен [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. И. Асташова. – Екатеринбург, 2013. – 21 с.
4. Богуславская, О. В. Журналистика и власть [Электронный ресурс] : Учебно-методическое пособие для студентов, обучающихся по направлению 030601.65 «Журналистика» / О. В. Богуславская. – Режим доступа: <http://lib2.sfu-kras.ru/elib/b76/i-694337.pdf>.
5. Богуславская, О. В. Речевой имидж политика-лидера эпатажного типа (на русско-польском языковом материале) [Текст] / О. В. Богуславская // Язык и социальная динамика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. (24–25 мая 2013 г., Красноярск) : в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. А. В. Михайлов, Т. В. Михайлова ; Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. – Красноярск, 2013. – С. 25–28.
6. Иссерс, О. С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу [Текст] / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. Вып. 1. – Омск, 1996. – С. 71–74.
7. Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? [Текст] / В. А. Маслова // Политическая лингвистика. Вып. 1(24). – Екатеринбург, 2008. – С. 43–48.
8. Обращение Президента РФ Владимира Путина (полная версия). 18.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/20603>.
9. Фролова, О. Е. Манипуляция в СМИ: лингвистические приемы «слева» и «справа» [Текст] / О. Е. Фролова // Методология и практика русского формализма: Брикровский сборник. Вып. II. Материалы международной научной конференции «II Бриквские чтения: Методология и практика русского формализма» (Мос. гос. ун-т печати, Москва, 20–23 марта 2013 года) / Отв. ред. Г. В. Векшин. – М. : Азбуковник, 2013. – С. 287–292.

Bibliograficheskiy spisok

1. Altunjan, A. G. Analiz politicheskikh tekstov [Tekst]: Uchebnoe posobie / A. G. Altunjan. – M. : Universitetskaja kniga; Logos, 2006. – 384 s.
2. Alysheva, Ju. S. Rechevoj portret sovremennogo politicheskogo lidera [Tekst]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Ju.S. Alysheva. – Volgograd, 2012. – 21 s.
3. Astashova, O. I. Rechevoj portret politika kak dinamicheskij fenomen [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / O. I. Astashova. – Ekaterinburg, 2013. – 21 s.
4. Boguslavskaja, O. V. Zhurnalistika i vlast' [Elektronnyj resurs]: Uchebno-metodicheskoe posobie dlja studentov, obuchajushhihsja po napravleniju 030601.65 «Zhurnalistika» / O. V. Boguslavskaja. – Rezhim dostupa: <http://lib2.sfu-kras.ru/elib/b76/i-694337.pdf>.
5. Boguslavskaja, O. V. Rechevoj imidzh politika-lidera jepatazhnogo tipa (na russko-pol'skom jazykovom materiale) [Tekst] / O. V. Boguslavskaja // Jazyk i social'naja dinamika: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. (24–25 maja 2013 g., Krasnojarsk) : v 2 ch. Ch. 1 / Otв. red. A. V. Mihajlov, T. V. Mihajlova ; Sib. gos. ajerokosmich. un-t. – Krasnojarsk, 2013. – S. 25–28.
6. Issers, O. S. Chto govoryat politiki, chtoby nraivit'sja svoemu narodu [Tekst] / O. S. Issers // Vestnik Omskogo universiteta. Vyp. 1. – Omsk, 1996. – S. 71–74.
7. Maslova, V. A. Politicheskij diskurs: jazykovye igry ili igry v slova? [Tekst] / V. A. Maslova // Politicheskaja lingvistika. Vyp. 1(24). – Ekaterinburg, 2008. – S. 43–48.
8. Obrashhenie Prezidenta RF Vladimira Putina (polnaja versija). 18.03.2014. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/20603>.
9. Frolova, O. E. Manipuljacija v SMI: lingvisticheskie priemy «sleva» i «sprava» [Tekst] / O. E. Frolova // Metodologija i praktika russkogo formalizma: Brikovskij sbornik. Vyp. II. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «II Brikovskie chtenija: Metodologija i praktika russkogo formalizma» (Mos. gos. un-t pečhati, Moskva, 20–23 marta 2013 goda) / Otв. red. G. V. Vekshin. – M. : Azbukovnik, 2013. – S. 287–292.

Л. В. Селезнева

Дискурсивная формация корпоративной организации

В статье рассматривается PR-дискурс как профессиональный дискурс, под которым понимается совокупность профессиональных дискурсивных практик. Особенности PR-дискурса определяются особенностями корпоративной организации, которая выступает не только в качестве объекта, но и субъекта PR. Идея корпоративности реализуется в структуре дискурсивной формации, разработанной в рамках корпорации. Структурообразующими факторам PR-дискурса являются иерархическая структура управления корпорацией, коммуникативный статус, то есть положение субъекта – создателя текста в корпоративной системе, положение адресата по отношению к корпорации. На примере сайта ОАО «Газпром» предпринимается попытка описания речевой организации данной корпорации как речевого коллектива.

Ключевые слова: PR-дискурс, дискурсивная формация, дискурсивные практики, корпоративная организация, иерархическая структура, субъект речи, коммуникативный статус, речевая организация, речевого коллектив.

L. V. Selezneva

The discursive formation of the corporate organization

The article discusses PR-discourse as professional discourse, which is understood as a set of professional discursive practices. Features of PR-discourse are determined by the characteristics of the corporate organization, which serves not only as an object but also as the subject of PR. The idea of the team spirit is realized in the structure of discursive formations developed in the framework of the Corporation. Structure-forming factors of PR-discourse are hierarchical management structure of the Corporation, communicative status, i.e. the status of the subject – the writer of the text in the corporate system, the position of the recipient in relation to the Corporation. For example, the website of "Gazprom" attempts to describe the speech organization of this Corporation as a speech team.

Keywords: PR-discourse, discursive formation, discursive practices, corporate organization, hierarchical structure, the subject of speech, communicative status, speech organization, speech team.

Мы рассматривали PR-дискурс как профессиональный дискурс, под которым понимаем совокупность профессиональных дискурсивных практик. Дискурсивные практики, с одной стороны, являются результатом характерных профессиональных действий, а с другой стороны, встроены в конкретную профессиональную культуру и предопределяют высказывания (тексты), потому что являются для них системой норм и ограничений. Нам представляется продуктивным при анализе PR-дискурса учитывать, что различные политические, социальные общества, объединения, финансовые и бизнес-структуры строятся по типу корпорации. Корпорация в речевой деятельности представлена дискурсивными формациями. Под дискурсивной

формацией М. Фуко понимает некую закономерность (порядок, корреляции, позиции и действия, преобразования), которую можно установить между высказываниями, объектами, понятиями [11, с. 93]. Именно корпоративная организация выступает не только в качестве объекта, но и субъекта PR, и особенности ее системы определяют особенности PR-дискурса.

Параметры структурообразования профессионального дискурса подробно рассматривает В. Бхатия и выделяет в реализации профессионального дискурса такие четыре уровня, как текст, жанр, профессиональная практика и профессиональная культура [12] (см. Схему 1).

Схема 1. Профессиональный дискурс

В. Бхатия отмечает: «Discursive practices, on the one hand, are essentially the outcome of specific professional procedures, and on the other hand, are embedded in specific professional cultures» [12, с. 35] – Дискурсивные практики, с одной стороны, по существу, представляют собой результат характерных профессиональных действий, а с другой стороны, встроены в конкретную профессиональную культуру (перевод мой – Л. С.).

Другими словами, профессиональный дискурс, каковым и является PR, формирует объекты как элементы определенной профессиональной культуры. Единый объект представляет собой то необходимое условие, которое объединяет все тексты того или иного субъекта PR и позволяет говорить о целостности и единстве любого дискурса [10]. Рассматривая единство дискурса, М. Фуко, например, выделял связи между высказываниями, образующими совокупность на основе некоторых объединяющих компонентов. К таким компонентам относится неизменный объект, который объединяет разные по форме и времени образования высказывания [11]. Таким объектом как необходимым условием существования дискурса является корпорация. О. С. Виханский и А. И. Наумов отмечают, что «в России в силу ее специфики корпорации существуют в хозяйственной и культурной жизни в основном в форме различных государственных (министерства, ведомства и псевдоприватизированные естественные монополии) и общественных (союзы, общества, академии и политические партии) институтов» [2, с. 350].

Корпоративная система представляет собой особую форму организации совместной деятельности. Это такой тип социальной организации, который «объединяет замкнутые группы людей с огра-

ниченным доступом, максимальной централизацией и авторитарностью руководства» [1]. Можно выделить следующие признаки корпорации:

- Корпоративная организация имеет иерархическую структуру, которая предполагает порядок подчинения низших уровней высшим и моноцентрический тип руководства, то есть во главе компании стоит Председатель, или Президент компании – первое лицо компании.
- Для корпоративной организации характерна централизация и авторитарность руководства.
- Корпоративная организация представляет собой замкнутую организацию.
- В корпорации четко распределены коммуникативные статусы, которые определяются местом, занимаемым членом данной корпорации в организации.
- Корпоративная организация обладает монополией на распространение информации.
- В корпорации разработана корпоративная культура, то есть система принципов, ценностей и норм, выработанных в данной компании.

Мы рассматриваем корпорацию как дискурсивную формацию, которая находит отражение как в содержании, структуре, лексико-грамматической организации отдельных текстов, так и в структуре речевой организации корпорации. Другими словами, корпоративная организация может быть представлена как речевой коллектив. Идея определения производственных коллективов, а также общественных, политических и профсоюзных организаций как речевых коллективов была предложена в свое время В. И. Коньковым. Под речевым коллективом он понимает «группу людей, связанных между собою коммуникативными отношениями» [6, с. 250] и рассматривает речевой коллектив как генератор речи.

Речевой коллектив представляет собой субъект речи, то есть является производителем высказываний. Между членами коллектива складываются коммуникативные отношения. Для него (коллектива) характерна иерархическая структура, и коммуникативный статус каждого его члена определяется тем местом, которое занимает человек или управляющий орган в системе. Результатом речевой деятельности является совокупность разножанровых текстов, взаимосвязанных и взаимообусловленных, анализ которых помогает получить представление о речевой организации данного коллектива.

Под речевой организацией будем понимать, с одной стороны, весь массив текстов, созданных в рамках той или иной корпоративной организации, с другой стороны, отношения между этими текстами, которые обусловлены структурой субъекта речи. В речевую организацию корпорации входят тексты разных жанров, отражающие деятельность корпорации и направленные как на внутрикорпоративную, так и внекорпоративную аудиторию.

Для анализа дискурсивной формации мы используем дискурсивный подход, методология которого включает несколько этапов: 1) понимание самого высказывания (текста); 2) анализ прагматического контекста; 3) сопоставление прагматически релевантной информации, содержащейся в высказывании, с информацией, полученной при анализе прагматического контекста. Под прагматическим контекстом мы понимаем социальные условия появления данных текстов, которые рассматриваем в системе категорий корпоративной культуры (корпоративной системы), так как именно идея корпоративности во многом объясняет специфику речевой организации.

В качестве практического материала были взяты тексты с официального сайта ОАО «Газпром», на основе которых предпринимается попытка описания речевой организации данной корпорации как речевого коллектива.

Основу речевой организации корпорации составляет нормативная база, которая включает Устав, Положение о собрании акционеров, о Совете директоров, о Президенте ОАО, Кодекс корпоративного управления и т. д. [7]. В данных документах зафиксированы цели, задачи, пред-

мет деятельности, правовой статус организации, органы управления, их функции, структура корпорации. Это формирует набор конвенциональных установлений (*conventions*) (термин Т. ван Дейка), которые накладывают ограничения при создании текста.

Итак, что представляет собой речевая организация Газпрома.

1. Корпорация – субъект речи

Содержание текстов определяется двумя противоположными процессами. С одной стороны, корпоративная система обладает монополией на информацию о самой себе, поэтому фактом речевой организации становятся только те события, которые отобраны и одобрены руководством. А с другой стороны, одним из основных принципов взаимодействия с партнерами и продвижения своей продукции является принцип открытого информирования, который заключается в том, что «компания должна предоставлять информацию не в усеченном, а в полном виде» [8, с. 19] по тому вопросу, который интересует общественность.

В соответствии с этим в речевой организации выделяют две группы текстов на основе обязательного или добровольного раскрытия информации со стороны корпорации. К **облигаторным** текстам относятся *годовой отчет, ежеквартальные отчеты, сообщения о существенных фактах, информация об аффилированных лицах (например, о членах Совета директоров), годовая бухгалтерская и финансовая отчетность* и другая информация, предусмотренная законодательством. В группу **необлигаторных** текстов входят *отчет о деятельности в области устойчивого развития, экологический отчет, аналитический справочник «Газпром в цифрах», пресс-релизы, квартальная финансовая отчетность, корпоративный журнал «Газпром», анализ и оценка руководством финансового положения корпорации*, отвечающие требованиям регуляторов рынка ценных бумаг. Корпорация выступает в качестве субъекта, определяющего содержание текста и его адресата.

2. Иерархическая структура

Структура «Газпрома» может быть представлена в виде схемы (см. **Схему 2**):

заинтересованными лицами, а с другой – на отношения компании и работников. В соответствии с этим важным прагматическим условием создания текстов является фактор адресата, в качестве которого выступает **внекорпоративная** и **внутрикорпоративная аудитория**.

Внекорпоративная аудитория представлена, прежде всего, *Общим собранием акционеров*. Оно проводится ежегодно, на нем заслушиваются отчеты Совета директоров и исполнительных органов о результатах финансово-хозяйственной деятельности Общества за истекший финансовый год. В Положении о раскрытии информации указана основная и дополнительная информация, обязательная для предоставления лицам, имеющим право на участие в годовом Общем собрании акционеров [9]. При этом корпорация стремится стандартизировать свою деятельность, что проявляется и в разработке информационных схем текстов. Например, годовой отчет, выносимый на утверждение Общего собрания акционеров, должен содержать обязательные информационные блоки о положении Общества в отрасли; приоритетные направления деятельности Общества; о результатах работы Общества по приоритетным направлениям его деятельности; перспективы развития Общества; отчет о выплате объявленных (начисленных) дивидендов по акциям Общества; описание основных факторов риска, связанных с деятельностью Общества; перечень совершенных сделок; состав Совета директоров Общества; сведения о лице, занимающем должность единоличного исполнительного органа Общества; сведения о соблюдении Обществом Кодекса корпоративного поведения.

Тексты, составляемые для сотрудников корпорации, то есть для **внутрикорпоративной** аудитории, создаются в условиях отсутствия внутренней конкуренции, поэтому нацелены на поддержание сложившейся иерархической системы управления, продвижение корпоративных интересов, ценностей. В этом плане *Кодекс* корпоративной этики определяет ответственность каждого работника «в создании положительного имиджа Общества» [5, с.14], который проявляется, в том числе, и при создании текстов, использовании делового стиля общения. К внутрикорпоративным текстам можно отнести журналы: «*Фактор времени*», *корпоративный журнал «Газпром»*.

Таким образом, в речевой организации Газпрома выделены тексты облигаторные-необлигаторные, тексты первых лиц компании, внутрикорпоративные и внекорпоративные тек-

сты. Такая дифференциация определена тремя прагматическими факторами: субъектом PR, то есть самой корпорацией, ее целями и задачами, коммуникативным статусом членов корпорации, адресатом. Идея корпоративности реализуется в структуре разработанной в рамках корпорации дискурсивной формации. К структурообразующим факторам PR-дискурса можно отнести иерархическую структуру управления корпорацией, коммуникативный статус, то есть положение субъекта – создателя текста в корпоративной системе, положение адресата по отношению к корпорации.

Библиографический список

1. Большая энциклопедия нефти и газа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ngpedia.ru/id219224p1.html>.
2. Виханский, О. С., Наумов, А. И. Менеджмент [Текст] : учебник / О. С. Виханский, А. И. Наумов. – М. : Гардарика, 1998. – 528 с.
3. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
4. Кодекс корпоративного управления (поведения) ОАО «Газпром» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazprom.ru/f/posts/00/302817/2_kodeks_korporativnogo_upravleniya.pdf
5. Кодекс корпоративной этики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/f/posts/00/302817/2014-02-25-codex-of-corporate-ethics.pdf>.
6. Коньков, В. И. Речевой коллектив как единиц в членения речевой практики общества [Текст] / В. И. Коньков. // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. научн. трудов / Отв. ред. М. П. Котурова. – Пермь : Перм. ун-т, 2004. – С. 247–263.
7. Корпоративное управление. Нормативная база [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/about/management/corporate-governance/>.
8. Кочеткова, А. В. Теория и практика связей с общественностью [Текст] / А. В. Кочеткова, В. Н. Филиппов, Я. Л. Скворцов, А. С. Тарасов. – СПб. : Питер, 2010. – 240 с.
9. Положение о раскрытии информации ОАО «Газпром» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazprom.ru/f/posts/00/302817/6_polojenie_o_raskrytii_informacii_1.pdf.
10. Селезнева, Л. В. Целостность дискурса как лингвистическая проблема [Текст] / Л. В. Селезнева. // Филология и человек. – № 2. – 2012. – С. 7–18.
11. Фуко, М. Археология знания [Текст] / М. Фуко; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.

12. Bhatia, V. K. Interdiscursivity in professional communication [Text] / V. K. Bhatia. // Discourse & Communication. – Vol.4 – № 1. – February 2010. – PP. 32– 50.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bol'shaja jenciklopedija nefti i gaza [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ngpedia.ru/id219224p1.html>.

2. Vihanskij, O. S., Naumov, A. I. Menedzhment [Tekst] : uchebnik / O. S. Vihanskij, A. I. Naumov. – M. : Gardarika, 1998. – 528s.

3. Dejk, van T. A. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija [Tekst] / T. A. van Dejk. – M.: Progress, 1989. – 312 s.

4. Kodeks korporativnogo upravlenija (povedenija) OAO «Gazprom» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.gazprom.ru/f/posts/00/302817/2_kodeks_korporativnogo_upravleniya.pdf

5. Kodeks korporativnoj jetiki [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.gazprom.ru/f/posts/00/302817/2014-02-25-codex-of-corporate-ethics.pdf>.

6. Kon'kov, V. I. Rechevoj kollektiv kak edinic v chlenenija rechevoj praktiki obshhestva [Tekst] / V. I. Kon'kov. // Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste: Mezhvuz.

sb. nauchn. trudov / Otv. red. M. P. Kotjurova.— Perm': Perm. un-t, 2004. – S. 247–263.

7. Korporativnoe upravlenie. Normativnaja baza [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.gazprom.ru/about/management/corporate-governance/>.

8. Kochetkova, A. V. Teorija i praktika svjazej s obshhestvennost'ju [Tekst] / A. V. Kochetkova, V. N. Filippov, Ja.L. Skvorcov, A. S. Tarasov. – SPb.: Piter, 2010. – 240 s.

9. Polozhenie o raskrytii informacii OAO «Gazprom» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.gazprom.ru/f/posts/00/302817/6_polozenie_o_raskrytii_informacii_1.pdf

10. Selezneva, L. V. Celostnost' diskursa kak lingvisticheskaja problema [Tekst] / L. V. Selezneva. // Filologija i chelovek. – № 2. – 2012. – S. 7–18.

11. Fuko, M. Arheologija znanija [Tekst]: Per. s fr. M. B. Rakovoj, A. Ju. Serebrjannikovoj / M. Fuko. – SPb.: IC «Gumanitarnaja Akademija»; Universitetskaja kniga, 2004. – 416 s.

12. Bhatia, V. K. Interdiscursivity in professional communication [Text] / V. K. Bhatia. // Discourse & Communication. – Vol.4 – № 1. – February 2010. – PP. 32– 50.

В. И. Шаховский

Эмоциональный тюнинг в речевом общении

В статье рассматривается проблема кооперативного общения в условиях категориальной эмоциональной ситуации. В научный обиход вводится понятие эмоционального тюнинга как разновидности адаптирующей функции языка. Предлагается вводить в коммуникативную компетенцию языковой личности теоретические знания и практические навыки психолингвистического феномена эмоционального тюнинга во время обучающей коммуникации.

Ключевые слова: языковая личность, коммуникативная компетенция, адаптирующая функция языка, эмоциональный тюнинг, обучающая коммуникация.

V. I. Shakhovsky

Emotional tuning in speech communication

The article considers the problem of cooperative communication in a typical emotional situation. The author introduces the concept of emotional tuning as the adoptive function of language. It is recommended to include theoretical knowledge and practical experience of emotional tuning into homo sapiens's communicative competence in the process of teaching communication. Emotional tuning in speech communication is considered to be a psycholinguistic phenomenon.

Keywords: linguistic personality, communicative competence, adoptive function of language, emotional tuning, teaching communication.

Среди различных функций языка эмоций его адаптирующая функция является наиболее коммуникативно значимой.

Когда люди общаются, они транслируют друг на друга свое миропонимание в образах и картинках и индуцируют соответствующие образы-картинки у своих коммуникативных партнеров. Естественно, что эти образы-картинки эмоционально окрашены. Их эмоциональность более голографична, чем эмоциональность слов. Степень аппроксимации образных голограмм влияет на степень успешности вербальной эмоциональной коммуникации. Адаптирующая роль языка в общении соотносится с его тюнинг-функцией. Приспособление (настройка / тюнинг) речевых партнеров друг к другу в прагматических целях приводит к взаимному коммуникативному успеху, поскольку их языковая адаптация к коммуникативному стилю друг друга формирует у них общий эмоционально-координационный центр и делает их общение гармоничным. Адаптация и тюнинг соответствуют принципу кооперативности эмоционального общения. Нередко такая настройка / адаптация / тюнинг начинается на фатическом уровне, на котором происходит «снятие эмоциональных проб» речевых партнеров

друг с друга. Примером может служить текст интермедии Аркадия Райкина о пожаре на его даче или текст песни Леонида Утесова «Все хорошо, прекрасная маркиза», в которых происходит поэтапная подготовка адресата к неприятному известию через постепенную адаптацию его к все ухудшающейся информации и через настраивание его на адекватное восприятие фатальной совсем неприятной новости.

В эмоциональной коммуникации особенно релевантным является осознание различия между эмоциональной прагматикой говорящего (инициальная интенция) и эмоциональной прагматикой слушающего (терминальная интенция). Они часто не совпадают, поэтому важен еще и эмоциональный тюнинг, в терминах М. Е. Литвака [2] – моделирование эмоций у собеседника, то есть эмоциональное манипулирование человеком.

Практика эмоциональной коммуникации, как реальной, так и художественной, показывает, что адаптация (тюнинг) практически невозможна в условиях эмотивной экстремальности: адресат не успевает рационально среагировать, инстинктивно включает защитные механизмы, в том числе, речевые и теловые, и поэтому зачастую реагирует неадекватно. В таком общении наблю-

даются истерики, срывы, бурная «канализация» эмоций с использованием инвектив. Такой вид общения происходит в категориальных эмоциональных ситуациях конфликтного типа, когда агрессия обоих коммуникантов не подчиняется разуму, интеллекту и осуществляется только на инстинктивном уровне самозащиты или мести. Нередко такое общение называют виндиктивным дискурсом, для которого характерны следующие эмоциональные маркеры: отчаяние, ненависть, отвращение, ужас, страх, бешенство, ярость.

Эмотивный экстрим реализуется с помощью языка. Его причиной является ответная психическая реакция на сильный эмоциональный раздражитель социума или конкретного коммуниканта. Примером такой эмоциональной ситуации может служить конфликт в кулуарах палаты депутатов Аргентины, где случилась драка, в которой пострадал конгрессмен Доминго Кавалло, занимавший в свое время пост министра экономики. Он вступил в перебранку с коллегой от правящей партии Хуаном Карлосом Аяла, когда тот обвинил бывшего министра в фальсификации налоговых деклараций. Кавалло ответил обидчику ругательствами и оскорблениями, и тогда Аяла пустил в ход кулаки. После стычки рассерженный Кавалло назвал драчуна трусом, потому что Аяла ударил его и убежал, побоявшись продолжения драки (хотя очевидцы отмечают, что удар был слабым, синяка не осталось). Обычно бывшего министра сопровождают телохранители, но их нет в коридорах парламента. Такая ситуация является категориальной, то есть типичной для современных политиков, в том числе, и отечественных. И это обязывает лингвистов разрабатывать проблему этики (экологии) пользования языком и требует введения в их коммуникативную компетенцию знаний об адаптирующей функции языка.

В разных языковых культурах существуют различные правила социального подавления эмотивного экстрима, однако можно назвать и наиболее универсальные способы его нейтрализации. В эмоциональной коммуникации исключительно важно знание коммуникативного правила «психологического айкидо» – сознательного эмоционального отступления, тактического согласия даже с оскорбительным высказыванием. Применение такого правила в эмоциональной ситуации укорачивает или снимает ее конфликтность. Не менее эффективными являются правила снятия эмоционального экстрима при помощи вежливых, эвфемистических, смяг-

чительных громоотводов – средств митигации, таких как скромность, вежливость, толерантность, искренность и др.

Во всех формах межкультурного внутриязыкового общения важное место занимает эмоциональный хронотоп: место и время эмотивного экстрима, – и его интенсивность корректируются фактором адресата. В частности, это может корректироваться эмоциональным индексом и эмоциональным интеллектом человека говорящего (*homo sentiens*) или их отсутствием (в случае эмоциональной тупости адресата или сознательной эмоциональной интенции «стоять насмерть и не поддаваться», как это показано на примере Стрикленда – персонажа романа С. Моэма «Луна и грош»). Хронотопно маркировано и то, как говорят о своих/чужих эмоциях разные языковые личности, принадлежащие к одной или разным языковым культурам. Примером может служить особое использование инвектив опричниками Ивана Грозного и роль современных инвектив в речи «новых русских» и российских политиков как средств выдвижения их эмоционального состояния.

Хотя лингвисты утверждают, что люди общаются не словами, а картинками, однако картинки они создают друг у друга все-таки с помощью слов и их сплетений. Эти сплетения сопровождаются в различных видах общения эмоциональностью различной яркости. На уровне простого наблюдения эти различия очевидны: общеизвестно, что к своим собственным переживаниям мы более чувственны, чем к чужим, и вербализуем их более дифференцированно, красочно и болезненно. Психологами установлено, что вербальная коммуникация эмоций (выброс эмоций через вербалику) снижает эмоциональное напряжение коммуниканта или смягчает его. Такой выброс может менять эмоциональный вектор коммуниканта даже на противоположный.

Все это говорит о громадном прагматическом потенциале самого процесса коммуникации эмоций и о тяге *homo loquens* к эмоциональному общению. Достаточно вспомнить задушевные дружеские и праздные беседы, в ходе которых происходит освобождение от эмоциональной напряженности. Философы утверждали: «Сказал – и облегчил душу». В русской лингвокультуре это называется «выговориться», в том числе, в письменной форме, особенно со своим «тайным другом» – дневником, куда коммуникантом чаще всего сбрасываются негативные эмоции и негативная информация о самом себе (см., например [1]).

Противоположным примером является ниже следующий: в эмоциональной ситуации фашистского концлагеря находятся отец и его маленький сын. Отца ожидает неминуемая смерть, но он скрывает это от своего сына, скрывает всю серьезность ситуации. Он придумал игру, для того чтобы пощадить чувства своего мальчика, и изображает перед ним большую радость и счастье от того, что они попали в такое чудесное место на земле. Отец был всегда в присутствии мальчика весел, жизнерадостен, счастлив и превратил их нахождение в концлагере в веселую, увлекательную игру. Имитирование радостных эмоций отцом было настолько искусственно на протяжении длительного времени, что мальчик уверовал в их прекрасную жизнь. В эту свою игру отец включал веселые, теплые, радостные слова, такую же интонацию, мимику и жестикуляцию и этим включил своего сына в радостную перспективу их жизни в концлагере (видеофильм «Жизнь прекрасна»).

Адекватное вербальное и невербальное поведение человека, умеющего завуалировать собственные эмоции и переживания и симитировать те, которые являются более прагматичными в данной ситуации, по отношению к данному адресату, свидетельствует о его высокой эмотивной/эмоциональной компетенции, об умении менять вектор эмоции в конкретном дискурсе. Эта компетенция отчасти дается человеку от рождения, на инстинктивном уровне, но большая ее доля формируется вместе с опытом эмоционального общения: как подражание эмоциям персо-

нажей художественной литературы, как закрепление опыта поведения в эмоциональных ситуациях реальной коммуникации, как навыки, которые можно получить в обучающей коммуникации в виде правил и приемов эмоционального взаимодействия и, прежде всего, как правильное пользование адаптирующей функцией языка.

Библиографический список

1. Жданов, В. А. Любовь в жизни Л. Н. Толстого [Текст] / В. А. Жданов. – М.: ЗАХАРОВ, 2005. – 444 с.
2. Литвак, М. Е. Психологический вампиризм [Текст] / М. Е. Литвак. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 350 с.
3. Шаховский, В. И. Лингвистика эмоций [Текст] / В. И. Шаховский // Филологические науки. – 2007. – № 5. – С. 3–13.
4. Goleman, D. The emotional intelligence [Text] / D. Goleman. – N.-Y.: Bentam Books, 1997. – 352 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Zhdanov, V. A. Ljubov' v zhizni L. N. Tolstogo [Tekst] / V. A. Zhdanov. – M.: ZAHAROV, 2005. – 444 s.
2. Litvak, M. E. Psihologicheskiy vampirizm [Tekst] / M. E. Litvak. – Rostov n/D: Feniks, 2000. – 350 s.
3. Shahovskij, V. I. Lingvistika jemocij [Tekst] / V. I. Shahovskij // Filologicheskie nauki. – 2007. – № 5. – S. 3–13.
4. Goleman, D. The emotional intelligence [Text] / D. Goleman. – N.-Y.: Bentam Books, 1997. – 352 s.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

Л. А. Гаврилова

Взаимосвязь мировидения и художественных принципов Ф. М. Достоевского

В статье выявляются особенности понимания Ф. М. Достоевским духовной природы человека, замысла Бога о нем, смысла человеческой жизни, сущности, механизма и процесса творчества, задач поэта-художника в отношении себя самого и читателей, роли произведения искусства в мире. Акцент делается на сакрализации Ф. М. Достоевским творческого процесса и действенности художественного слова. В качестве материала для исследования послужили статьи Ф. М. Достоевского, его эпистолярное наследие, черновые записи в записных книжках и тетрадях разных лет, фельетоны «Дневника писателя» 1873 года, а также труды исследователей художественного наследия писателя.

Ключевые слова: мировидение, Бог, человек, понимание, художественные принципы, творчество, поэма, автор, читатели.

LITERARY CRITICISM

L. A. Gavrilova

The relationship of worldview and artistic principles of F. M. Dostoevsky

The article reveals peculiarities of understanding by F. M. Dostoevsky the spiritual nature of man, God's idea of him, the meaning of human life, the nature, mechanism and process of creativity, the task of the poet-artist concerning himself and the readers, the role of art in the world. The emphasis is on Dostoevsky's sacralizing creative process and effectiveness of artistic expression. The study uses Dostoevsky's articles, his epistolary heritage, draft records in notebooks of different years, feuilletons from "The Diary of a Writer" (1873), and the researches of the writer's artistic heritage.

Keywords: world-view, God, man, understanding, artistic principles, art, poem, author, readers.

Ф. М. Достоевский вошел в русскую литературу одновременно как художник и мыслитель. Эти две ипостаси его творческой реализации одновременно выражены в его произведениях.

Цель статьи – выявить соотношение мировидческой концепции Ф. М. Достоевского с его эстетическими принципами.

Основа мировидения писателя начала складываться задолго до его первых творческих опытов. Так, в письме брату Михаилу от 9 августа 1838 года шестнадцатилетний Федор Достоевский констатирует особенно значимую для него проблему: «Мне кажется, что мир наш – чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию». Это трагическое «слияние неба с землею»,

из которой состоит атмосфера человеческой души, – следствие нарушения «закона духовной природы» [11, с. 50]. Сам же человек определяется Достоевским как «противузаконное дитя» [11, с. 50].

С этой бытийственной трагедией связаны все прочие: и личные, и общественные. Сам факт этой проблемы вызывает к ее осмыслению и жизни как действию. В письме брату Михаилу от 16 августа 1839 года будущий писатель выводит основную философскую задачу своей жизни: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать...». Следующее утверждение «Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [12, с. 63] говорит о том, что человеческое в человеке в полной мере проявляется

именно в процессе понимания человека и Божьего замысла о нем и самосознания, а также о том, что эти процессы тесно переплетены.

В записной книжке 1863–1864 гг. Достоевский приходит к мысли о том, что в земном движении человека ко Христу, «идеалу человека во плоти» [5, с. 172], «великому и конечному идеалу развития всего человечества» [5, с. 173], абсолютной красоте, он по высшему закону должен приносить любовь в жертву свое *я* – «целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно» [5, с. 172]. Так, на протяжении жизни как пути ко Христу человек освобождается от «противузаконности» и перерождается «в лоне всеобщего синтеза, то есть бога» [5, с. 173], преображается в *я*-Христа [5, с. 174]. (В записной тетради 1864–1865 гг. эта мысль повторяется в аспекте развития человечества. На ее основании Достоевский выводит три этапа: **патриархальность** как первобытное состояние, **цивилизацию** как состояние среднее, переходное и **христианство** как окончание развития, достижение идеала [6, с. 194]. С этой же мыслью он связывает отличающийся приоритетом братства и общности русский почвенный идеал, способный возродить все человечество [6, с. 202–203]. В письме А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 года писатель говорит: «Всему миру готовится великое обновление через русскую мысль (которая плотно спаяна с православием <...>, и это совершится в какое-нибудь столетие – вот моя страстная вера...» [9, с. 260]).

Такова идея «восстановления погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков», которую писатель считал ведущей, но понимаемой в средневеково-католическом ключе в «Божественной комедии» Данте, позже – в творчестве любимого им Виктора Гюго и во всем искусстве XIX века [21, с. 399–400]. Эта идея первоначально высказывается Ф. М. Достоевским в статье «Предисловие к публикации перевода романа В. Гюго «Собор парижской богородицы» 1862 г. [14, с. 28] и пронизывает творчество Достоевского, обретая кульминационное выражение в романе-эпопее «Братья Карамазовы» и «Дневнике писателя», прежде всего – выпусков 1876 г.

Рассмотрим, как же в понимании Достоевского взаимосвязаны мировидческая идея и концепция художественного творчества. (По мысли писателя, оно необходимая принадлежность человеческого

духа, органическое свойство человеческой природы и начало каждого искусства [2, с. 76]).

В письме к брату Михаилу от 31 октября 1838 года он говорит: «...поэт в порыве вдохновенья разгадывает бога, <...> философия есть та же поэзия, только высший градус ее!» [13, с. 54]. Свободное вдохновение определяется Достоевским как «таинство небесное» [13, с. 55]. Именно оно, по выражению осмысляющего поэтику Достоевского В. И. Иванова, позволяет художнику в процессе творчества, «выходя из себя, проникать и входить в окружающие его лики жизни» [19, с. 282]. В. И. Иванов подчеркивает, что их понимание неразрывно связано с самосознанием [19, с. 282–283]. Оба процесса присущи природе человека, поскольку, как отмечает Ф. М. Достоевский в статье «Г-н ---бов и вопрос об искусстве» (1861 г.), потребность красоты, творчества, искусства – его неотъемлемое свойство. Понимание, мира и себя – это имманентная устремленность к Христу, которая наиболее развивается в моменты разлада человека с действительностью, борьбы, поиска как желание гармонии и спокойствия. В моменты же обретения жизнь человека как бы замедляется [2, с. 94].

Сам процесс художественного творчества Достоевский описывает в известном письме к А. Н. Майкову от 15 (27) мая 1869 г. В нем – два этапа. На **первом этапе** поэт в порыве вдохновения обретает в душе поэму – этот «самородный драгоценный камень, алмаз, <...> совсем готовый, во всей своей сущности» [10, с. 39]. (В. Н. Захаров отмечает: «Поэма как замысел романа и поэма как жанр – разные категории, но они совпадают у Достоевского в особом эстетическом отношении к действительности, в попытке разгадать жизнь поэзией. Это в равной мере относится и к истории, и к современности. «Поэма» у Достоевского – это базовая основа, которая в результате художественной разработки превращается в роман [18, с. 32].)

В этом же письме Достоевский говорит о рождении стихов в душе поэта готовыми, независимыми от него. Это дело «глубокое и таинственное»: поэт в нем выступает «как создатель и творец» [10, с. 39]. «Даже не он и творец, – развивает мысль Достоевский, – а жизнь, могучая сущность жизни, бог живой и сущий, совокупляющий свою силу в многообразии создания местами, и чаще всего в великом сердце и в сильном поэте, так что если не сам поэт творец <...>, – если не сам он творец, то, по крайней мере, душа-то его есть тот самый рудник, кото-

рый зарождает алмазы и без которого их нигде не найти» [10, с. 39]. (В статьях и записных книжках начала 1860-х годов Достоевский продолжает эту мысль и отмечает, что уровень поэта определяется степенью его способности видеть и показывать идеал, улавливать в нем действительную, истинную, присущую человеку красоту [15, с. 89], то есть видеть образ Христа, а также верно и глубоко высказывать свою мысль, свой взгляд на общественное явление [17, с. 181]. В «Дневнике писателя» 1873 г. Достоевский подчеркивает: «...идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность» [3, с. 75–76]

На **втором этапе** творчества, по мысли Достоевского, поэт выступает только как художник, ювелир: получив алмаз, обделяет и оправляет его [10, с. 39]. Собственно, с его работой и связано понимание авторского вымысла, освященного вдохновением. Однако важно и то, что поэма как высший дар с помощью таланта художника, ювелира, обладающего словом и воображением, может полностью воплотиться только при наличии материала – самой жизни, которую, по словам Достоевского, нужно уважать.

Писатель считает, что художественное произведение, рождающееся благодаря этому «таинству», являет «поэтическую правду», которая не менее достоверна, чем правда документальная. (В 1861 году в первой статье «Книжность и грамотность» Достоевский, споря с оппонентами, в частности говорит: «...неужели пушкинский летописец, хоть бы и выдуманный, – перестает быть верным древнерусским лицом?» По его словам, достоверны как исторические типы и Онегин, и пересозданные из народных легенд или выдуманные герои «Илиады» [7, с. 9]). Художественная сила как раз и состоит в этой «правде» и ее «ярком изображении» [17, с. 184].

Созданный в порыве вдохновения образ красоты «становится тотчас кумиром, без всяких условий», в чем, по словам Достоевского, и состоит величайшая тайна художественного творчества [2, с. 94]. Ценность же вдохновения в том, что оно позволяет поэту последовательно отдавать свое я всем, дает возможность вырваться из праха «душе чистой, возвышенно-прекрасной» [13, с. 55], духовно «прозреть» [7, с. 10]. (Собственно, и само понятие «эстетика» Достоевский толкует в этом же ключе: это «открытие прекрасных моментов в душе человеческой самим человеком же для самосовершенствования» [4, с. 256]. В духовном «прозрении» В. И. Иванов

усматривает близость произведений Достоевского к античной трагедии, в которой душа, проходя через страдание и жертву, «муки ада и мытарства чистилища», обретает творчески сильное, катартическое облегчение и укрепление [19, с. 277]. Речь в данном случае идет и о самом поэте, получающем откровение, и о его читателе. (Способность художественного слова Достоевского, подобно музыке, глубоко проникать в души читателей, трогать, жить в них отмечает В. В. Розанов в «Опавших листьях» [20, с. 285–286]).

В статье «Рассказы Н. В. Успенского» Достоевский подчеркивает: «искусство помогает сильным и могущественным образом человеческому развитию, действуя на человека пластично и образно» [17, с. 182]. (Об обличительной силе искусства Ф. М. Достоевский, в частности, пишет в 1861 г. в статье «Г-н ---бов и вопрос об искусстве» [2, с. 78–79].) Таким образом, *произведение, по мысли Достоевского, оказывается в центре двунаправленного диалога: рождается в результате сложной душевной работы автора и, родившись, направляется им к читателю.*

Такое понимание творчества как поступательного, понимания-самосознания, ожидания и обретения высших смыслов с целью духовного исцеления, собственного и читательского, то есть как сложноорганизованного диалога, характерно и для художественных произведений Достоевского, и для его публицистики. (В статье «Рассказы Н. В. Успенского» Достоевский объясняет эту поступательность тем, что всей правды разом достигнуть невозможно [17, с. 182]) Например, в опубликованном в первом номере журнала «Время» за 1861 год автобиографическом фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» автор говорит о внезапном видении – ощущении-впечатлении на Неве: «Я как будто <...> прозрел во что-то новое, совершенно в новый мир, мне незнакомый и известный только по каким-то темным слухам, по каким-то таинственным знакам...» [8, с. 69]. Это откровение, с которого, по собственному признанию, начинается существование автора, и дает ему как фельетонисту возможность сказать «свое слово, *новое слово*» [8, с. 68].

Применительно к своим художественным произведениям Достоевский в «Примечании к статье Н. Страхова «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве» (1864 г.) использует определение «фельетонство». По словам писателя, в данном случае оно означает рождение произведения не по плану, а непосредственно в

процессе написания, в ускоренном темпе, поэтому каждая часть или фрагмент главы в нем были отдельными разножанровыми высказываниями в процессе понимания автором Бога, мира и себя. Из диалогического взаимодействия этих высказываний на основе художественной концепции складывалась композиция текста в целом. Писатель подчеркивает, что фельетонность построения им художественного текста была обусловлена обстоятельствами работы, но иногда, как в «Униженных и оскорбленных», – только его собственной авторской волей [16, с. 133]. При этом диалогическое сближение в едином тексте высказываний в разных жанрах, осмысление и преодоление Достоевским жанровой и стилистической чужеродности, по замечанию М. М. Бахтина, происходит на основе последовательного полифонизма его творчества [1, с. 119].

Сказанное дает основания полагать, что художественное творчество, по мысли Ф. М. Достоевского, – это способ решения автором двух ведущих задач: понимания тайны о Боге и человеке, самопонимания и донесения обретенных высших смыслов до читателей путем воздействия на них. Таким образом, автор художественного произведения реализуется и как художник, и как гражданин.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского: Собрание сочинений. Т. 6. [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2002. – С. 6–300.
2. Достоевский, Ф. М. Г-н ---бов и вопрос об искусстве: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 18 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1978. – С. 70–103.
3. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя 1873 г.: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 21. [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1980. – С. 5–136.
4. Достоевский, Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Ч.1: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 21 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1980. – С. 252–271.
5. Достоевский, Ф. М. Записная книжка 1863–1864 гг.: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 20 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1980. – С. 170–179.
6. Достоевский, Ф. М. Записная тетрадь 1864–1865 гг.: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 20 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1980. – С. 188–203.
7. Достоевский, Ф. М. Книжность и грамотность. Статья первая: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 19 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1979. – С. 5–20.
8. Достоевский, Ф. М. Петербургские сновидения в стихах и прозе: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 19 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1979. – С. 67–85.
9. Достоевский, Ф. М. Письмо А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 г.: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 28 Книга II [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1985. – С. 257–262.
10. Достоевский, Ф. М. Письмо А. Н. Майкову от 15 (27 мая) 1869 г.: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 29 Книга II [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1986 г. – С. 38–46.
11. Достоевский, Ф. М. Письмо М. М. Достоевскому от 9 августа 1838 г.: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 28. Книга I. [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1985. – С. 48–51.
12. Достоевский, Ф. М. Письмо М. М. Достоевскому от 16 августа 1839 г.: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 28. Книга I [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1985. – С. 61–63.
13. Достоевский, Ф. М. Письмо М. М. Достоевскому от 31 октября 1838 г.: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 28. Книга I [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1985. – С. 53–55.
14. Достоевский, Ф. М. Предисловие к публикации перевода романа В. Гюго «Собор парижской богоматери»: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 20 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1980. – С. 28–29.
15. Достоевский, Ф. М. Предисловие к публикации «Три рассказа Эдгара Поэ»: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 19 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1979. – С. 88–89.
16. Достоевский, Ф. М. Примечание к статье Н. Страхова «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве»: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 20 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1980. – С. 133–136.
17. Достоевский, Ф. М. Рассказы Н. В. Успенского: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 19 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1979. – С. 178–186.
18. Захаров, В. Н. Система жанров Достоевского. Типология и поэтика [Текст] / В. Н. Захаров. – Л.: Изд-во Ленингр. университета, 1985. – 209 с.
19. Иванов, В. И. Достоевский и роман-трагедия: Лик и личины России: Эстетика и литературная теория [Текст] / В. В. Иванов. – М.: Искусство, 1995. – С. 266–303.

20. Розанов, В. В. Опавшие листья: Уединенное [Текст] / В. В. Розанов – М.: Политиздат, 1990. – С. 87–370.

21. Фридлиндер, Г. М. Примечания к роману «Братья Карамазовы». Книги XI–XII. Эпиплог. Рукописные редакции [Текст] // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 15. / Г. М. Фридлиндер. – Л.: Наука, 1976. – С. 393–619.

Bibliograficheski spisok

1. Bahtin, M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo: Sobraie sochinenij. T. 6. [Tekst] / M. M. Bahtin. – M.: Russkie slovari; Jazyki slavjanskih kul'tur, 2002. – S. 6–300.

2. Dostoevskij, F. M. G-n ---bov i vopros ob iskusstve: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 18 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1978. – S. 70–103.

3. Dostoevskij, F. M. Dnevnik pisatelja 1873 g.: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 21 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1980. – S. 5–136.

4. Dostoevskij, F. M. Zapisi literaturno-kriticheskogo i publicisticheskogo haraktera iz zapisnyh tetrad' 1872–1875 gg. Ch. I: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 21 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1980. – S. 252–271.

5. Dostoevskij, F. M. Zapisnaja knizhka 1863–1864 gg.: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 20 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1980. – S. 170–179.

6. Dostoevskij, F. M. Zapisnaja tetrad' 1864–1865 gg.: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 20 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1980. – S. 188–203.

7. Dostoevskij, F. M. Knizhnost' i gramotnost'. Stat'ja pervaja [Tekst]: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 19. / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1979. – S. 5–20.

8. Dostoevskij, F. M. Peterburgskie snovidenija v stihah i proze: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 19 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1979. – S. 67–85.

9. Dostoevskij, F. M. Pis'mo A. N. Majkovu ot 18 fevralja (1 marta) 1868 g.: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 28 Kniga II [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1985. – S. 257–262.

10. Dostoevskij, F. M. Pis'mo A. N. Majkovu ot 15 (27 maja) 1869 g.: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v

30 t. T. 29 Kniga II [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1986 g. – S. 38–46.

11. Dostoevskij, F. M. Pis'mo M. M. Dostoevskomu ot 9 avgusta 1838 g.: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 28. Kniga I [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1985. – С. 48–51.

12. Dostoevskij, F. M. Pis'mo M. M. Dostoevskomu ot 16 avgusta 1839 g.: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 28. Kniga I [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1985. – S. 61–63.

13. Dostoevskij, F. M. Pis'mo M. M. Dostoevskomu ot 31 oktjabrja 1838 g.: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 28. Kniga I [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1985. – S. 53–55.

14. Dostoevskij, F. M. Predislovie k publikacii perevoda romana V. Gjugo «Sobor parizhskej bogomateri»: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 20 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1980. – S. 28–29.

15. Dostoevskij, F. M. Predislovie k publikacii «Tri rasskaza Jedgara Poje»: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 19 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1979. – S. 88–89.

16. Dostoevskij, F. M. Primechanie k stat'e N. Strahova «Vospominanija ob Apollone Aleksandroviče Grigor'evе»: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 20 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1980. – S. 133–136.

17. Dostoevskij, F. M. Rasskazy N. V. Uspenskogo: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 19 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1979. – S. 178–186.

18. Zaharov, V. N. Sistema zhanrov Dostoevskogo. Tipologija i pojetika [Tekst] / V. N. Zaharov. – L.: Izd-vo Leningr. universiteta, 1985. – 209 s.

19. Ivanov, V. I. Dostoevskij i roman-tragedija: Lik i lichiny Rossii: Jestetika i literaturnaja teorija [Tekst] / V. V. Ivanov. – M.: Iskusstvo, 1995. – S. 266–303.

20. Rozanov, V. V. Opavšie list'ja [Tekst]: Uedinennoe / V. V. Rozanov – M.: Politizdat, 1990. – S. 87–370.

21. Fridlender, G. M. Primechanija k romanu «Brat'ja Karamazovy». Knigi XI–XII. Jepilog. Rukopisnye redakcii [Tekst] // F. M. Dostoevskij. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 15. / G. M. Fridlender. – L.: Nauka, 1976. – S. 393–619.

Е. Ю. Кольшева

Характер правки Е. С. Булгаковой в контексте установления основного текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Данная статья посвящена рассмотрению одного из принципов установления основного текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Текстологическое и историко-биографическое исследование позволяет сделать вывод о том, что часть изменений в роман была внесена супругой писателя Е. С. Булгаковой, что свидетельствует о необходимости изучения характера ее правки. Несмотря на свое удивительно ответственное и трепетное отношение к текстам Мастера, Елена Сергеевна все же допустила в этом колоссальном, подвижническом труде ряд погрешностей, типология которых представлена в данной статье.

Ключевые слова: текстология, основной текст, редакция, история текста, черновики, последняя творческая воля автора.

E. Yu. Kolysheva

Specifics of E. S. Bulgakova's editing in determining the basic text of M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita»

This article is devoted to one of the principles of determining the basic text of M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita». Basing on the textual, historical and biographic research the author of this article supposes that part of the changes in the text belong to the writer's wife E. S. Bulgakova. It means that we should research the specifics of her editing. In spite of its magnificence and love to Master's text Elena Sergeevna made some mistakes in her great work. The main aim of this article is to show the typology of her mistakes.

Keywords: textual criticism, basic text, edition, creative history, manuscripts, the author's last will concerning his creative work.

С момента появления романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в печати прошли десятилетия. Стремительный рост интереса к «закатному» роману великого писателя привел к его столь же стремительной публикации. Существуют две фундаментальные научные концепции, воплощением которых стали два разных текста:

1) текст романа, подготовленный А. А. Саакянц и опубликованный издательством «Художественная литература» (1973);

2) текст романа, подготовленный Л. М. Яновской и опубликованный издательствами «Днипро» (1989) и «Художественная литература» (1990).

Отличия между этими двумя текстами обнаруживаются с самых первых строк романа (см. **Таблицу 1**):

Таблица 1

Текст романа, подготовленный А. А. Саакянц	Текст романа, подготовленный Л. М. Яновской
«Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина».	«В час жаркого весеннего заката на Патриарших прудах появилось двое граждан».

Между тем издание романа до настоящего времени осуществляется по указанным текстам, следовательно, читатели и исследователи пользуются разными его вариантами, что говорит о давно назревшей необходимости пересмотреть вопрос об установлении окончательного текста романа, максимально приближенного к последней творческой воле автора.

Сложность выявления основного текста в данном случае состоит в том, что Булгаков не успел завершить правку романа, длительный процесс которой отразился на ее характере: правка 1938–1940 гг. имеет несколько пластов,

во многом носящих разновременной характер в связи с перерывами в работе. Значительное место в этой работе занимает правка Е. С. Булгаковой, продолжившаяся и после смерти писателя.

В связи с этим одним из принципов, которыми мы руководствовались при установлении основного текста романа, впервые введенного нами в научный оборот в 2014 г. [1], является исследование характера правки Е. С. Булгаковой.

Источником установления основного текста романа «Мастер и Маргарита» следует считать его шестую (последнюю) редакцию (1938–1940), которую составляют:

1) машинописный текст, напечатанный О. С. Бокшанской под диктовку Булгакова в 1938 г. (нам известны три экземпляра данного текста; Ф. 562. К. 8. Ед. хр. 2–3; К. 9, Ед. хр. 2; К. 10. Ед. хр. 2)¹;

2) один из экземпляров машинописного текста 1938 г. с правкой Булгакова 1938–1940 гг., большая часть которой выполнена Е. С. Булгаковой под его диктовку (Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 2);

3) тетрадь с записью Булгакова на титульном листе: «Мастер и Маргарита. Роман. Отделка», содержащая варианты начала первой главы и эпилог (Ф. 562. К. 9. Ед. хр. 1);

4) тетрадь с новыми вариантами фрагментов романа, написанными Е. С. Булгаковой под диктовку Булгакова, начиная с 4 октября 1939 г. (Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 1).

В круг составляющих шестой редакции романа необходимо также включить машинописный текст, напечатанный Е. С. Булгаковой в 1939–1940 гг., т. к. перепечатка текста до 19 главы включительно была осуществлена при жизни Булгакова. В текст были внесены существенные изменения: правка отдельных слов и создание новых вариантов некоторых фрагментов. Нам известны три экземпляра данной машинописи:

1) экземпляр машинописи, принадлежавший Н. А. Земской-Булгаковой, а затем Е. А. Земской;

2) экземпляр машинописи, принадлежавший Е. А. Светлаевой (его копия была нам любезно предоставлена В. Ф. Дименко);

3) экземпляр машинописи, принадлежавший П. С. Попову и хранящийся в его архиве в НИОР РГБ (Ф. 547. К. 11. Ед. хр. 2–3).

Исследование стиля Булгакова, истории и логики текста, всех слоев правки шестой редакции романа позволяет сделать следующий вывод. Изменения в тексте, присутствующие в машинописи 1939–1940 гг. до главы 19 включительно, сделаны при жизни Булгакова, но не все сделаны им, т. к. печать многих страниц осуществлялась Е. С. Булгаковой самостоятельно по экземпляру машинописи 1938 г. с правкой. Кроме того, правка романа была продолжена и после смерти писателя.

Несмотря на свое удивительно ответственное и трепетное отношение к текстам Мастера, Елена Сергеевна все же допустила в этом колоссальном, подвижническом труде ряд погрешностей, типологию которых целесообразно рассмотреть в сопоставлении с другими источниками шестой редакции, а также текстом предшествующих этапов работы писателя над романом. Нам известны две перепечатки романа Е. С. Булгаковой: 1939–1940 и 1963 гг. Обратимся к первому из обозначенных нами машинописных текстов, т. к. второй был создан на его основе.

1) Несоблюдение абзацных отступов, например: «Приходится признать, что ни одна из этих сводок никуда не годится» (Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 1, с. 10). В машинописи 1939–1940 гг. данное предложение отнесено к предыдущему абзацу (С. 5). Между тем в тексте машинописи 1938 г. (С. 5) и пятой редакции романа (1937–1938; Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 7, с. 10–11) данное предложение представлено отдельным абзацем.

2) Нарушение границ предложения: Разделение предложения на два или более, например (см. **Таблицу 2**):

Таблица 2

Машинопись 1938 (С. 32)	Машинопись 1939–1940 (С. 33)
«На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец; на лбу была круглая язва, разъедающая кожу и смазанная мазью; запавший беззубый рот с отвисшей нижней капризною губой»	«На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец. На лбу была круглая язва, разъедающая кожу и смазанная мазью. Запавший беззубый рот с отвисшей нижней капризной губой»

¹Здесь и далее ссылки на рукописи приводятся с указанием номера фонда, картона и единицы хранения в соответствии с описью архива М. А. Булгакова в НИОР РГБ (Ф. 562), составленной М. О. Чудаковой. Текст черновики печатается по современной орфографии, однако сохраняется авторская пунктуация и форма написания слов – Е. К.

Здесь следует обратить внимание на предыдущее предложение: «Так померещилось ему, что голова арестанта уплыла куда-то, а вместо нее появилась другая» (машинопись 1938, с. 32). Рассматриваемое в сопоставлении предложение мыслилось как одно целое, служащее описанием того, о чем говорится в предыдущем предложении. Такое же соотношение двух предложений находим и в пятой редакции (Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 7, с. 58). То, что эта часть текста мыслилась как описание, ярко демонстрирует оформление данного предложения в третьей редакции романа (1936): «<...> только ему померещилось, что лицо арестанта исчезло и заменилось другим – на лысой голове, криво надетый, сидел редкозубый венец; на лбу – смазанная свиным салом с какой-то специей разъедала кожу и кость круглая язва; рот беззубый, нижняя губа отвисла» (Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 4, с. 57). Вторая часть синтаксической конструкции служит описанием обозначенного в первой и отделена от нее тире, которое Булгаков, как правило, использовал в таких случаях.

• Соединение предложений в одно, например (см. **Таблицу 3**):

Таблица 3

Машинопись 1938 (С. 84)	Машинопись 1939–1940 (С. 90)
«Да нечего на меня так смотреть! Верно говорю!»	«Да нечего на меня так смотреть, верно говорю!»

3) Излишнее использование восклицательных знаков, например: «И повесил трубку, подлец» (машинопись 1938, С. 124; пятая редакция – Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 8, с. 244; четвертая редакция – «Князь тьмы» (1937) – Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 6, с. 212). В машинописи 1939–1940 в конце предложения, вместо точки, поставлен восклицательный знак (С. 134). При этом отмечается большое количество случаев обратной замены, например: «– И мне жаль! – подтвердил неизвестный, – сверкая глазом, и продолжал» (машинопись 1938, С. 10; Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 1, с. 19; в пятой редакции – Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 7, с. 20; «Князь тьмы» – Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 5, с. 18). В машинописи 1939–1940 (с. 10), вместо восклицательного знака, здесь поставлена запятая.

4) Правка пунктуации, иногда влияющая на смысл и структуру предложения, например: «Быть может, у вас есть какая-нибудь печаль, отравляющая душу, тоска?» (машинопись 1938, с. 329). В машинописи 1939–1940 (с. 330) отсутствует запятая после слова «душу», отчего меня-

ется соотносительность причастного оборота. Между тем определяемым для причастного оборота является слово «печаль». Ср. в пятой редакции: «Кстати: не страдаете ли вы чем-нибудь? Быть может, у вас есть какая-нибудь печаль, отравляющая душу, – спрашивал Воланд, глядя на огни свечей, – тоска?» (Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 10, с. 749).

5) Правка повторов:

• Замена другой единицей, например (см. **Таблицу 4**):

Таблица 4

Машинопись 1938 (С. 289)	Машинопись 1939–1940 (С. 294)
«– Отдайте обратно, – в злобе <u>зашипел</u> Азazelло, – отдайте, и к чорту все это. Пусть посылают Бегемота»	«– Отдайте обратно, – в злобе <u>закричал</u> Азazelло, – отдайте, и к чорту все это! Пусть посылают Бегемота!»

В машинописи 1939–1940 правка обусловлена тем, что в предложении, стоящем в этом фрагменте чуть ранее, также используется глагол «зашипел»: «– Это что же такое, – почти зашипел Азazelло, – вы опять?» (машинопись 1938, С. 288; машинопись 1939–1940, с. 294). Но в этом предложении следует обратить внимание на наречие «почти», которое вносит дополнительный оттенок: в первом предложении Азazelло лишь собирался зашипеть, а во втором – действительно зашипел: таким образом получается более тонкая градация эмоционального состояния персонажа, при которой нарастание его раздражения показано не за счет увеличения громкости речи (зашипел – закричал), а при помощи наречия и обстоятельства образа действия, поразному характеризующих то же речевое действие (почти зашипел – в злобе зашипел).

• Исключение из текста:

«– А ты бы меня лучше отпустил, игемон, – неожиданно попросил арестант и голос его стал тревожен, – я вижу, что меня хотят убить» (машинопись 1938, с. 36). В машинописи 1939–1940 в данном предложении отсутствует слово «лучше» (с. 37). Правка, по-видимому, обусловлена тем, что в предшествующем предложении также используется это слово: «<...> если бы тебя зарезали перед твоим свиданием с Иудою из Кириафа, право, это было бы лучше» (машинопись 1938, с. 36; машинопись 1939–1940, с. 36). Следует отметить, что и в пятой редакции есть такой же повтор, как, собственно, и во всех других случаях разночтений, но мы не берем это за основу доказательства в данном исследовании.

Суть заключается в том, что этот повтор здесь нужен: Иешуа подхватывает фразу Пилата через это слово.

6) Правка этического характера, например (см. **Таблицу 5**):

Таблица 5

Машинопись 1938 (С. 340)	Машинопись 1939–1940 (С. 340)
«– Как я счастлива, <u>черная</u> королева, что мне выпала высокая честь, – монашески шептала Тофана, пытаюсь опуститься на колено. <u>Испанский сапог мешал ей</u> ».	«– Как я счастлива, <u>о добрейшая</u> королева, что мне выпала высокая честь, – монашески шептала Тофана, пытаюсь опуститься на колено. – <u>испанский сапог мешал ей</u> ».

Замена «о, добрейшая» основана на возврате к тексту пятой редакции, где данное обращение присутствует в другом предложении: «– О, добрейшая королева!» (Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 11, с. 778).

7) Изменение порядка слов, например (см. **Таблицу 6**):

Таблица 6

Машинопись 1938 (С. 75)	Машинопись 1939–1940 (С. 81)
«– Братья во литературе! – <u>осипший его голос</u> окреп и стал горячий, – слушайте меня все!»	«осипший голос его»

Ср. похожий случай, где в машинописи 1939–1940 (С. 48) порядок слов сохранен: «Тогда Пилат набрал, сколько мог, горячего воздуха в грудь и закричал, и сорванный его голос понесло над тысячами голов» (машинопись 1938, С. 46).

8) Правка, касающаяся логики текста, например:

«– Нет, присядьте еще, – сказал Пилат, жестом останавливая своего гостя, – есть еще два вопроса. Второй: ваши громадные заслуги на труднейшей работе в должности заведующего тайной службой при прокураторе Иудеи дают мне приятную возможность доложить об этом в Риме» (машинопись 1938, с. 393). И далее: «– Мне это очень приятно. И так, третий вопрос» (машинопись 1938, с. 393).

В машинописи 1939–1940 (с. 388) в этих предложениях порядковые числительные «второй» и «третий» заменены на «первый» и «второй» соответственно. Несомненно, Е. С. Булгакова исходила из фразы Пилата «Есть еще два вопроса». Между тем, если рассмотреть данные реплики в контексте целой главы, становится очевидным, что нарушение логики здесь лишь мнимое: точкой отсчета является первая

просьба-поручение Пилата – похоронить казненных; после того как первый вопрос решен, Пилат переходит к еще двум вопросам (обратим внимание на наречие «еще», которое совсем не случайно использовано здесь Булгаковым).

Сравним аналогичное построение речи Пилата в эпизоде его встречи с Левием Матвеем: «Я призвал тебя, чтобы ты показал мне нож, который был у тебя» (машинопись 1938, с. 422). Не нумеруя фактически первую цель, Пилат четко обозначает вторую: «А теперь мне нужно второе: покажи хартию, которую ты носишь с собой, и где записаны слова Иешуа» (машинопись 1938, с. 423). Военный, чиновник, не терпящий ни малейшего отклонения от системы, требующий четкости исполнения приказа, неукоснительно следующий букве закона, Пилат и свою жизнь, и свою природу подчиняет той же строгости, что отражается и в модели его поведения и, следовательно, в оформлении его речи.

9) Введение дополнений, обстоятельств и т. п. для уточнения значения слова, например: «лафитничек водки» (глава 9), «колода карт» (глава 12), «приковался взглядом», «ножки кресла», «спинка кресла» (глава 14).

В некоторых случаях такие вставки серьезно влияют на смысл текста, например: «– Так ты собирался разрушить здание храма, и призывал к этому народ?» (машинопись 1938, с. 22). В машинописи 1939–1940 перед словом «ты» добавлено «это» (с. 23). Правка в машинописи 1939–1940 обусловлена наличием слова «это» в предложении в самом начале допроса Иешуа: «– Так это ты подговаривал народ разрушить ершалаимский храм?» (машинопись 1938, с. 19; машинопись 1939–1940, с. 20). Однако, несмотря на внешнее сходство этих двух предложений, их тема-рематическая структура совершенно различна. Здесь следует обратить внимание на то, что второе из процитированных предложений – первая фраза Пилата, обращенная к Иешуа. В контексте начала допроса этот вопрос направлен на установление соотношения личности обвиняемого (рема) и совершенного преступления (тема). В рассматриваемом же предложении с правкой личность Иешуа уже известна, и акцент переходит на уточнение состава преступления: ремой становятся «собирался разрушить здание храма» и «призывал к этому народ»; очевидно, что вопрос к грамматическому и логическому сказуемому, выраженному глаголами, не требует использования слова «это».

10) Правка союзов, например: «<...>острым слухом уловил прокуратор далеко и внизу, там, где каменная стена отделяла нижние террасы дворцового сада от городской площади, низкое ворчание<...>» (машинопись 1938, с. 38). В машинописи 1939–1940 союз «и» заменен запятой (с. 39), однако следует отметить, что союз «и» в подобных конструкциях Булгаковым используется последовательно, ср.: «В это время откуда-то снизу и издалека донесся слабый звон часов» (вторая редакция, 1932–1936; Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 1, с. 78); «Но тут вдалеке и вверху замигал огонек какой-то лампадки и начал приближаться» (машинопись 1938, с. 315).

11) Правка предлогов, например: «Маленький человек в дырявом желтом котелке и с грушевидным малиновым носом, в клетчатых брюках и лакированных ботинках выехал на сцену Варьетэ на обыкновенном двухколесном велосипеде» (машинопись 1938, С. 147; см. также в пятой редакции – Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 8, с. 303). В машинописи 1939–1940 (с. 157) перед сочетанием «лакированных ботинках» добавлен предлог «в».

12) Правка частиц, например: «Ну, вот что, граждане: звоните сейчас в милицию, чтобы выслали пять мотоциклетов с пулеметами, профессора ловить» (машинопись 1938, с. 76). В машинописи 1939–1940 (с. 82) после слова «сейчас» добавлена частица «же», то есть наречие приобретает значение «немедленно». Между тем суть слов Ивана заключается в распределении и планировании действий, о чем свидетельствует предложение, непосредственно следующее за процитированным выше: «А я пока что обыщу Грибоедова...».

13) Правка в области грамматики, где чаще всего правке подвергалось следующее:

А. Грамматическая принадлежность слова, ср. выправление наречия в прилагательное в таком предложении: «Тут литераторы подумали разно» (машинопись 1938, с. 12; Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 1, с. 23; пятая редакция – Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 7, с. 23). В машинописи 1939–1940, вместо «разно», напечатано «разное» (с. 12).

Б. Грамматическая форма слова, в частности:

• Падежные окончания существительных, например:

«Тут кот выпил водки, и степина рука поползла по притолоке вниз» (машинопись 1938, С. 101). В машинописи 1939–1940 используется форма винительного падежа – «водку» (с. 109).

• Форма числа существительных и прилагательных, например:

«Разве можно посылать письма, имея такой адрес?» (машинопись 1938, с. 189). В машинописи 1939–1940 используется форма единственного числа – «письмо», причем окончание «о» выправлено из «а» в процессе печати (с. 199). Скорее всего, правка объясняется попыткой привести форму слова «письмо» в соответствие с предшествующим предложением, где сказано: «<...> легло бы письмо из сумасшедшего дома». Но если в первом случае говорится о конкретном письме, то во втором речь идет о письмах вообще, поэтому использование множественного числа здесь оправдано.

• Время причастия, например:

«На третий же день страдавшая все это время бессонницей Анна Францевна опять-таки спешно уехала на дачу...» (машинопись 1938, с. 92). В машинописи 1939–1940 используется форма настоящего времени «страдающая» (с. 99). Отметим, что использование Булгаковым причастия именно в прошедшем времени может быть объяснено тем фактом, что действие, описываемое причастием, имело место (или, по крайней мере, началось) до того, как произошло действие, описываемое глаголом «уехала» (Анна Францевна сначала некоторое время простирадала бессонницей, а потом уехала на дачу).

Другой пример: «Старые туфли брюнетки были выброшены за занавеску, и туда же проследовала и сама она в сопровождении рыжей девицы и Фагота, несущего на плечиках несколько модельных платьев» (машинопись 1938, с. 161). В машинописи 1939–1940 причастие используется в форме прошедшего времени – «несшего» (с. 171). При этом здесь, наоборот, закономерным является использование причастия в настоящем времени, т. к. описываемое причастием действие Фагота происходит одновременно с действием брюнетки (Фагот с платьями на плечиках сопровождает ее, когда она уходит за занавеску).

• Использование глагола вместо деепричастия, например:

«Тут женщина уступила Ивана мужчине, и тот взялся за него по-иному и ни о чем уже не расспрашивая» (машинопись 1938, с. 107). В машинописи 1939–1940 напечатано «не расспрашивал» (с. 116). Тем самым отсутствию вопросов со стороны мужчины неоправданно придается характер основного действия, в то время как до правки деепричастный оборот «ни о чем уже не расспрашивая» лишь характеризовал основное действие («взялся») вкупе с наречием «по-иному».

- Вариативные формы слов: «наверно / наверное», «уж / уже», «хотя / хоть», «нет / нету», «же / ж», «бы / б», «чтобы / чтоб», форма местоимения «ей – ею», окончания «-ой/-ою», «-ей/-ею», существительные на «-ие/-ье» типа «улюлюкание / улюлюканье», «до свидания / до свиданья».

14) Правка приставок:

- Изъятие приставок в словах типа «поближе», «помедленнее», «поосторожнее», например: «Увернувшись от него, Маргарита покрепче сжала щетку и полетела помедленнее, вглядываясь в электрические провода и вывески, висящие поперек тротуара» (машинопись 1938, с. 296). В машинописи 1939–1940 используется слово «медленнее» без приставки «по» (с. 301). В этом контексте примечателен следующий случай: «– Пришлось вас побеспокоить, Маргарита Николаевна и мастер» (машинопись 1938, с. 485). В машинописи 1939–1940 в слове «побеспокоить» пропущенная приставка «по» напечатана над строкой в процессе печати (с. 470).

- Добавление приставок, например:

«– Бал! – пронзительно визгнул кот» (машинопись 1938, с. 333). В машинописи 1939–1940 добавлена приставка «вз» – «взвизгнул» (С. 334).

Таким образом, исследование характера правки романа Е. С. Булгаковой занимает значительное место в контексте установления его основного текста наряду с изучением системы его редакций (1928–1940).

Библиографический список

1. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. Основной текст: в 2 т. [Текст] / М. А. Булгаков; [сост., текстол. подгот., публикатор, авт. предисл., коммент. Е. Ю. Кольшева]. – М.: Пашков дом, 2014.

Bibliograficheski spisk

1. Bulgakov, M. A. Master i Margarita. Polnoe sobranie chernovikov romana. Osnovnoj tekst [Tekst]: v 2 t. / M. A. Bulgakov; [sost., tekstol. podgot., publikator, avt. predisl., koment. E. Ju. Kolyseva]. – M.: Pashkov dom, 2014.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

Трактат Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?»: поэтика социологического дискурса

В статье рассматривается поэтика публицистического дискурса Л. Н. Толстого на примере анализа социологического трактата «Так что же нам делать?». Исследуется содержательно-тематический план произведения, выясняется его композиционная организация, основные мотивы, особенности использования изобразительно-выразительных средств. Показано, что мироощущение писателя определило его оригинальное художественное видение поставленных проблем и нашло отражение в структуре, языке и коммуникативных установках публицистического трактата. В статье доказано, что обличительный пафос публицистики Л. Н. Толстого органично сочетается с художественным изображением доказательной части трактата.

Ключевые слова: антитеза, документализм, коммуникативные установки, остранение, принцип генерализации, публицистика, социологический, жанр, трактат.

I. Yu. Luchenetskaya-Burdina

Treatise by Leo Tolstoy “So what should we do?”: poetics of sociological discourse

The article looks at the poetics of Leo Tolstoy’s publicistic discourse by analyzing his sociological work “So what should we do?” The author studies content and thematic plan, describes the compositional organization, basic motives and peculiarities of using expressive means. It is shown that the writer’s world perception determined his unique artistic attitude to the problems raised in the treatise and was reflected in its structure, language and communication aims. The author proves that accusatory pathos of Leo Tolstoy as a publicist is in harmony with artistic representation of evidence in his work.

Keywords: antithesis, documental, communicative aims, estrangement, principle of generalization, publicist, sociological, genre, treatise.

Рубеж 1870–1880-х гг. стал, по определению Л. Н. Толстого, «временем его духовного рождения», а для читателей – кризисом художественного таланта. Толстой на границе 1880-х годов ощутил в себе дар Пророка и Учителя. Это дало ему сознание того, что он понял, принял и выражает дух народа, его веру и смысл жизни. В «Исповеди» Толстым был провозглашен идеал жизни, который конкретизировался в социологическом трактате «Так что же нам делать?» (1882–1886). Художнику необходимо было познать реальную действительность, а уже потом воспроизводить ее в художественных произведениях. Это во многом определило обращение Толстого к публицистическим жанрам. Его поиски в области формы выразились в стремлении создать художественный жанр, который бы дал возможность высказать правду о реальном мире. В пору этих размышлений он пишет: «Думал о том, что для выражения всего моего отношения к власти недостаточны ни формы рассуждения, ни обращения, ни художественного произведения, а

нужна новая форма» [1. Т. 54, с. 187], которая позволила бы «писать только то, что было, ничего не прибавляя и не придумывая», чтобы «время, место, имена, лица» [1. Т. 49, с. 9–10] – все было настоящее.

Трактат «Так что же нам делать?» родился по впечатлениям от городской (московской) жизни. В ее основание положены впечатления и наблюдения, полученные Толстым в начале 1882 года во время переписи населения в Москве. Современный Толстому мир был так далек от человеческой – в истинном смысле этого слова – жизни, что не вымысел, а документ, факт стали в 1880-х годах предметом изображения Толстого-художника. Ссылаясь в трактате на статью профессора Янжула об истории острова Фиджи, писатель признавался, что «не мог бы выдумать ничего более яркого и убедительного, чем эта правдивая история, основанная на документах и проходившая на днях» [1. Т. 25, с. 256]. Это признание, относящееся, казалось бы, к частному

факту, может предварять публицистические произведения Толстого, во многом объясняя их.

Уже в «Исповеди» трагедия личности расширялась до трагедии мира, идущего по ложной дороге, но акцент был сделан на исследовании человеческой души, на обретении ею истины. В социологическом трактате внимание автора сосредоточено на трагедии мира. Символы христианской мифологии – «море – жизнь», «лодка – человеческая судьба» – возникают и в трактате, но наполняются в нем социальным значением: «...Мы чуть держимся в своей лодочке над бушующим уже и заливающим нас морем, которое вот-вот гневно поглотит и пожрет нас». Бушующее море, пояснял Толстой, – это «рабочая революция с ужасами разрушений и убийств» [1. Т. 25, с. 394], на которой мир живет уже лет 30. В такую пору только повествование о реальной жизни, слово, обращенное к миллионам людей, могло дать ответ на вопросы времени.

Трактат условно можно разделить на две части. В **первой части** усилен описательный элемент, в основе художественной организации которого лежит толстовский прием остранения-узнавания. Это зарисовки, сцены, картины жизни, написанные художником. По композиции данная часть трактата приближается к древнему жанру хождений героя по неизведанным землям. Московские улицы, переулки, ночлежные дома открывают автору город с его противоречиями. Живое чувство человека, постигающего этот «ужас», придает повествованию лирически-исповедальный тон, который усиливает диалогизированный внутренний монолог: «Несколько раз я направлялся в сторону Хитрова рынка, но всякий раз мне становилось жутко и совестно. “Зачем я пойду смотреть на страдания людей, которым я не могу помочь?” – говорил один голос. “Нет, если ты живешь здесь и видишь все прелести городской жизни, поди, посмотри и на это”, – говорил другой голос» [1. Т. 25, с. 186].

Во **второй части** трактата художественная публицистика Толстого имеет по преимуществу исследовательский характер. Увиденное излагается и оценивается с точки зрения автора. Б. М. Эйхенбаум, рассматривая произведения молодого Толстого, определял «дерзкую парадоксальность» как новое качество его прозы. Размышляя о творческом методе Толстого, ученый писал: «Он хочет найти середину между “генерализацией” и “мелочностью” – скрыть их противоречие. Потом эта робость пропадает – “Война и мир” откровенна и с дерзкой парадок-

сальностью выставляет на свет эти два приема без всякой заботы о “середине”, с полным презрением к стройной архитектонике» [2, с. 56]. Художественная «оптика» Толстого такова, что постоянно происходит совмещение различных масштабов. Авторский повествовательный тон, имеющий характер обобщения («генерализация»), звучит как поучение, как проповедь с риторическими приемами организации текста. «Генерализация» предполагала обобщение понятий, их классификацию и рубрикацию текста. При этом писатель обращался к простым и точным определениям, систематизирующим и в некоторой степени упрощающим явления. Другому масштабу соответствовал микроскопический анализ, пристальное вглядывание писателя в предметы окружающего мира и душевную жизнь персонажа, разложение их на составляющие компоненты. Толстой стремился дать ощущение вещи: он словно бы рассматривает ее в микроскоп, постоянно изменяя ракурс. Эти разнонаправленные тенденции организуют пространство индивидуального стиля Толстого, демонстрируя его дерзкую парадоксальность, которая в творческой практике писателя заключалась в сочетании двух противоположных принципов – «мелочности» и «генерализации». При такой технике письма Толстой достигал резкости и ясности изложения и определенности оценок. Анализ публицистических произведений позволяет заключить, что принцип контрастного сопряжения обозначенных повествовательных ракурсов организует композиционную структуру трактатов и является постоянным стилевым элементом прозы писателя.

При описании городской жизни в **первой части** трактата автор использовал прием остранения привычных представлений и добивался художественного эффекта разложения, укрупнения или упрощения вещи (явления). Толстой одним-двумя штрихами создает художественно емкий образ. Так, на мгновение высвечивается фигура московского ученого нищего, который, когда встречается, наклоняется на одну ногу и «делает... как будто поклон». Если человек останавливается, то он просит милостыню, если проходит, то нищий «делает вид, что это у него такая походка» [1. Т. 25, с. 83]. Или появляется из-за угла «оборванная старуха» с «желтыми обвисшими щеками», которая «шла в гору к Смоленскому и страшно, как запаленная лошадь, хрипела при каждом шаге» [1. Т. 25, с. 196–197]. Мужик «с опухшим лицом и рыжей бородой, в

прорванном кафтане и стоптанных калошах на босу ногу» [1. Т. 25, с. 188] рассказал Толстому историю своих «хождений», похожую на сотни других. Отчаяние его так велико, что «острог и этап представляются для него обетованной землей» [1. Т. 25, с. 188]. Автора теперь интересует не абстрактная борьба добра и зла, «нашего круга» и «миллиардов человечества», но реальные люди, их истории, их жизнь. Толстой увидел **лица и глаза** городских нищих. Принципы психологического письма, столь блистательно освоенные писателем в романном творчестве, он переносит в публицистику. Во взглядах «толпы людей» у Ляпинского ночлежного дома Толстой понял «выражение вопроса»: «Зачем ты – человек из другого мира – остановился тут подле нас? Кто ты? Самодовольный ли богач, который хочет порадоваться на нашу нужду, развлечься от своей скуки и еще помучить нас, или ты то, что не бывает и не может быть, – человек, который жалеет нас?» [1. Т. 25, с. 187–188]. На этот вопрос отвечают глаза, которые говорят больше, чем любые слова: «Но пока мы молчали, уже взгляды наши сблизили нас. Как ни разделила нас жизнь, после двух, трех встреч взглядов мы почувствовали, что мы оба люди, и перестали бояться друг друга» [1. Т. 25, с. 188]. Тема виновности человека за грехи мира доказывается в трактате на конкретных примерах и социально заостряется в авторских обобщениях.

Противопоставление домов – Ляпинского ночлежного и собственного – идеологически значимо для Толстого и приводит его к мысли о признании себя «участником постоянно совершающегося преступления» [1. Т. 25, с. 190]. Антитеза – определяющий конструктивный принцип произведения – последовательно проводится на всех уровнях и захватывает различные сферы изображаемой жизни. Огромный дом, в котором все комнаты заняты «койками, похожими на койки третьего класса железных дорог», противопоставляется дому, роскошь которого начинается с передней, устланной коврами; голод одних – и «обед из пяти блюд» других; «прорванный кафтан и калоши на босу ногу» в восьмиградусный мороз – и «лакеи во фраках, белых галстуках и белых перчатках» [1. Т. 25, с. 189–190], прислуживающие за господским обедом. Толстой создает художественно убедительную картину противостояния двух миров. На этом этапе развития сюжета он фиксирует пока еще чисто внешнее противостояние одних другим – полюс богатства и довольства и полюс нищеты. Прямая пере-

ключка с евангельским эпитафием трактата содержится в заключительных словах второй главы: «... Не перестану чувствовать себя участником постоянно совершающегося преступления до тех пор, пока у меня будет излишняя пища, а у другого совсем не будет, у меня будет две одежды, а у кого-нибудь не будет ни одной» [1. Т. 25, с. 190].

Контраст домов в представлении Толстого отождествляется с неизбежностью конфликта миров. Автор обнаруживает уже не только внешнее противостояние богатых бедным, но и психологический парадокс, свидетельствующий о душевной несостоятельности первых и щедрости нищих. Толстой аргументирует это заключение, обращаясь к фактам и личному опыту московской жизни. В «притоне нищеты и разврата» – Ржановской крепости, где «все <...> серо, грязно, вонюче – и строения, и помещения, и дворы, и люди» [1. Т. 25, с. 197], именно в этом доме, среди оборванных и полураздетых людей, он «в первый раз ясно понял», что «каждый из этой тысячи людей **такой же** точно человек, с **такими же** мыслями, **такими же** вопросами, – **такой же** человек, как и я ...» [1. Т. 25, с. 198–199]. Лексические повторы риторически организуют текст и призваны подчеркнуть общность судьбы отдельного человека и всего человечества. Обитатели Ржановского дома составляли низшее городское население, и почти все были «рабочие люди и очень добрые люди» [1. Т. 25, с. 203], которые вызывали к себе уважение. Главное, что привлекло в них Толстого, – способность бедных к состраданию и помощи другому. Картины, списанные с натуры, подтверждают нравственный вывод, завершающийся неизбежной толстовской сентенцией, к которой он подводит читателя через морально-практическое сравнение: «Щенка можно взять, выхолить, накормить и научить носить поноску и радоваться на него; но человека недостаточно выхолить, выкормить и научить по-гречески: **надо научить человека жить, то есть меньше брать от других, а больше давать**» [1. Т. 25, с. 215]. Сопоставление строится на основе ассоциаций по ситуативной близости. Оно призвано подчеркнуть несоответствие сравниваемых объектов и является способом саркастической оценки автором изображаемого.

Фальшь и искусственность положения «благодотворителей» высвечивает сцена ночного обхода ночлежных домов. Писатель строит ее на развернутом сравнении с охотой. Он выявляет аналогию там, где должно быть противопоставле-

ние: ночная перепись обитателей ночлежки сопоставляется с охотой. Аналогия подтверждается рядом сравнений и аргументируется мотивацией внутреннего состояния и внешнего поведения участников описываемой сцены. Для светских знакомых поездка в ночлежный дом – не более чем «интересный эпизод». Все они находились в том «возбужденном состоянии», в котором «собираются на охоту, на дуэль, на войну». Оделись они, замечает Толстой, соответственным образом в «какие-то охотничьи курточки и высокие дорожные сапоги» [1. Т. 25, с. 218]. Встревоженные «оборванные, полураздетые» ночлежники, «испуганные и страшные в своем испуге», при свете фонаря в темном дворе вырастают в представлении писателя до зловещего символа «травленного зверя» [1. Т. 25, с. 219], который был готов на все, чтобы спастись. Толстой сознает невозможность примирить при существующем порядке в мире интересы этих людей. Господа «всю жизнь травят» народ и «по городам, и по деревням, и по дорогам, и по улицам, и по трактирам, и по ночлежным домам», поэтому поверить им ночлежники не могут; как зайцам, иронически сравнивает он, «трудно было поверить», что «собаки пришли не ловить, а считать их» [1. Т. 25, с. 219]. Это ночное посещение ночлежного дома развеяло иллюзии о возможности благотворительной деятельности для народа. Глава заканчивается характерным сравнением: «В Ляпинском доме я был как человек, который случайно увидел страшную язву на теле другого человека. Ему жалко другого, ему совестно за то, что он прежде не пожалел его, и он еще может надеяться помочь больному, но теперь я был как врач, который пришел с своим лекарством к больному, обнажил его язву, разбередил ее и должен сознаться перед собой, что все это он сделал напрасно, что лекарство его не годится» [1. Т. 25, с. 220]. Это сравнение обнаруживает психологическую основу действий автора и содержит ее эмоционально-этическую оценку.

Во второй части трактата лирическую страстность героя сменяет объективный тон судьи-повествователя, знающего истину и потому имеющего право обличать. Принцип контраста организует внутреннее единство трактата, сопрягая в художественный образ «неправильного» мира различные фрагменты текста. Так, своеобразно рифмуются впечатления автора от городской жизни (встреча с 14-тилетней проституткой и история умирающей прачки) с описанием большого бала в Москве. При этом Толстому

оказывается важно подчеркнуть одновременность происходящего. Если в первой части трактата внимание автора было сосредоточено в большей степени на описании и постижении новой для него жизни города, а контраст домов обращался в своей перспективе к конфликту миров, то во второй части усилено собственно обличительное начало произведения, его публицистическое звучание. Толстой беспристрастно судит людей, которые «с самым спокойным духом и уверенностью, что они ничего дурного не делают, <...> веселятся от одиннадцати до шести часов утра, в самую глухую ночь, в то время как с пустыми желудками валяются люди по ночлежным домам и умирают, как прачка» [1. Т. 25, с. 303]. Картина большого московского бала лишена каких-либо индивидуальных красок. Ее цель – обличить «веселье», в котором «губится труд мучительный тысяч людей» [1. Т. 25, с. 304]. Для достижения этой цели привычное понимание явления жизни или состояния дается Толстым остраненно, через точку зрения простого, наивно-непосредственного наблюдателя. Таково, например, описание женщин на балу (XXIV 24 гл.). Подобное остраненное восприятие, по мнению писателя, обнажает скрытую искусственными покровами суть явления и оказывается единственно верным.

Еще более обобщенно рисуются картины летней жизни господ в деревне и крестьянской работы на покосе. Как уже отмечалось, образный ряд произведения выстраивается на контрастных картинах. Так, к приезду хозяев дом красится масляной краской «на том масле, которого нет у стариков и у детей в каше» [1. Т. 25, с. 308] – уточняет автор, и образ приобретает новое освещение. Праздность «образованного и честного дворянского семейства» с непременноми поездками «на сытых лошадях за полверсты купаться» [1. Т. 25, с. 309], «с театрами, пикниками, охотой, питьем, едой, фортепианами, пением, пляской, неперестающей оргией» [1. Т. 25, с. 312] рядом с напряженным трудом полуголодных крестьян на покосе в сознании автора преступна. Картина работы на покосе при подключении эмоционально окрашенных деталей становится психологически и идеологически мотивированной. Работают все, констатирует Толстой, – даже дети знают, как важен труд, когда надо «из последних сил нести кувшинчик с квасом отцу на покос» [1. Т. 25, с. 309]. Восьмидесятилетняя старуха гребет, чтобы не отстать от других: «Она медленно волочит свои обутые в лапти ноги и, насу-

пившись, мрачно смотрит перед собой, как тяжело больной или умирающий человек» [1. Т. 25, с. 311]. Каждый из косцов знает, что «тут решается вопрос о хлебе, молоке себе и детям на зиму» [1. Т. 25, с. 309], – вопрос о жизни, уточняет автор. Предметная детализация и внешне бесстрастный тон повествования не только подчеркивают значимость поставленной проблемы, но и создают особое эмоционально-напряженное настроение.

Итоговое обобщение данной главы звучит как авторский приговор: «Мы живем так, как будто нет никакой связи между умирающей прачкой, 14-тилетней проституткой, измученными деланьем папирос женщинами, напряженной, непосильной, без достаточной пищи работой старух и детей вокруг нас; мы живем – наслаждаемся, роскошествуем, как будто нет связи между этим и нашей жизнью; мы не хотим видеть того, что не будь нашей праздной, роскошной и развратной жизни, не будет и этого непосильного труда, а не будь непосильного труда, не будет нашей жизни» [1. Т. 25, с. 312–313]. Разрешение поставленных конкретных социальных вопросов писатель выносил в область нравственности, веря лишь в «бесценную жемчужину братской человеческой жизни» [1. Т. 25, с. 307]. Он излагал утопическую программу идеального мироустройства, которое виделось ему в общинном землепользовании. Идеал мира должного, когда «будет труд и необходимые условия труда» – солнце, воздух, вода, земля, одежда, пища, орудия труда [1. Т. 25, с. 250], лишь намечен в трактате. Дальнейшее развитие эта тема получит в народных рассказах, в частности в «Сказке об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах».

Трагедия современного мира, убежден писатель, – в движении по ложной дороге, в его безумии, оправдывающем такое положение, когда одни работают, а другие – живут за их счет. Тема сумасшествия современного мира, заявленная в «Исповеди», разрабатывается и последовательно аргументируется в трактате, главный герой которого – автор, Толстой. Он высказывает свое отношение к происходящему – кается, утверждает, отрицает, обличает. Его позиция, его видение мира, его отношение положено в основание художественных картин, которые одновременно требуют и идеологического осмысления.

В социологическом трактате наряду с обличением мира сущего исследуются этапы станов-

ления личности автора, его духовный рост. Не бесстрастная информативность, а пристальное вглядывание во внутренний мир личности, психологизм повествования определяют сюжетное движение и придают повествованию глубоко личный исповедальный тон.

Во **второй части** преобладает тон объективного исследования, публицистического осмысления изображенного. Авторская позиция определена: это уже не изучение состояний собственной души, а ход мыслительной работы, логическое доказательство открывшейся истины, когда Толстой выступает как судья и учитель. Подобные коммуникативные установки обуславливают то, что значительные фрагменты трактата выстраиваются как выступления, обращенные к слушателям.

В этой части трактата Толстой активно использует библейские цитаты и реминисценции. Они переводят его рассуждения в вечный – вневременной план, создают библейские параллели к происходящему в современности. Ассоциации со Священным писанием, в основном на уровне образов и мотивов, образуют смысловой подтекст в произведении, символизируют текст, организуют угол зрения читателей. Возникает образно-стилистическая система трактата, ориентированная на церковно-проповедническую традицию. Поэтическая символика не нарушает предельного лаконизма повествования, для которого характерна максимальная экономия красок, преобладание черных и белых тонов, четкость художественного рисунка, как в графике.

Таким образом, становится очевидным, что трактат развивается как система художественно организованных доказательств. На этом совмещении художественного и логического, эмоционального и рационального выстраивается публицистический текст. Толстой исследует экономические условия жизни городской бедноты, значение денег, роль науки и искусства. Эти построения мыслителя полемичны и подчас откровенно тенденциозны. Но в системе доказательств трактата важное место принадлежит художественным картинам – поэтическим образам и сценам. Они усиливают эмоциональное воздействие на читателей, поскольку являются непосредственным откликом, свидетельством очевидца – гениального художника. Трактат соединяет очерковый документализм с лирической тональностью и поэтической символикой. Он одновременно и социологическое исследование, и исповедальная публицистика, автор которой не бес-

страстный повествователь, но заинтересованный исследователь жизни, ее судья и лирический субъект повествования, главное действующее лицо произведения.

Библиографический список

1. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений. (Юб.): В 90 т. [Текст] / Л. Н. Толстой. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1928–1958. (В тексте в скобках указан номер тома и страницы).

2. Эйхенбаум, Б. М. О литературе: Работы разных лет [Текст] / Вступит. ст. и комментарии М. Чудако-

вой, Е. Тоддес, А. Чудакова / Б. М. Эйхенбаум. – М. : Искусство, 1987. – 541 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Tolstoj, L. N. Polnoe sobranie sochinenij. (Jub.): V 90 t. [Tekst] / L. N. Tolstoj. – M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1928–1958. (V tekste v skobkah ukazan nomer toma i stranicy).

2. Jejenbaum, B. M. O literature: Raboty raznyh let [Tekst] / Vstupit. st. i kommentarii M. Chudakovej, E. Toddes, A. Chudakova. / B. M. Jejenbaum. – M. : Iskusstvo, 1987. – 541 s.

А. П. Старшова, В. Н. Степанов

Трансформация персонажа в современной драматургии

В данной статье авторы анализируют пространство современных пьес, в которых действуют идеи персонажей, отличающиеся от классического представления о персонаже. Зритель, как считают авторы, в первую очередь знакомится с отдельной чертой характера персонажа, его идеей – своеобразной реляционной доминантой социальной позиции персонажа. Именно этим «идеализмом» можно объяснить и отмеченную авторами тенденцию к трансформации личности персонажей, ее постоянной текучести, изменчивости, ее постоянному и тщетному стремлению достичь состояния определенной целостности и самоидентификации, что непосредственно отражается в трансформации и мутации пространства и времени действия, а также графической «пестроты» собственно текста в современных пьесах: для идей нет ни временных, ни пространственных преград. Настоящее пространство пьес – «эфир» или «атмосфера», мир воображения, звуков, мыслей и чувств тех, кого раньше с полным правом можно было назвать персонажем, а теперь только характером, или идеей персонажа, его памятью.

Ключевые слова: драматургия, персонаж, характер, знак, символ, идея, голос, трансформация, текст, Эжен Ионеско, Алексей Шипенко, Мария Арбатова.

A. P. Starshova, V. N. Stepanov

The Transformation of a Character in Modern Dramas

In the article the authors describe the replacement of a traditional character by an “idea of a character” in modern dramas. It is assumed that a separate trait or an idea is outlined as relative and dominant for a character based on the reflection of its social position and displayed before spectators and readers. Such idealization explains the transformation of a character’s personality, and its fluctuation and instability, aiming at obtaining a certain degree of integrity and self identity. Consequently, a transformation and even mutation of a space and time for an action in dramas take place reflected in the diversity of the text structure, which means that there is no time or space limitations for an idea. The true space of a drama is, therefore, much alike the air or atmosphere open for fantasy, sounds, thoughts, senses, and feelings of those who recently have been known as characters and who now are represented as just ideas of characters.

Keywords: drama, dramaturgy, character, sign, symbol, idea, voice, transformation, text, Aleksey Shipenko, Eugène Ionesco, Maria Arbatova.

В свое время Всеволод Мейерхольд отметил, что «индивидуальности» у А. П. Чехова «расплываются в группу лиц без центра» [3, с. 247], они не растворяются и не оттесняются на задний план, но «расплываются», при этом каждый персонаж в этой «группе лиц» связан с другим и существует сам по себе, принимает на себя роль главного героя. Вячеслав Иванов впоследствии торжественно определил это новое качество в поведении персонажей как соборность.

Можно применить мысль Иванова о соборности для анализа явлений современной драматургии и сделать это на материале произведений представителя зарубежной драматургии середины XX века Эжена Ионеско [9] и драматургов конца XX столетия Анатолия Шипенко [7; 8] и Марии Арбатовой [1], в чьих работах описанная Мейерхольдом тенденция, по нашему мнению,

видна наиболее четко, а временные границы выборки должны, как нам кажется, свидетельствовать об определенной преемственности и близости творчества столь разных литераторов между собой и с творчеством Чехова.

Текстовое пространство современной драматургии представляет собой берег реки со следами тысяч ног: мы замечаем, что действующие лица в общем есть, мы даже можем представить их, сформировать о них некое мнение, но при этом читатель выглядит своеобразным Дерсу Узала, угадывающим портрет зверя по косвенным признакам его следов – весу, росту, цвету шерсти, характеру движения...

В первую очередь нас интересует способ номинации персонажей в современной драматургии, потому что именно имена первыми пред-

ставляют своих носителей и способны сообщить о них массу информации.

Драматурги, конечно, используют имена собственные в их привычном облике, но при этом нельзя не отметить некоторый семантический сдвиг в функционировании традиционных имен. Шипенко именует главного героя прозаического произведения «Жизнь Арсения»¹ по-разному: Арсений, пятилетний мальчик из Симферополя, Джек Уолдон, американский литератор и основное действующее лицо романа, Альбер (Камю), потерявший во Франции память в результате автомобильной катастрофы и психологического кризиса, и Сеня, городской юридивый.

Драматург проводит своего персонажа через экзистенциальные муки становления личности, и все повороты этого пути, а также все возможные трансформации личности персонажа, которые последовательно воплощаются в именах, соответствуют ипостасям персонажа.

Имена персонажей в пьесе Эжена Ионеско «La Cantatrice chauve» [9, с. 17–56] скорее предстают перед читателем собирательными образами дам и господ английской буржуазии и носят оттенок типизации и условности: M. Smith, M-me Smith, M. Martin, M-me Martin, Mary, la bonne.

В высшей степени условными выглядят имена персонажей пьесы Ионеско «Jacques ou la soumission» [9, с. 95–128], в которой драматург использует фамильное имя с приложениями, указывающими на степень родства: Jacques, Jacqueline, sa sœur; Jacques, père; Jacques, mère; Jacques, grand-père; Jacques, grand-mère; Roberte I; Roberte II; Roberte, père; Roberte, mère.

Персонажи (автор акцентирует внимание читателя на этом) переживают кризис самоидентификации: им не важно, кто они. Но это для них не повод заняться поисками себя самого, нет, персонаж как бы доволен тем, что имеет, и не желает развиваться, стагнирует. Его вполне устраивает его актуальный статус – по возрасту, полу, голосу и прочее.

Прием смешанного метафорически – метонимического (синекдохального) именованья персонажей выбрал Шипенко, описывая заключенных

в американской тюрьме, слушающих Джека Уолдона на его воображаемом литературном вечере [7, с. 56–57]:

(1) Окна всех без исключения камер распахнуты – из них торчат **редьки старческих голов** с напряженно пульсирующими ушами.

Редьки старческих голов – метафорическое наименование персонажей. В следующем примере автор использует синекдоху при описании положительной реакции слушателей на слова Джека Уолдона:

(2) Уши на седых редьках дружно аплодируют.

Самый первый признак кризиса самоидентификации – потеря собственного места, некоторые персонажи буквально представляют собой пустое место.

В этом проблемы номинации пересекаются с проблемами хронотопа, способами обозначения места и времени действия.

На память приходит пьеса Эжена Ионеско «Les Chaises» [9, с. 129–180], полноправными, если не сказать главными действующими лицами которой являются стулья, а сам текст пьесы разделен на собственно слова Старика и Старухи и ремарки автора, непомерно объемные в силу того, что реплики персонажей не раскрывают ни в коей мере того, что на самом деле происходит на сцене.

Еще одним полноправным «персонажем» в пьесе является Тишина – Silence, которая не только ограничивает этапы действий «действующих» персонажей, но и отмеряет временные планы между появлением очередного невидимого (invisible) персонажа или даже между разными изображаемыми историческими эпохами и пространствами, будто времена и пространства сами врываются в «тихое» бытие стариков, нарушая его спокойствие. Комната силой воображения женщины превращается в пристань, а сами старики в ожидающих приезда короля Франциска Первого подданных. Действиями персонажей управляет невидимая реальность, и старуха просит старика быть осторожнее, иначе он может оступиться и свалиться в реку. Комната и пристань, современность и история, день и ночь – от этих планов, актуализируемых одновременно, хочется закричать вслед за стариком «Laisse-moi tranquille!»:

(3) *Le Vieux: Laisse-moi tranquille!*

La Vieille: Allons, allons, mon chou, viens t'asseoir. Ne te penche pas, tu pourrais tomber dans l'eau. Tu sais ce qui est arrivé à François Ier. Faut fair attention.

¹ Критики отмечают «кинематографическую» точность этого прозаического произведения Шипенко. Действительно, роман сильно напоминает сценарий фильма с монтажными ремарками автора, постоянно сопровождающими текст повествования, что позволило нам включить эту работу в наш материал.

Le Vieux: Encore des exemples historiques! Ma crotte, je suis fatigué de l'histoire française. Je veux voir; les barques sur l'eau font des taches au soleil.

La Vieille: Tu ne peux pas les voir, il n'y a pas de soleil, c'est la nuit, mon chou.

Мы так и не услышим имени персонажей, в частности потому, что Старуха нежно именует партнера mon chou, что усложняет и без того непростой «эфир», или, другими словами, «атмосферу», пьесы, читатель может окончательно запутаться в именах того, кто действует на сцене: Semiramis, Stan Laurel, Marechal des Logis.

Желанная тишина все же наступает, но лишь для того, чтобы обозначить очередную «между» пространств:

(4) Le Vieille: Alors, imite le mois de février.

Le Vieux: Je n'aime pas les mois de l'année.

La Vieille: Pour l'instant, il n'y en a pas d'autres. Allons, pour me faire plaisir...

Le Vieux: Tiens, voilà le mois de février.

Il se gratte la tête, comme Stan Laurel.

La Vieille, riant, applaudissant: C'est ça. Merci, merci, tu es mignon comme tout, mon chou. (Elle l'embrasse.) Oh! Tu es très doué, tu aurais pu être au moins Maréchal chef, si tu avais voulu...

Le Vieux: Je suis concierge, Maréchal des Logis.

Silence.

La Vieille: Dis-mois l'histoire, tu sais, l'histoire: alors on a ri...

Аналогичную картину мы видим и в пьесах Алексея Шипенко, персонаж одной пребывает одновременно в нескольких временных и пространственных пластах: он сын больной женщины и постоянно препирается с ней, он пилот и передает в эфир информацию о численном составе воображаемого противника (*Ла фюнф ин дер люфт*). Интересно, что другой персонаж этой пьесы парадоксально «невидим», его просто не хотят замечать, к нему не обращаются, на него не реагируют, только иногда неправильно идентифицируют его реплики как реплики сына и переспрашивают и этой непоследовательностью в поведении только смущают. Здоровую женщину в пьесе «Ла фюнф ин дер люфт» нельзя даже уподобить стульям из пьесы Ионеско, потому что ее присутствие вообще игнорируется, она – пустое место, на которое не смотрят, даже персонаж мужского пола никогда не обращается к ней, и читатель заинтригован такой мистификацией: неужели этого персонажа заметил только он? Ее нет для сына, ее иногда слышит, но «в упор» не видит мать, а говорит она цитатами из

журнальных статей – она только голос. Например, для сравнения, у Ионеско персонажи активно взаимодействуют с теми, кто для них невидим. Так, и Старик, и Старуха разговаривают с Дамой, которую «поместили» между собой, как свидетельствует ремарка автора:

(5) Le Vieux et La Vieille avancent, maintenant, de face, vers le devant de la scène; ils parlent à la Dame invisible qui avance entre eux deux.

Стремясь избежать «пустых мест» в общении, персонаж романа Шипенко начинает говорить за другого персонажа [7, с. 42]:

(6) В связи с тем, что миссис Харт уже несколько месяцев пребывает в состоянии летаргии, мистеру Уолдону приходится самому отвечать за старушку, иначе разговора не поддерживать. Делает он это мастерски, пародируя ее кокетливо-тягучее произношение и разрушительные паузы.

Если тишина («безголосие») – это межа пространств и времен, то голос может быть полноправным персонажем, как мы уже убедились. Так, в пьесе Марии Арбатовой «Дранг нах вестен» одним из действующих лиц является Детский голосок, поющий «Под небом голубым...», в пьесе «Сейшен в коммуналке» – Голоса соседей, в пьесе «Поздний экипаж» – 1-й, 2-й и 3-й мужские голоса, в «Заслуженной училке» – Мужской, Детский и Старушечий голоса. Все они являются полноправными участниками действия, а некоторые даже и главными действующими лицами. Возникает ощущение, что читатель хотя бы заставить вслушаться в происходящее, приглушить все остальные его органы чувств, кроме слуха.

В пьесе «Поздний экипаж» Арбатовой вечные отношения мужчины и женщины разворачиваются в карете, и только голоса помогают идентифицировать личности персонажей, локализовать их отношения в системе координат конкретного времени и пространства, и оказывается, что сценку из жизни мужчины и женщины представляли великий Гете и госпожа Кестнер перед крыльцом гостиницы:

(7) 1-й МУЖСКОЙ ГОЛОС. Прошу вас, госпожа. Осторожно, здесь ступенька.

2-й МУЖСКОЙ ГОЛОС. Госпожа Кестнер! Госпожа Кестнер! Вы были в театре? Боже, так ведь это карета великого Гете!

ОНА. Прошу вас, распорядитесь, чтоб мне немедленно подали горячего кофе, видите, как я озябла.

3-й МУЖСКОЙ ГОЛОС. Госпожа Кестнер, вы были одна в театре?

ОНА. Перестаньте болтать о пустяках! Я так устала. И так несчастна... (Плачет.)

Шум отъезжающей кареты.

На голосе возможности номинации персонажей не заканчиваются. Охарактеризовать действующее лицо можно даже по тембру его голоса, как делает Шипенко в «Жизни Арсения» [7, с. 45]:

(8) *Старуха проспала 8 месяцев и 24 дня и проснулась, по ее словам, от бархатного баритона: «Включи меня, дева». Миссис Харт на смерть перепугалась, ибо никому из живущих не было известно, что она девственница, несмотря на «миссис».*

Именно голос и его тембр составляют воображаемую реальность повествования и заполняют собой все пространство сознания персонажа – единственную реальную «атмосферу» и картину действия:

(9) *Осознание сего заполняет легкие, как дым отчаливающего парохода, он догадывается, что ПАРХОД ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОТЧАЛИВАЕТ, в голове обнаруживается лозунг «Будь проклята Америка!», становится трудно вдыхать и выдыхать, наверно, это инфаркт, мелькает мысль и изображение, «Будь проклята Америка!» еще раз, и в этот момент вкрадчивый голос Иоанна Павла II ставит точку над «и» и другими буквами алфавита: «Она уже давно проклята, сынок».*

Интересно, что авторы считают иногда достаточным идентифицировать главных участников действия только по какому-то одному признаку, например, по половому (Он и Она), что может быть проще, ведь самое главное – те отношения, которые они представляют как наиболее типические. Как в других пьесах и, может быть, у других авторов, это Старик и Старуха, Мужчина и Женщина и т. д. По-видимому, для автора самым важным в персонаже является то, какую социальную позицию он занимает в своем обществе, какова его релятивная ценность, другими словами, что определяет его отношения с окружающими. Именно эта реляционная доминанта действующего лица чаще всего и становится источником его номинации в современной драме.

По справедливому утверждению авторов [2], «персонаж относится к разряду основных содержательных универсалий текста и [...] даже возглавляет систему текстовых универсалий» [2, с. 167]. Поэтому трансформации онтологиче-

ского статуса персонажа, как видно на примере реляционных номинаций последнего, неизбежно отражаются на всем тексте, в частности на категории текстового пространства и даже на графическом облике самого текста.

Пространственные перемещения в текстах пьес обязательно обозначаются автором. Так, в пьесе Арбатовой «Поздний экипаж» такими сигналами исторического времени могут служить упоминания о веере в руках женщины, постоянные апелляции к свету как средоточию общественного мнения той эпохи. У Ионеско это ремарки-описания поз персонажей и других атрибутов игры в историю Франции: Старик освобождает место для невидимой Дамы, поднимает руку в приветствии Полковника и т. д.

Необычным выглядит решение Шипенко в конце пьесы «Верона» провести некоторую пространственно-временную параллель: автор просто вставляет в самый конец пьесы отрывок из шекспировской драмы, и читатель вынужден дочитывать уже не о тех, кто был в самом начале пьесы, а совсем другую пьесу, но как, по-видимому, хочет сказать автор, о том же – о тех же характерах. Именно об этой философской аналогии по поводу банальной вечной темы взаимоотношений мужчины и женщины свидетельствует и само название пьесы, действие и действующие лица которой легко локализуется в современности, а смысл – в известном сюжете «Ромео и Джульетты»: «Верона».

Отражая особенности художественного менталитета автора, сам текст трансформируется и мутирует вплоть до использования другого графического облика букв: драматурги часто инкрустируют свои тексты варваризмами разной степени освоенности русским языком, а текст романа Шипенко «разрывается» отрывками лермонтовской поэмы «Мцыри» в орфографии до 1917 года.

Так, в романе Шипенко названиями главок могут стать отдельные компоненты предложения, тем самым пространство этого предложения, его целостность нарушаются, уступая причудливой воле автора:

(10) *«Конец Киеву!» – с пафосом воскликнул академик, на что*

МИССИС ХАРТ И РЕБЕКА

смогли лишь иронически покачать тем, что являлось памятью о физическом наличии головы.

Таким образом, трансформация касается не только способов репрезентации времени и пространства в литературном произведении, но и

собственно графического облика самого текста произведения, представляет его зримую мутацию.

Динамичность или статичность пространства часто фиксируется уже в названии пьесы: «Москва Франкфурт. 9000 метров над поверхностью почвы» или «Верона» у Шипенко, «Дранг нах вестен» у Арбатовой, «La Leçon» у Ионеско. Иногда, правда, названия пьес вводят читателей в заблуждение. Так, в названии пьесы Шипенко «Москва Франкфурт. 9000 метров над поверхностью почвы» содержится указание на динамику реального пространства в обозначении авиамаршрута, хотя на самом деле пространство пьесы трудно локализовать, оно нереально, хотя есть и самолет, и пассажиры, но самолет не движется (по словам Филиппе, «... самолет Москва-Франкфурт **остановился в воздухе**, не упал и **продолжает стоять недалеко от реальности**» [8, с. 249]), изменяется только «пространство» самих персонажей – клоунов Александра и Филиппе, которые перемещаются с крыла самолета в свободное пространство под самолетом, что больше напоминает цирковые трюки под куполом цирка, чем воздушные петли. И наоборот, в пьесе «Верона» указанное в названии пространство появляется лишь в конце действия, большая часть которого проходит в другом месте – в квартире на кровати в разговорах двух любовников.

Персонажи развоплощаются своими авторами, представлены в каком-то одном аспекте, как это было показано выше, в частности, в аспекте реляционной доминанты их социальной позиции: пол (Он и Она, Мужчина и Женщина, La Dame), возраст (Старик и Старуха), свойство человеческого организма (Детский голосок, Старушечий голос, Мужской голос), род занятий (Модель, Приемщица, Лаборант, La Cantatrice Chauve, Le Policier), степень родства или знакомства (Мать, Друг) и т. д.

В именах персонажей и в действии пьес может быть указание на омертвелость или даже смерть. Сравните, в пьесе Шипенко «Трупой жив» фамилия главного персонажа Дмитрия Львовича Трупого буквально обозначает «мертвый человек», а в имени персонажа другой пьесы также имеется ассоциация со смертью – Комикадзе. Ангел в пьесе «Верона» появляется как вестник смерти, и хотя мы не видим, как умирает Мужчина и умирает ли он вообще, но в своих репликах он часто упоминает о смерти, поэтому появление Ангела приводит к мысли, что персонаж может умереть.

Трансформацией, своеобразной смертью, выглядит и смена состояния персонажа. Именно этот переход из состояния безделья к состоянию работоспособности отмечает Шипенко, по-разному именуя своего персонажа [7, с. 44]:

(11) – Знаю, – отвечает **мистер Уолдон** с ненавистью. – **Нет больше Джека**. Теперь он напряженно работает. Сочиняет для телевидения.

Возникает твердое убеждение в том, что «действие и сюжет истории, кажется, вырастают из качеств и поведения персонажа. Читатель обнаруживает, что персонаж доминирует над историей, без этого отдельно взятого персонажа, с его особенным поведением, не было бы истории» [10, с. 50]².

Стриндберг в свое время предупреждал о появлении на сцене так называемых «характеров бесхарактерных» [5, с. 482].

Слово «характер» со временем приобрело множество значений. В частности, оно означает «изначально доминирующие черты в душевном комплексе и переплетается с темпераментом» [там же], это личность, прекратившая свое развитие и застывшая на этой стадии.

Персонаж перестал быть просто человеком, описанным в драме или рассказе, он все больше становится ХАРАКТЕРОМ³ в его более буквальном значении: 1) совокупность свойств или качеств, которые формируют индивидуальную природу отдельного человека или вещи; 2) качество или характеристика; 3) нравственное качество или целостность; 4) хорошая репутация; 5) статус или способность; 6) человек, особенно в отношении своего поведения или личности [11, p. 152]⁴.

² «... the action and plot of the story all seem to grow out of the character's traits and behavior. The reader finds that the character dominates the story; without this particular character, behaving in this particular manner, there would *be* no story» [10. P. 50].

³ Ср., в западной традиции слово «персонаж» звучит как character (буквально «характер»).

⁴ CHARACTER, *n.* 1. The aggregate of features and traits that form the individual nature of some person or thing. 2. Trait or characteristic. 3. Moral quality or integrity. 4. Good repute. 5. Status or capacity. 6. A person, esp. With referemce to behavior or personality. 7. Informal. An odd or eccentric person. 8. A person represented in a drama, story, etc. [11, p. 152].

С другой стороны, персонажи все больше становятся знаками⁵, точнее знаками-символами, «которые в силу заключенного в них наглядного образа используются для выражения некоторого, часто весьма значительного и отвлеченного, содержания (например, изображение древнегреческой театральной маски как символ современного театра и театрального искусства)» [6, с. 198].

Возникает антиномия «характера», которая подразумевает конкретное проявление и символ – показатель условности изображаемого. Действующие лица все больше напоминают марионеток, которых Нечто заставляет оказаться в данной ситуации говорить что-то или напряженно молчать, вслушиваясь не только в реальные звуки, но и в то, что происходит в их душах, головах, рядом с ними, где-то еще. Эти люди живут прислушиваясь и заставляют прислушиваться читателя.

Можно сопоставить понятие персонажа с понятием акциденции в философии Канта, но плодотворнее, как нам представляется, провести параллель между пониманием персонажа в современной драматургии и понятием идеи (греческое слово *ἰδέα*) у Платона.

Как определяет А. Ф. Лосев, «идея вещи есть нечто существенно, жизненно и разумно необходимое для того, чтобы мы познавали эту вещь, общались с ней, пользовались ею, могли ее создать, могли ее переделать и могли ее направлять в тех или иных целях. В этом смысле всякая вещь и вообще все, что существует на свете, имеет свою идею» [4, с. 73–74]. Персонаж в современной драматургии тоже идея, потому что он, подобно идее в понимании Платона, «есть указание на совокупность существенных свойств вещи, на их состав и построение, на их устройство, и на их назначение, и вообще на их смысл» [4, с. 74], как этот смысл представляет сам автор и предлагает это вполне определенное представление читателю, добавим мы.

Итак, в пространстве современных пьес действуют идеи персонажей, отличающиеся от классического представления о персонаже. Зритель, следуя воле автора, в первую очередь знакомится

⁵ ЗНАК, материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве представителя некоторого другого предмета, свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации, знаний) [6, с. 198].

с отдельной чертой характера персонажа, его идеей – своеобразной реляционной доминантой социальной позиции персонажа. Именно этим «идеализмом» можно объяснить и отмеченную нами тенденцию к трансформации личности персонажей, ее постоянной текучести, изменчивости, ее постоянному и тщетному стремлению достичь состояния определенной целостности и самоидентификации, что непосредственно отражается в трансформации и мутации пространства и времени действия, а также графической «пестроты» собственно текста в современных пьесах: для идей нет ни временных, ни пространственных преград. Настоящее пространство пьес – «эфир» или «атмосфера», мир воображения, звуков, мыслей и чувств тех, кого раньше с полным правом можно было назвать персонажем, а теперь только характером, или идеей персонажа, его памятью. Автор сознательно акцентирует только то, что составляет наиболее существенное свойство действующего лица, его назначение и смысл в системе координат всей пьесы.

Еще Платон считал, что «идея вещи есть не только ее закон, и притом максимально обобщенный, но и ее предел, тоже максимально большой, то есть предел для всех конечных состояний и проявлений всякой единичной вещи, носящей на себе эту идею» [4, с. 89].

Идея персонажа является также одновременно и его пределом, а та черта, которую сам автор выделяет как доминантную и отражает в имени персонажа, довлеет над читателем при восприятии образа персонажа и определяет смысл всего произведения. Именно поэтому деление персонажей на главных и второстепенных можно признать формальным: с точки зрения смысла целого произведения, нет второстепенных персонажей – все главные, «группа лиц», точнее, голосов в памяти.

Библиографический список

1. Арбатова, М. Мобильные связи: Проза, пьесы [Текст] / М. Арбатова. – М. : Эксмо, 2000. – 454 с.
2. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста [Текст] / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. В. Казарин. – Екатеринбург : Уральский университет, 2000. – 533 с.
3. Зингерман, Б. И. Театр Чехова и его мировое значение [Текст] / Б. И. Зингерман. – М. : Наука, 1988. – 382 с.

4. Лосев, А. Ф., Тахо-Годи, А. А. Платон. Аристотель [Текст] / А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. – М. : Молодая гвардия, 1993. – 383 с.
5. Стриндберг, А. Избранные произведения: в 2 томах. Т. 1 [Текст] / А. Стриндберг ; перевод с шведского и французского. – М. : Художественная литература, 1986. – 525 с.
6. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
7. Шипенко, А. Жизнь Арсения [Текст] : роман / А. Шипенко. – СПб. : Инапресс, 2000. – 351 с.
8. Шипенко, А. Из жизни Комикадзе [Текст] / А. Шипенко. – М. : ТПФ Союзтеатр, 1992. – 352 с.
9. Ionesco, E. Théâtre. V. I. [Text] / Eugène Ionesco. – Paris: Gallimard, 1969. – 333 p.
10. Lodge, E., Braymer M. Adventures in Reading [Text] / Evan Lodge, Marjorie Braymer. – New York: Harcourt Brace & World, 1963. – 736 p.
11. Webster's desk dictionary of the English language [Text]: Based on The Random House dictionary. Classic ed., 1983. – 1078 p.
- I. E. Vasil'ev, Ju. V. Kazarin. – Ekaterinburg: Ural'skij universitet, 2000. – 533 s.
3. Zingerman, B. I. Teatr Chehova i ego mirovoe znachenie [Tekst] / B. I. Zingerman. – M. : Nauka, 1988. – 382 s.
4. Losev, A. F., Taho-Godi, A. A. Platon. Aristotel' [Tekst] / A. F. Losev, A. A. Taho-Godi. – M. : Molodaja gvardija, 1993. – 383 s.
5. Strindberg, A. Izbrannye proizvedenija: v 2 tomah. T. 1 [Tekst] / A. Strindberg ; perevod s shvedskogo i francuzskogo. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1986. – 525 s.
6. Filozofskij jenciklopedičeskij slovar' [Tekst] / Gl. redakcija: L. F. Il'ičev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1983. – 840 s.
7. Shipenko, A. Zhizn' Arsenija [Tekst]: Roman / A. Shipenko. – SPb. : Inapress, 2000. – 351 s.
8. Shipenko, A. Iz zhizni Komikadze [Tekst] / A. Shipenko. – M. : TPF Sojuzteatr, 1992. – 352 s.
9. Ionesco, E. Théâtre. V. I. [Text] / Eugène Ionesco. – Paris: Gallimard, 1969. – 333 p.
10. Lodge, E., Braymer M. Adventures in Reading [Text] / Evan Lodge, Marjorie Braymer. – New York: Harcourt Brace & World, 1963. – 736 p.
11. Webster's desk dictionary of the English language [Text]: Based on The Random House dictionary. Classic ed., 1983. – 1078 p.

Bibliograficheskiy spisok

1. Arbatova, M. Mobil'nye svjazi [Tekst]: Proza, p'esy / M. Arbatova. – M.: Jeksmo, 2000. – 454 s.
2. Babenko, L. G. i dr. Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta [Tekst] / L. G. Babenko,

А. А. Федотова

Исторический документ в художественно-публицистических очерках Н. С. Лескова

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00192)

Статья посвящена актуальной проблеме анализа поэтики нефикционального текста. Исторический очерк Н. С. Лескова «Русские деятели в Остзейском крае» (1882) рассматривается в ней как сложное художественное единство, смысловое и стилистическое своеобразие которого определяется авторской установкой на интерпретацию оригинального документа – письма Ю. Ф. Самарина, написанного в Риге (1848). В статье выявляется, что при использовании архивного материала Н. С. Лесков выбирает стратегию не точного воспроизведения, а парафраза: писатель подвергает исходный текст редукции и вводит в очерк новый, отсутствующий в претексте фактический материал. Возникающая в процессе наложения двух текстов ирония нарушает синтаксическую структуру самаринского дискурса: из области идеальных спекуляций она переводит его в плоскость чувственности, из области абстракций – в область чистой телесности и фактичности.

Ключевые слова: русская литература XIX века, Лесков, публицистика, интертекстуальность, телесность, Самарин, Достоевский, «Исторический вестник».

А. А. Fedotova

Historical document in Nicolay Leskov's publicistic texts

The article raises an urgent problem, which is to analyze poetics of non-fiction texts. N. Leskov's historical essay "The Russian Statesmen in Ostzeisk land" (1882) is examined as a complex artistic unity, semantic and style features of which are determined by the author's purpose to interpret Yuri Samarin's letter written from Riga (1848). It is found that using the archive material N. Leskov chooses the strategy of a paraphrase: the writer reduces the original letter and adds to the essay some new events. The overlapping of these two texts results in irony, which breaks the structure of Samarin's discourse. Leskov's irony transfers it from the area of ideal speculations to the sphere of sensuality, from the level of the abstract to the field of pure corporality and factuality.

Keywords: 19th century Russian literature, Leskov, publicist, intertextuality, corporality, Samarin, Dostoevsky, «Historical Messenger».

Первая половина 1880-х гг. в творчестве Лескова – время плодотворного сотрудничества с журналом С. Н. Шубинского «Исторический вестник». Для издания, целью которого было «знакомить читателей в живой, общедоступной форме с современным состоянием исторической науки и литературы в России и Европе» [8], Лесков создал ряд очерков, в основе которых лежали оригинальные исторические материалы (специально приобретенные или по случаю попавшие к писателю рукописи, документы, письма). К таким произведениям, в частности, относятся статьи «Святительские тени» (Исторический вестник. 1881. Т. V. № 5), «Царская коронация» (Исторический вестник. 1881. Т. V. № 6) «Край гибели» (Исторический вестник. 1881. Т. VI. № 11), «Церковные интриганы» (Исторический вестник. 1882 Т. VIII. № 5) и многие другие. Од-

ним из показательных с точки зрения актуализации исторического материала текстов писателя является очерк «Русские деятели в Остзейском крае» (1882), анализ которого дает возможность определить важные направления работы Лескова с архивными документами.

Очерк «Русские деятели в Остзейском крае» [4] входит в группу историко-публицистических произведений Лескова, посвященных Прибалтийскому вопросу: в XIX веке Остзейским (а с 1870-х гг. – и Прибалтийским) краем называлась область, включавшая в себя Лифляндскую, Эстляндскую и Курляндскую губернии. В 1880-е гг. Прибалтийский вопрос в русском обществе был поставлен со всей своей остротой: по верному замечанию А. П. Дмитриева, новая политика Александра III «потребовала “обрусения” края, административно-законодательного превраще-

ния его в такую же часть единого целого большой империи, какими были центральные губернии» [1, с. 12]. Идейная суть действий правительства в этой области была четко сформулирована И. с. Аксаковым: «Единственный справедливый способ уравновесить взаимные отношения трех или четырех в крае народностей – это подчинить их общему имперскому праву, признать для них обязательным общий государственный язык и общие государственные законы» [1, с. 12].

Проблемы русской политики в Остзейском крае были хорошо знакомы Лескову: в июле-августе 1863 года писатель был командирован в Ригу от Министерства народного просвещения с целью ознакомления с деятельностью раскольничьих школ, в 1870–1880 гг. он регулярно ездил в остзейские «купальные городки» [5, с. 279] на летний отдых. Однако в очерке «Русские деятели в Остзейском крае» Лесков обращается не только к собственным наблюдениям, но и к историческому материалу, которым для автора является оригинальное письмо Ю. Ф. Самарина 1848 года [6]. Анонсируя статью издателю журнала «Исторический вестник», Лесков дает ей точную характеристику: «... статья по письму Самарина написана <...>, живая, полуисторическая, полуполемическая, со введением некоторых <...> анекдотов» [5, с. 262].

Письмо Самарина, которое легло в основу очерка Лескова, по своему содержанию и пафосу примыкает к знаменитым самаринским «Письмам из Риги», созданным в 1849 году. Самарин, впоследствии известный русский публицист и философ-славянофил, был направлен в Ригу в 1847 и служил делопроизводителем комиссии, которой поручено было обревизовать городское правление, состоял при рижском генерал-губернаторе **Е. А. Головине**. Письмо, которое дало Лескову материал для создания очерка, посвящено рассказу о первых неделях пребывания в Остзейском крае генерал-губернатора **А. А. Суворова**. Внук знаменитого **генералиссимуса Александра Васильевича Суворова**, он занимал эту должность в 1848–1861 гг. Подробное описание действий только что вступившего в должность генерал-губернатора становится для Самарина отправной точкой в его размышлениях о проблемах национальной политики Российской Империи в Прибалтике. Как философ и идеолог русского славянофильства, Самарин резко критиковал деятельность князя Суворова, который, по мнению автора письма, поддерживал немец-

кое дворянство в ущерб интересам православных и русских жителей имперской окраины.

Гражданский пафос письма задан в его первых предложениях: «Грустно вообще быть свидетелем крушения политической системы, которой мы сочувствовали, с коей связаны были, по нашему убеждению, государственные выгоды и народное достоинство; но еще тяжелее, когда с подобною переменою сопряжено торжество партии антинациональной и глубоко-эгоистической, когда это торжество проявляется не в одной перемене основного направления администрации, но в бесполезных, полудиких оскорблениях всего того, что не может не быть дорого русскому сердцу, наконец, когда это делается не для какой-либо общепольной цели, но бессознательно, из самолюбивого желания приобрести популярность или, лучше, купить ее всевозможными жертвами и уступками. Между тем именно это происходило у нас перед глазами, в Риге, с приезда князя Суворова, в течение двух первых недель» [6, с. 271]. Самарин определяет идеологический ракурс, в котором будут рассмотрены поступки Суворова в первые дни его пребывания в Риге: деятельность генерал-губернатора оценивается в контексте волнующих автора письма проблем русской народности, государства, общественной пользы. Использование Самариним высокой книжной лексики («*крушение*», «*убеждение*», «*оскорбления*», «*общепольный*» и т. д.) и усложненных экспрессивных синтаксических конструкций определяет патетическую стилистическую окраску текста. Торжественная риторика письма подчеркивает авторитетность изложенных в нем идей.

Метатекстовый характер очерка Лескова определяет его структуру: первая часть «Русских деятелей в Остзейском крае» представляет собой публикацию текста Самарина (главы II–XIX), вторая – добавления и комментарии автора (главы XX–XXVII). Писатель значительно сокращает приведенный фрагмент письма Самарина и начинает свое переложение словами: «Самарин передает полную хронику того, что князь Александр Аркадьевич Суворов наделал в Риге в первые три недели со вступления его в должность Остзейского генерал-губернатора» [4, с. 145]. Очевидно различие в интонации текста-донора и текста-реципиента. Отказываясь от усложненного самаринского синтаксиса и высокой книжной лексики, включая в текст лексему с разговорной окраской («*наделал*»), Лесков придает очерку разговорный характер. На смену торжественной

проповеди приходит непринужденная доверительная беседа.

Балансирование между двумя фразеологическими ракурсами, сопряжение высокого и низкого стилей речи становится своеобразным контрапунктом очерка. Помещение фрагментов письма Самарина, написанного книжным стилем речи, в контекст очерка с господствующей разговорной интонацией влечет за собой возникновение иронического эффекта. Так, критически оценивая деятельность Суворова в Риге, Самарин пишет: «Вы уже давно знаете, что ненависть и ожесточение Остзейских Немцев сосредоточиваются преимущественно на двух предметах: русском языке и православии <...> Князь Суворов, вследствие ли уроков, данных ему в Петербурге Мейендорфами, Паленами и собратьею, или, может быть, по придворному инстинкту, отгадал эти две ненависти и, не знаю, умышленно или безотчетно, но, по крайней мере, весьма удачно для своей популярности между немцами, умел польстить им с первого раза» [4, с. 272]. В очерк Лескова этот фрагмент включен в следующей формулировке: «Суворов так торопился “обозначиться” врагом всего русского, что не дотерпел доехать с этим до Риги: он еще по дороге постарался высказывать, “чему его в Петербурге научили Мейендорф и Пален с компаниею”» [6, с. 145]. Лесков не скрывает, но подчеркивает присутствие «чужого» слова благодаря введению графического обозначения (кавычек). Между тем употребление кавычек не является для писателя помехой в ходе трансформации исходного текста. Модификация самаринского письма связана с упрощением синтаксиса, синонимической заменой лексемы «*собратья*» и сочетания «*давать уроки*», имеющих книжную стилистическую окраску, на слова с нейтральной («*научили*») и разговорной («*компания*») стилистической окраской. Использование для передачи слов Самарина нарратизированного дискурса дает Лескову возможность для интеграции и интерпретации «чужого» слова. Писатель полемизирует с тем, что он сам же называл «партийностью» одного из главных теоретиков русского славянофильства; Лесков указывает на односторонность взгляда публициста, который требовал безусловного предпочтения немецким жителям Остзейского края жителей русских.

При пересказе письма Лесков не только сокращает исходный текст и изменяет его стилистическую тональность, но и вводит в очерк отсутствующий в претексте фактический материал.

Цитаты из письма Самарина чередуются в произведении Лескова с автобиографическими фрагментами, которые позиционируются как воспоминания писателя. Так, слова Самарина о том, что Суворов, «узнав, по случаю просьбы одной Еврейки, что обращающимся в христианство Жидам выдается от казны 30 рублей серебром, разразился упреками» [4, с. 273] Лесков дополняет следующими подробностями: «крестились за эту цену по преимуществу <...> проститутки еврейского происхождения <...> и молодые ребята, избегавшие рекрутской повинности <...>, последние, приняв православие <...> открывали тайные или явные притоны разврата» [6, с. 151]. Писатель добавляет, что «Известная в Киеве “Андреевская гора” вся сплошь была заселена “православными пансионатами”, где и “директрисы”, и “институтки” – все были “новокрещенные еврейки по 30 рублей за штуку” <...> А привилегированною крещальнею этих христианок была Андреевская церковь, в которой <...> каждое воскресенье собирались “срамные крестбины, где (по местному выражению) и хрестны батьки с матерями, и дочерьюки уси были скоромнии”» [6, с. 152]. Цитату из самаринского письма «Суворов сказал двум раскольникам, просившим об освобождении их сыновей от рекрутства: “какие у вас сыновья, когда у вас собачьи свадьбы”» [4, с. 145] Лесков также констатирует с авторским текстом: «Во все время его (Суворова – **А. Ф.**) здесь управления все русские замужние женщины “старой веры” писались в бумагах “блудными девками, имеющими детей” <...> Удостаивая своим посещением только одну, пользовавшуюся большим уважением сограждан, даму-староверку, Суворов <...> изволил шутить: “Нынче заедем и к блудной девке”» [6, с. 154].

В автобиографических фрагментах текста писатель последовательно обращается к образам, напрямую связанным с проявлениями человеческой телесности. Изображение тела стилистически снижено, что подчеркивается введением нелитературной лексики: **диалектизм** («*хрестны батьки с матерями*») и **вульгаризм** («*блудная девка*», «*собачьи свадьбы*»). Сопряжение самаринского и собственно авторского текста происходит одновременно на двух уровнях: размышлениям славянофила о «чувствах приверженности к Православной Церкви и к народности» писатель противопоставляет описание «*срамных крестбины*» [6, с. 150], а высокому книжному стилю самаринского дискурса – разговорную речь. Те-

лесный дискурс представлен писателем в категориях телесного низа, что характерно для народной смеховой культуры. Тело предстает в произведении Лескова воплощением неофициальной стороны человеческой жизни, специфичную комичность которой писатель противопоставляет официальной риторике, выраженной в письме Самарина. Актуализация телесного дискурса позволяет писателю указать на неоднозначность положения православия в пограничных районах Российской империи и спорность требования Самарина о безусловном, скорейшем обращении жителей Остзейского края в православие.

Своеобразной кульминацией очерка «Русские деятели в Остзейском крае» является приводимый Лесковым в финале произведения автобиографический рассказ о беседе двух «старцев» – староверов и кольпотера (книгоноши) Библейского общества Генриха Ивановича. Дискуссия старообрядцев и протестанта представлена в очерке как спор о «лучшей» вере, в ходе которого его участники обращаются к священным для них текстам. Лесков называет в качестве сакрального для лютеран произведения Евангелие, для старообрядцев – «Луг Духовный» и «Историю Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филиппова [7]. Образы человеческого тела возникают в отсылках к священным текстам раскольников. Показателен выбор писателем фрагментов для цитирования. В уста «старчиков» Лесков вкладывает отрывки из аскетической литературы, в которых описывается процесс умерщвления плоти: «... в “Луге Духовном” чтется, яко и смрад женский юной вдове угоден был ко спасению ее от блудного беса» [7, с. 352]; «Евдокия воды на главу, живучи во общежительстве, и на ноги не возливала во всю жизнь свою, а вшей у себя не имела и о сем вельми плакаше, что будут в будущем веке вши, аки мыши» [7, с. 353].

В новом контексте цитаты из священных для староверов текстов приобретают несвойственное им комическое звучание. Комический эффект рождается, прежде всего, на стилистическом уровне, он возникает благодаря введению архаической лексики и синтаксиса в текст, написанный нейтральным литературным языком. Помимо этого, Лесков прибегает и к комизму положений. Писатель указывает в очерке на реакцию Генриха Ивановича, «необыкновенно чистенького <...> старичка <...> в безукоризненной белизны огромных воротничках» [6, с. 212] после чтения «Истории»: Генрих Иванович «пошел в реку

купаться и долго, долго нырял и плавал как пингвин <...> во время чтения о блаженной Евдокеи немцу по ассоциации идей стало казаться, будто на него из самой книги ползут уже такие крупные вши, “как мыши”» [6, с. 219].

Лесков игнорирует духовное содержание сакрального в среде раскольников произведения, в новом контексте востребованной оказывается физиологическая сторона подвига праведниц. Предельное «обытовление» сакрального дискурса связано с появлением в очерке оппозиции телесной нечистоты и опрятности. С точки зрения идейного аспекта произведения, материально осязаемое отличие староверов от лютеранина является для писателя основанием для вывода о безосновательности того безусловного предпочтения одной нации другой, на котором настаивает Самарин в духе идеологии славянофильства. Теоретизированию Самарина, который рассматривает соотношение русского и немецкого характеров в контексте проблем национальной политики Российской Империи, Лесков противопоставляет «реальный» житейский случай, абстрактному размышлению – «телесное» свидетельство «очевидца».

При пересказе письма Лесков дополняет исходный текст не только собственно авторским, но и «чужим» словом. Писатель обращается к тексту «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и приводит анекдот о чтении «Артуром Бенни (сыном лютеранского пастора), <...> Василием Ал. Слепцовым, <...> Варфоломеем Зайцевым» [6, с. 206] и другими молодыми людьми только что вышедшего из печати цикла очерков: «Чтение дошло до того эпизода, где Достоевский рассказывал о начальнике, который, в видах особенного своего удовольствия, наказывал каторжных розгами с особенным приступом. Арестанта обнажали, растягивали на земле и заставляли лежать с голой спиной читать вслух молитву Господню. Арестант, разумеется, повиновался, – читал, и когда он произносил: с “Отче наш, иже еси на небеси” – начальник подхватывал: “А ты ему поднеси!” И с этим вместе пучки розог начинали свистать...» [2, с. 207]. При пересказе произведения Достоевского Лесков контактирует два различных эпизода претекста: описание поручика Жеребятникова, «до страсти любившего сечь и наказывать палками» [2, с. 456] и контрастный ему рассказ о «добрейшем» [2, с. 461] поручике Смекалове. Лесков цитирует следующий фрагмент описания Смекалова: «“Нет уж, брат, ложись, чего уж тут...” – скажет

Смекалов; арестант вздохнет и ляжет. “Ну-тка, любезный, умеешь вот такой-то стих наизусть?” <...> После первой строчки известных стихов арестант доходит, наконец, до слова: “на небеси” <...> “Стой!” – кричит воспламененный поручик и <...> кричит: – А ты ему поднеси!» [2, с. 460].

Использование для передачи текста Достоевского нарратизированного дискурса дает Лескову возможность для интеграции и интерпретации «чужого» слова. Трансформация исходного текста происходит в трех основных направлениях: писатель **редуцирует** диалог поручика и арестанта, необходимый Достоевскому для речевой характеристики «своего» среди заключенных начальника, **атрибутирует** «затушеванную» в оригинале цитату и **заостряет** момент телесного наказания. Нагнетание физиологических деталей, отсутствующих в претексте («арестанта обнажали, растягивали на земле», «лежа с голой спиной» [6, с. 207]), позволяет писателю создать подчеркнуто материальный образ истязаемого человеческого тела. В «Записках...» Достоевский сглаживает кощунственный по сути характер описываемого им действия, используя перифраз «известный стих» и ироническую авторскую ремарку: «радуется Смекалов <...> что вот как же это он так хорошо придумал <...> и кстати и в рифму выходит» [2, с. 461]. Лесков, благодаря продублированному указанию на сакральный текст («молитва Господня», «Отче наш, иже еси на небеси» [6, с. 207]), углубляет амбивалентность изображаемого им действия. Лесков, как и при использовании автобиографических фрагментов, сопрягает телесное и сакральное, а рождающийся при этом комизм балансирует на грани святотатства.

Писатель максимально заостряет контраст между процессом истязания арестанта и святым смыслом основной христианской молитвы. Значимым для Лескова оказывается реакция внутритекстовых читателей «Записок», обнаруживающая двойственность рассказываемого им «анекдота»: «Слепцов расхохотался и, подхватив маленького, щуплого Варфоломея, поднял его как бы в жертву поднесения <...> но в это же мгновение из спальни раздался мучительный истерический вопль Бенни» [6, с. 208], на которого «молитва Господня в таком богохулительном применении произвела ужасное впечатление» [6, с. 208]. В идеологическом плане очерка диаметрально противоположное отношение к священному тексту студентов разного происхождения является важным критерием в полемике

Лескова с Самариным о сущности национально-го немецкого и русского характеров, который позволяет автору сделать заключение о «различии, во имя разницы которого можно не укорять их одного другим и не наказывать одного “предпочтением природы другого”» [6, с. 209].

По точной характеристике Л. Г. Кайды, «публицистика – это речь убежденная и убеждающая» [3, с. 12], публицистичность – это качество журналистского произведения, в котором ярко выражено авторское «я». Необычность историко-публицистических очерков Лескова связана с тем, что основой для авторского высказывания в них служит «чужой» текст, а это ставит перед писателем, выступающим в роли журналиста, особо трудную задачу.

При публикации архивного материала Лесков в свойственной ему манере выбирает стратегию не точного воспроизведения исходного текста, а парафраза: цитатный дискурс в очерке уступает место дискурсу транспонированному (дискурсу косвенной речи). Работа Лескова с письмом Самарина ведется в двух основных направлениях: с одной стороны, писатель подвергает исходный текст редукации, с другой – вводит в очерк новый, отсутствующий в претексте фактический материал.

Абстрактное в первоисточнике (письме Самарина) противопоставление русского и немецкого характеров Лесков трансформирует в противопоставление до предела конкретное; этим пределом для писателя оказывается человеческое тело. Телесные образы, показанные в «Русских деятелях в Остзейском крае» как различные варианты отклонения от социальной нормы, становятся маркером актуализации в тексте неофициальной, частной сферы жизни человека.

Возникающая в процессе наложения двух текстов ирония имеет разновекторный характер: она направлена и на создаваемый в очерке образ князя Суворова, и на цитируемое письмо Самарина. Ирония Лескова нарушает синтаксическую структуру самаринского дискурса: из области идеальных спекуляций она переводит его в плоскость чувственности, из области абстракций – в область чистой телесности и фактичности.

Библиографический список

1. Дмитриев, А. П., Лесков, Н. С. Прибалтийский вопрос и демократизм в православии: Иродова работа [Текст] / А. П. Дмитриев, Н. С. Лесков. – СПб. : Издательство «Пушкинский дом», 2010. – С. 5–87.

2. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т.1 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – М. : Лексика, 1996. – С. 281–558.

3. Кайда, Л. Г. Композиционная поэтика публицистики [Текст] / Л. Г. Кайда. – М. : Флинта, 2011. – 144 с.

4. Лесков, Н. С. Русские деятели в Остзейском крае: Иродова работа [Текст] / Н. С. Лесков. – СПб. : Издательство «Пушкинский дом», 2010. – С. 392–439.

5. Лесков, Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 11 [Текст] / Н. С. Лесков. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 863 с.

6. Самарин, Ю. Ф. Сочинения: в 12 т. Т. 12 [Текст] / Ю. Ф. Самарин. – М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1911. – С. 271–277.

7. Филиппов, И. В. История старообрядческой Выговской пустыни [Текст] / И. В. Филиппов. – СПб. : Издание Д. Е. Кожанчикова, 1862. – С. 352–355.

8. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: 86 т. [Текст]. – СПб. : Семеновская типолитография И. А. Ефрона, 1890–1907.

Bibliograficheskiy spisok

1. Dmitriev, A. P., Leskov, N. S. Pribaltijskij vopros i demokratizm v pravoslavii: Irodova rabota [Текст] /

A. P. Dmitriev, N. S. Leskov. – SPb. : Izdatel'stvo «Pushkinskij dom», 2010. – S. 5–87.

2. Dostoevskij, F. M. Sobraenie sochinenij: v 8 t. T.1 [Текст] / F. M. Dostoevskij. – М. : Leksika, 1996. — S. 281 – 558.

3. Kajda, L. G. Kompozicionnaja pojetika publicistiki [Текст] / L. G. Kajda. – М. : Flinta, 2011. – 144 s.

4. Leskov, N. S. Russkie dejateli v Ostzejskom krae: Irodova rabota [Текст] / N. S. Leskov. – SPb. : Izdatel'stvo «Pushkinskij dom», 2010. – S. 392 – 439.

5. Leskov, N. S. Sobraenie sochinenij: v 11 t. T. 11 [Текст] / N. S. Leskov. – М. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1958. — 863 s.

6. Samarin, Ju. F. Sochinenija: v 12 t. T. 12 [Текст] / Ju. F. Samarin. – М. : Tovarishhestvo tipografii A. I. Mamontova, 1911. – S. 271 – 277.

7. Filippov, I. V. Istorija staroobradcheskoj Vygovskoj pustyni [Текст] / I. V. Filippov. – SPb. : Izdanie D. E. Kozhanchikova, 1862. – S. 352 – 355.

8. Jenciklopedicheskiy slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona: 86 t. [Текст] – SPb. : Semenovskaja tipolitografija I. A. Efrona, 1890–1907.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008(1–6)

Д. Ю. Густякова

Взаимодействие классики и массовой культуры в ракурсе современных оперных постановок

Статья посвящена анализу современных постановок русской оперной классики, в которых взаимодействие классики и массовой культуры происходит в разных направлениях. Сценическая версия режиссера А. Галибина оперы П. Чайковского «Пиковая дама» вписывается в контекст массовой культуры через ряд признаков: преобладание репродуктивного начала над творческим, актуализация в игре актеров характерных особенностей поведения «человека массы», внешняя зрелищность и формальная иллюстративность, отсутствие целостности и последовательности режиссерского решения. В интерпретации Д. Черняковым оперы С. Прокофьева «Игрок» реализованы основные принципы функционирования массовой культуры: простота, доступность, привычность, необременительность, удобство для восприятия.

Ключевые слова: классика, массовая культура, музыка, опера, современные постановки, П. Чайковский «Пиковая дама», С. Прокофьев «Игрок», А. Галибин, Д. Черняков.

CULTURAL SCIENCE

D. Yu. Gustyakova

Interaction of classical and mass culture in contemporary opera productions

The article is devoted to analyzing contemporary Russian classical opera performances where classical and mass culture interact in different ways. The stage version of P. Chaikovsky's opera *The Queen of Spades* made by A. Galibin fits in mass culture context because it has the following features: predominance of reproduction over creativity; showing characteristic features of ordinary people's behaviour through the acting; external staginess and formal illustrativeness; lack of integrity and consistency in the director's version. In his interpretation of S. Prokofyev's opera *The Gambler*, the director D. Chernyakov realized the basic principles of mass culture functioning: simplicity, availability, habitude, easy and comfortable understanding.

Keywords: classical, mass culture, music, opera, contemporary performances, P. Chaikovsky *The Queen of Spades*, S. Prokofyev *The Gambler*, A. Galibin, D. Chernyakov.

Драматизм взаимоотношений классики и массовой культуры зачастую порождает неоднозначный, с точки зрения художественной культуры, результат. Массовая культура активно эксплуатирует вечные культурные ценности, являющиеся основным пространством функционирования классических произведений искусства. Русская классика активно включается в пространство масскультуры в качестве аутентичного текста, объекта интерпретации либо «экспортного продукта», что, с точки зрения Т. Злотнико-

вой, закономерно в ситуации активизации «рыночных» процессов [2]. В связи с этим логичным представляется тот факт, что оперный театр не остался в стороне от современных тенденций и периодически представляет вниманию аудитории классические русские оперы, в режиссерских трактовках которых явно прослеживаются признаки массовой культуры и принципы ее функционирования.

В качестве «экспортных продуктов» изначально были реализованы оперные постановки,

ставшие предметом нашего анализа. Премьера оперы П. Чайковского «Пиковая дама» в сценической версии режиссера А. Галибина, под управлением дирижера В. Гергиева состоялась в 1998 году на оперном фестивале в Баден-Бадене (Германия). Постановка режиссером и сценографом Д. Черняковым оперы С. Прокофьева «Игрок» является совместным проектом Берлинской государственной оперы и миланского театра «Ла Скала». Ее премьера состоялась в 2008 году в Берлине, дирижировал Д. Баренбойм. Характерной особенностью обеих постановок является то, что контекст массовой культуры проявляется лишь в визуальном пласте спектаклей, при этом в музыкально-вербальной составляющей сохраняется аутентичность, авторский текст не подвергается купюрам, и вокально-оркестровое исполнение опер осуществлено на достойном уровне.

В современной культурологии существует неоспоримый тезис о стремлении массовой культуры к эксплуатации образцов, трафаретов, штампов, клише, растиражированных, а потому узнаваемых и доступных восприятию многих. В «Пиковой даме» А. Галибина на первый взгляд видна попытка избежать тяжеловесной оперной сценографии. Художник-постановщик А. Орлов убрал привычные для оформления первой картины этой оперы решетку и ворота Летнего сада, наполнил сценографическое решение архитектурными мотивами и элегантными рифмами (шар на парапете и детская игра в мяч на переднем плане), заменил плотные драпировки легкими складками подвижного занавеса. Легкий колышущийся и раздувающийся черно-белый занавес в одних сценах бесхитростно служит балконной шторой, в других может интерпретироваться как граница между сферами обыденного и inferнального. Однако такой прием, скорее, наводит на мысль, что в постановке (лишь с целью создать внешнюю иллюстративность и декоративность) сформирована абсолютно прямолинейная система восприятия визуального образа: слева – одно, справа – другое.

Динамичный занавес и перемена декораций на глазах публики – рискованный прием, требующий внятности и последовательности его реализации, особого способа существования актеров, то есть высокой степени условности. Отметим, что колышущиеся занавески – это вторичный сценографический ход, к которому регулярно и с различной степенью успешности прибегают постановщики. Например, в 1975 году в театре на Таганке художник-постановщик

В. Левенталь использовал этот прием в спектакле «Вишневый сад» (режиссер А. Эфрос), когда на сцене в полной тишине летали от сквозняка занавески, но это решение было драматургически обосновано и создавало ощущение жизни на продуваемом пространстве. И это не единственное клише, присутствующее в анализируемой постановке «Пиковой дамы». В пятой картине (сцена Германа в казармах после похорон) по сцене возят кресло, в котором раньше сидела Графиня: подобные ходы часто лежат в основе таких продуктов массовой культуры, как клип и реклама. В финале оперы (сцена в игорном доме) Герман стреляет в сторону – это многократно использованный прием: персонаж должен умереть, а режиссер придумывает какой-нибудь нетривиальный способ его умерщвления. Гениальный вариант такого решения есть в «Дон Жуане» Ж. Мольера в постановке А. Эфроса, когда невысокий и щуплый Командор (Ю. Катин-Ярцев) выходил к стоящему на сцене крупному Дон Жуану (М. Козаков) и протягивал ему свою маленькую ручку, а тот падал замертво [3]. То есть, по аналогии, Герман умирает не от выстрела, не от мистической причины, а умирает просто потому, что жизнь закончилась – выстрелил в сторону, а умер сам. Однако этот ход вторичный, и за ним еще следует череда массовидных решений: фантом «Венеры московской» приводит на сцену призрак Лизы, опять вывозят инвалидное кресло, в которое садится умирающий Герман. Таким образом, можно утверждать, что в «Пиковой даме» А. Галибин широко использует постановочные приемы и сценографические решения, одни из которых стали театральной классикой, а другие, которыми многократно пользовались до него, можно отнести к разряду архаичных, даже не театральных, а оперных штампов.

Особенностью театрального решения исследуемой постановки является, с одной стороны, иллюстративность визуального ряда, а с другой стороны, стремление сделать спектакль просто «красивым», ярким, наполненным цветовыми и световыми контрастами, динамичным, то есть неустойчивым, нескучным и привлекательным для публики. В первой картине оперы явно акцентируется тема игры: игра в светское общество, игра в солдатика, игра в мяч. Таким образом, мотив игры, который потом станет роковым и inferнальным (игра с жизнью, игра с судьбой), в режиссерском решении, как и в авторском (композиторском) тексте, присутствует изначально, но применительно к детскому времяпрепровождению

нию. Однако в постановке нет четкой границы между понятиями «игра» и «игрушечность»: изящной фарфоровой статуэткой передвигается по сцене фантом «Vénus moscovite»; костюмы гуляющих (художник И. Чередникова), особенно утрированные в своих пропорциях женские головные уборы, вызывают ассоциации с кукольным нарядами; сценическое пространство минимизировано, обрезано по горизонтали, на заднем плане «проплывает» игрушечный кораблик. Внешне все выглядит красиво и декоративно, следовательно, удобно и необременительно для восприятия зрителей, но прогулка в Летнем саду превращается в подобие кукольных гуляний. Эта мизансцена четко вписывается в контекст массовой культуры, упрощая и «снижая» замысел композитора, в соответствии с которым в начале действия, на фоне внешне красивой, но равнодушной и неискренней светской жизни, должна постепенно прорисовываться драма Германа.

Кроме того, сугубо иллюстративный прием, используемый режиссером и художниками данного спектакля, – это характерная для массовой культуры, приблизительная и чисто внешняя стилизация масок венецианского карнавала и комедии dell'arte. Мотивы маскарада и игры в спектакле хотя и соотносятся друг с другом, но все-таки существуют отдельно: во-первых, в костюмах гостей на балу (третья картина), во-вторых, для изображения трех карт, которые, как полноправные персонажи, выходят на сцену почти при каждом своем упоминании в авторском тексте. Первое решение явно сделано с декоративной целью и навеяно, скорее всего, стилистикой оформления А. Головиным спектакля 1917 года «Маскарад» по Ю. Лермонтову в постановке В. Мейерхольда (1917 год). Во втором решении – карты в масках – присутствует намек на символистскую традицию, однако, если символистские приемы (типа трех масок в белых плащах) пытаться внедрить в текст П. Чайковского, то смотреться это будет, по меньшей мере, неорганично, так как в опере «Пиковая дама» нет той степени обобщенности и условности, которая необходима символизму.

Еще один способ работы, заимствованный из сферы массовой культуры, когда вставные эпизоды исполнены изобретательно и раскрашены яркими цветами детских фломастеров, например, контраст открытого бирюзового цвета с золотистым в оформлении пасторали «Искренность пастушки». Однако те эпизоды, которые, действительно, требуют решения по существу, весьма

просты и прямолинейны, если не сказать, примитивны (сцена в казармах).

Не вполне убедительно, с точки зрения стилистического и концептуального единства постановки, решен облик некоторых персонажей. В костюмах переплетаются две эпохи – XVIII век и первая половина XIX века, в которую перенесено время действия оперы, причем в стилистику обеих эпох вносится гротеск. Но такие решения явно контрастируют с поведением большинства персонажей и выходят за рамки художественного смысла: гигантские парики, гипертрофированные шляпы и чепцы диссонируют с бытовыми манерами и бытовыми деталями, что свидетельствует об отсутствии целостности замысла и стиля постановки. Например, карикатурно выглядят приживалки Графини, во внешности которых гротесковые чепцы сочетаются с обыденными поведенческими реакциями и мимикой. Если следовать стилю, в их облике и движениях должна присутствовать графичность, марионеточная угловатость, а мы видим повседневно-преданное выражение на толстощеком лице приживалки. Пародийно и китчево выглядят игроки в игорном доме: турецкие штаны и фески, современные шейные платки, а также широкие подтяжки, вызывающие стойкие ассоциации с имиджевым признаком журналиста и яркого масскультовского деятеля Л. Кинга. Таким образом, массовая культура проявляется в следовании постановщиками приему, заимствованному из ее сферы: стремление максимально броско и привлекательно «раскрасить картинку», чтобы привлечь внимание зрителя и не утомить его однообразием.

Другое наблюдение, подтверждающее наличие в данной постановке «Пиковой дамы» контекста массовой культуры, связано с подбором и работой актеров. Внешний вид и сценическое поведение актеров расходятся со стремлением режиссера к психологической достоверности прочтения текста П. Чайковского. Подбор актеров осуществлен в соответствии с принципом оперной условности – молодой стройный Елецкий (В. Мороз) и немолодой грузный Томский (Н. Путилин), но по тексту такого возрастного разброса нет – это люди общего круга, приятели. Исполнитель роли Германа В. Галузин обладает прекрасными вокальными данными, однако его фактура скорее соответствует амплуа комического простака, чем романтического героя. В соответствии с уже упомянутым принципом оперной условности, именно вокал стоит в опере

на первом месте, но только если это академическая постановка – в таком случае от певцов требуется просто качественное исполнение вокальных партий, а режиссер не претендует на реализацию в спектакле новаторских идей. Однако когда делаются попытки создать своеобразное сценическое решение, то типаж и реальный физический возраст актера не должны противоречить характерному для его персонажа романтическому настрою. Герман – молодой человек с неустоявшейся психикой, поэтому его сначала страстность, а позже помешательство и видения понятны и объяснимы. Но если человек средних лет, проживший и опытный, проявляет неуправляемые страсти при объяснении с возлюбленной и начинает сходить с ума от того, что ему привиделся призрак, это выглядит, по меньшей мере, странно. Отметим, что склонности к аффектации, к деятельностному и гипертрофированному выражению эмоций свойственны поведению «человека массы», и симптоматично, что в данной постановке в манере актерской игры можно увидеть подобные проявления.

Несоответствие бытового актерского существования вокалистов тяготению режиссера к символистской стилистике – еще одна отличительная черта «Пиковой дамы» в постановке А. Галибина. Когда по сцене ходят карты, на головах действующих лиц выстроены совершенно немыслимые архитектурные сооружения, когда все происходящее на сцене приподнято над повседневностью и переведено в русло театральной условности, тогда актеры должны быть другими, они должны двигаться, как в символистской драме, отрешившись от бытовых элементов поведения. А здесь исполнение баллады Томским сопровождается повседневно-обыденными манерами, и если в первых картинах вокруг образа Графини создается ореол таинственности, то в четвертой картине она – просто старый человек, ее прозаический костюм и поведение не изменяются, даже когда она придет к Герману уже в виде призрака.

К признакам функционирования массовой культуры принято относить перевод классики в русло прагматизма, следовательно, «снижение», «упрощение» первоначального замысла, раздробленность, непоследовательность, прямолинейность и небрежность интерпретации классического образца в продукте масскультуры. Указанные качества обнаруживаются в исследуемой постановке «Пиковой дамы». Так, во второй картине, в сцене объяснения Германа с Лизой, обна-

руживается целый ряд неточностей и несоответствий. Во-первых, актерам не объяснили, как они должны взаимодействовать на сцене: в психологической (либо бытовой) драме должен быть логичный и тесный контакт, в романтической драме взаимоотношения могут развиваться поверх конкретных непосредственных реакций потому, что он одинок, она одинока, и каждый существует в своем мире, не видя, не понимая другого. Во-вторых, здесь всегда стоял вопрос, зачем приходит Герман к Лизе – ради игры и тайны или ради любви и самой Лизы. Этот вопрос должен решить постановщик и в соответствии с ответом на него ставить сцену, но вопрос нерешен, а Герман, обращаясь в вокальном пассаже к партнерше, стоит на большом расстоянии от нее и смотрит в зал.

Можно утверждать, что в спектакле отсутствует целостность решения, режиссер, во-первых, не выбрал, делает он академическую постановку или новаторскую, во-вторых, не определился с концепцией спектакля: либо символизм, либо романтизм, либо бытовой психологизм, либо их совмещение на разных уровнях. Здесь нет ни среза, ни целостности, просто среди бытовых эпизодов вдруг возникают намеки на инфернальность. Спектакль дробится, превращаясь в мозаику, микс, удобный для восприятия массовой аудитории, но далекий от возможности раскрытия содержания оперы. «Пиковая дама» П. Чайковского уникальна, в ней композитор попытался совместить два пласта – психологический пласт лирической камерной оперы и подчеркнуто-условный пласт театрально-декоративной пасторали. Вероятно, исходя из этой логики, и надо было ставить спектакль, не загружая его эклектичностью и несоразмерностью стилистических решений – бытовых, романтических, символистских.

В отличие от «Пиковой дамы» в постановке А. Галибина решение Д. Черняковым оперы С. Прокофьева «Игрок» смотрится цельно и убедительно, при этом, судя по всему, постановщик действовал в логике функционирования массовой культуры, стремясь к простоте, доступности, привычности, необременительности и удобству восприятия.

События в спектакле разворачиваются в наше время, что обусловило весь строй взаимодействия классики и массовой культуры в контексте данной постановки. В интервью, посвященном данной интерпретации оперы С. Прокофьева, режиссер подчеркнул, что не

стремился точно соответствовать окружающей повседневности, создавая «метафизическое “сегодня”» лишь для того, чтобы зрители поверили, что герои «имеют отношение к нашим переживаниям и страстям, это почти мы, и мы их понимаем, считываем, как людей, которые не выдуманы, не умозрительны, не из эпохи прекрасных длинных платьев, а из правды» [1]. В данной постановке временной сдвиг проявляется во внешних деталях, при этом присутствует цельность решения как такового. Визуальный ряд спектакля выдержан в современной стилистике: потолок в стиле hi-tech, современная куртка на Алексее Ивановиче, актуальная норковая шуба на Бабуленьке, и даже шляпа-котелок на голове одного из хористов выглядит не странно, а нормально в контексте современной масскультовской эклектики и стилизации.

Технически сложное сценографическое решение пространства представляет собой подобие анфилады комнат: справа и слева от основной декорации, изображающей гостиничный холл, расположены замкнутые пространства гостиничных номеров, которые то закрыты от зрителя, то в нужный момент выдвигаются и становятся видимыми, чтобы показать действие, происходящее либо только в них, либо параллельно с действием в основной части декораций. Холодная голубовато-бирюзовая гамма и строгая геометрия обстановки организуют пространство в духе безликого интернационального бизнес-зала. Решение сценического пространства, соответствующее эмоциональному накалу музыки С. Прокофьева, позволяет, не теряя единства взаимодействующих элементов, актуализировать такие кинематографические приемы, как крупные и общие планы, делает возможным синхронность действия в разных помещениях, создает иллюзию проезда камеры или монтажных склеек. Однако такое решение уже было в истории театральной сценографии. Например, в одной из работ театрального художника А. Васильева в театре Моссовета у Ю. Завадского – «Преступление и наказание» по Ф. Достоевскому (1969 год) – в оформлении спектакля также присутствовали раздвигающиеся плоскости, за которыми открывалась то одна, то другая комната в доходных домах. В постановке Д. Чернякова этот сценографический прием, помимо указанных аллюзий, коррелирует с современными бытовыми реалиями – шкафы-купе и подвижные панели, которыми мы сейчас пользуемся в повседневной жизни. Именно бла-

годаря этой корреляции, а также потому, что это не занавеска, которая просто так колеблется и передвигается в пространстве сцены (как в «Пиковой даме»), в «Игроке» раздвижные плоскости работают вполне законченно и логично.

В этом «Игроке» претворяется черта, характерная для постановок западных оперных театров, – точный подбор солистов. Главные герои вполне достоверны и убедительны в актерской интерпретации и вокальном исполнении: М. Дидык (Алексей), К. Ополайс (Полина), В. Огновенко (Генерал). В отличие от режиссерской работы А. Галибина в «Пиковой даме» Д. Черняков работает с актерами последовательно и подробно: гротесковая пластика, приплясывание, комично-нелепые движения, «диалог» Генерала с огромным плюшевым медведем, – все эти режиссерские приемы последовательно утверждают и поддерживают абсурдистскую стилистику спектакля. К. Ополайс так отзывается о работе режиссера: «Он работает подробно, и, что мне нравится, он показывает, и у него это прекрасно получается. Я думаю, что в нем пропал еще и замечательный актер, потому что так, как он показывает, не может сделать никто» [1]. Следовательно, исполнителям объяснили и показали, как надо играть, поэтому они функционируют не просто как оперные певцы, а как поющие драматические актеры.

Характерно, что, несмотря на явный масскультовский контекст, постановка «Игрока» не раздражает. С одной стороны, эта опера, несомненно, является классикой, с другой стороны, у нее нет того театрального шлейфа, который есть у «Пиковой дамы». Оперу «Игрок» нельзя отнести к разряду популярной классики, она не на слуху, не эксплуатируется так часто массовой культурой, что объясняется, в первую очередь, ее музыкальным языком. Вся опера построена на принципе сквозного развития, мелодизм ее жесткий, современный, не базирующийся на кантилене, не предполагающий отдельных законченных номеров и ансамблей в привычном оперном смысле этого слова. Возможно, поэтому в «Игроке» легче воспринимается любое динамическое изменение, по сравнению с первоисточником. Д. Черняков, перенося действие из эпохи в эпоху, осуществляет полную трансформацию первоисточника, оставляя лишь канву: «Это очищенная история, абсолютно очищенная, формульная» [1]. То есть в данной постановке режиссер выдвигает на передний план вечные темы, которые легко трансформируются в современные:

«вся наша жизнь – игра», жажда денег, любви, признания, непонимание окружающих, лудомания. Так как массовая культура уверенно базируется на «плацдарме» вечных тем, то любые элементы приближения к современности на визуальном уровне постановки текста данного классического произведения воспринимаются достаточно спокойно.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что взаимодействие классики и массовой культуры в анализируемых постановках происходит в разных направлениях. С одной стороны, сценическая версия режиссера А. Галибина оперы П. Чайковского «Пиковая дама» отчетливо вписывается в контекст современной массовой культуры, актуализируя такие ее признаки, как преобладание репродуктивного начала над творческим, актуализация в игре актеров характерных особенностей поведения «человека массы», внешняя зрелищность и формальная иллюстративность сценографии и режиссуры, их (порой наивная) прямолинейность, а также отсутствие целостности и последовательности режиссерского решения. С другой стороны, в интерпретации Д. Черняковым оперы С. Прокофьева «Игрок» недвусмысленно реализуются основные принципы функционирования массовой культуры, а именно: простота, доступность, привычность, необременительность и удобство для восприятия.

Библиографический список

1. Векслер, Ю. «Игрок» в Берлине [Электронный ресурс]: радиопрограммы: Поверх барьеров / Юрий Векслер. – Радио Свобода. – Передача от 20.03.2008 00:33. Режим доступа: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/440262.html>, свободный. – (Дата обращения: 10.03.2011).
2. Злотникова, Т. С. Примирение с жизнью: «следы» классики в массовой культуре [Текст] / Т. С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. – № 1 (54) – 2008. – С. 86–91.
3. Злотникова, Т. С. Часть мира... театр: очерки теории и истории театра [Текст]: науч. моногр. / Т. С. Злотникова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – 340 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Veksler, Ju. «Igrok» v Berline [Jelektronnyj resurs]: radioprogrammy: Poverh bar'erov / Jurij Veksler. – Radio Svoboda. – Peredacha ot 20.03.2008 00:33. Rezhim dostupa: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/440262.html>, svobodnyj. Provereno 10.03.2011.
2. Zlotnikova, T. S. Primirenje s zhizn'ju: «sledy» klassiki v massovoj kul'ture [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – № 1 (54) – 2008. – S. 86–91.
3. Zlotnikova, T. S. Chast' mira... teatr: ocherki teorii i istorii teatra [Tekst]: nauch. monogr. / T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2008. – 340 s.

Е. А. Ермолин

Публицистика Джона Фаулза

В своей публицистике Джон Фаулз определяет исходные основания собственного творчества, излагает свой способ понимания жизни, свои идейные приоритеты. Это личная философия бытия и человека, где метафизический план сопоставлен с планом экзистенциальным. Зерно этой философии – миф Зеленой Англии. Фаулз – Зеленый Сократ, Зеленый Камю. Сократовское «неуважение» к старым богам и камюсовский абсурдный вызов пустым небесам претворились у Фаулза в утверждение неопределенности-неопределимости бытия. Мир бесконечен и таинствен, бесконечное непостижимо. Его атеизм эмоционален и инструментален. Это рыдание над страдальческим бредом жизни, но это и руководство к действию. У человека в этом мире огромное поприще, потому как никто ему не помощник. Отсюда растут ноги социальной философии Фаулза, в которой нет места Богу и парадоксально пересекаются идеалы свободы и равенства. Человек заражен небытием. Небытие живет в нем самом, и это называется *немо*. Он – боится. Но Фаулз рассуждает так: *немо* необходимо для человека. Этот ужас есть источник активности. Человек пытается придать себе значительность, заполнив пустоту внутри себя. Совладать с *немо*.

Ключевые слова: публицистика и эссеистика Фаулза, Зеленая Англия, *немо*, гигиена добра.

Е. А. Ermolin

Reading John Fowles

In his journalism John Fowles defines the initial basis of his own creativity, outlines his way of understanding life, his ideological priorities. This is a personal philosophy of life and man, where the metaphysical plan is confronted with existential one. Its essence is the myth of Green England. Fowles is Green Socrates, Green Camus. Socratic "disrespect" to the old gods and Camus's absurd challenge to empty skies are turned by Fowles into the statement of ambiguity- indeterminacy of being. The world is infinite and mysterious, the infinite is incomprehensible. His atheism is emotional and instrumental. This is an anguished sob over nonsense of life, but it is also a guide to action. Man in this world has a great mission, and there is no one to help him. This is the root of Fowles' social philosophy, in which there is no place for God, and the ideals of freedom and equality paradoxically intersect. Man is infected with nothingness. Nothingness lives in him, and it is called *Nemo*. He is afraid. But Fowles argues that *Nemo* is necessary for Man. This terror is the source of activity. Man tries to make himself important, to fill the void inside. Cope with *Nemo*.

Keywords: Fowles' journalism and essays, Green England, *Nemo*, hygiene of good.

Крупнейший английский писатель второй половины XX века Джон Фаулз работал в разных жанрах, но как публицист, эссеист и мыслитель, он, думается, недостаточно оценен. Между тем усилие мысли было для него неотъемлемой частью творческого процесса. По словам американского критика Барри Н. Олшена, для творчества Фаулза «особенно характерны два необычных по сочетанию, но ярко выраженных свойства. С одной стороны, огромное стилевое и жанровое разнообразие, с другой – повторение определенных тем и концепций, определенных переживаний, основополагающих для человеческого бытия, взглядов и восприятий. Одно выражает потребность художника постоянно бросать вызов, расти и экспериментировать, в то время как

второе кажется проявлением необходимости моралиста высказывать суждения и поучать» [4, с. 7].

В своей публицистике Фаулз раскрывается перед читателем с той мерой откровенности, какая только возможна для современного писателя, англичанина. В «Аристосе» и «Кротовых норах» писатель тщательно, добросовестно, даже с изрядной долей занудства, определяет исходные основания собственного творчества, излагает свой способ понимания жизни, свои идейные приоритеты. У Фаулза есть личная философия бытия и человека, где метафизический план сопоставлен с планом экзистенциальным. Откровенные признания свидетельствуют в пользу того, кто их делает, потому что нам открывается

человек недюжинный, личность на редкость значительная. Он не только знает слова. Он умеет мыслить. Имеет идеи.

«Аристос» – солидная книга рассуждений на главные темы, своего рода философское кредо Фаулза. Впервые она была опубликована в 1964 году, когда автору было 38 лет. Возраст, когда не только приходят к окончательным выводам, но уже и формулируют их категорично. Еще более увесист томик «Кротовых нор» – вопреки жанровому обозначению не «роман», а сборник эссе на разные темы. (Самое раннее датировано тем же 1964 годом, самое позднее – 1997-м.). Это своего рода *досье на Фаулза*.

Начнем с мифа. Вот эссе – «Быть англичанином, а не британцем» (1964).

Есть Европа «обжигающего, черного, циничского опыта» [3, с. 137]. Есть Британия – военная, империалистическая, ханжеская. И есть любезная сердцу Фаулза Англия, Зеленая, эмоционально наивная и морально восприимчивая страна Робина Гуда – Справедливого разбойника. «Он человек, который, встав перед выбором – смириться с несправедливостью или уйти в леса, всегда ищет убежища среди деревьев. Робингудизм по сути своей есть критическая оппозиция, не удовлетворяющаяся бездействием» [3, с. 131]. Из этой точки Фаулз выводит склонность англичанина к уединению, к переживанию своих эмоций, стремлений, желаний, своих излишеств и экстазов вдали от всех, в четырех стенах, за семью замками, – но и коренной инстинкт справедливости, не замыкающийся ни в какие границы. Зеленые англичане – сократический народ: «что-то вроде расплывающейся сухой гнили в здоровом и крепком доме укоренившейся несправедливости» [3, с. 138].

Этот миф есть одновременно и автоаттестация, приведенная к завершеному и пластически очевидному образу. Многое из прочего – приложения и реализации целостной мифологемы. Причем к этим реализациям относятся не только отшельнический образ жизни Фаулза или его внепартийность, но и его *мегаевропейство* – стремление писателя выйти за пределы английской литературы в общеевропейское (включающее и Россию, кстати) пространство культуры, с особыми французским и греческим акцентами.

Фаулз – Зеленый Сократ, Зеленый Камю. Интуит, правдоискатель, проповедник. Сократовское «неуважение» к старым богам и камюсовский абсурдный вызов пустым небесам претворились у Фаулза в утверждение принципиальной

неопределенности-неопределимости бытия. (Не без соучастия, наверное, Юма, Локка, Беркли, Рассела.) Мир бесконечен и таинствен. Бесконечное непостижимо. «Я живу в мире случайности и бесконечности. Вокруг меня простирается космос: луга галактик, ширь темных пространств, звездные степи, океаны тьмы и света. В нем нет ответственного бога, ни особой заботы, ни особого милосердия. Но повсюду я вижу живое равновесие, трепетное напряжение, бездонную, но таинственную простоту, беспредельное дыхание света» [2, с. 52–53]. Так выглядит одна из итоговых формул фаулзова мировосприятия.

У него есть специальное уточнение по поводу религиозного лона европейской культуры: «Вторым пришествием Христа станет понимание того, что Иисус из Назарета был величайшим человеком, а не богом; если церкви этого не поймут и не найдут сил “реформироваться” – они умрут» [2, с. 202].

Он странноватый атеист. Без воинствующего гедонизма, без трагического абсурда. И вовсе не скептик-агностик. Его атеизм, на котором Фаулз настаивает снова и снова, – эмоционален и инструментален:

- не догма, а рыдание над страдальческим бредом жизни. Тут не малая иванкарамазовская слезинка ребенка, а однажды увиденный воочию сумасшедший преступник, бросивший в топку зачатого от него же самого ребенка своей старшей дочери. Гипертрофия масштаба бедствий сопровождается сокращением претензий к высшей инстанции. Если бы она вмешивалась, можно было бы ее обвинить, но она не вмешивается, и лучше считать, что ее нет. Мир безразличен к человеку. «У целого нет фаворитов» [2, с. 27].

- не догма, а руководство к действию, как говаривали в старину по совсем другому поводу. «Быть атеистом – это вопрос не морального выбора, а человеческого долга» [3, с. 33]. Отбросить иллюзии и самообманы. Гарантии отсутствуют. «Смерть – это комната, которая всегда пуста» [2, с. 74]. Жизни после смерти нет – и это стимул жить сейчас. «Чем более абсолютной представляется смерть, тем более подлинной становится жизнь» (курсив мой – Е. Е.) [2, с. 67]. «Никто нас не спасет, кроме нас самих» [2, с. 47].

Парадоксальным образом Фаулз выводит из этих невеселых посылок оптимистический итог: «Эта таинственная стена вокруг нашего мира и нашего представления о нем должна не расстраивать нас, а лишь возвратить к дню сего-

дняшнему, к жизни, к нашей эпохе» [2, с. 36]. Бога нет, и это хорошо весьма. Все противоречия сходятся где-то в бесконечности в точку смысла, и там «несправедливости не существует». Хотя «для отдельного существа это может означать несчастье» [2, с. 26]. Но и точка эта для нас недостижима, непостижима. Зато человек свободен. «Мы строим в ничто; мы строим» [2, с. 35].

Параллели своему миропониманию Фаулз ищет у Гераклита и Екклезиаста, в дзенско-даосском бездействии-безымянности. Мы же вправе прописывать эти идеи в религиозно-выступленном XX веке, в эпохе немого и безымянного, неведомого Бога («человек XX века – млекопитающее не религиозное», с ударением отмечает Фаулз [3, с. 148]). Довольно это грустно и сиротливо, хотя писатель пытается сгладить эффект.

Хиросима показала, что человечество смертно, причем внезапно смертно? – утешьтесь: «Если наш мир будет уничтожен вместе со всеми нами, то целое не пострадает!» [2, с. 47]. Или просто забудьте о химерах. Перестаньте ждать, займитесь делом, наконец. «Я надеюсь также предложить каждому выбрать какое-нибудь место – в непосредственной близости от его дома – где тоже кое-что можно сделать в плане решения экологических проблем» [3, с. 356] (или еще каких-то, их ведь много).

У человека в этом мире огромное поприще, потому как никто ему не помощник. Он сам себе, простите, бог – не потому, что так велик, а потому что незаменим. Отсюда растут ноги социальной философии Фаулза, в которой нет места Богу и довольно парадоксально пересекаются идеалы свободы и равенства, относительно практической совместности которых так трудно быть уверенным.

Человек существует на грани небытия и заражен небытием. Небытие живет в нем самом, и это называется *немо* – «человеческое чувство собственной бесполезности и недолговечности; собственной относительности и фактической ничтожности» [2, с. 92]. Он – боится. Фаулз изощренно коллекционирует человеческие страхи: «Боязнь незнания смысла жизни. / Боязнь незнания будущего. / Страх смерти. / Боязнь правильного выбора. К чему приведет мой выбор? Могу ли я выбирать? / Боязнь иного. Все чуждо мне, включая большую часть меня самого. / Боязнь ответственности. / Боязнь неспособности любить других и помогать им: своей семье, друзьям, стране, всем людям. Эта боязнь усугубляется нашим обостренным осознанием вины перед ни-

ми. / Боязнь не быть любимым другими. / Страхи республики – социальная несправедливость, водородная бомба, голод, расизм, политика балансирования на грани войны, шовинизм и проч. / Беспокойство из-за амбиций. Тот ли я человек, каким хочу быть? Тот ли я человек, каким хотят меня видеть другие?..» [2, с. 78–79]. И так далее.

Опять печали. Но Фаулз рассуждает так: немо необходимо для человека. Этот пассивный ужас есть источник активности. Ведь «никто не хочет быть никем» [2, с. 92]. Человек пытается придать себе значительность, заполнив пустоту внутри себя. Совладать с немо, «победить немо» [2, с. 98], «убить немо» [2, с. 95] – и тем самым самоутвердиться. Это мотив для социальной активности, приспособляется человек или конфликтует.

Характерны немодные заботы Фаулза о всеобщем равенстве. Чуть ли не с первых строк он заводит разговор именно об этом. Потом он разъяснит: чувство неравенства и несправедливости – это форма осознания немо. И это – «главная причина всех преступлений» [2, с. 308]. Преступление понимается автором как компенсация чувства неравенства. Освальд убил Кеннеди, а пытался убить только свое немо. Террористы убивают видных лиц, чтобы уравнивать себя по значимости со своими жертвами. Народы отдаются вождям, в которых воплощают представление о своей важности и значительности.

В искусстве давление немо проявляется в поиске уникального стиля за счет содержания; это бедное духом *новое рококо*. Одержимость деньгами – еще способ убить свое немо. И вот они усугубляют неравенство.

Напротив, равенство есть счастье. Люди, наверное, не отказались бы от *равного счастья*. Но возможно ли это? Фаулз не такой большой утопист. Различия, неравенство неизбежны и необходимы. Но может случиться прикладная, инструментальная гармония, к ней и нужно стремиться. «Мы сами должны восстановить справедливость в нашем мире» [2, с. 61].

Достичь ее можно вовсе не осознанием греха и покаянием. Это ложный путь. Зло не искупается, а остается со мной навсегда. А истинный путь – самоограничение, соблюдение истинного баланса «разнообразия, возбуждения, перемен и риска» [2, с. 227] с использованием научного расчета, *гигиена добра*. Добро в идеале есть *привычка*, стоящая в одном ряду с чисткой зубов, умыванием, сморканием в платок. «Благотворительность, доброта к ближним, действия, на-

правленные против несправедливости и неравенства, должны быть *поступками не ради удовольствия, но ради гигиены* (...). Если вы могли совершить полезное доброе дело, но отказались от такого поступка, это не аморально; это равносильно прогулкам на публике, когда у вас руки вымазаны в экскрементах» [2, с. 152, 158]. Таков современный английский инвариант разумного альтруизма.

Заодно – по Фаулзу – нам очень стоит поставить под контроль чрезмерную свободу. Это опасная и вредная штука. Она ведь необязательно добра, по сути аморальна, используется для оправдания автократии и культурной гегемонии. Это свобода «удерживать власть и делать деньги»!.. Примерно так писал однажды Фаулз в 1980-е годы. Наверное, не зря писателю пришлось с нажимом утверждать, что он, конечно, антилиберал, но – ни в коем случае не фашист, а только социалист. И нельзя сомневаться: не фашист. Просто диалектика свободы и счастья, о которой немало было сказано и до Фаулза, им самим уловлена, но не доосвоена в ее глубинных основаниях. Фаулз, повторю, прежде всего практик. Он умеет формулировать практические задачи, исходя из принципа равновесия. Например, так: нужно привести к взаимодействию зависть и счастье, лишив первую разрушительной энергии, а второе – разрушительного эгоизма; и добиться этого «с помощью науки, разума и милосердия» [2, с. 123].

Он – за эволюционный, парламентский социализм, за такой социализм, который «в лучшем случае <...> стремится достичь максимальной свободы при минимальном социальном страдании». А бывает ли такое? На этот вопрос Фаулз ответит вам следующим образом: «Это намерение верно, какими бы неправильными ни были подчас средства»... [2, с. 229]. «Социализм-аристос», то есть «наилучший в данной ситуации».

Фаулз не дает своим сомнениям большой воли. Ограничивает их. Держит под контролем, как было сказано. Он уповает, во-первых, на сокращение непомерно разросшегося населения продуманными акциями государств, а во-вторых, на правильное воспитание, коему посвящает очень много места в книге «Аристос». Человек должен созреть, познать себя, освоив великие религии и философии прошлого и настоящего с «синоптической целью». То есть свести их воедино к итоговой истине. Например, к стойкому феминизму.

Или к тому, чтобы «установить равенство компенсации в жизни» [2, с. 348].

Фаулз не то чтобы ставит себя в пример, но любит вспоминать про ступени своего собственного образования и самообразования, которые привели его к столь ясному видению проблем человека. Это Оксфорд. Это прививки экзистенциализма и марксизма. «... судьба и влияние мудрости Гераклита и Сократа (которые меня привлекали всегда гораздо сильнее, чем Иисус Христос) склоняют некоторых из нас к социальной, политической и моральной левизне» [3, с. 115].

Тут у Фаулза развилка.

С одной стороны, он, в конце концов, снова выкручивает к одиночеству человека. Он признается, что для него главный художественный интерес представляют именно такие ситуации полной изолированности. Лейтмотив его размышлений – это явленность-неявленность писательского «я» в романной прозе, потаенность и открытость, обнаженность, творчество как публичный онализм и как добровольная ссылка из собственной жизни... Противоречивый, уникальный опыт творца. Но и больше: экзистенциализм как мировидение трактуется им как проверенный на собственном опыте путь перебарывания немо. Человеку не нужны ни стандартная униформа, ни общепринятые символы. Его униформа – это его идеи. Его символы – это его поступки. Он сам себя выбирает и сам разумно осуществляет добро. Формула благородного стоицизма: «Принять ограниченность своей свободы, принять собственную изоляцию, принять эту ответственность и изучить свои личные способности, а затем с их помощью сделать целое человечнее – вот наилучшее для данной ситуации» [2, с. 412].

С другой стороны, Фаулз и сам начинает заниматься решением образовательно-воспитательных задач. Именно такое впечатление вызывают многие его эссе из «Кротовых нор». Скажем, сочинения на экологическую тему. На десятках страниц: «Итак, что же нам делать? Очевидно, что первое – это запретить использование в садах всех инсектицидов (...). С этим очень тесно связано второе: гербициды (...). Затем нужно урезать площади, отведенные под газоны (...). Еще один очень важный момент – это выбор цветов и декоративных кустарников для клумб и оформления дорожек...» [3, с. 363]. Несказанное умиление разливается в душе, когда знакомишься с этими фаулзовыми пассажами.

Искусство, по Фаулзу, это, представьте себе, тоже не бабочка над цветком, а рабочая лошадь. Оно «успешнее всего побеждает время, а следовательно, него» [2, с. 354]. Главное – не искусственность в словах, не виртуозность формы. «Моим первейшим стремлением всегда было и оставалось желание изменить общество, в котором я живу» – и для этого Фаулз «выбирает писательство» [3, с. 27–28]. Или вот еще: «Я разделяю писателей на развлекаателей и проповедников. Я не против развлекаателей, я всего лишь против их теперешней гегемонии» [3, с. 32].

Определяя природу искусства, Фаулз писал, что оно выражает истины, слишком сложные, чтобы их могла выразить наука [2, с. 180]. Он видит превосходство искусства над наукой в способности первого схватывать и пояснять сложности окружающей действительности, внутреннего облика человека и его взаимосвязей с окружающим миром. Писатель называет искусство стенограммой человеческих знаний: по его мнению, искусство и жизнь взаимно дополняют друг друга. Искусство не может решать проблем, но оно может их актуализировать. Опыт каждого из героев Фаулза дает читателю определенный моральный урок, заставляет его взглянуть в самого себя, переоценить свои взаимоотношения с окружающей средой. Одной из задач искусства Фаулз считает преодоление предрассудков, ведущих человечество назад к варварству, – так резюмирует идеи Фаулза Э. Г. Годованная [1].

У нас такой вот Фаулз оказывается вне контекста. Много из того, что знает и думает Фаулз, в нынешней России непопулярно. Вообще ведь не очень популярно точно знать и далеко думать. И, наверное, не только в России. Кому-то хватает веры, кому-то – пафоса. Есть даже подозрение, что Фаулз потеряет некоторых своих поклонников, если, конечно, они всерьез воспримут исповедание веры этого странноватого англичанина-идеалиста, наивного европейца, который очень честно относится к некоторым принципам.

Он заботится не об успехе, а об истине: идеалист, социальный и моральный резонер. Фаулз – человек большой и (в своем практическом смыс-

ле) очень правильной мысли. На фоне мерзости и пошлости пусть будет еще в нашем трижды падшем мире остров мечты о хорошем обществе. На фоне отупения и расслабленности пусть будет проповедь действия, *добродействия*. На фоне мракобесия, сервильности и обскурантизма – одинокий голос недогматической окраски. На фоне художественного измельчания, охватившего запад и восток, – серьезность отношения к жизни и творчеству.

Его книги – опыты личностной свободы. В них есть тяга вверх. Куда, казалось бы, если Бога нет?.. Парадокс западного интеллектуала: не все позволено. «Мы глядим дальше закона, глубже права. Мы знаем, что справедливость всегда больше права и глубже права: глубже в определениях, глубже в применении на практике и глубже в нашей истории. Такова зеленая суть нашего развития» [3, с. 138].

Библиографический список

1. Годованная, Э. Г. Философско-эстетические доминанты русского и европейского постмодернизма и творчество Джона Фаулза [Текст] : Дис. ... канд. филол. наук / Э. Г. Годованная. – Краснодар, 2004. – 213 с.
2. Фаулз, Джон. Аристос. Размышления, не вошедшие в книгу Екклезиаста [Текст] / Д. Фаулз. – М. : Эксмо-пресс, 2002. – 352 с.
3. Фаулз, Джон. Кротовые норы [Текст] : роман / Д. Фаулз. – М. : Махаон, 2002. – 640 с.
4. Olshen, B. John Fowles [Text] / B. Olshen. – New York: Ungar, 1978. – 140 pp.

Bibliograficheskiy spisok

1. Godovannaja, E. G. Filozofsko-jesteticheskie dominanty russkogo i evropejskogo postmodernizma i tvorcestvo Dzhona Faulza [Tekst]: Dis. ... kand. filol. nauk / E. G. Godovannaja. – Krasnodar, 2004. – 213 s.
2. Faulz, Dzhon. Aristos. Razmyshlenija, ne voshedshie v knigu Ekkleziasta [Tekst] / D. Faulz. – M.: «Jeksmo-press», 2002. – 352 s.
3. Faulz, Dzhon. Krotovye nory [Tekst]: Roman / D. Faulz. – M.: «Mahaon», 2002. – 640 s.
4. Olshen, B. John Fowles [Text] / V. Olshen. – New York: Ungar, 1978. – 140 pp.

Т. С. Злотникова

Трансформации социума и самореализация личности: альтернатива или альянс?

Выполнено по государственному заданию Министерства образования и науки РФ в 2014 г. (№ 2014/409) по теме «Культура России в трансформирующемся хронотопе»

В статье развиваются идеи, обоснованные и доказанные в предшествующих публикациях автора. Основной проблемой в данной статье является русская провинция как культурный феномен, исторически сложившаяся среда и пространство бытия современного человека. Наряду с рассмотрением ранее изучавшихся вопросов о соотношении столицы и провинции, о ментальных характеристиках российского провинциала, о хронотопе русской провинции впервые поставлен вопрос о медиапространстве провинции. Обозначены границы провинциального медиапространства. Описан субъект провинциального медиапространства: журналист в телеэфире, в радиоэфире, а также «человек-невидимка», лишенный перспективы развития.

Ключевые слова: социум, трансформации, личность, самореализация, провинция, столицы, массовое сознание, медиапространство.

T. S. Zlotnikova

Transformations of society and self-realization of personality: alternative or alliance?

The article develops the ideas substantiated and proven in previous articles and other publications of the author. The main problem of the article is Russian province as a cultural phenomenon, historically formed environment and space for contemporary man. Alongside with studying the issues regarding the relationship between capital and province, the mentality of a Russian provincial, the chronotope of the Russian province, the author raises the question of media space in the province for the first time. The boundaries of the provincial media are outlined. The subject of the provincial media space is described. It is the journalist on television, radio, and also "the invisible man" devoid of prospects.

Keywords: society, transformation, personality, self-realization, province, capital, mass consciousness, media space.

Россия вне столиц. Очень по-современному съязвил знаменитый в свое время драматург и публицист В. Соллогуб: «За Петербургом есть довольно обширное пространство земли, именуемое Россией. Это пространство разделяется на значительное количество губерний; в каждой губернии находится по одному губернскому городу. Некоторые петербургские жители, исключительно ограничивающие свою жизненную деятельность одним Петербургом, не знают, может быть, этих подробностей...».

Культурное значение центра и провинции (периферии) в социально-исторических представлениях начала XX в. все более настойчиво отделяется от значения геополитического.

Исследования прежде всего философов и культурологов (отметим – не историков и не социологов) показали: при централизации власти ускоряются процессы дифференциации провинции и центра, что приводит к консервации провинциального «комплекса».

Для России традиционным стало внимание к взаимоотношениям столицы и провинции. Эта коллизия типична для имперского сознания, и потому историки первого «человека из провинции» обнаруживают в XVIII в., когда в России складывалась имперская атрибутика, а в лексиконе укрепляется само слово провинция. Как известно, Н. Карамзин полагал, что *Россия произрастает провинцией*, а В. Ключевский считал, что *в России центр на периферии*. Однако последний, характеризуя нравы дворянского общества середины XVIII в., противопоставлял в негативном плане «сельскую, провинциальную культуру» более современному, «модному дворянскому свету столичных городов».

Напомним: мы посвятили ряд исследований проблеме русской провинции, подчеркнув, что провинция в России может пониматься как состояние души человека [2]. В художественной провинциологии высказывания типа «провинция – это отчаяние» перемежаются с позитивны-

ми, даже умильными суждениями. Это объяснимо исходя из представления Н. Бердяева о том, что *провинциализм есть другая метафизика жизни*.

Пространство русской культуры выступает как ареал распространения данной культуры, не совпадающий с географическими, административными границами, а также с границами компактного расселения русских. В то же время необходимо установить не сами по себе пространственные характеристики, но *хронотоп* русской провинции. Последняя предстает как явление специфическое, мало зависимое от географических координат, имеющее корни в душе человеческой не менее, чем в истории. Это и *пространство*, расположенное на тысячи верст вокруг Москвы или Петербурга; это и *время*, которое нужно затратить человеку не столько на путь по городам и весям, сколько не преодоление духовных различий с динамичными (а подчас и циничными) согражданами; это и *настроение*, отмеченное мечтательностью и тоской, охватывающее на нешироких улицах, на проселочных дорогах, среди полублупившихся простеньких или претенциозных домов. Хронотоп русской провинции определяется и таким понятием, как «азиатчина». Так, внутренняя «азиатчина» как духовная провинциальность виделась русским интеллигентам в жестоком самонеуважении. И если В. Соловьев все же приветствовал «слабость национального эгоизма» как задаток великого будущего [4, с. 304], то В. Розанов куда более резко реагировал на то «дикое и ни в одной земле небывалое», что основано на убогом неиспользовании собственного потенциала и заискивании перед чужими, далеко не лучшими образцами. Этого провинциализма, считал В. Розанов, нет «ни у негров, ни у турок, ни у китайцев» [3, с. 339]. «Зулусы», «тунгусцы» были привычным для А. Чехова обращением к родственникам и друзьям – провинциалам. Русская интеллигенция рубежа XIX–XX вв. относилась к России как к Востоку, производя «излюбленное противопоставление «азиатского» начала «европейскому», как «низшего высшему», и требуя найти сочетание «европеизма», резкого отталкивания от культурной отсталости России, с «напряженным чувством к родине и национальной гордости» [6, с. 453, 454, 459].

Русский человек, не будучи мещанином в плане духовном, к месту обычно «приговорен», ностальгирует (по В. Далю, «место», в числе прочего, обозначает «ширь, простор, пустоту», а

«мещанин» – всего-навсего «горожанин низшего порядка»), например, ремесленник). Вопреки стереотипу восприятия жителя провинции он обладает творческим потенциалом и импульсы своей деятельности черпает либо в неосуществленном стремлении за пределы круга, означенного сферой его происхождения (стремится «в Москву, в Москву»), либо в ностальгии по оставленному родному пространству.

Особый смысл в психологическом портрете представителя русской провинциальной культуры приобретают его *взаимоотношения с европейцами*. Русский провинциал традиционно возмущается упорядоченностью, «нормальностью» европейской жизни, а европейцы оказываются перед неразрешимой «загадкой русской души» или «русских пространств», обнаруживая в своем непонимании странную провинциальность духа рядом с неясным мерцанием и парением чувств русских провинциалов. Для самоощущения русской интеллигенции традиционно особое отношение к драматическому положению России *между Востоком и Западом, между темным прошлым и туманным будущим*. Она испытывает презрение или нелюбовь к западной цивилизации за то, чем не владеет русский, но что – обладая этим русский – уравнило бы русскую «азиатчину». Однако русские и за границей – в Ницце, Монте-Карло, Берлине, Париже, Нью-Йорке – создают свою «провинцию» как локальное духовное и даже бытовое пространство. П. Чайковский сетовал на «поразительно банальную обстановку» своей жизни во Флоренции – «точно где-нибудь в русской провинции»; для А. Чехова черты провинциальности выделялись в любой экзотически-отдаленной стране, как только ее бытие оказывалось понятным и физически доступным для него бытом (это относится к таким «роскошным» местам, как Сингапур, Индия, Цейлон, Китай, а также города Италии Франции и Германии); однако В. Набоков возил с собой в эмиграции резиновую складную ванну, видя в ней спасение от чужого духа в «бесчисленных европейских пансионах». Покинув родину, которая могла раздражать своей провинциальностью, русский художник творил «там» фрагмент своей провинции, своего, отдельного от всего мира бытия. Так возникают представления о *внутренней провинции и внутренней «загранице»*.

В русской традиции особенно отчетливо актуализировался тот факт, что смысл понятия «*провинция*» определяется через оппозицию к понятию «*столица*».

Первый – наиболее простой и ограниченный конкретными пространственными рамками круг провинции. В России – это все, что отдалено от города, вернее – от столицы, от поверхностных признаков цивилизованного быта. Второе – провинция отстает от столиц в количественных масштабах.

Своеобразие российского варианта культурной антитезы столицы и провинции заключается в двунаправленности вектора относительно столиц (во множественном их числе). В то же время подчеркивается, что своя провинция есть и в столичных городах: в Москве – Замоскворечье, в Петербурге – Коломна или Выборгская стороны. Различается и «тонус» двух столиц: «В Москве отдыхают. Здесь всякий может дурачиться как хочет, жить и умереть чудачком» (К. Батюшков) – то бишь провинция становится местом исполнения прихотей, в то время как столица – местом исполнения долга. «За что Россия любила Москву? За то, что узнавала в ней себя. Москва охраняла провинциальный уклад, совмещая его с роскошью и культурными благами столицы. На нем лежит печать светлой наивности, доброй здоровой лени. Здесь нет ни капли петербургского излома, мучительства – зато и нет мучительной напряженности и поиска» (Г. Федотов).

Особенности *тоталитарного режима* в России обозначили ситуацию резкого давления центра на жизнь страны, когда качественные характеристики столичной культуры определяются не только высоким уровнем, но и консерватизмом, несоответствием общему уровню культурного прогресса. Тоталитарное, жестко иерархическое общество культивирует «географические предрассудки», ведущие к унижению личности провинциала, укреплению у него чувства несвободы и комплекса неполноценности. Государственная и культурная столицы не совпадают в полной мере (такова ситуация культурной жизни Советского Союза в 1960–1970-х гг., когда Ленинград был не менее значимым театральным, кинематографическим, музыкальным, музейным центром страны, чем Москва).

Исследования ментальных, социокультурных, эстетических особенностей российской провинции последнего периода (уже наступившего третьего тысячелетия) позволяют утверждать, что существенным отличием столицы и провинции по-прежнему остается различие *объемов пространства* для маневра. Для провинции это чаще всего вектор, выводящий субъект культуры за естественные географические пределы:

традиционным является стремление из провинции в столицы (в художественной жизни это касается театра, музыки, эстрады); заметно сокращается в силу экономических причин и внутрипровинциальная миграция, известная по персонажам пьес А. Островского как передвижение «из Керчи в Вологду». Возрастает и изоляция провинции: в отличие от существовавшей в тоталитарном государстве квоты на участие в столичных вернисажах (показ в столице как форма поощрения) стала настойчиво внедряться мысль о самодостаточности провинции. Эта идея выступает как способ компенсации для самих провинциалов и возможность для столицы отчуждения от трудноразрешимых провинциальных проблем.

Массовое сознание и публика – в столицах и вне...

Начиная с первобытного стада и древней орды, масса, по Лебону и Фрейду, «производит на отдельного человека впечатление неограниченной мощи и непреодолимой опасности». Следует отметить, что не всякий человек способен эту опасность адекватно отрефлексировать. Но причины такого едва ли не гипнотического воздействия массы ясны – мы говорим о генетически значимых признаках массового сознания. Масса импульсивна, и ее импульсы столь повелительны, что не дают проявиться даже инстинкту самосохранения; масса возбудима и легковерна, а ее чувства просты и гиперболичны; масса категорична, она не знает сомнений и неуверенности; в массе стирается своеобразие отдельных людей (парадоксальным свидетельством справедливости этого суждения может стать такое явление массовой культуры, как мода – психологический курьез ее основан на стремлении множества людей быть лучше всех, но для этого стремящихся стать в своем внешнем облике «как все»).

Отсюда вытекают существенные признаки «человека массы» – эти признаки есть зеркальное отражение самой массы: ослабление интеллектуальной деятельности; снижение уровня реакций; неспособность к умеренности и отсрочке действий; склонность к гиперэмоциональности и безудержность аффектов; непременно деятельностное выражение эмоций. Кроме того, современные исследователи массового сознания акцентируют *прямолинейность восприятия и откровенность потребительских интенций массы*. Американский исследователь Э. Аронсон, последователь и ученик Л. Фестингера и А. Маслоу, с удивлением отмечает такой парадокс массового

сознания, когда «предложение вознаграждения за выполнение приятной работы реально снижает ее внутреннюю привлекательность» [1].

Подчеркнем: *массовая публика – субъект современного медиaprостранства* – это отнюдь не публика *низкая* (необразованная, с неразвитым вкусом, без опыта восприятия искусства). Это – *разная* публика, как имеющая опыт восприятия сложных произведений, радующаяся ассоциативной насыщенности текстов и игре ума, так и неискушенная, простодушно ищущая в детективе закрученную интригу («кровь»), а в мелодраме обманутую простоту и вознагражденную добродетель («любовь»). Это публика с разными финансовыми возможностями (полка одного автора в книжном магазине содержит и формат «rocketbook» в мягкой обложке, стоимостью чуть более 100 рублей, и фолианты в твердой, стилизованные под старинные тома, словно предназначенные для застекленных шкафов со стенами мореного дуба, стоимостью 500–600 и более рублей). *Разная* аудитория ждет заигрывания (неискушенная) – и откликается на игру (продвинутая), ищет исключительность (продвинутая) – и радуется узнаваемости, инспирированной архетипичностью (неискушенная).

Границы медиaprостранства. В качестве таковых, в нашей точки зрения, выступают как материально зафиксированные маркеры – операторы передачи сигнала, типографские машины и прилавки, с которых продается продукция, так и маркеры нематериальные – идентичность субъектов (персональных и массовых, производителей медиaproдукта и его потребителей). Здесь видно, что, в полном соответствии с мыслью К. Ясперса, индивидуум оказывается «у тех границ, соприкасаясь с которыми человек начинает понимать себя как существо одиночное». Опыт наблюдений над телевизионными «процессами» (2004–2012, с перерывами), а также немалый личный опыт работы в разных СМИ, причем в качестве – хотя тогда не было такого слова «фрилансера», будь то печатная пресса, телевидение или радио, где создавались собственные программы и циклы, – подтверждает высказанное предположение.

Факты, характерные для современных медиaprактик, подчеркивают границы и заостряют грани.

Граница столичного и не-столичного медиaprостранств определяется нами следующим образом. *На общероссийском уровне* (по наблюдениям, сделанным над СМИ общероссийскими

и региональными, в последние 3 года не только в Ярославле, но и в Самаре, Саратове, Омске, Новосибирске, Вологде, Санкт-Петербурге). Контент («достижениям народного хозяйства», включая ремонт дорог, выращивание огурцов и цыплят, изредка премьерам и некрологам)+(происшествиям, то есть убийствам, как-то: «белгородскому стрелку», ДТП, пожарам и наводнениям). Нет региональной специфики ни в общероссийском контенте, ни собственно в региональном, вообще нет «присутствия»: ни Северо-Запада, ни Северо-Востока, ни Сибири, ни Урала. *Нет России.*

Медиaprостранство за границей столицы. Было время – на ТВ эфирных ведущих одевали в национальные рубашки, блузки, добавляли аксессуары... Сейчас приходится констатировать отсутствие собственного лица у региональных СМИ, которые даже пытаются искать его, но результаты не видны, ибо отсутствует логика и система деятельности. Принцип контента и форматов («диалог с властью», «аптечные услуги», «негосударственный вуз») – откровенно эгоистичен по отношению к региональным практикам, в итоге разрушителен. Обзор тенденций, наблюдаемых в регионах, приводит к выводу: *работа региональных СМИ*, причем не только радио или ТВ, но и региональных печатных страниц / вкладок («Комсомольская правда», «АиФ») *строится по принципу сетевых торговых комплексов средней руки* (от «Магнита» до «Перекрестка»).

Откровенно идет уничтожение / уничтожение просветительских, образовательных программ, разделов (капля в море «Говорим по-русски», «Эхо Москвы», причем качество вполне усредненное). Регионалы имеют отговорку: *«наш формат» – «не наш формат»*; меняют «парадигму» под заказчика или вовсе настроение (от «протекающая крыша – это не наш формат» до сосулк и протечек как информационного мейнстрима, пример – канал, прежний НТМ, ныне «1 Ярославский»).

В провинции пытаются экономить – и на провинции пытаются экономить. СМИ, работающие вне столиц, пытаются укрепить в вере: переход на web-ресурсы с печатного формата органичен и правилен (пример – «Северный край», впрочем, с его нынешним ресурсом). В то же время в столице (-ах) печатные СМИ не только не исчезают, но даже пачками лежат на бесплатных стойках в сетевых кафе, в фирменных поездах (глянцевый журнал «СВ»); и это не

только «желтые» издания, но и, к примеру, многополосная «Российская газета».

Субъект медианпространства – за границей столичного (журналист).

(1) *Обице для всех типов СМИ тенденции (в регионах).* На персональном уровне «лифт» не работает, но, может быть, и не должен? Всяк сверчок остается на своем шестке, разве что в юности уезжают учиться в Москву (и только туда), попадая из своих Вологды, Уфы, Ярославля в столичные СМИ: примеры Л. Парфенова, А. Малахова, Э. Хромченко, молодой журналистки «Новой газеты» Е. Костюченко.

(2) *Журналист в теле- или радиоэфире.* Готовность и старание обеспечить интерактив (свидетельствую как участник прямых эфиров). Однако проблемы – системные, не региональные. В *радиоэфире* (прежде всего, региональные подразделения российских СМИ, например, «Эхо Москвы»): опасение «не доплюнуть», как в постоянных эфирах, шедших в течение 2014 и начала 2015 года с участием «регионального» депутата-антикоррупционера Б. Немцова. В *телеэфире* – «продукты» стажировок: их обучили стенд-апам, игровым приемам (о чем моя дипломница писала почти 10 лет назад), студийной версии – пулеметному темпу речи, ведению псевдиалога с партнером по «столу». Визуальные «клоны» столичных эфирных ведущих, особенно женского пола, – весьма распространены.

(3) *Человек-невидимка: медианпространство в интернете и интернет как медианпространство.* Очевидно обозначившаяся граница бытия массы и небытия личности (обезличенность ников, «экспозиционистский» характер блогов, неverified-фицированность аудитории).

Подводя итог характеристике медианпространства в границах современной России и современной российской провинции, следует признать: это пространство негетерогенно, хаотично, при этом тенденции стандартизации охватывают не только технологические уровни, связанные с качеством и технологиями передачи сигнала, но и – прежде всего – личностные аспекты деятель-

ности субъектов, а в результате – массовое сознание.

Библиографический список

1. Аронсон, Э. Общественное животное: введение в социальную психологию [Текст] / пер. с англ. М. А. Ковальчука; ред. В. С. Магун / Э. Аронсон. – М.: Аспект пресс, 1998. – 517 с.
2. Злотникова, Т. С. Человек. Хронотоп. Культура [Текст] / Т. С. Злотникова. – Ярославль: Изд.: ЯГПУ, 2011. – 320 с.
3. Злотникова, Т. С. Провинция [Текст] / Т. С. Злотникова // Культурология: Энциклопедия. В 2 т. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 112–124.
4. Розанов, В. В. Ломоносов [Текст] / В. В. Розанов // Опыты: литературно-философский ежегодник. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 335–351.
5. Соловьев, В. С. Философские начала цельного знания [Текст] / В. С. Соловьев // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. Т.2. – М., 1988. – С. 303–312.
6. Франк, С. Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой [Текст] / С. Л. Франк // Пушкин в русской философской критике. М.-СПб., 1999. – С. 279–284.

Bibliograficheski spisok

1. Aronson, Je. Obshhestvennoe zhivotnoe: vvedenie v social'nuju psihologiju [Tekst] / per. s angl. M. A. Koval'chuka; red. V. S. Magun / Je. Aronson. – M.: Aspekt press, 1998. – 517 s.
2. Zlotnikova, T. S. Chelovek. Hronotop. Kul'tura [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl': Izd.: JaGPU, 2011. – 320 s.
3. Zlotnikova, T. S. Provincija [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Kul'turologija: Jenciklopedija. V 2 t. – M.: ROSSPJeN, 2007. – S. 112–124.
4. Rozanov, V. V. Lomonosov [Tekst] / V. V. Rozanov // Opyty: literaturno-filosofskij ezhegodnik. – M.: Sovetskij pisatel', 1990. – S. 335 – 351.
5. Solov'ev, V. S. Filosofskie nachala cel'nogo znaniya [Tekst] / V. S. Solov'ev // Solov'ev V. S. Soch.: v 2 t. T.2. – M., 1988. – S. 303–312.
6. Frank, S. L. Pushkin ob otnoshenijah mezhdou Rossiej i Evropoj [Tekst] / S. L. Frank // Pushkin v russkoj filosofskoj kritike. M.-SPb., 1999. – S. 279–284.

В. И. Карасик

Декалог: культурологический комментарий

Рассматриваются и комментируются этические нормы, сформулированные в Библии. Эти нормы представляют собой строгие предписания и запреты и закрепляют приоритет духовных ценностей по отношению к телесным, коллективных – по отношению к индивидуальным и самоконтроля по отношению к внутренней раскованности. Динамика развития этих ценностей состояла в увеличении значимости интенции как основы поступка по сравнению с результатом того или иного действия. Показано, что в современном обществе грехи эмоциональной сферы (чревоугодие, блуд, сребролюбие) подвергаются мягкой юмористической критике, грехи мотивационной сферы (печаль, гнев, уныние) часто рассматриваются нашими современниками как причина для обращения к психотерапевту, а грехи рациональной сферы (гордыня, тщеславие и зависть) осуждаются, если приобретают неуместный характер. Такое изменение отношения к этическим нормам Библии свидетельствует о возврате к язычеству и вытекающей отсюда ювенилизации массового сознания.

Ключевые слова: интерпретация, Библия, Десять заповедей, нормы, ценности, грех.

V. I. Karasik

Decalogue: a cultural commentary

The article deals with and comments upon ethical norms as formulated in the Bible. Such norms are strict prescriptions and prohibitions which fix the following priorities: spiritual values (as opposed to corporal ones), collective values (as opposed to individualistic ones) and self-control (as opposed to behavioral looseness). The main trends of value development from the Old Testament to our days consisted in significance increase of intentions compared to results of actions. I argue that in modern Western society the sins of emotional sphere (gluttony, fornication and greed for money) are mildly criticized in jokes, the sins of motivational sphere (melancholy, depression and anger) are often regarded by our contemporaries as a field of a psychotherapist concern, whereas the sins of rational sphere (pride, vain glory and envy) are disapproved only if they are manifested in exaggerated or improper way. Such transformation of the attitude to Biblical norms of behavior proves that we have returned to paganism with its basic feature of mass consciousness juvenilization.

Keywords: interpretation, the Bible, Ten Commandments, norms, values, sin.

Библейский Декалог (Десять Заповедей) представляет собой один из важнейших этических и юридических кодексов норм, выработанных человечеством. Не претендуя на глубокий анализ этого фундаментального основания нашей культуры (список богословских, философских, психологических, социологических и культурологических трудов, посвященных Десяти Заповедям очень велик), считаю нужным привлечь внимание читателей к некоторым возможным интерпретациям Декалога и трансформации тех норм, которые составляют его сущность.

Этот кодекс включает следующие суждения: *1. Я Господь, да не будет у тебя других богов перед лицом моим. 2. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе, на земле и в воде. 3. Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно. 4. Помни день субботний, что-*

бы святить его. 5. Почитай отца твоего и мать твою. 6. Не убивай. 7. Не прелюбодействуй. 8. Не кради. 9. Не лжесвидетельствуй. 10. Не желай дома ближнего своего, ни жены его, ни раба, ни рабыни, ни вола, ни осла, ничего, что есть у ближнего твоего [1, Исход, 20: 1–17]. Сакральный характер этих норм обусловлен библейским нарративом (их услышал пророк Моисей на священной горе от Всевышнего, вырезал на каменных скрижалях и принёс народу).

Первая заповедь носит экзистенциальный характер: Бог обращается к человеку, тем самым сообщая, что существует и заинтересован в контакте с человеком. Это первый шаг к рефлексии, к самосознанию, к тому, что отличает человека разумного от других существ. В Священном Писании многократно зафиксирован диалог Творца с человеком – с Адамом и Евой, Ноем, Авраамом

и т. д. Эти сакральные речевые акты обычно носят характер императивов – повелений и запретов, а в ряде случаев и конкретных инструкций (куда отправиться, как строить ковчег, как вести себя с фараоном). Имеют место и вопросы к людям, хотя Создатель по определению всеведущ. Весьма значимы обещания и предостережения. В первой заповеди содержится и квинтэссенция монотеизма. В политеистическом мире спокойно уживается множество богов. Монотеизм настоятельно требует отречения от других богов, следовательно, предполагается, что человек поклонялся им ранее. Подразумевается, что с молитвой можно обращаться только к Богу, а не к ангелам либо святым (в христианстве эта норма впоследствии была скорректирована). Обратим внимание на модальность запрета: можно было бы призвать к конкретному поведению («*Не поклоняйся!*»), но вместо этого выражен более общий экзистенциальный запрет («*Да не будет...*»). Такая модальность переключается с Божественным комментарием при сотворении мира («*Да будет свет!*»). Все остальные прескрипции в Декалоге выражены в виде прямых призывов к действию либо отказу от определенного действия.

Вторая заповедь определяет сущность Всевышнего – у Бога нет какой-то одной чувственно воспринимаемой формы, которую можно было бы овеществить в виде того или иного предмета. Эта сверхчувственная сущность Бога четко разделяет мир язычества и мир монотеизма. При этом человек, тем не менее, овеществляет непознаваемого чувствами и рассудком Бога: это горящий и несгораемый куст, пылающее облако или столп, голос, действующие лица сакрального сюжета – ангелы, а также различные способы опосредования диалога между человеком и Создателем (вербальные либо невербальные молитвы, священные ритуалы, освященные места, артефакты). Из этой же заповеди вытекает запрет на поклонение тому, что создано руками человека. Удвоение творца строго запрещено. Исходная категоричность такого запрета распространяется и на те случаи, которые можно было бы и не рассматривать в качестве сотворения кумиров, например, художественное, утилитарное либо игровое изображение живых существ. Но дидактический смысл такой категоричности понятен: с одной стороны, отрицается вероятность возвращения к прежнему многобожию, с другой стороны, признается возможность любования артефактом и приписывания ему волшебных свойств.

Третья заповедь заставляет людей задуматься о смысле сакрального порядка вещей. Не случайно семантика святости в древнееврейском корне «*kdsh*» сводится к отделению того, что свято, от обыденности. Противопоставление повседневности и сущности переключается с актом творения мира: сотворил Господь небо и землю, отделив одно от другого (общим местом является комментарий о том, что небо предшествует земле). Произнесение имени бога всуе приводит к профанации религии и веры и, следовательно, ведет к язычеству, суть которого состоит в том, что различные идолы служат конкретным земным потребностям людей. Заметим, что идея святости по-разному выражена в языках народов мира. В славянских языках корень «*свят*» соотносится со светом, то есть символизируется антиномия «свет – тьма», в латинском ареале «*sacrum*» означает посвящение, предназначение, речь идет фактически о жертвоприношении (этот акт представляет собой признание высших сил и содержит нуминозное выражение трепета перед ними), в германском осмыслении святость ассоциируется со здоровьем и целостностью (англ. *holy* – здоровый, *whole* – целый), то есть с идеальным состоянием человека, в финно-угорских языках (финск. *pyhä* – граница) акцентируется противопоставление своего и чужого, то есть подчеркивается идея запретности святого. Во всех случаях мы можем увидеть противопоставление святого и повседневного, при этом повседневное осмысливается как привычное, несовершенное, не вызывающее страха. Вместе с тем третья заповедь акцентирует значимость клятвы: произнесение священного имени рассматривалось как подтверждение истины. В определенной мере эта норма соотносится с запретом на лжесвидетельство.

Четвертая заповедь призывает неукоснительно следовать сакральным ритуалам. День седьмой отведен для благочестивых размышлений о жизни, для самоуглубленного анализа и обращения к священному тексту. Во многих конфессиях функция медиации между богом и человеком отведена священникам – специально подготовленным людям, обладающим особой благодатью для обеспечения такого контакта. Жреческое сословие существовало у разных народов. Предполагалось, что особые способности контактов с высшей силой являются наследственными (поэтому у индусов была каста брахманов, а у иудеев правом наследственного богослужения обладали потомки Аарона – когены и те, кто принадлежал к колену Леви – левиты).

Такая установка закрепляла особые права жреческого сословия и являлась прерогативой этих социальных групп. К таким людям предъявлялись и особые требования (недопустимость физических дефектов, запрет на прикосновение к мертвым и т. д.). Но в четвертой заповеди выражена более радикальная идея – весь народ должен в определенный день недели превращаться в священнослужителей.

Начиная с **пятой заповеди** речь идет о сфере земной жизни. Первая норма земного бытия человека относится к почитанию родителей. Переход от дикости к основам цивилизации выражается в виде замены страха перед сильными уважением по отношению к достойным. Первыми из достойных названы родители. Уважение к родителям переходит на уважение к старшим. Признается значимость опыта, необходимость установления иерархии в обществе. Неуважение к родителям показано в прецедентном поступке Хама, который посмеялся над своим раздетым отцом. Этот символ стал иллюстрацией нарушения базового библейского предписания. В расширительном смысле уважение к родителям есть уважение к своим предкам, к своему народу.

Шестая заповедь выражает безусловный запрет кровопролития. Но подразумевается, что речь идет о некоторой стандартной ситуации. Можно построить шкалу дистанцирования от такого положения вещей: безусловно осуждается убийство своего, убийство благородных людей, беззащитных, детей, рабов и пленников, но признается допустимым и необходимым убийство врагов и преступников. Эта норма делает недопустимыми самосуд и кровную месть. Сказанное относится и к суициду. В юридических кодексах древности детально регламентируется компенсация в случае убийства, из этого вытекает, что убийство может быть преднамеренным и случайным, жестоким или не жестоким и т. д. К убийству приравниваются намеренное причинение страданий, которые могут привести к смерти человека (например, оскорбление, от которого человеку становится плохо) и отказ оказать помощь гибнущему.

Седьмая заповедь определяет нормы семейно-брачных отношений. Речь идет о прелюбодеянии, то есть нарушении супружеской верности. Эта норма резко осуждает дикость промискуитета. Не случайно прелюбодеяние относится к числу трех самых тяжких грехов (наряду с идолопоклонством и кровопролитием), и тех, кто был уличен в этом преступлении, побивали кам-

нями. У этого преступления есть и экономико-правовое содержание: прелюбодеяние ведет к рождению детей, не являющихся законными наследниками главы семьи. Не только в древности, но и во времена Шекспира ребенок, родившийся вне брака, рассматривался как дьявольское отродье, в английском языке слово «*bastard*» было одним из сильных ругательств. Варавва, разбойник, которого помиловала толпа, тем самым осудив Христа, был для авторов Евангелия живым примером нарушения норм человеческого и божественного порядка: на арамейском языке «*бар абба*» означает «сын отца» (обычно говорили «*бар Йосеф*», «*бар Шломо*» и т. д.), то есть это было насмешливым обозначением человека, отец которого неизвестен. По логике евангелистов Варавва стал разбойником уже потому, что был рожден вне брака. В расширительном плане запрет на прелюбодеяние распространяется и на незамужних женщин и неженатых мужчин доброго и брачного возраста. В священных текстах осуждается сексуальная распущенность в отношении людей, не состоящих в браке, и четко выражена идея о том, что по достижении определенного возраста человек должен завести семью. В Библии приводится множество описаний нарушения супружеской верности и подчеркивается неизбежность наказания за это.

Восьмая заповедь касается имущественных отношений в обществе. Если осуждается воровство, это значит, что у людей есть собственность. Впоследствии в различных кодексах были выработаны нормы, касающиеся описания этого поступка: отчуждение собственности тайно (кража), открыто (грабеж), с причинением вреда объектам нападения (разбой). При этом участие в вооруженном набеге не считается разновидностью воровства. Впрочем, некоторые комментаторы интерпретируют норму «*Не кради*» как запрет на похищение людей с целью поработить их или продать в рабство [3, с. 400].

Девятая заповедь определяет важнейшую норму юриспруденции – достоверность свидетельских показаний. Свидетель должен был приносить клятву перед произнесением таких показаний. Лжесвидетельство представляет собой сознательный оговор невиновного либо утаивание информации о виновности кого-либо. Заметим, что в этом предписании четко прослеживается сложившийся институт судопроизводства в жизни общества. В десяти заповедях ничего не сказано о других социальных институтах, например, об армии, медицине или воспитании де-

тей. Так, Всевышний не говорит о поведении на поле боя (о недопустимости дезертирства или мародерства), о медицинской помощи (мы не найдем запрета заниматься лечением без соответствующей подготовки), о разных видах мошенничества, которые всегда имели место. Отсюда можно сделать вывод о важности именно юридической составляющей в ментальности правителей библейской эпохи.

Декалог завершается запретом, который многими осмысливается как осуждение зависти. Буквальное прочтение этого запрета как будто не оставляет сомнений в таком понимании: «*Не пожелай...*» (в оригинальном тексте «*khmd – страстно желать*», по-английски более точный перевод – *Thou shall not covet*. Глагол *to covet* означает *long for (what belongs to another); desire culpably* (SOED) – «*страстно желать (того, что принадлежит другому); преступно желать*»). Зависть действительно является распространенным пороком и мотивирует многие злодеяния в обществе. Но обратим внимание на то, что в контексте Ветхого Завета (Торы) осуждается не то, что человек мог бы совершить или совершил в своей душе, а то действие, которое становится событием и квалифицируется как факт. Возникает вопрос: какое желание может стать вредным действием? Вероятно, это такое желание, которое овеществляется в специфическом действии. Можно предположить, что это – колдовство. В архаическую эпоху колдовство было распространенным видом поведения. Магия пронизывала всю ежедневную жизнь людей (во многом такая практика сохранилась и донныне). Существовали определенные колдовские ритуалы, заклинания, символические действия (в Библии приводится множество сюжетов, включающих описания предсказателей и различных чудотворцев). Вредоносное колдовство считалось очень опасным преступлением, и его главный вред состоял в подрыве основ монотеизма. Вместе с тем допустимо и буквальное толкование **десятой заповеди**, поскольку в ней содержится требование к человеку контролировать себя, а самоконтроль тем самым признается важнейшим отличительным признаком человека, отвечающего за свои поступки.

Инскрипции на скрижалях не исчерпывают тех требований, которые Всевышний в диалоге с Моисеем формулирует в качестве необходимых норм поведения. В Библии содержится целый ряд предписаний, уточняющих и развивающих нормы Декалога. К примеру, детально формули-

руются отношения между хозяином и рабом, в частности содержится норма отпускать раба на свободу вместе с его женой после шести лет работы (но есть ограничения, касающиеся детей раба). Обратим внимание на компромиссный характер этого важного положения (не случайно об этом идет речь в первую очередь): рабство как таковое не ставится под сомнение, но предписано не держать человека в рабстве вечно (за исключением того случая, когда раб добровольно остается у своего господина, и ритуал такого соглашения быть рабом зафиксирован в священном тексте: «*если раб скажет: люблю господина моего, жену мою и детей моих, не пойду на волю, – то пусть господин его приведет его пред богов и поставит его к двери, или к косяку, и проколет ему господин его ухо шилом, и он останется рабом его вечно.* [1. Исход, 21: 5–6]. Темное место: «*пред богов*» – в оригинальном тексте сказано: «*приведет его к судьям*». Подчеркну: право на свободу рассматривается как важнейшее право человека, и человек сам выбирает, быть ли ему свободным.

Детально закреплены в Священном Писании юридические нормы, относящиеся к убийству человека. Во-первых, противопоставляются преднамеренное и случайное убийство. Во-вторых, в случае непреднамеренного убийства виновный мог найти себе убежище (это были священные места, в особенности – храмовый алтарь), но если убийство было злонамеренным, предписано было арестовывать виновного, даже если тот был возле жертвенника.

Заслуживает внимания уточнение пятой заповеди: «*Кто ударит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти*» [1, Исход, 21: 15]. Такие преступления вряд ли случались часто, но их символический смысл был настолько значим, что в юридическом кодексе им отведено отдельное место. Сюда же относится и предписание предавать смерти того, кто «*злословит отца своего или мать свою*». В оригинальном тексте сказано «*тот, кто проклинает*». Проклятие в древнем мире воспринималось как действие. Вероятно, перформативный характер соответствующего коммуникативного поступка проявлялся в особой формуле, включающей, например, произнесение Божьего имени.

В качестве отдельного преступления выделено похищение людей с целью использования в качестве рабов либо продажи кому-либо. В эпоху рабовладения такие посягательства на свободу человека были распространены. Наказанием за

это была смертная казнь, если были свидетели, что похититель начал использовать похищенного как раба. Детально прописаны в Библии и юридические нормы в отношении кражи скота и недодушевленного имущества (воровство животных наказывалось строже). Заслуживает внимания юридическая тонкость права хозяина дома на защиту своего имущества: если вор проник в дом ночью, то его можно было убить, и на убившем не было вины, а если преступник был обнаружен в светлое время дня, то с хозяина не снимается ответственность за убийство вора. Интересна логика кодификаторов, зафиксировавших эти нормы. По-видимому, предполагалось, что ночное нападение опаснее, чем дневное: некого позвать на помощь, вор может воспользоваться замешательством хозяина и убить того, в то время как при свете дня хозяин мог, вероятно, попытаться вразумить преступника и позвать на помощь домочадцев и соседей. Не исключено, что здесь мы сталкиваемся с некоторой глубинной мифологической установкой, смысл которой еще предстоит раскрыть.

Известен принцип «мера за меру», зафиксированный в суждении «око за око, зуб за зуб». В строгом понимании этот принцип применялся по отношению к тому, кто совершил преднамеренное убийство, искупительная компенсация не принималась. Камнями побивали и быка, на смерть забодавшего человека. В других случаях судьи старались определить меру ущерба, который нужно было компенсировать. При этом в случае нанесения увечья компенсация выплачивалась за пять видов ущерба пострадавшему: за причиненную боль, за нанесенное оскорбление, за простой в работе, за частичную потерю трудоспособности и за затраты на излечение. Обратим внимание на детальный учет видов ущерба, в современной юридической практике такие нормы уже не действуют. Что же касается выражения «око за око», то с ним произошла метаморфоза: в современном общении оно понимается как призыв к отпущению, а не к взвешенной оценке ущерба и требованию паритетной компенсации.

Не вызывает удивления норма «Колдуньи не оставляй в живых». Различные способы паранормального воздействия на психику людей широко применялись в древности и в силу высокой внушаемости пациентов были весьма действенными. Было множество гадателей, заклинателей, предсказателей и собственно колдунов. Показателен приведенный в Библии рассказ о состязании

Моисея и чародеев при дворе фараона. Обратим внимание на гендерную специфику тех, кто практиковал колдовство: судя по словоформе, этим чаще занимались женщины. Действительно, интуитивные способности у женщин обычно превосходят мужскую интуицию – традиционной сферой мыслительных операций у представителей сильного пола является рационально-логическое осмысление реальности. Главный вред от колдовства состоял в том, что вера в его действие подрывала устои монотеизма. Выражение «не оставляй в живых» может интерпретироваться расширительно: воздействию колдунов поддается только тот, кто им верит, следовательно, тот, кто не верит колдунам, лишает их возможности творить зло. В определенной мере эта норма сопряжена с десятой заповедью Декалога. Человеку следует контролировать себя и не поддаваться паранормальному воздействию, а тем более – не пытаться применять подобную практику для получения выгоды. Вместе с тем изучение колдовства для успешного противодействия ему признается в Библии допустимым для подготовленных людей.

Итак, нормы поведения в Декалоге и их следующие комментарии и уточнения представляют собой систему регулятивов, в основе которой лежит ответственность перед Богом и людьми, при этом важнейшие регулятивы формулируются в виде абсолютных запретов. Нарушения таких запретов караются смертной казнью. Менее значимые нарушения допускают различные виды компенсации. Идея ответственности предполагает изначальный выбор, который делает человек по собственной воле.

Нарушение закона, данного Богом или установленное людьми, осмыслено в религии как грех, в этике как зло, в праве как преступление. Специфика соответствующих сфер человеческого бытия состоит в том, что религиозное сознание исходит из признания высшей силы как того, кто контролирует помыслы и поступки человека, этическое сознание оперирует базовыми понятиями добра и зла и множеством производных от них понятий, а правовое сознание фиксирует важнейшие нормы поведения людей в терминах закона, предполагающего дискурсивное точное обозначение требуемого и запрещенного положения дел. В языковом сознании и коммуникативном поведении грех, зло и преступление образуют сложное единство поступков, которые объединяются отрицательной оценкой и дифференцируются в соответствии с системной позицией

цией субъекта оценки. С лингвистической точки зрения религиозные, этические и правовые нормы взаимодополнительны: нельзя сказать, что какие-то из них являются исходными, а какие-то – производными. С позиций культурной антропологии, истории, философии, социологии или психологии можно построить объяснительную модель таких норм, предполагающую генеративное развертывание одних норм на основе других.

Поскольку сфера морали пронизывает все проявления человеческого поведения, она наиболее детально номинируется обиходными языковыми единицами. Так, например, существует несколько типов лжи: ложь как корыстное манипулятивное действие, как коммуникативное действие, обусловленное страхом перед наказанием, как реализация патологической потребности придумывать несуществующие события, как несерьезная коммуникативная практика развлечения собеседников, как поступок, целью которого является попытка спасения адресата от страшной правды («белая ложь»), как самообман и др. Лишь некоторые из названных типов лжи могут получить реализацию в сферах религии или права. В религиозном плане значима искусительная ложь – сознательное воздействие на человека с целью заронить сомнение в его вере (в священных книгах приводится множество подобных примеров, аллегорически объединенных в образе злодея, который сбивает людей с пути). Змей, убедивший Еву съесть запретный плод, использовал, как можно представить себе, в качестве главного аргумента тезис: «Ничего плохого с тобой от этого не будет». Богословы четко формулируют степень вины тех, кто искушает слабых: Тот, кто вводит в грех других, хуже убийцы. Прецедентно значимой является ложь в самооправдание, Каин в ответ на вопрос Бога: «Где брат твой Авель?», говорит: «Разве я сторож брату моему?». Перед нами – подмена тезиса, попытка перевести беседу в другое русло. В юридическом плане критична ложь во время заседания суда (от оговора либо сокрытия истины зависит судьба подозреваемого). Обратим внимание на то, что акцентируется не только ложь, но ложная клятва (именем Бога). Именно этот вид лжи карается смертной казнью (если удастся доказать, что свидетель лгал). Менее строго наказывается распространенная ложь как мошенничество во всех ее разновидностях, как правило, при купле и продаже. Юридически значимой является ложь в виде клеветы и сплетен –

приписывания кому-либо преступного либо предосудительного действия. Что же касается вранья, неконтролируемого либо развлекательного, то для религиозного и правового сознания этот вид лжи не является актуальным.

Принципиальную важность имеет противопоставление греха как интенции и как реализации этой интенции. Для архаического сознания характерно неразличение мотивированного и немотивированного нарушения некоторого закона. Если человек случайно нанес кому-либо ущерб, то его судили столь же сурово, как и за намеренное причинение вреда. Такая логика исходит из признания фатальности судьбы. Рецидивы подобного архаического мышления имели место в тех случаях, когда в Советском Союзе люди приговаривались к тюремному сроку за то, что случайно разбили бюст вождя. Развитие этического, религиозного и юридического сознания привело к тому, что эти два типа нарушений были четко противопоставлены. Поэтому поступки, совершенные в состоянии аффекта, наказываются менее строго, чем действия, произведенные по предварительно составленному плану. В проповедях Христа интенциональная составляющая греха приобрела абсолютный характер: так, например, даже скрываемое вожделение признается тяжким преступлением против Бога и собственной души.

Обратим внимание на специфику преступлений или проступков в монашеской среде. Так, в кумранском кодексе ессеев были установлены следующие диспозиции и санкции, относящиеся к нарушениям принятых норм поведения: за непристойное слово – наказание 3 месяца, за появление обнаженным, не будучи больным, – 6 месяцев, за необоснованную жалобу на товарища – 6 месяцев, за сон во время собрания – 30 дней, за трехкратную беспричинную отлучку во время одного собрания без разрешения – 10 дней (вопреки запрету – 30 дней), за плевков на месте собрания – 30 дней, за глупый громкий смех – 30 дней, за то, что перебивает речь товарища – 10 дней, за жестикуляцию левой рукой – 10 дней [4]. В этом кодексе регламентируются нарушения запретов, осмысливаемые как недостаточный самоконтроль, ведущий к душевной распущенности, как неуважение к коллективу единоверцев и их общей миссии и как некоторые обыкновения, требующие неукоснительного соблюдения (символизация плевка, смеха, жестикуляции левой рукой). В иудаизме тяжким грехом является работа в святой субботный день и употребление

квасного хлеба в Пасху. То, что с позиций обиходного повседневного сознания выглядит как причудливый ритуал, в религиозном мировосприятии приобретает символический смысл единения с Богом. Обратим внимание на эмблематические запреты определенных действий в исламе, типичных для язычников: запрет на любые виды татуировок, уподобление противоположному полу, ношение мужчиной золотых изделий и шелка.

Список грехов, традиционно выделяемых в католицизме, включает следующие основные пороки: чревоугодие, блуд, сребролюбие, печаль, гнев, уныние, тщеславие и гордыню. В некоторых списках присутствует и лень. Папа Григорий Великий откорректировал состав прегрешений и установил их иерархическую последовательность: *гордыня, зависть, гнев, уныние, сребролюбие, чревоугодие, похоть*. Как справедливо отмечает Я. Г. Кротов [2], перечень выделяемых в католицизме грехов базируется на традиционном для психологии противопоставлении рациональной, волевой и эмоциональной сфер личности. Грехи эмоциональной сферы (чревоугодие, блуд и сребролюбие, в основе последнего лежит страх перед будущим) исправляются голодом, трудом и воздержанием. Грехи мотивационной (волевой) сферы (печаль, гнев и уныние) поддаются исправлению с помощью долготерпения, милосердия и псалмопения. Наконец, грехи рациональной сферы, обусловленные неадекватной самооценкой (гордыня, тщеславие и зависть), исцеляются с помощью чтения Святого Писания, бдения и молитвы [2]. Заслуживает внимания то обстоятельство, что грехи эмоциональной сферы в большей мере присущи молодым людям, а грехи волевой сферы – удел стариков.

Список грехов, обозначенных в Декалоге и одновременно являющихся преступлениями, требующими высшей меры наказания, можно обозначить как идолопоклонство, предательство (вероотступничество), кощунство (оскорбление святыни), пренебрежение святым долгом, убийство, прелюбодеяние, покушение на свободу другого человека, лжесвидетельство, колдовство. Эти грехи становятся воплощением высшего зла, когда они совершаются публично и превращаются в поступки. Но в качестве необходимой ступени созревания эти грехи проходят интенциональную стадию – именно на эту ступень падения человека обращает особое внимание христианское вероучение. В этом плане, кстати, грехи эмоциональной сферы легче всего исправить.

Современное общество часто и не считает их смертными грехами. Интересно отметить, что англичане, по данным социологических опросов, более всего склонны винить себя за раздражительность и откладывание на завтра того, что нужно сделать сегодня (*procrastination*). Интересна трансформация в отношении к печали и унынию у современного общества потребления: людям, которые осознают подобный душевный дискомфорт, рекомендуют обратиться к психотерапевтам. Иначе говоря, это считается не виной, а бедой таких людей, болезнью, от которой следует вылечиться, чтобы в полной мере наслаждаться жизнью.

Возвращаясь к Декалогу, отметим, что в современном сознании колдовство как сатанинское зло для многих является фикцией, хотя по инерции люди пользуются амулетами или произносят определенные формулы в ситуациях, когда боятся глаза или порчи (даже образованные представители среднего класса предпочитают туманно изъясняться о будущем событии, если оно для них значимо). Зависть, тщеславие и гордыня осуждаются лишь тогда, когда приобретают неуместный характер. В обществе, где мерилом всех достижений выступает успех, приветствуется высокая состязательность, а скромность воспринимается только в качестве социальной условности и умения вежливо себя вести. По-прежнему резко осуждается предательство в любом его варианте – религиозном, политическом и личном. Кощунство часто маскируется как балансирование между иронией и цинизмом, такая коммуникативная практика не вызывает резкого осуждения в современном обществе. Не изменилось резко отрицательное отношение к убийству (и насилию), хотя в массовой культуре это зло превратилось в основной источник привлечения внимания людей к новостям (криминальная хроника, триллеры и т. д.). Сексуальная распущенность в определенной степени осуждается, хотя осмысление личной свободы как высшей ценности человека сместило меру отрицательной оценки того, что называлось блудом. Лжесвидетельство является юридически значимым преступлением, но в современном сознании оно не входит в число самых остро переживаемых прегрешений. Воровство в его различных ипостасях (как и другие преступления, включая похищения людей) вызывает резко отрицательную оценку у наших современников, хотя кражи в интеллектуальной сфере (например, плагиат или пиратство) не вызывают протеста у многих людей.

Таким образом, можно сказать, что нормы, лежащие в основе библейского Декалога, – приоритет духовных ценностей по отношению к телесным, коллективных – по отношению к индивидуальным и самоконтроля по отношению к внутренней раскованности – подверглись на протяжении тысячелетий существенной трансформации в Западной цивилизации. Неизменным осталось признание ответственности за сделанный выбор и уважение к тому, что человек признает в качестве своих высших ориентиров поведения. Резко изменилась эмблематика принятых в обществе обыкновений, выступающих в качестве интегративных компонентов социума. Основным направлением изменения ценностей в современном мире по сравнению с эпохой Декалога является, по-видимому, определенный возврат к язычеству и присущая неопаганизму ювенилизация массового сознания.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. Канонические в русском переводе с параллельными местами [Текст] : Перепечатано с Синодального издания. – Минск, 1993. – 1217 с.

2. Кротов, Я. Г. История классификации греха [Электронный ресурс] / Я. Г. Кротов // Кротов Я. Г. Богочеловеческая комедия. – Режим доступа: <http://krotov.info>.

3. Пятикнижие и Гафтарот [Текст]: Ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием «Сончино» / Комментарий Й. Герца. – М.: Мосты культуры; Гешарим, 2001. – 1456 с.

4. Устав Кумранской общины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gumer.info>.

Bibliograficheskiy spisok

1. Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija Vethogo i Novogo zaveta. Kanonicheskie v russkom perevode s parallel'nymi mestami [Tekst]: Perepechatano s Sinodal'nogo izdaniya. – Minsk, 1993. – 1217 s.

2. Krotov, Ja.G. Istorija klassifikacii greha [Jelektronnyj resurs] / Ja.G. Krotov // Krotov Ja.G. Bogochelovecheskaja komedija. – Rezhim dostupa: <http://krotov.info>

3. Pjaticknizhie i Gaftarot [Tekst]: Ivritskij tekst s russkim perevodom i klassicheskim kommentariem «Sonchino» / Kommentarij J. Gerca. – M.: Mosty kul'tury; Gesharim, 2001. – 1456 s.

4. Ustav Kumranskoj obshhiny [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.gumer.info>.

В. А. Летин, А. А. Молчанова

**Интерпретация народного костюма в предметном мире поэмы Н. А. Некрасова
«Кому на Руси жить хорошо»**

В статье осуществлено культурологическое исследование особенностей интерпретации Н. А. Некрасовым народного костюма в контексте предметного мира поэмы «Кому на Руси жить хорошо» в аспекте культуры повседневности второй половины XIX века. Выявлены и проанализированы специфические векторы авторского осмысления народного костюма: актуализация повседневного и праздничного вариантов мужского и женского народных костюмов; номинативность, социальный детерминизм, отказ от актуализации декоративных характеристик. Обоснован культуросообразный потенциал некрасовского текста, в котором народный костюм становится способом идентификации и самоидентификации персонажей в контексте актуальных для второй половины XIX века социальных, гендерных, психологических проблем.

Ключевые слова народный костюм, предметный мир, культура повседневности, Н. А. Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо».

V. A. Letin, A. A. Molchanova

**Folk costume interpretation in the objective world of the poem by N. A. Nekrasov
Who Is Happy in Russia**

The article studies the peculiarities of N. A. Nekrasov's interpretation of everyday folk costume of the second half of the XIX century given in the poem Who Is Happy in Russia? (Komu na Rusi zhit khorosho?). The authors identify and analyze the writer's specific vectors of understanding folk costume: actualization of everyday and festive variants of male and female costume; nominativeness, social determinism, refusal to actualize decorative characteristics. The article substantiates the cultural potential of Nekrasov's text where folk costume becomes the means of the characters' identification and self-identification in the context of social, gender and psychological problems typical for the second half of the XIX century.

Keywords: folk costume, objective world, culture of everyday life, N. A. Nekrasov, Who Is Happy in Russia.

Поэма Н. А. Некрасова – вершинное и итоговое произведение его творчества: «Весь опыт, данный изучением народа, все сведения о нем, накопленные... по словечку в течение двадцати лет». Начатое в 1861 году, это произведение так и осталось незаконченным. Между тем даже его фрагментарный характер не мешает увидеть широкую панораму жизни пореформенной России.

Уже в момент написания полемика, эта поэма не теряет актуальности и социальной остроты и в наше время. Уже первые публикации ее частей привлекли внимание критиков. А в последующие годы изучения жизни и творчества Н. А. Некрасова ей отводится одно из ведущих мест. На протяжении XX века сформировалась устойчивая традиция обращения к анализу поэмы, в которой можно выделить следующие тенденции: *историческую*, *поэтическую* и *лингвистическую*.

Историческая тенденция характеризуется изучением вопросов, связанных с авторским замыслом и его воплощением (В. Е. Евгеньев-

Максимов, К. И. Чуковский, А. М. Гаркави, Т. А. Беседина, В. Т. Плахотишина, И. Ю. Твердохлебов, Н. Н. Скатов). В русле этой тенденции детально разрабатывался и вопрос об отражении историко-бытовых реалий жизни костюмского и ярославского краев в тексте произведения (А. В. Попов, А. Ф. Тарасов, В. К. Некрасов).

Поэтико-стилистическая тенденция характеризовалась обращением к особенностям композиции произведения, структуре его частей, специфике проблематики, системе персонажей, стилистике (В. Т. Плахотишина, Л. А. Розанова, И. Ю. Твердохлебов, В. П. Аникин) и практически единожды – символике (В. Г. Прокшин), в связи с чем детально разрабатывался вопрос о связи поэтического текста с фольклором (Т. А. Беседина). Кроме того, была сделана одна-единственная попытка интерпретации поэмы как микросреды (В. Л. Гаврилова).

Особым направлением в изучении поэмы можно назвать **лингвистическое**, занимающееся вопросами языка произведения (Н. С. Танцовская, Т. Е. Никулина, Т. А. Кожурина).

При анализе представленных выше работ было выявлено отсутствие интереса у некрасоведов к предметному миру поэмы. Вполне вероятно и то, что предметный мир, как крестьянский, так и помещичий, человеку первой половины XX века был знаком достаточно хорошо, в силу чего не возникало необходимости заострения внимания на этом вопросе. Сформировавшаяся же в начале XX века традиция изучения поэмы в историко-социальном ключе обусловила инерцию последующих научных изысканий.

Приходится констатировать: предметный мир практически выпал из поля зрения исследователей. Однако с изменением социально-культурного контекста необходимость в его актуализации применительно к некрасовской поэме сильно возросла. Хронологическая дистанция и смена идейной парадигмы обуславливают возможность изучения произведения с позиций, в том числе, и культурной антропологии, культуры повседневности.

И здесь изучение предметного мира художественного текста оказывается не только значимым, но и первостепенным условием к пониманию авторского замысла произведения. В связи с этим целью данной работы является анализ народного костюма в контексте предметного мира некрасовской поэмы в аспекте культуры повседневности второй половины XIX века.

По свидетельству А. Ф. Кони, Н. А. Некрасов, работая над поэмой, специально разыскивал фактические материалы дореформенной деревни, потому что «хотел бы поместить наиболее яркие картины из времен крепостного права» [3, с. 364]. Естественно, что временные рамки произведения позже расширились, но вот принцип создания художественной реальности остался прежним.

Предметный мир некрасовской поэмы, равно как и других произведений поэта, отличает его именно повседневно-бытовой характер. Его предметы не создают фантазмагорических композиций, как в творчестве Н. В. Гоголя, они не выглядят, не бросаются в глаза своей «фольклорной» экзотичностью, как, скажем, у И. С. Тургенева или В. И. Даля. Предметы в художественном мире Н. А. Некрасова используются в их повседневном значении, нисколько не выделяясь из общего бытового контекста, где они прочно укоренены. В результате в поэме конструируется доступный и привычный мир –

фон, на котором разворачиваются панорамы образа жизни крестьян и помещиков. Парадоксально, но сам предмет словно растворяется в общей картине. Между тем предметный мир некрасовского произведения очень лаконичен. Его проявления выступают маркерами как социальной характеристики персонажа, так и особенностей его характера. В этих качествах им используются костюм и его детали, предметы быта, орудия труда.

Одежде отдается особое значение: именно она придает неповторимый колорит «русскости» народным сценам. Крестьян, помещиков, солдат, лакеев, лекарей, купцов Н. А. Некрасов «одевает» в соответствующий их социальной принадлежности костюм: *крестьянский*, *«господский»*, *чиновничий*.

Наиболее разработан в поэме **крестьянский костюм**. Именно он и окажется в дальнейшем в центре нашего внимания. Мужской вариант крестьянского костюма появляется перед читателем с самого начала поэмы. Так, главные герои-крестьяне, отправившиеся за ответом на вопрос «Кому хорошо живется на Руси?», предстают в повседневном костюме: «армяки мужицкие», «липовые лапотки»¹, «рубахи» и «онученьки»².

Основу народного костюма, как мужского, так и женского, составляла рубаха. Она всюду была туникообразного покроя с перегнутым на плечах центральным полотнищем, в котором делался круглый вырез для шеи и разрез (пазуха) на груди слева (рубаха-косоворотка). По бокам к нему пристрачивались перегнутые вдоль прямые или косые бочка, а к ним и к центральному полотнищу пришивались рукава прямого покроя, также из перегнутых вдоль полотнищ-точей. На плечах, груди и спине с изнанки подшивался кусок ткани, называемый подоплекой. В тексте поэмы упоминание рубахи носит нейтральный характер, что показывает, в ряду прочих деталей костюма, социальный статус персонажа. Однако в эпизоде уборки урожая в поэме Н. А. Некрасовым фиксируется разница в цвете рубах в зависимости от пола: «Там белые... Рубахи баб да пестрые... Рубахи мужиков». Вполне вероятно, что в этот момент крестьяне одеты в специальные покосные рубахи. Однако харак-

¹ Липовые лапотки – низкая обувь, распространенная до 1930-х гг., обычно носилась с портянками. Липа являлась лучшим материалом для изготовления лаптей.

² Онучи (портянки) – длинная, широкая (около 30 см) полоса ткани белого, черного или коричневого цвета (холщовой, шерстяной) для обмотки ноги до колена (при обувании в лапти).

терно, что взгляд поэта не фиксирует деталей, в том числе и декора, а каждая рубаша в зависимости от предназначения в большей или меньшей степени декорировалась вышивкой. В поэме дается панорама действия, где не важны детали и участников которого рассказчик наблюдает со спины. Спина же является наименее декорированной частью рубахи.

Из всех особенностей рубахи Некрасовым выделяется только одна, несущая вполне конкретный практический смысл – подоπλαка: «*Бумажки сторублевые... Домой под подоплакою... Нетронуты несут!*». Подоплака – это подкладка из куска грубой (лен или холст) ткани, пришитая к изнаночной стороне рубахи на груди и спине углом вниз «по прямой» либо «по косой». Некрасов констатирует здесь практику прятанья денег под подоплаку, что обусловилось не только «хитростью», но и отсутствием в народном костюме карманов. В тексте поэмы значимость заработанных денег (сторублевых бумажек!) акцентируется указанием на их «нетронутость». Так житейская ситуация приобретает в поэме авторскую аранжировку, которая указывает на особую ценность нерастраченных денег, спрятанных «на себе».

Следующая деталь костюма – армяк. Это тип верхней одежды, который носили чаще в дороге. Армяк надевали и в ненастье. Шились армяки в основном из домотканой армячины. Они были халатообразны, длина их доходила до середины икр, с широким запахом налево, с широким шалевым простеганным воротником. Застежек армяк не имел, а его полы фиксировались на поясе кушаком. Армяки семи крестьян, отправившихся в «эпическое» путешествие по Руси, – это знак дороги, пути. Именно поэтому армяки крестьян никак не «индивидуализируются». Они объединяют группу разных по возрасту, темпераменту, фактуре, случайно встретившихся и разговорившихся прохожих в некую общность – странников. Это своеобразный их общий знаменатель.

«Мужицкому» армяку в поэме противопоставлен «лакейский» кафтан. Исторически, кафтан, а также производные от него полукафтанье, поддевка, казакин, – праздничная одежда из домотканого или покупного фабричного синего, коричневого, черного сукна и даже плиса, длинной до колен, приталенная, со сборками сзади и с боков, с сужающимися книзу рукавами, невысоким стоячим воротником, вертикальными прорезными карманами, с подкладкой до талии, застегивавшаяся налево на крючки или большие медные пуговицы. У Некрасова кафтан приобретает «социальное» значение: «*Надел кафтан*

(Влас, в гл. Последыш) – *и барина... Бежит встречать*». Наличие кафтана свидетельствует о некоем достатке Власа, а вот отношение его к приезду барина, как к празднику, проявляет рабскую сущность этого персонажа.

Народный женский костюм в поэме представлен более разнообразно.

Прежде всего, это повседневный костюм для работы в поле: «*На ней рубаша белая. Да сарафан коротенький, Да серп через плечо*». Кроме характерной для женского костюма белой рубахи автор фиксирует сарафан, обращая внимание исключительно на его длину. Короткий сарафан – рабочая одежда. При этом эстетическая сторона наряда крестьянки в данном случае для него значения не имеет. Внимание сосредоточено на трудовой стороне жизни («*серп через плечо*»). Этот инструмент смотрится как своеобразный аксессуар образа жницы, указывая на род полевых работ, а через это и на время действия эпизода: июль – пора жатвы.

Праздничный народный костюм дается автором через детали. Эти детали разрознены в тексте так, что приходится делать усилие, чтобы его «увидеть». В противовес домотканым повседневным одеждам праздничный костюм шился из тканей фабричного производства, которые покупались на ярмарке. Их приобретение – целое событие в жизни крестьянки: «*...шелку, гарусу. Купи – семи цветов, Да гарнитуру синего!*». Наказывает в поэме Матрена Тимофеевна своему брату привезти подарок – ткани!

Гарус – хлопчатобумажная ткань из дешевого низкопробного сырья с мелким набивным рисунком, отличающаяся прочностью и грубой фактурой. Синий гарнитур – тоже разновидность плотной шелковой ткани, в противоположность гарусу более эффектной и, вероятно, дорогой. Упомянутый же здесь шелк, скорее всего, не ткань, а нити для вышивания и декоративной отделки костюма, на что указывает необходимость их приобретения в количестве «семи цветов». Потенциальный декор, таким образом, вбирает в себя все цвета радужного спектра, делая гипотетический костюм ярким и гармоничным. Однако пошив этого платья – дело будущего. В настоящем времени, приходящемся на момент повествования, праздничного костюма как такового не существует.

Праздничность костюма в поэме синонимична «праздности». Она генетически связывается с городским – столичным – образом жизни. При этом в наивной «крестьянской» логике таких модниц-затейниц ширина юбки является показателем престижа: «*А есть еще затейницы, Одеты*

по-столичному – *И ширится, и дуется подол на обручах! Заступишь – расфуфырятся!*». Платья на кринолинах требовали определенного навыка походки, чтобы не раскачиваться на ходу. «Шириние» и «дутье» подола говорит об отсутствии такого навыка у ярмарочных модниц, создает комический эффект важничанья. Вид их вызывает иронический комментарий автора, стилизованный под «мужицкую» шутку. Во-первых, автор «наивно» перекодирует значение слово «расфуфыриться» – с «разодеться» на «рассердиться», придавая тем самым эмоциональному состоянию «одежную» тональность. Автор, знакомый в отличие от крестьян с особенностями материалов каркасной основы платьев и корсетов, «превращает» китовый ус в «рыболовную снасть», создавая комический эффект с элементом пикантности использования «модницами» промышленного инвентаря не по назначению, тем более ношения его «под юбками» – в зоне непроницаемой для посторонних глаз. Обнажение технического приема создает эффект хулиганского задирания этих юбок и, тем самым, осмеяния-обличения «модниц»: *«Вольно же, новомодницы, Вам снасти рыболовные Под юбками носить!»*.

Интересна идентификация Некрасовым таких обладательниц «столичных» туалетов, как «новомодницы» и «баб нарядных». Первое определение – производное от выражения «новая мода» – характеризует их как актуальную примету времени, делает их самих «новым» явлением, а их появление на «ярмонке», как одно из зрелищ. Второе же выдает их корневую – крестьянскую природу, усиливая впечатление гротескности этого феномена.

Однако, если мужской взгляд видит в их наряде повод для насмешки на грани скабрёзности, то женский – завистливый и злобный – угрозу миру. При этом новые тенденции крестьянского быта – проникновение в традиционный крестьянский мир элементов городской культуры – сталкивается с косным архаическим мировоззрением. Его воплощением оказывается «старообрядка злющая» [6, с. 87–88]. Сам облик старообрядки – темный платок и глухое платье – контрастируют с модным «красным» туалетом. С ним в сознании старообрядки связаны природные катаклизмы настоящие и грядущие: *«Быть голоду! Быть холоду! Дивись, как всходы вымокли, что половодье вешнее Стоит до Петрова! С тех пор как бабы начали Рядиться в ситцы красные, – Леса не поднимаются, А хлеба хоть не сей!»*. Причина же этого нарушения миропорядка в том, что *«...ситцы те французские Собачьей кровью крашены!»*. Последнее замечание пре-

вращает всю сентенцию в абсурд, выдавая суеверие как основу сознания «старообрядки».

Так костюм акцентирует столкновение на ярмарке двух миров – старого и нового, что подчеркивается на уровне слов «староверка» и «новомодницы». При этом косвенно противопоставляется «единственность» возмущающейся старообрядки и многочисленность «новомодниц».

Среди деталей женского костюма особо выделяются головные уборы: шелковый платок Матрены Тимофеевны и кокошник кормилицы Лиодорушки в доме губернаторши. В обоих случаях эти предметы являются знаками любви. Первый – «платочек шелковый» – подарок мужа. В контексте народного костюма головному убору – платку придавалось большое значение. Здесь же акцентируется материал – дорогой шелк. Сама же героиня называет подарок не иначе как «платочек». Акцентирование материала подарка и использование уменьшительно-ласкательной формы слова в его назывании позволяют понять оттенки чувств героев: гордость, даже некоторое тщеславие, и уважение мужа, и нежность жены.

Кокошник же в поэме появляется единожды на голове у нарядной кормилицы. Его видит очнувшаяся в губернаторском доме после родов Матрена Тимофеевна: *«Против меня – кормилица, Нарядная, в кокошнике, С ребеночком сидит»*). Сама кормилица дается автором как часть праздничного интерьера покоев бездетной губернаторши. Для Матрены же Тимофеевны, уже выкормившей до этого грудью четырех сыновей, она тем более барский декоративный «аксессуар».

Целую панораму праздничной одежды и предметов крестьянской роскоши дает автор в панораме «сельской ярмонки». При этом сама ярмарка воспринимается крестьянами как праздник: *«Посмотрим праздник-ярмонку!»*. Здесь – праздничный ассортимент как на прилавках («крестьянские шлыки» – остроконечные шапки; рубахи мужские разных цветов; ивановские ситцы; шелковые платки), так и на покупателях и самих торговцах (на девушках – красные ситцевые платья, на парнях – жилетки полосатые, штаны на парнях «плисовы»).

Особую ценность представляет для крестьянина обувь. Наиболее распространенным ее видом были лапти и онучи. Герои некрасовской поэмы именуют их ласково «онученьки» и «лапотки». Такое отношение к ним обусловлено в первую очередь важностью обуви для странников. Сапоги и башмаки считались роскошью и прерогативой либо очень зажиточных, либо «городских». В связи с этим особое значение приобретает ярмарочный эпизод с покупкой дедом Вавилой «козлиных

баимачков» для любимицы-внучки. Пропившему весь свой скудный капитал старику стыдно возвратиться домой без подарка: «Мне зять – плевать, и дочь смолчит, Жена-плевать, пускай ворчит, А внучку жаль!» Судя по всему, единственное существо, ждущее и любящее деда в доме, по его, дедовой слабости, будет «обижено». Ей Вавила присмотрел «ботинки крохотные» за двугривенный. В иерархии крестьянских ценностей старого крестьянина такие ботинки для ребенка – диковинная роскошь, свидетельство превознесения внучки дедом. Монолог деда трогателен, но никто из сочувствующих крестьян не помогает деньгами старому пьянице. Развязка истории динамична и чудесна. Причитания старика прерываются Павлушей Веретейниковым, купившем старику гостиниц для девочки: «... Вавило их схватил И был таков! – На радости Спасибо даже барину Забыл сказать старик...».

Характерно, что самые красивые вещи из праздничного «ассортимента» – кокошник кормилицы и «козлиные ботиночки», которые остаются без иронического комментария автора, в поэме связаны с образами детей: матрениного Лиодорушки и оставшейся безымянной внучки деда Вавилы.

Таким образом, в обращении к народному костюму в его повседневном и праздничном проявлении Н. А. Некрасов не использует декоративных характеристик. На первый взгляд, упоминания предметов одежды носит назывной характер, позволяющий узнать только социальное положение персонажа. Однако при детальном анализе обнаруживается культурологический потенциал некрасовского текста. Народный костюм в поэме становится способом идентификации и, что особо значимо, самоидентификации персонажей в контексте актуальных для второй половины XIX века социальных, гендерных, психологических проблем.

Библиографический список

1. Беловинский, Л. В. История русской материальной культуры [Текст] : учебное пособие. Часть I. / Л. В. Беловинский. – М. : Издательство МГУК, 1995. – 112 с.
2. Беловинский, Л. В. Российский историко-бытовой словарь [Текст] / Л. В. Беловинский. – М. : Студия «ТРИТЭ» – «Российский архив», 1999. – 528 с.

3. Беседина, Т. А. Эпопея народной жизни [Текст]: («Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова) / Т. А. Беседина. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. – 216 с.

4. Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений и писем [Текст]: В 15 томах. Т.5. («Кому на Руси жить хорошо») / Н. А. Некрасов. – Л.: Наука, 1982. – 688 с.

5. Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников [Текст] / Под ред. С. Розанова. – М.: Художественная литература, 1971. – 598 с. – (Серия литературных воспоминаний).

6. Розанова, Л. А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» [Текст]: (Комментарий) / Л. А. Розанова. – Л. : Просвещение, 1970. – 320 с.

7. Твердохлебов, И. Ю. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» [Текст] / И. Ю. Твердохлебов. – М. : Издательство Академии Наук СССР, 1954. – 208 с.

8. Федосюк, Ю. А. Что не понятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века [Текст] / Ю. А. Федосюк. – М. : Флинта ; Наука, 1998. – 264 с.

9. Язык поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» [Текст]: Тезисы выступлений на международная научной конференции. – Ярославль : ЯГПИ, 1992. – 42 с.

Bibliograficheski spisok

1. Belovinskij, L. V. Istorija ruskoj material'noj kul'tury [Tekst] : uchebnoe posobie. Chast' I. / L. V. Belovinskij. – M.: Izdatel'stvo MGUK, 1995. – 112 s.
2. Belovinskij, L. V. Rossijskij istoriko-bytovoj slovar' [Tekst] / L. V. Belovinskij. – M. : Studija «TRITJE» – «Rossijskij arhiv», 1999. – 528 s.
3. Besedina, T. A. Jepopeja narodnoj zhizni [Tekst]: («Komu na Rusi zhit' horosho» N. A. Nekrasova) / T. A. Besedina. – SPb. : Dmitrij Bulanin, 2001. – 216 s.
4. Nekrasov, N. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem [Tekst]: V 15 tomah. T.5. («Komu na Rusi zhit' horosho») / N. A. Nekrasov. – L. : Nauka, 1982. – 688 s.
5. N. A. Nekrasov v vospominanijah sovremennikov [Tekst] / Pod red. S. Rozanova. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1971. – 598 s. – (Serija literaturnyh vospominanij).
6. Rozanova, L. A. Pojema N. A. Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho» [Tekst]: (Kommentarij) / L. A. Rozanova. – L.: Prosveshhenie, 1970. – 320 s.
7. Tverdohlebov, I. Ju. Pojema Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho» [Tekst] / I. Ju. Tverdohlebov. – M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1954. – 208 s.
8. Fedosjuk, Ju. A. Chto ne ponjatno u klassikov, ili Jenciklopedija russkogo byta XIX veka [Tekst] / Ju. A. Fedosjuk. – M.: Flinta; Nauka, 1998. – 264 s.
9. Jazyk pojemy N. A. Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho» [Tekst]: Tezisy vystupenij na mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Jaroslavl': JaGPI, 1992. – 42 s.

Н. Н. Летина, Н. В. Киселева, А. А. Горева

Визуальные коды смерти в творчестве польского художника Яцека Мальчевского

В статье на основании изучения системы «танатологических» живописных произведений Я. Мальчевского выявлен и проанализирован состав знаков и эволюция визуального кода смерти. Указано на рубежный характер семейно-биографических, духовно-нравственных и эстетических истоков творчества Я. Мальчевского, характеризующих контекст созданной им танатологии. Обосновано создание художником на основании оригинального преломления и синтеза мифологических, религиозных, национальных, художественных традиций художественного кода танатологии в качестве самостоятельной системы. В результате анализа живописного ряда смерти установлено, что визуальной основой данного кода являются знаки смерти, структурирующие и перекодирующие образ смерти, претерпевающий эволюцию от буквального отображения физической реальности смерти через ее аллегорическую персонификацию к символизму.

Ключевые слова: визуальный код смерти, Яцек Мальчевский, знак, аллегория, символ, мифологема, архетип, танатология, граница, мифотворчество.

N. N. Letina, N. V. Kiseleva, A. A. Goreva

Visual codes of death in the works of the Polish artist Yazek Malchevski

The article analyses the signs and evolution of the visual code of death in the works painted by Yazek Malchevski. The authors point out the marginal character of biographical, spiritual, moral and aesthetic origin of Malchevski's work and his theory of thanatology. The article substantiates the creation of the artistic code of thanatology as an independent system by synthesizing morphological, religious, national and artistic traditions and codes. Having analyzed the depiction of death, the authors make a conclusion that the visual basis of this code is the signs of death structuring and recoding the image of death which evolves from real physical death through its allegorical personification to symbolism.

Keywords: visual code of death, Yazek Malchevski, sign, allegory, symbol, mythology, archetype, thanatology, borderline, mythmaking.

Вне всякого сомнения, Яцек Мальчевский (1854–1929 гг.) может быть признан пограничной личностью и в духовно-нравственном (визионер-мистик – патриот), и в социальном (мещанин – возможный потомок королевского рода), и в эстетическом отношении (неоромантик – пейзажист-импрессионист – символист). Рубежная природа личности рубежной эпохи продуцировала многогранную художественную картину мира, символично-фантастическую и реалистическую одновременно, которую можно охарактеризовать как мифотворческую. Произведения Я. Мальчевского сосредоточены на нескольких архетипических мотивах и образах, один из них – образ смерти, преломленный в личностную танатологию, которая, подобно демониане Врубеля, стала узнаваемым лейтмотивом творчества польского художника. При этом на полотнах Мальчевского мы не увидим ни костлявой старухи, ни скелета, ни черепа – традиционных визуальных

маркеров смерти в искусстве. Знаки смерти в творчестве художника иные, более того, они меняются в его произведениях с течением времени. Динамическое перекодирование смерти определяет как эволюцию ее образной структуры, так и основу функционирования.

Анализируя произведения художника, названия которых включают в себя знаковые слова «Смерть» или «Танатос», мы выделили три этапа в визуальном кодировании этого образа:

- визуализация смерти через изображение физиологического явления;
- аллегорическая визуализация персонифицированной Смерти;
- символическая визуализация персонифицированной Смерти.

Первый этап в эволюции образа связан с трагическими событиями в Польше, в то время входящей в состав Российской империи (восстание

польских националистов). Художник многократно возвращается к сюжету «Смерть Элленаи».

Картина 1883 года отличается от более поздних композиционным решением. Все герои размещены на переднем плане, словно придавленные горизонтом полотна. Цветовая гамма – темная, с преобладанием коричневого цвета, единственным светлым пятном является сама умершая. По правую руку от героини находится раскрытая книга и свеча.

В картинах 1906–1907 гг. композиция строится вертикально. «Смерть Элленаи 1» напоминает библейскую сцену «Распятие». Взгляд зрителя скользит снизу вверх. На переднем плане у ног умершей сидит погруженный в горе мужчина. В центре картины – вертикально вытянутое тело женщины, наполовину укрытое шубой. Непокрытыми остаются только скрещенные ноги. Голова героини наклонена вправо, в изголовье находится икона Богородицы Одигитрии. Картина «Смерть Элленаи 2» строится по тому же принципу, что и предыдущая, но центр смещен влево. Знаки смерти те же, но согнутая правая рука героини что-то прижимает к груди. Ноги расположены параллельно друг другу. В обеих картинах присутствуют оттенки коричневого цвета. Цветовая гамма картины «Смерть Элленаи 3» более светлая. Мы видим мужчину, целующего ноги героини, да и сама она не производит впечатления умершей женщины. У нее приподнята левая нога, неестественно согнута кисть левой руки, в то время как правая придерживает страницы книги. Картина «Смерть Элленаи 4» строится диагонально. Тело мертвой женщины изогнуто от правого нижнего угла в центр картины. В отличие от предыдущих четырех картин здесь мы наблюдаем другую манеру письма: мазки более широкие, линии не закончены.

Созерцая картины «первого этапа», зритель может решить, что молодая девушка спит. Однако в их визуальном решении даны знаки, указывающие на то, что она мертва. Вербальный знак – название произведения: все пять картин именуются «Смерть Элленаи». Визуальные сакральные христианские знаки даны как буквально (икона Богородицы иконографического типа «Одигитрия» у изголовья героини), так и аллегорически (крест, являющийся основой композиции большинства картин). Закрепляет танатологический характер картин и реакция страдания либо жест прощания второго персонажа картины – мужчины.

Так, на первом этапе смерть изображается как физиологическое явление или состояние, подобное сну. Ее ключевые знаки: название произведений, актуализация традиционных христианских знаков, реакция «второго» персонажа. Смерть здесь – предмет наблюдения и художественной фиксации именно как состояние скорее тела, но и души.

Следующий этап в эволюции образа смерти можно определить как аллегорический. Он включает такие произведения, как «Танатос» 1898–1899 гг., «Танатос» 1913 г., «Танатос» 1917 г., «Смерть» 1917 г., «Автопортрет с Танатосом» 1919 г. Их специфика состоит в том, что художник запечатлевает не просто женщину как часть материального мира, а часть потустороннего мира, воплощенную в женском теле. Женщина на всех пяти картинах прекрасна, но она Смерть в женском облике, о чем свидетельствуют определенные знаки.

Название «Танатос» заимствовано из древнегреческой мифологии и представляет собой имя античного бога смерти.

Коса – традиционный знак смерти в европейской живописи – в произведениях Мальцевича подана как атрибут повседневности. На картине 1913 года коса поддерживается с помощью веревки на правом плече. В центре картины «Смерть» 1917 года представлена женщина-крестьянка, прислонившаяся к дому рядом с косой в руках. На картине «Танатос» 1917 года присутствует только одна героиня, в руках которой – коса. На картине 1919 года на переднем плане изображен сам художник и молодая женщина в легкой одежде. Одной рукой она опирается на косу.

Важной особенностью является то обстоятельство, что на всех картинах (кроме «Танатос» 1917 г.) присутствует граница между героем и героиней, олицетворяющая грань между миром живых и мертвых. На картине 1898–1899 гг. метафизической и даже онтологической границей можно считать кусты белой и сиреневой сирени. Англичане называли белую сирень цветком смерти из-за ее белого «трупного» цвета. Сиреневая сирень, в свою очередь, на рубеже XIX–XX вв. позиционируется и как знак сумасшествия, а в символизме – знак инобытия. В картине «Смерть» 1917 года героев разделяет стена дома. На картине 1913 года границей между мирами служит забор, герой, как бы проходя через калитку, одной ногой находится в мире земном, другой – в мире потустороннем. Рука Танатос

прикасается к плечу мужчины, но по тому, куда направлен его взгляд мы понимаем, что он не чувствует ее прикосновения.

Граница может быть выражена и с помощью окна, который воспринимается как «важный мифопоэтический символ, реализующий такие оппозиции, как внешний – внутренний и видимый – невидимый, и формируемое на их основе противопоставление открытости – укрытости, соответственно опасности (риска) – безопасности (надежности)» [5]. На картинах 1898–1899 гг. и 1917 г. («Смерть») изображен старик, выглядывающий из окна. На первой картине взгляд старика обращен на лающую у дверей собаку. Здесь можно провести параллель с поверьями славян, для которых окно было незаменимым атрибутом поминальных обрядов. Считалось, что после смерти душа выходит именно через окно.

Атрибутом смерти может выступать цветок – мак или бабочка. На картине «Смерть» 1917 года в волосах смерти закреплены цветы – маки, несущие определенное аллегорическое значение. Мак являлся атрибутом греческого бога Танатоса, которого изображали с маковым венком на голове. А на картине «Танатос» 1917 года на груди у героини брошь – бабочка «Мертвая голова», являющаяся негативным знаком, предвещающим смерть или беду. Взгляд женщины направлен не на зрителя, а в левую сторону, но создается ощущение, что она погружена глубоко в себя.

Смерть на втором этапе эволюции ее визуального кода не внушает страха и ужаса. Она воплощена в облике вполне земных в своем эротизме женщин. Они лишены ауры мистического и мифического – скорее, исполнены чувственной неги, растворены в природе. Однако для Яцека Мальчевского именно они являлись олицетворением смерти. Единственный знак, прямо говорящий о том, что мы имеем дело со смертью, – коса, не столь очевидными знаками визуального кода смерти являются маки, бабочка «мертвая голова», граница, окно.

В дальнейшем творчестве Мальчевского визуальный код Смерти вновь трансформируется. Художник пытается осмыслить смерть посредством актуализации символической эстетической парадигмы. Показательными в этом отношении являются следующие произведения: «Смерть» 1902 г., «Танатос I» 1898 г., «Танатос II» 1899 г., «Танатос» 1911 г., «Танатос» 1919 г.

На картине «Танатос» 1898 года на переднем плане изображено мифическое существо – женщина с огромными крыльями и косой. Однако,

как уже упоминалось ранее, Танатос в античной мифологии – крылатый юноша с погашенным факелом в руке. На картине Мальчевского изображена женщина, а не юноша, и в ее руках коса, а не меч. Тем не менее, у греческого образа Мальчевский взял длинные крылья, однако показательно, что крылья, растущие из головы, принадлежали другому греческому персонажу – богу сна Гипносу, брату-близнецу Танатоса. Лицо, руки и грудь героини еще напоминают человеческое тело, так как они темно-розового цвета, но ее ноги художник рисует черным цветом, а ступни даже каким-то синим с оттенками голубого. Можно предположить, что это колористическое решение смерти связано с образом Хель – богини смерти в германо-скандинавской мифологии. Лицо и тело Хель – живой женщины, а бедра и ноги, как у трупа, покрыты пятнами и разлагаются. Героиня Мальчевского одета в белые, противоречащие трагическому черному колориту смерти, одежды. Возможно, здесь эксплицирована связь с верованиями славян, у которых богиня смерти Мара изображалась то в черных, то в белых одеждах в зависимости от природного цикла.

Следует заметить, что Танатос Мальчевского, скорее всего, представляет образ естественной смерти, а не героической смерти во время боя или, скажем, самоубийства. Данное заключение основано на функционале Танатоса, Хель и Мары, созвучных Танатосу Мальчевского, поскольку они являлись богами естественной смерти. Естественный характер смерти обусловлен и тем обстоятельством, что на заднем плане картины изображен старик, символ старости, а также символической аранжировкой природными символами (выжженная земля находится во власти тени Танатос, сочная зелень высокой травы отбивает пространство жизни).

Картина «Танатос» 1899 года имеет то же композиционное решение, что и картина 1898 года, но в сюжетах этих картин есть существенное различие. На картине 1899 года изображен пожар, и старик бежит из горящего дома, спасаясь от неминуемой смерти, не зная, что она поджидает его в другом месте. На картине 1898 года он просто бежит по направлению к зрителю и Танатос. Роковая неизбежность усиливается вполне софокловскими мотивами знания и незнания.

На картине 1902 года и герой, и героиня изображены на переднем плане и обращены друг к другу. В правой руке она держит косу, а левой прикрывает глаза старику, знаком-жестом заби-

рая его жизнь. Из ее головы, аналогично предыдущим двум картинам, растут крылья. На сложенных на груди руках старика мы видим кулон. Мы можем предположить, что это змеевик – оберег, с одной стороны которого изображался христианский святой, а с другой отрубленная голова медузы Горгоны. Об этом нам говорят и овальная форма, и цвет. Змеевик помогал отпугивать злые силы, именно поэтому герой, наверное, пытается отвлечь смерть. Цветовая гамма скупая, все оттенки коричневого цвета, лишь на руках героини оттенки синевы. Границей между героями выступает коса Смерти.

Аналогично предыдущему произведению на картине 1911 года – уже сам Мальчевский. Он изображен в профиль, как и героиня. Несмотря на то, что они изображены напротив друг друга, их взгляды не пересекаются. Левая рука героини опирается на косу, прикрытую желтовато-зеленоватой накидкой, вторая рука тянется к герою, чтобы закрыть ему глаза. У героини, как у летучей мыши, из головы растут крылья. Границей между ними выступает дорога.

Картина 1919 года отличается цветовой гаммой – обилием зеленого цвета, символизирующим жизнь. На переднем плане веселая и цветущая женщина, перед ней коленопреклоненный мужчина. Руки Танатос касаются головы мужчины. Из ее спины растут крылья черного цвета, контрастные по отношению к цветовой гамме картины, перьевые, в целом напоминающие черные крылья ангелов смерти. На руках и теле героини трупные пятна. Границей опять выступает коса, принадлежащая женщине.

На **третьем этапе** эволюции персонифицированная Смерть визуализируется через совокупность знаков, имеющих символическую и архетипическую природу, заимствованных из культуры разных стран и народов. При этом их преломление осуществляется весьма субъективно. Яцек Мальчевский словно тасует символические знаки смерти и создает мистический мифологический код Смерти-Анимы (К.-Г. Юнг), эротичной и убивающей, прекрасной и ужасающей, телесной и дематериализующейся то в трупном разложении, то в мистическом сиянии света.

Таким образом, Яцек Мальчевский на основании личностного синтеза актуальных для него духовно-нравственных и эстетических традиций создает оригинальный визуальный код смерти.

Визуальная основа кода смерти в решении Яцека Мальчевского, с одной стороны, понятна и проста – молодая красивая женщина с лицом,

напоминающим лицо возлюбленной художника Марии Баль. При этом в художественной ткани картин даны определенные знаки, раскрывающие парадоксальную роль этой молодой, пышущей здоровьем героини.

Визуальные знаки смерти меняются в произведениях Мальчевского с течением времени. Перекодирование Смерти определяет как эволюцию ее знаковой структуры, так и основу ее функционирования. От буквальной визуализации физиологического явления через аллегорическую эстетизацию художник приходит к многочисленным экспериментам по созданию оригинального символического образа. Возможно, Я. Мальчевский никак не мог уловить, как выглядит смерть. Он, подобно Врубелю, страдающему от невозможности «ухватить» Демона, переписывал одни и те же сюжеты, пытаясь найти максимально точное, полное воплощение Смерти. Отсюда и столь много картин, посвященных этой теме (картин «Танатос» – 4 варианта, «Смерть Элленаи» – 5 вариантов). Этот образ не давал покоя художнику, он возвращался к нему все снова и снова – и на расцвете творчества, и в более зрелом возрасте.

Помимо визуального основания кода персонифицированной Смерти (ее женского облика) в ее кодировании Я. Мальчевский обретает еще один повторяющийся знак – косу. Эти два знака – феминность и коса – создают целостность визуального кода Смерти в живописи Я. Мальчевского, в то время как маки, сирень, бабочка, окно, дом, крылья, жест, сине-черные ноги, полужакрытый взгляд придают ему вариативность.

Библиографический список

1. Гадамер, Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики [Вступительная статья, Введение] / Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова [Текст] / Г.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
2. Лисицына, Т. А. Образы смерти в русской культуре: лингвистика, поэтика, философия [Текст] / Т. А. Лисицына // Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый специальный выпуск. – СПб., 1995. – 200 с.
3. Лотман, Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры [Текст] / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – 478 с.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 2. К – Я. [Текст] / Гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Рос. Энциклопедия, 1997. – 719 с. с ил.
5. Топоров, В. Н. Окно [Электронный ресурс] / В. Н. Топоров // Энциклопедия символики и геральдики

дики. – Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%9E%D0%BA%D0%BD%D0%BE>. Проверено 22.03.2015.

6. Юнг, К. Г. Архетип и символ [Электронный ресурс] / К. Г. Юнг. – М.: «Ренессанс» СП «ИВО-СиД», 1991. – Режим доступа: http://bookfan.ru/net_book_106989.html, свободный. Проверено 18.01.2011.

7. Языкова, И. К. Богословие иконы (учебное пособие) [Текст] / И. К. Языкова. – М.: Издательство Общедоступного Православного Университета, 1995. – 212 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Gadamer, G.-G. Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevtiki [Vstupitel'naja stat'ja, Vvedenie] / Per. s nem.; obshh. red. i vstup. st. B. N. Bessonova [Tekst] / G.-G. Gadamer. – Moskva: Progress, 1988. – 704 s.

2. Lisicyna, T. A. Obrazy smerti v russkoj kul'ture: lingvistika, pojetika, filosofija [Tekst] / T. A. Lisicyna //

Figury Tanatosa. Filosofskij al'manah. Pjatyj special'nyj vypusk. – SPb., 1995. – 200 s.

3. Lotman, Ju. M. Izbrannye stat'i: V 3 t. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Tekst] / Ju. M. Lotman. – Tallinn: Aleksandra, 1992. – 478 s.

4. Mify narodov mira. Jenciklopedija: v 2-h t. T.2. K – Ja. [Tekst] / Gl. red. S. A. Tokarev. – M.: Ros. Jenciklopedija, 1997. — 719 s. s il.

5. Toporov, V. N. Okno [Jelektronnyj resurs] / V. N. Toporov // Jenciklopedija simvoliki i geral'diki. – Rezhim dostupa: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%9E%D0%BA%D0%BD%D0%BE>. Provereno 22.03.2015.

6. Jung, K. G. Arhetip i simvol [Jelektronnyj resurs] / K. G. Jung. – M.: «Renessans» SP «IVO–SiD», 1991. – Rezhim dostupa: http://bookfan.ru/net_book_106989.html, svobodnyj. Provereno 18.01.2011.

7. Jazykova, I. K. Bogoslovie ikony (uchebnoe posobie) [Tekst] / I. K. Jazykova. – M.: Izdatel'stvo Obshhedostupnogo Pravoslavnogo Universiteta, 1995. – 212 s.

Н. А. Хренов

**Утопический комплекс русского искусства первой половины XX века:
от авангарда к византийской традиции.**

Статья представляет собой первую часть культурфилософского исследования утопического комплекса русского искусства первой половины XX века. Обосновываются основания и установки футуристической и пассаистической типов утопии. Раскрывается культурфилософский, в частности, эстетический потенциал антиципации символизмом утопических интенций авангарда. На основании осмысления взаимной интеграции художественного и политического авангарда футуристическая установка верифицируется в качестве доминирующей утопической проекции русского искусства первой половины XX века.

Ключевые слова: утопический комплекс, русское искусство, первая половина XX века, футуризм, пассаизм, символизм, авангард.

N. A. Khrenov

**Utopian complex of the Russian art in the first half of the XX century:
from avant-garde to Byzantine tradition**

The article is the first part of the cultural and philosophic research of the utopian complex of the Russian art in the first half of the XX century. Futuristic and passeistic types of utopia are analysed. Cultural, philosophic and aesthetic potential in anticipating utopian intentions of avant-garde by symbolism is described. The author studies integration of literary and political avant-garde and verifies futuristic idea as dominating utopian projection in the Russian art in the first half of the XX century.

Keywords: utopian complex, Russian art, the first half of the XX century, futurism, passeism, symbolism, avant-garde.

**1. Футуризм и пассаизм как установки
разных, но одновременно существовавших
типов утопии**

Существует мнение, что совершенное бытие человечеств с некоторого времени более не стремится искать и находить в настоящем времени. Его пытаются обнаружить или в прошедшем, или в будущем времени [4. С. 192]. Однако в XX веке человечество оказалось свидетелем, когда вопреки всем представлениям имела место попытка усмотреть совершенное бытие «здесь» и «сейчас», не в потустороннем, а в посюстороннем мире. Это произошло в первых десятилетиях этого столетия на территории России. Эти попытки распространяются и на художественный авангард, установки которого были и следствием, и в то же время причиной взрыва утопизма, принявшего массовый характер.

Пожалуй, применительно к этой эпохе трудно утверждать, что эти установки на прошлое и на будущее реализуются последовательно. В этом

заключается исключительность этого времени. Собственно, мы именно эту особенность и постараемся проанализировать. Похоже на то, что в эту эпоху установки возникают и утверждаются одновременно. Их исходная точка, пожалуй, уходит в более ранние эпохи. Если иметь в виду недавнее прошлое, то установка на будущее своим истоком имеет ранний модерн, под которым будем подразумевать эпоху Просвещения. Что касается установки на прошлое, то она связана с романтизмом как оппозицией Просвещению и с реабилитацией Средневековья, которое просветители, как известно, не идеализировали.

Хотя нами сейчас представлена картина, характерная для западной культуры, тем не менее, она универсальна и вполне приложима к тому, что будет происходить в России, конечно, с некоторыми, свойственными этой ментальности нюансами. Не случайно некоторые писавшие об утопии авторы отмечали существование специфического русского утопизма [11, с. 185]. Более того, некоторые авторы констатируют, что рус-

ское сознание – преимущественно утопическое сознание [1. С. 96]. Например, применительно к России можно назвать то, что фиксировал Н. Бердяев, а именно: Россия – страна, в которой одновременно существуют формы жизни, которые в истории возникали последовательно («Русские люди того времени жили в разных этажах и даже в разных веках» [2, с. 133]). Об этой одновременности существования разных исторических укладов С. Эйзенштейн размышлял, например, в связи с Мексикой, о которой ставил фильм. Оказавшись в стране потомков ацтеков и майя, он обнаружил «историю смены культуры не по вертикали – в годах и столетиях, а по горизонтали – в порядке географического сожительства разнообразнейших стадий культуры рядом, чем так удивительна Мексика, знающая провинции господства матриархата... рядом с провинциями достигнутого в революции десятых годов коммунизма...» [9, с. 227].

Размышления в этом направлении наводят на мысль, что одновременное сожительство разных исторических пластов в Мексике характерно и для России. Наверное, это имеет отношение к тому, почему в России XX века имел место не единственный тип утопизма. Констатируемые нами две установки на прошлое и на будущее сформировали и два типа утопии. Одну попробуем назвать пока **консервативной** утопией, для которой характерна идеализация прошлого, другую – **футуристической**, поскольку она ориентирована на будущее. Приходится говорить и о той, и о другой утопии, поскольку Россия в XX веке продемонстрировала свою волю в реализации и той, и другой утопии.

Было бы неверно ограничиться лишь той утопией, что получила выражение в авангарде. Следует говорить и о консервативной утопии, появление которой спровоцировано именно футуристической утопией. Еще в начале XX века в России была весьма активна консервативная утопия, и об этом свидетельствует пробудившийся интерес к искусству Древней Руси и Византии. С. Маковский иллюстрирует это «нашей византийской и варяжской историей, зачатой в легендарном Киеве, в Царьграде Палеологов, в Новгороде Великом, союзнике Ганзы, в кочевьях татарских и в стриженных боскетах Людовика XIV...» [6, с. 70]. Здесь невозможно не отметить такое значимое событие в художественной жизни, как открытие дотоле неизвестной древней иконописи, что имело колоссальный резонанс, в том числе, в среде представителей авангарда.

Пытаясь поставить в связи с художественным авангардом вопрос об утопии, необходимо с самого начала отдавать отчет в том, что это явление имеет значение не только для эстетики и теории искусства, в контексте которых принято рассматривать утопическое сознание. Смысл нашей постановки вопроса об утопическом сознании 20-х годов далеко выходит за пределы авангарда как художественного феномена. Речь должна идти о формировании новой идентичности, о новом типе человека, к чему, собственно, и стремились представители авангарда. Увиденный в этом ракурсе авангардный утопизм приобретает более значительный смысл.

2. Символизм как предвосхищение авангарда и его расщепление на пассеизм и футуризм

Сказанное имеет отношение к предыстории авангарда. Для этой предыстории характерна новая на рубеже XIX–XX веков вспышка романтизма, что первоначально называли неоромантизмом, а затем – таким мощным в России направлением, как символизм. Казалось бы, если речь заходит о символизме как новом романтизме, то можно говорить о консервативной утопии, ведь известно, что романтики реабилитировали Средневековье. Действительно, отвечая на обвинения по поводу того, что символисты перечеркивали все предшествующее искусство, В. Брюсов констатировал установку символизма, в том числе, и на искусство прошлого. Правда, в данном случае имел место жесткий отбор. Ведь символизм в соответствии с присущей ему эстетикой претендовал на пересмотр всей истории искусства, которая выглядела как история символизма.

Тем не менее, сверхзадача символизма не исключала установки на будущее. Более того, она такую установку предполагала, потому что конечной целью символизма было создание принципиально новой культуры; потому символисты и взвали к жизни рефлексию о культуре. Может быть, следовало бы утверждать, что они были первыми культурологами. У них речь шла уже не просто о создании художественных ценностей, а о построении новых форм жизни. Можно утверждать, что такая установка на творчество жизни одновременно с символизмом получит интенсивное развитие в модерне (только в 60-е годы получившем статус стиля), а затем в 20-е годы – в таком авангардном направлении, как конструктивизм, который, несомненно, получил выраже-

ние и в кино. Конструктивистская тенденция будет характерной и для игрового (Эйзенштейн) и для неигрового (Вертов) кино.

Так, например, возвращаясь к атмосфере 20-х годов, которая напоминала С. Эйзенштейну атмосферу Ренессанса, он цитирует Ф. Супо по поводу того, что во Флоренции начала XV века художники интересовались скорее научной, нежели чисто артистической стороной своих произведений. В связи с этой параллелью он вспоминает дискуссии, связанные в 20-е годы с ЛЕ-Фом, Киноглазом и конструктивизмом с присутствующим им страстным исканием точных математических и физических начал в принципах искусства. Главное в этих дискуссиях – обостренный интерес ко всему, что связано с конструкцией. Эти дискуссии были спровоцированы конструктивизмом как направлением, который «предельно эстетизировал и фетишизировал самые принципы конструкции» [10, с. 16]. Собственно, по признанию С. Эйзенштейна, выражением этой тенденции в кино явилась преувеличенная роль монтажа.

Включаясь в реализацию конструктивистских проектов, представители киноавангарда тем самым сохраняли связь с символизмом. Понятно, что конструктивистский проект постепенно вводится как составляющая нового мировоззрения, политизируется и идеологизируется, что, собственно, не так уж и расходится с присущей символизму идеей творчества самой жизни и отрицания предшествующих форм искусства. Конструктивизм – не футуризм, но все же ему присуща футуристическая установка, которая уже становится составляющей всего нового мировосприятия. Первоначально принцип конструкции получает распространение в художественном авангарде. Потом его возьмет на вооружение политический авангард, который в соответствии с этим принципом начинает созидать государство и новый социум, что вообще-то со времен Платона, а затем повторившего его Буркхардта принято считать своего рода искусством [7, с. 208].

Таким образом, можно утверждать, что многое из того, что будет характерно для революционной ментальности и прежде всего ментальности большевизма, как это ни странно и ни парадоксально звучит, впервые получило выражение в искусстве, и, в частности, если иметь в виду Россию, в символизме. На примере символизма можно показать, что предысторией глобальных революционных сдвигов в истории и обществе являются новаторские эксперименты в искусст-

ве. Вот, видимо, почему в иных цивилизациях, и, в частности, в восточных, новации в искусстве жестко контролируются. Да, собственно, сторонником такого контроля, как известно, выступал еще в античности Платон. Однако, несмотря на противодействие и консерватизм некоторых выдающихся мыслителей, по отношению к которым такую нетерпимость в своей книге проявляет К. Поппер, все же закономерность, свидетельствующая о революциях в искусстве, опережающих революции в обществе, постоянно подтверждается. Она подтверждается и новациями символизма в русском искусстве, из которого выйдут самые радикальные и самые революционные авангардные направления.

Однако этому выходу и обретению самостоятельности каждого течения и направления в авангарде предшествует рано начавшееся расщепление самого символизма, что проявилось в установке на прошлое и установке на будущее. Об установке на будущее, которая становится основой утопии уже в идеологической форме, что будет задавать направление всем видам и формам искусства, мы будем говорить дальше в связи с идеями С. Эйзенштейна как одного из наиболее ярких представителей киноавангарда. Что же касается установки символизма на прошлое, то здесь важно то, что символизм свой смысл, например, усматривает в возрождении мифологии. Этот вопрос активно обсуждался уже в романтизме, о чем свидетельствует философия искусства, близкого к романтизму Шеллинга. Но он был подхвачен и символистами. Но ведь мифологическая стихия искусства, которая Гегелю, например, казалась исторически преодоленной, а Шеллингу – совсем наоборот, означает один из уровней сознания, в том числе, и сознания современного человека. Но такой уровень, который исторически предшествовал более поздним уровням, в том числе, и логическому.

Может быть, наиболее очевидной особенностью авангарда явилось то, что он подхватывает именно этот аспект творчества – мифологический. Об этом, в частности, свидетельствует творчество С. Эйзенштейна. Так, анализируя сюжет фильма «Иван Грозный», С. Эйзенштейн говорит о выходе за пределы анекдота, сюжета на «глубинные мифологические основы» [10, с. 311]. Как это ни покажется странным, но футуризм и все остальные направления авангарда в символизме заимствовали именно этот мифологический аспект творчества. Но в отличие от символистов, например, футуристы об этом

совсем не думали. Видимо, это происходит потому, что они свое мифологическое мышление наполняли современным содержанием до такой степени, что, казалось, трудно говорить о творчестве как мифотворчестве. Тем не менее, это творчество, в том числе, и в его очевидных идеологических формах, в авангарде было именно мифотворчество [8, с.11]. Эту мысль можно было бы проиллюстрировать авторитетом А. Лосева, выпустившего в тот период свое сочинение под названием «Диалектика мифа», в котором он недвусмысленно формулировал, что социализм – это не что иное, как разновидность мифологии.

Собственно, пожалуй, из всех отечественных авангардистов лишь С. Эйзенштейн размышлял в том же направлении, что и А. Лосев. Однако нельзя не прислушаться и к мнению, в соответствии с которым утопия не всегда уживается с мифом. Более того, утопизм возникает как реакция на распад или угасание мифа. Вспышка утопии возникает как следствие исчезновения мифа [5, с. 190]. Тем не менее, миф ведь никогда не исчезает, не уходит в небытие. Он постоянно активизируется, хотя и на следующем отрезке истории, что, собственно, и происходит в России и после угасания как утопизма авангарда, так и самого авангарда. Размышлять о мифе С. Эйзенштейну приходилось, правда, не в эпоху его актуализации в формах политического авангарда, а позднее, когда уже разворачивалось становление консервативной утопии и когда авангард, собственно, успел угаснуть.

Перед второй мировой войной С. Эйзенштейну была поручена постановка в Большом театре оперы Вагнера. В связи с этой постановкой он писал, имея в виду замысел Вагнера, что «древнейший миф и народное сказание, храня всеобъемлющие образы, рожденные мудростью народа, дают возможность каждому новому поколению, каждой новой эпохе по-своему исторически осмыслить эти великие образы» [10, с. 194]. Пытаясь при постановке оперы Вагнера актуализировать мифологический слой, С. Эйзенштейн писал: «Идя таким путем, мы сумеем наравне с музыкой и сюжетом еще и средствами зрелищного воплощения расшевелить в глубине собственного нашего сознания те пласты, в которых сильно еще мышление образное и поэтическое, чувственное и мифологическое; и, расшевелив их, мы заставим и их вибрировать в лад с мощью вагнеровской музыки» [10, с. 207]. Собственно, осмыслением этих пластов и их актуализацией в процессе творчества и воздействия на публику

он начал заниматься очень рано, а именно, в эпоху расцвета русского авангарда.

3. Смыкание художественного авангарда с политическим авангардом.

Футуристическая установка как доминанта

Однако многое свидетельствует о том и многое способствует тому, что установка на будущее вскоре становится доминантой. Кроме утопии возникает то, что в истории всегда было ей альтернативой, то есть. идеология, причем идеология, которая вбирает в себя и растворяет в себе утопию, что, следует сказать, во многом способствовало ее привлекательности для массы. Так появляется политический авангард. Так и хочется сказать, что политический авангард «приватизирует» идею символистов о создании новой культуры, если бы не существовало длительной предыстории реализации социалистической идеи, истоком которой в России было увлечение еще в первой половине XIX века учением Ш. Фурье. Тем не менее, мысль Б. Гройса о смыкании художественного и политического авангарда конструктивна [3].

Однако, начав говорить о символизме, мы уже пытаемся делать выводы об авангарде. Дело в том, что существовавшая в символизме установка на будущее в результате активности политического авангарда оказалась сильнее. Собственно, это привело к кризису символизма и выделению из него более радикального крыла, которое мы и называем авангардом в его разных формах. Это радикальное крыло символизма предстало в разных направлениях авангарда: футуризме, конструктивизме, сюрреализме, экспрессионизме, дадаизме и т. д. Не все эти направления в России получили развитие. Однако здесь наиболее развившимся направлением оказался футуризм, который, став самостоятельным направлением, проявил агрессию по отношению к символизму, из которого вышел сам.

Но, несмотря на эту агрессию, он многое продолжал сохранять от символизма, хотя этого футуристы и не признавали: в формах футуризма символизму, под которым, как было уже сказано, следует подразумевать неоромантизм, было легче соответствовать политическому авангарду, взявшему решительное направление на разрушение всего, что футуристическому уму настроению (на этот раз уже в самой жизни) не соответствует. Футуризм – это отредактированный под социалистическо-коммунистическую утопию символизм, который трансформировался так, что

его уже трудно узнать. Но идея жизнестроения, а не только создания художественных ценностей, выпущенная символизмом, продолжает быть реальной и в 20-е годы.

Поскольку политический авангард набирал силу и двигался в сторону тоталитарной государственности, то все, что в символизме было от романтизма как альтернативной формы по отношению к Просвещению, уходило в подсознание. Сознанием же эпохи стал политический авангард и вписавшийся в него художественный авангард (или то, что от него осталось), поскольку многие представители символизма оказались после революции в эмиграции. Правда, эта созвучность авангарда в искусстве политическому авангарду продолжалась недолго. Выражением этой авангардной установки в литературе стал, например, Маяковский, в живописи – Малевич, а в кино – Эйзенштейн. Мы называем лишь самых известных представителей авангарда в разных видах искусства – в реальности за каждым из названных имен стоят десятки менее известных имен, без которых представить авангард невозможно.

Конечно, альянс художественного авангарда с политическим авангардом скоро закончился, поскольку последний быстро усвоил уроки художественного авангарда и начал самостоятельно и успешно монтировать и конструировать пространство и время, а вместе с тем в соответствии со своими утопическими установками начал конструировать и культуру. Утопическое сознание из сферы искусства тоже переходило в идеологическое сознание. Утопия предстала уже в числе идеологических форм как для искусства определяющих. Поскольку политики подхватили у художников идею конструкции и начали ее реализовывать в самой жизни, на созидание государства в 20-е годы смотрели сквозь призму Платона и Буркхардта, в соответствии с которыми государственное строительство является актом творческим, а государство следует называть произведением искусства. При таком положении дел художника можно было отправлять в отставку. Он и был туда отправлен.

Вообще, к 20-м годам идеология, которая в истории всегда утверждала себя как альтернатива утопии, отождествилась с утопией. Но поскольку в отличие от идеологии утопия в жизни не может быть реализована в принципе, то рано или поздно это должно было закончиться трагедией, то есть антиутопией. Уже в 20-е годы некоторые художники предугадали развитие событий в направлении антиутопии (здесь, прежде всего,

следует назвать Е. Замятина). У нас в России это было ясно уже к рубежу 20–30-х годов, когда впервые возникло что-то вроде известной по 60–70-м годам деревенской прозы (С. Есенин). Утопическое сознание в его первоначальной форме, в пространстве того, что В. Паперный назвал «культурой Один», угасало. Но это не закончилось фиаско. И очень важно представлять, как довольно быстро закат одной утопии, выражением которой оказался художественный авангард, стал началом возникновения другой утопии.

Это произошло, видимо, потому, что в российской цивилизации еще долго время сохранялись средневековые пласты, которые должны были тоже получить выражение. Этот неизжитый средневековый резерв очень хорошо ощутил Г. Федотов. Собственно, уже у него появляется разработанная В. Паперным идея двух культур. Но у Г. Федотова эти культуры предстают, прежде всего, в реализуемых личностных картинах мира (странника-утописта и средневекового москвитянина, активизировавшегося в связи с утопизмом странника и приходящему ему на смену). Иначе говоря, в России еще имел место мощный пассионарный потенциал, на основе которого в «культуре Два» возникла новая вспышка утопии – на этот раз не футуристической, а консервативной, пассеистической. На уровне сознания сохранялась марксистская и ленинская фразеология, а на уровне подсознания активизировалась некогда ушедшая в прошлое форма империи, причем империи византийского типа. Впрочем, этот фантом не изжит и сегодня.

Естественно, что этот консервативный откат отчасти был не стихийным, а управляемым, чего не желает признать В. Паперный. Этот управляемый откат возродился к 30-м годам благодаря возродившейся бюрократии, о чем писал Л. Троцкий в незаконченной биографии Сталина, которую ему пришлось писать уже в изгнании. Вторжение в стихию контроля улавливается даже в том, что ставка делается не на старшее поколение, ментальность которого получила выражение в культуре Два, а на молодежь. Представители младшего поколения, мобилизованные на возведение новой редакции византийской империи (Рима третьего), не могли, конечно, понимать, что именно они вызывают к жизни. Как утверждал Гегель, сова Минервы вылетает только ночью. Осознание приходит намного позднее, к сожалению, уже в следующих поколениях.

В данном случае уже следует говорить об угасании утопии, соответствующей культуре Один,

то есть эпохе Ленина и Троцкого, и о вспышке утопии, более соответствующей культуре Два и реализовавшейся в сталинской эпохе. Вот эта культура Два, в которой реализовывалась уже новая – консервативная утопия, была далека от авангардистских проектов. Это явно была эпоха уже не Вертова и Малевича, а скорее И. Пырьева и Г. Александрова. Что произошло с Маяковским и Мейерхольдом, как многими другими представителями символизма и авангарда, всем известно. Продолжали творить лишь отдельные художники, которые смогли вписаться в новую идеологическую, а точнее, имперскую картину мира, тиражируемые, в том числе, и с помощью кино. Но к этому оказались способными далеко не все.

Однако проблема заключается в том, что эта новая картина мира была не чисто идеологической. Значение идеологии нельзя преувеличивать. Это была тоже утопия. Может быть, попыткой самого глубокого проникновения в суть консервативной утопии является заказанный Сталиным С. Эйзенштейну фильм «Иван Грозный». Именно этот фильм воспроизводит смысл консервативной утопии, заключающийся в возведении «третьего Рима» по аналогии с историей Рима второго, то есть Византии. Собственно, реабилитируя империю этого типа и подводя под идею социализма имперскую основу, Сталин из подсознания массы выводил консервативную или средневековую утопию.

Конечно, художественный авангард, который уже в 20-е годы вытеснял пассивизм символизма, в этой атмосфере не мог иметь продолжения. Хотя символисты и возвращали в прошлое (например, М. Врубель вдохновлялся византийскими фресками), но они не могли помышлять о возрождении империи византийского типа. Духовным отцом символистов был, как известно, В. Соловьев, а он был демиургом утопии совсем другого типа, утопии, связанной с объединением церковью. В отличие от К. Леонтьева, В. Соловьев симпатий к Византии явно не питал. Правда, казалось, что ведь политический авангард как раз и создавал то, о чем мечтали символисты, а именно – соборную культуру, возрождающую коллективные основы творчества, иссякшие в результате гипертрофированного индивидуализма и субъективизма. Но, как признавал Н. Бердяев, именно такая культура, казалось, и создавалась большевиками. Но какой далекой от мечты символистов оказалась реальность. «В России индивидуализм культурного творчества был

преодолен, – пишет философ, – и была сделана попытка создать всенародную, коллективную культуру. Но через какой срыв культуры! Это произошло после того, как был низвержен и вытеснен из жизни весь верхний культурный слой, все творцы русского ренессанса оказались ни к чему не нужными, и в лучшем случае к ним отнеслись с презрением. Соборность осуществилась, но сколь непохожая на ту, которую искали у нас люди XIX и начала XX века» [2. С. 136].

Библиографический список

1. Багно, В. Свое и чужое, чужое в своем [Текст] / В. Багно // Русские утопии. – СПб.: Corvus, Terra Fantastica 1995. – С. 96–136.
2. Бердяев, Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии [Текст] / Н. Бердяев. – М.: Международные отношения, 1990. – 336 с.
3. Гройс, Б. Русский авангард по обе стороны «Черного квадрата» [Текст] / Б. Гройс // Вопросы философии. 1990. – № 11. – С. 65–76.
4. Зедльмайр, Х. Искусство и истина [Текст] / Х. Зедльмайр. – М.: Аxiома, 1999. – 272 с.
5. Козловски П. Миф о модерне [Текст] / П. Козловски. – М.: Республика, 2002. – 239 с.
6. Маковский, С. Силуэты русских художников [Текст] / С. Маковский. – М.: Республика, 1999. – 383 с.
7. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Т. 1. [Текст] / К. Поппер. – М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
8. Хренов, Н. А. От эпохи бессознательного мифотворчества к эпохе рефлексии о мире [Текст] / Н. А. Хренов // Миф и художественное сознание XX века. – М.: Канон-Плюс, 2011. – С. 11–83.
9. Эйзенштейн, С. Метод. Т. 1. Grundproblem [Текст] / С. Эйзенштейн. – М.: Музей кино; Эйзенштейн-Центр, 2002. – 494 с.
10. Эйзенштейн, С. Метод. Т. 2. [Текст]: Тайны мастеров / С. Эйзенштейн. – М.: Эйзенштейн-центр; Музей кино, 2002. – 688 с.
11. Эткинд, А. Хлыст. Секты, литература и революция [Текст] / А. Эткинд. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 644 с.

Bibliograficheski spisok

1. Bagno, V. Svoe i chuzhoe, chuzhoe v svoem [Tekst] / V. Bagno // Russkie utopii. – SPb.: Corvus, Terra Fantastica 1995. – S. 96–136.
2. Berdjaev, N. Samopoznanie [Tekst]: Opyt filosofskoj avtobiografii / N. Berdjaev. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. – 336 s.
3. Grojs, B. Russkij avangard po obe storony «Chernogo kvadrata» [Tekst] / B. Grojs // Voprosy filosofii. 1990. – № 11. – S. 65–76.
4. Zedl'majr, H. Iskusstvo i istina [Tekst] / H. Zedl'majr. – M.: Axioma, 1999. – 272 s.

5. Kozlovski P. Mif o moderne [Tekst] / P. Kozlovski. – M. : Respublika, 2002. – 239 s.
6. Makovskij, S. Silujety russkih hudozhnikov [Tekst] / S. Makovskij. – M.: Respublika, 1999. – 383 s.
7. Popper, K. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi. T. 1. [Tekst] / K. Popper. – M. : Feniks; Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaja iniciativa», 1992. – 448 s.
8. Hrenov, N. A. Ot jepohi bessoznatel'nogo mifotvorchestva k jepohe refleksii o mire [Tekst] / N. A. Hrenov // Mif i hudozhestvennoe soznanie HH veka. – M.: Kanon-Pljus, 2011. – S. 11 – 83.
9. Jeizenshtejn, S. Metod. T. 1. Grundproblem [Tekst] / S. Jeizenshtejn. – M. : Muzej kino; Jeizenshtejn-Centr, 2002. – 494 s.
10. Jeizenshtejn, S. Metod. T. 2. [Tekst]: Tajny masterov / S. Jeizenshtejn. – M. : Jeizenshtejn-centr; Muzej kino, 2002. – 688 s.
11. Jetkind, A. Hlyst. Sekty, literatura i revoljucija [Tekst] / A. Jetkind. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. – 644 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алпатов Владимир Михайлович – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института языкознания РАН.

E-mail: V-alpatov@ivran.ru

Ахаркина Яна Эмильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник лингвистической лаборатории по корпусным технологиям факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: yana.akharkina@gmail.com

Баранов Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор по кафедре лингвистической семантики, заведующий отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

E-mail: baranov_anatoly@hotmail.com

Бешенкова Елена Виленовна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

E-mail: evbeshenkova@gmail.com

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: nvbogdanova_2005@mail.ru

Гаврилова Лиана Анатольевна – аспирант кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

E-mail: lion@newmail.ru

Геккина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.

E-mail: gekkina@rambler.ru

Голубева-Монаткина Наталия Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор Высшей школы перевода (факультет) Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

E-mail: golmonat@mail.ru

Горева Анастасия Алексеевна – студентка 1 курса юридического факультета ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы».

E-mail: tanatosi@yandex.ru

Густякова Дарья Юрьевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского,

E-mail: dar_gu@mail.ru

Дементьев Вадим Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Национального исследовательского Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

Добровольский Дмитрий Олегович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

E-mail: dm-dbrv@yandex.ru

Ермолин Евгений Анатольевич – доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

E-mail: ox-eye2@yandex.ru

Жельвис Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных литератур и языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

E-mail: v.zhelvis@gmail.com

Злотникова Татьяна Семеновна – доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, Заслуженный деятель науки РФ.

E-mail: cij_yar@mail.ru

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

Киселева Наталья Витальевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ГОАУ ЯО ИРО.

E-mail: scorti@mail.ru

Кольшева Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры методики обучения филологических дисциплин Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

E-mail: elenakolysheva@yandex.ru

Кустова Галина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

E-mail: galinak03@gmail.com

Летин Вячеслав Александрович – кандидат культурологии, заведующий экспозиционно-выставочным комплексом ГЛММЗ Н. А. Некрасова «Карабиха».

E-mail: liotin@yandex.ru

Летина Наталия Николаевна – доктор культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

E-mail: liotina@yandex.ru

Лученецкая-Бурдина Ирина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

E-mail: lucciano55@yandex.ru

Нечаева Ия Вениаминовна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

E-mail: inechaeva@mail.ru

Петрова Зоя Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

E-mail: zoyp@mail.ru

Северская Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

E-mail: oseverskaya@mail.ru

Селезнева Лариса Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Российского государственного социального университета (г. Москва).

E-mail: loramuz@yandex.ru

Старшова Анна Петровна – кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

E-mail: annstar@mail.ru

Степанов Валентин Николаевич – доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями Международной академии бизнеса и новых технологий (г. Ярославль).

E-mail: vsrhedor2000@mail.ru

Федотова Анна Александровна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

E-mail: gry_anna@mail.ru

Фролова Ольга Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

E-mail: olga_frolova@list.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор ФГБ НИУ «Государственный институт искусствознания»; главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств Сектора зрелищно-развлекательной культуры.

E-mail: nihrenov@mail.ru

Шаховский Виктор Иванович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Заслуженный деятель науки РФ.

E-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Шестакова Лариса Леонидовна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

E-mail: lara.shestakova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alpatov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Linguistics RAS.

E-mail: V-alpatov@ivran.ru

Akhapkina Yana Emilievna – Candidate of Philology, Associate Professor, School of Linguistics, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics”, Senior researcher in Linguistic Laboratory of Corpus Technologies, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics”.

E-mail: yana.akhapkina@gmail.com

Baranov Anatoly Nikolayevich – Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistic Semantics, Head of Experimental Lexicography Department, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: baranov_anatoly@hotmail.com

Beshenkova Elena Vilenovna – Candidate of Philology, Associate Professor, leading researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: evbeshenkova@gmail.com

Bogdanova-Beglaryan Natalia Viktorovna – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, St.-Petersburg State University.

E-mail: nvbogdanova_2005@mail.ru

Gavrilova Liana Anatolievna – post-graduate student, Department of Russian Literature, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl,

E-mail: lion@newmail.ru

Gekkina Elena Nikolayevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Senior researcher, Institute of Linguistic Studies RAS,

E-mail: gekkina@rambler.ru

Golubeva-Monatkina Natalia Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Higher School of Translation (faculty), Lomonosov Moscow State University.

E-mail: golmonat@mail.ru

Goreva Anastasia Alekseevna – first-year student, Law Faculty, Russian Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: tanatosi@yandex.ru

Gustyakova Daria Yurievna – Candidate of Art, Associate Professor, Department of Cultural Studies, Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.

E-mail: dar_gu@mail.ru

Dementyev Vadim Viktorovich – Doctor of Philology, Professor; Department of Theory, History of the Language and Applied Linguistics; Institute of Philology and Journalism, N. Chernyshevsky Saratov National State University.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

Dobrovolsky Dmitry Olegovich – Doctor of Philology, Professor, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,

E-mail: dm-dbrv@yandex.ru

Ermolin Evgeny Anatolievich – Doctor of Education, Candidate of Art, Professor, Head of Journalism Department, Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.

E-mail: ox-eye2@yandex.ru

Zhelvis Vladimir Ilyich – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Literatures and Languages, Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.

E-mail: v.zhelvis@gmail.com

Zlotnikova Tatiana Semenovna – Doctor of Art, Professor, Department of Cultural Studies, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl, Honoured Scientist of Russian Federation.

E-mail: cij_yar@mail.ru

Karasik Vladimir Ilyich – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of English Philology, Volgograd State Pedagogical University.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

Kiseleva Natalia Vitalievna – Candidate of Cultural Science, Associate Professor, Department of Humanities, Yaroslavl Regional Institute for Education Development.

E-mail: scorti@mail.ru

Kolysheva Elena Yurievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Methods of Teaching Philological Sciences, Institute of Humanities, Moscow Pedagogical University.

E-mail: elenakolysheva@yandex.ru

Kustova Galina Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, leading researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: galinak03@gmail.com

Letin Vyacheslav Aleksandrovich – Candidate of Cultural Science, Head of the Exhibition Centre “Karabikha”, N. A. Nekrasov Literary Memorial Museum.

E-mail: liotin@yandex.ru

Letina Natalya Nikolayevna – Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.

E-mail: liotina@yandex.ru

Luchenetskaya-Burdina Irina Yurievna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.

E-mail: lucciano55@yandex.ru

Nechaeva Iya Veniaminovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Senior researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: inechaeva@mail.ru

Petrova Zoya Yurievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Leading researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: zoyap@mail.ru

Severskaya Olga Igorevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Leading researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: oseverskaya@mail.ru

Selezneva Larisa Vasilievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, Russian State Social University (Moscow).

E-mail: loramuz@yandex.ru

Starshova Anna Petrovna – Candidate of Art, Senior Lecturer, Department of Cultural Studies, Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.

E-mail: annstar@mail.ru

Stepanov Valentin Nikolayevich – Doctor of Philology, Professor, Knowledge Management Vice Rector, International Academy of Business and New Technologies (Yaroslavl).

E-mail: vsrhetor2000@mail.ru

Fedotova Anna Aleksandrovna – Candidate of Philology, Lecturer, Department of Russian Literature, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.

E-mail: gry_anna@mail.ru

Frolova Olga Evgenievna – Doctor of Philology, Professor, Head of Laboratory of Phonetics and Speech Communication, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: olga_frolova@list.ru

Khrenov Nikolai Andreevich – Doctor of Philosophy, Professor Federal Research Institution “State Institute of Art Studies”; Chief Research Officer, Department of Mass Media and Arts, Section of Entertaining Culture.

E-mail: nihrenov@mail.ru

Shakhovsky Viktor Ivanovich – Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics, Volgograd State Pedagogical University, Honoured Scientist of Russian Federation.

E-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Shestakova Larisa Leonidovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Leading researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: lara.shestakova@mail.ru

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре.

2. Требования к оформлению:

– 1 страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;

– поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0 см;

– гарнитура Times New Roman; кегль 14; междустрочный интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением.doc.

4. Требования к рукописи:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– Ф. И. О. автора;

– почтовый адрес с индексом;

– контактный телефон;

– e-mail;

– ученая степень и звание;

– должность;

– место работы (указать юридический адрес и индекс).

4.4. Название статьи, аннотация, ключевые слова на русском и английском языках.

4.5. Аннотация статьи – не менее 150 слов.

4.6. Ключевые слова – 12 единиц.

4.7. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (в алфавитном порядке).

5. Библиографические ссылки на использованные источники и примечания указываются в тексте статьи в квадратных скобках (например, [1], или [1, с. 27], или [1, с. 27–48]). Библиографический список и примечания оформляются по ГОСТу 7.1–2003. «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» (пример оформления см. на сайте <http://vestnik.yspu.org/>).

6. Таблицы, схемы, диаграммы должны быть черно-белыми, без цветной заливки, допускается штриховка.

Оформление таблиц и рисунков:

– каждый рисунок должен быть пронумерован и подписан. Подписи не должны быть частью рисунков;

– рисунки обязательно должны быть сгруппированы (то есть не должны «разваливаться» при перемещении и форматировании);

– следует избегать использования рисунков и таблиц, размер которых требует альбомной ориентации страницы;

– надписи и другие обозначения на графиках и рисунках должны быть четкими и легко читаемыми;

– в тексте статьи обязательно должны содержаться ссылки на таблицы, рисунки, графики.

Редакция не улучшает качества рисунков и не проводит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Рисунки, таблицы, схемы должны иметь порядковый номер название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение.

7. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

8. Математические и физические формулы выполняются в редакторе MS Equation.

9. К рукописи, предназначенной для публикации, необходимо приложить следующие материалы:

– Заполненное и подписанное Лицензионное соглашение в двух экземплярах.

– Почтовый конверт с марками для возвращения одного экземпляра лицензионного соглашения автору статьи.

10. Объем статьи не должен превышать 10 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

11. Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из вышеперечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

12. Присланная статья проходит рецензирование, получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии «Верхневолжском филологическом вестнике», после чего передается редактору для включения в номер, содержание которого утверждается на редколлегии.

Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

CONDITIONS FOR THE PUBLISHING ARTICLE IN THE SCIENTIFIC MAGAZINE "VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN" AND REQUIREMENTS TO TYPOGRAPHY OF MANUSCRIPTS

1. The articles are sent to the editorial staff in the electronic and printed versions in 1 copy.

2. Requirements to typography:

– 1 page of A4 format must contain not more than 1900 symbols with spaces;

– margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;

– font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is made in the word-processing software Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements to the manuscript:

4.1. Index UDC.

4.2. The field of science and the code of speciality of the written article.

4.3. Information about the author:

– Last name, name, patronymic name (if it is), mail address with the index, contact phone number, e-mail;

– a scientific degree and status, a post, a job place (indicate a judicial address and index).

4.4 The title of the article, summary, keywords in Russian and in English.

4.5. The summary of the article – not less than 150 words.

4.6. Keywords – 12.

4.7. The text of the article.

4.8. The bibliographic list (in the alphabetical order).

5. Bibliographical references to the used sources and commentaries must be done in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27], the bibliographic list and commentaries must be done due to the GOST 7.1–2003. "Bibliographic Writing. Bibliographic Description. General Requirements and Rules of Composition" in continuous numbering, 14 type size, 1,5 line spacing and are presented after the text of the article.

6. Tables, schemes, diagrams must be black and white, without colour background, cross-hatching can be.

Typography of Tables and Pictures:

– each picture must be numerated and subscribed. Subscriptions must not be a part of the picture;

– pictures must be grouped (i. e. they must not "be ruined" when moving or formatted);

– try not to use pictures and tables which size needs album orientation of the page;

– subscriptions and other symbols in the graphics and pictures must be clear and easy to read;

– the text of the article must have references to the tables and graphics.

The editorial staff does not improve the quality of pictures, does not correct the mistakes done in the pictures. Every picture, table, scheme must have an order number, a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be titled. If there is a mistake in the picture, scheme, table it is the editorial staff's right to delete the picture and text concerning it.

7. Units of measure are given due to the International system of units (SU).

8. Mathematical and physical formulas are done in the software MS Equation.

9. It is necessary to attach to the manuscript which should be published the following materials:

– The completed and signed the author's contract in two copies (its form is in the site <http://vestnik.yvspu.org/>).

– An envelop with stamps in order to return the copy of the author's contract.

10. The amount of the article must not be more than 10 pages of the text in A4 format printed due to the mentioned requirements.

11. If the received materials do not correspond to even one requirement and in case the file is infected with a virus the editorial staff will not regard the article for publication.

12. The received article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of "Verhnevolzhski Philological Bulletin" and than is given to the editor to be included into the issue of the magazine, and its content is approved by the editorial board.

It is the right of the editorial board to send the article to the independent expertise.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Компьютерная верстка К. С. Касимова

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова
Объем 23 п. л., 17,91 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 197. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.07.2015

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108

Отпечатано в типографии: ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44